«ИМПЕРАТОР СПЕЦСЛУЖБ»

Из СМЕРШа в ГРУ

А. ТЕРЕЩЕНКО
А. ВДОВИН

СПЕЦСЛУЖБЫ СТАЛИНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Хотя Главное управление контрразведки «Смерть шпионам!» существовало всего три года, оно стало настоящей «кузницей кадров» для всех советских спецслужб. Через школу легендарного СМЕРШа прошел и герой этой книги П. И. Ивашутин, заслуживший славу гения тайной войны, «Маршала военной разведки» и «Императора ГРУ», одного из лучших «бойцов невидимого фронта» в истории СССР, достойного наследника Берии, Абакумова и Судоплатова. Приняв боевое крещение на Финской войне, он прошел всю Великую Отечественную, чудом выжил в Крымской катастрофе, возглавлял военную контрразведку Юго-Западного фронта, проведя блестящую операцию по ликвидации агентуры абвергруппы-102, после Победы зачищал от бандеровцев Украину, в разгар Карибского кризиса был первым замом Председателя КГБ, а затем, перебравшись с Лубянки на Арбат, возглавил Главное разведывательное управление Генштаба. Именно генерал Ивашутин превратил ГРУ в лучшую военную разведку мира, не имевшую равных ни по охвату агентурной сети, ни по уровню технического оснащения, ни по ценности стратегической информации; именно ему принадлежит честь создания прославленного Спецназа ГРУ.

О полувековой тайной войне и «незримых боях» спецслужб, о самых сложных оперативных играх и совершенно секретных спецоперациях, о превращении «Рыцаря СМЕРШа» в «Маршала ГРУ» рассказывает новая книга от автора бестселлеров «Командир разведгруппы» и «Чистилище СМЕРШа», основанная на материалах из архивов КГБ.

- Анатолий Терещенко, Александр Вдовин
- Предисловие
- Книга первая Рыцарь СМЕРШа
- Слово о защитнике отечества
-
- Войны контрразведчика
-
-
-
-
-
- Рождение СМЕРШа
- СМЕРШ на полях сражений

- Война после войны на Украине

От заместителя до первого зампредседателя КГБ
Книга вторая Маршал военной разведки
С Лубянки на Арбат…

- Структура ГРУ
- В кабинете Ивашутина
-
-
-
-
- Герои и антигерои военной разведки
-
-
-
-
-
-
-
-
- Уши разведки
-
- Глаза разведки
-
- Электронику – в жизнь!
- Спецназ ГРУ
-
-
- Публицист поневоле
-
-
- Адъютант его превосходительства
-
- Первое и последнее интервью
-
-
- На скрижалях памяти
- Эпилог

Анатолий Терещенко, Александр Вдовин
Из СМЕРШа в ГРУ. «Император спецслужб»

Предисловие

Кто такие чекисты, что такое госбезопасность и КГБ с их героями и антигероями, знали и знают в нашей стране многие. А вот интересных публикаций о военной разведке, ее работе во время войны, не говоря уже о периоде «холодной войны», и громоподобной по звучанию аббревиатуре – «ГРУ» практически не встречалось в открытой печати, поэтому всех героев-разведчиков большинство отечественных обывателей записывало в актив ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ и КГБ СССР.

Наши граждане до недавнего времени считали, что деятельность таких разведчиков и агентов, появившихся на книжных и газетно-журнальных страницах, как майор Вихрь – Е. С. Березняк, Рихард Зорге, участники «Красной капеллы», Х. и Л. Шульце-Бойзены, А. и М. Харнаки, Г. Копи, К. Шумахер, А. Кукхоф, К. Беренс, А. Хесслер, А. Гуревич, Ш. Радо, О. Пюнтер, А. Шнеэ, Р. Ресслер, Х. Л. Марлей, М. Арцишевский, А. Адамс, Б. и И. Вукеличи, М. и А. Клаузен, М. Штерн, Л. Маневич, М. и Е. Мукаси, Ж. Креме, А. Лабарт, Ф. Вольф, И. Зимбер, Д. Унер, С. Берлинг, Жан-Луи Жанмер и многие другие относится исключительно к разведке органов госбезопасности, тогда как они работали под непосредственным руководством сотрудников военной разведки и вместе с ними.

Военная разведка – старшая сестра военной контрразведки. Она родилась 5 ноября, а младшая – 19 декабря все того же тревожного для молодой Страны Советов 1918 года.

Несколько коротких слов из истории создания советской военной разведки, ставшей теперь, с 1991 года, российской.

События после революции развивались так быстро, так стремительно, что поиск оптимального решения для создания работоспособного аппарата разведдеятельности в армии к лету 1918 года привел к существованию сразу трех независимых центральных органов военной разведки. Ими были – Военно-статистический отдел Всероссийского главного штаба (Всероглавштаба), разведывательная часть Высшего Военного Совета (ВВС) и разведывательная часть Оперативного отдела (Оперода) Народного комиссариата по военным делам (Наркомвоена). Они не имели общего руководства, отсутствовал и аналитический орган, который бы обобщал получаемую разведывательную информацию.

И вот в июле восемнадцатого года с согласия сотрудников Всероглавштаба и с одобрения Наркомвоена создается межведомственная Комиссия по организации разведывательного

и контрразведывательного дела.

Обстановка требовала оперативности, и уже 5 июля 1918 года эта комиссия принимает два нормативных акта: «Общее положение о разведывательной и контрразведывательной службе» и «Руководящие соображения по ведению агентурной разведки штабами военных округов».

После образования в сентябре 1918 года единого коллективного органа советской высшей военной власти – Революционного Военного Совета Республики (РВСР) в октябре этого же года из бывшего штаба Высшего Военного Совета (ВВС) и Оперативного отдела (Оперода) Народного комиссариата по военным делам создается Штаб РВСР. В его состав вводится Разведывательный отдел, который возглавил Б. М. Шапошников. В Первую мировую войну он был начальником штаба дивизии, корпуса. Некоторое время работал в штабе 12-й армии. В советское время занимал должность замнаркома обороны – начальник Генерального штаба ВС РККА. Маршал Советского Союза.

Вскоре вместо Штаба РВСР учреждается Полевой Штаб РВСР.

14 октября вышел приказ РВСР № 94. В пункте третьем говорилось:

«Руководство всеми органами военного контроля и агентурной разведкой сосредоточить в ведении Полевого штаба РВСР».

1 ноября 1918 года заместитель председателя РВСР Эфраим Склянский, главком Иоаким Вацетис и член РВСР Карл-Юлий Данишевский утвердили штат Полевого Штаба РВСР. Он был доведен до надлежащих учреждений и должностных лиц секретным приказом РВСР № 197/27 от 5 ноября и приказом по Полевому Штабу РВСР № 46 от 8 ноября. Штатная схема его состояла из шести управлений, в том числе и Регистрационного (Региструпра). Именно это управление стало первым центральным органом военной агентурной разведки Красной Армии.

Руководителями военной разведки в разное время были:

Аралов Семен Иванович – (июнь – декабрь 1919 г.);

Гусев Сергей Иванович (Драбкин Яков Давидович) – (июнь – декабрь 1919 г.);

Курский Дмитрий Иванович – (декабрь 1919 – январь 1920 г.);

Пятаков Георгий Леонидович – (январь – февраль 1920 г.);

Ауссем Владимир Христианович – (февраль – октябрь 1920 г.);

Ленцман (Ленцманис) Ян Давыдович – (октябрь 1920 – апрель 1921 г.);

Зейбот Арвид Янович – (январь – май 1924 г.);

Берзин Ян Карлович – (март 1924 – апрель 1935, июль – сентябрь 1937 г.);

Урицкий Семен Петрович – (апрель 1935 – июль 1937 г.);

Гендин Семен Григорьевич – (сентябрь 1937 – ноябрь 1938 г.);

Орлов Александр Григорьевич – (ноябрь 1938 – апрель 1939 г.);

Проскуров Иван Иосифович – (апрель 1939 – июль 1940 г.);

Голиков Филипп Иванович – (июль 1940 – июль 1941 г.);

Панфилов Алексей Павлович – (июль 1941 – февраль 1942 г.);

Ильичев Иван Иванович – (август 1942 – август 1944 г.);

Кузнецов Федор Федотович – (март 1943 – июль 1945 г.);

Трусов Николай Михайлович – (январь 1947 – январь 1949 г.);

Захаров Матвей Васильевич – (январь 1949 – июль 1952 г.);

Шалин Михаил Алексеевич – (июль 1952 – август 1956 г.);

Штеменко Сергей Матвеевич – (август 1956 – сентябрь 1957 г.);

Серов Иван Александрович – (декабрь 1958 – январь 1963 г.);

Ивашутин Петр Иванович – (март 1963 – июль 1987 г.);

Михайлов Владлен Михайлович – (июль 1987 – сентябрь 1991 г.);

Тимохин Евгений Леонидович – (сентябрь 1991 – август 1992 г.);

Ладыгин Федор Иванович – (август 1992 – май 1997 г.);

Корабельников Валентин Владимирович – (май 1997 – июнь 2008 г.);

Шляхтуров Александр Васильевич – (апрель 2009 – декабрь 2011 г.);

Сергун Игорь Дмитриевич – (декабрь 2011 по н/в).

Думается, П. И. Ивашутин в этой плеяде руководителей светится алмазом.

Трагические события репрессий конца тридцатых годов не обошли стороной и военную разведку. С начала своеобразной «охоты на ведьм» в стране только по центральному аппарату военной разведки в Москве было репрессировано более трехсот человек, однако точное число арестованных, уволенных, расстрелянных во всей системе разведки РККА неизвестно.

Пятерых начальников, в разное время руководивших Разведывательным управлением, – Я. К. Берзина, С. П. Урицкого, С. Г. Гендина, А. Г. Орлова, И. И. Проскурова и их заместителей ждала казнь и незаслуженное забвение. Правда, есть к ним и претензии со стороны историков. Ситуация того опустошительного набега на РУ Генштаба была критической. РККА фактически осталась без разведки, – некоторые агентурные

сети почти все были ликвидированы, а большинство опустошено и дестабилизировано. И только в 1939 году волна репрессий пошла на убыль и стали восстанавливаться порушенные звенья, в том числе и агентурные, военной разведки.

Нынешнее Главное разведывательное управление (ГРУ) Генерального штаба ВС РФ является преемником Регистрационного управления по прямой линии. Именно поэтому 5 ноября считается днем рождения советской, а теперь и российской военной разведки.

Военные разведчики – своего рода элита армии – вписали в историю борьбы с противником за существование страны немало героических страниц в годы Гражданской, Великой Отечественной, в Афганистане и «холодной» войны, рассказ о которых читатель найдет в этой книге.

Руководили военной разведкой в разное время, естественно, разные люди. Одни управляли удачно, других сопровождали просчеты, третьи мельком пролетали на этой важной должности, четвертых ждало незаслуженное забвение и даже казнь…

Генерал армии, Герой Советского Союза Петр Иванович Ивашутин останется в памяти потомков патриархом военной разведки.

Он достойно руководил ГРУ Генерального штаба ВС СССР почти четверть века. Именно при Ивашутине ГРУ Генерального штаба ВС СССР обрело ту мощь и ту силу, которыми оно потом обладало долгие годы.

И еще важно отметить, что никакие «реформы» не смогли в отличие от разорванного и растащенного по разным углам мощного и единого органа Госбезопасности – КГБ, поколебать структуру военной разведки. Это тоже заслуга генерала Ивашутина. Он не позволил недалеким людям из чиновничьего отряда развалить ГРУ.

Авторы благодарны судьбе, что им, совместно с коллегами по военной контрразведке, на протяжении многих лет удалось быть рядом с этим человеком, обеспечивая безопасность ГРУ от проникновения вражеской агентуры в его ряды, бороться с проникшими в ГРУ «оборотнями».

Против них мы работали вместе – военные разведчики и контрразведчики, – корчуя нечисть вместе. Это тоже можно поставить в заслугу Петру Ивановичу Ивашутину, понимающему, что такое в разведке вражеский агент и какова в ней роль военной контрразведки.

Уважаемый читатель, авторы пытаются рассмотреть деятельность П. И. Ивашутина с точки зрения требований, а точнее оценки его деятельности через призму современной науки

управления. То, что Ивашутин находится в когорте великих управленцов СССР, не вызывает сомнений.

Выдающиеся качества П. И. Ивашутина как управленца, в современном научном понимании – его умение анализировать информацию (оперативную, военную, политическую, научную), мобилизовывать в нужный момент все управленческие ресурсы на решение сложнейших задач, организовывать работу всей системы ГРУ ГШ, причем в самые тяжелые и критические периоды международной обстановки. Во время провалов ценной агентуры, предательства отдельных сотрудников ГРУ ГШ, при смене высшего партийного руководства страны и т. п.

Анализируя управленческое мастерство Ивашутина П. И., мы констатируем, что должность начальника ГРУ ГШ особая. Набор знаний и умений, которыми должен обладать начальник ГРУ, не существует и вряд ли определен каким-либо документом. На эту роль назначается человек, в наибольшей степени способный, по мнению руководства страны, решать задачи и проблемы, стоящие перед системой ГРУ и ВС СССР.

Надо учитывать, что чем ближе к вершинам власти, тем острее и жестче борьба за власть, здесь друзья и товарищи не помогут, здесь нужны лидерские, бойцовские качества и черты характера. Умение побеждать в борьбе без правил, требующей наивысшего напряжения ума, интуиции, воли, инициативы, и многое другое. Законы лидерства таковы, что требуют умения принимать и реализовывать нестандартные решения как в стандартных, так и в нестандартных ситуациях.

Начальнику ГРУ ГШ приходится работать с гигантскими массивами информации. Как организовать работу с ней? Возможны два пути. Первое – вникать во все самому, докапываться до деталей, тонкостей, мелочей. А где взять время? Другой путь – окружить себя профессиональными помощниками, обладающими профессиональными знаниями и умением работать с информацией и хорошо владеющими оперативной обстановкой. С полной уверенностью можно сказать, Ивашутин П. И. пошел по второму пути.

Среди рассматриваемых в книге ситуаций ни одной придуманной. Все взяты из реальной жизни П. И. Ивашутина. Думается, живые воспоминания об этой скромной и героической личности будут интересными для современного читателя и последующих поколений.

Книга первая Рыцарь СМЕРШа

Слово о защитнике отечества

Принижать заслуги ГУКР СМЕРШ несерьезно, думаю, что этого не позволит себе ни один контрразведчик военного времени. ГУКР СМЕРШ сыграло огромную роль в войне. Армия без контрразведки беззащитна…

П. И. Ивашутин

Петр Иванович Ивашутин (настоящая фамилия Ивашутич – подробности ниже) не из тех генералов, о которых когда-то говорил Вольтер – генерал, одержавший победу, в глазах публики не совершал вовсе ошибок, так же как разбитый генерал всегда неправ, как бы ни был умен его образ действия.

Талантливый человек талантлив во всем. Главный признак таланта – это когда человек знает, чего он хочет, это дар, над которым властвует человек, и умение попадать в цели, в которые обычные люди попасть не могут.

Наш герой вовсе не из публичных генералов из-за специфичной профессии, а поэтому победы и поражения подобных лиц десятками лет хранятся под замками великих тайн. Однако со всей очевидностью можно сказать, что удержаться почти четверть века на должности руководителя военной разведки мог только такой человек, каким был Петр Иванович Ивашутин, у которого, наверное, было больше побед, чем поражений.

Понятно, что разведкой и контрразведкой в белых перчатках не занимаются, многие вещи и события, связанные с этой сферой деятельности, находятся просто за гранью добра и зла. В разведке даже бывают эпизоды, не укладывающиеся не только в рамки морали и нравственности, но даже не соответствующие знаменитой иезуитской формулировке «цель оправдывает средства».

П. И. Ивашутин, наверное, единственный человек, который ратным трудом, поведением и самой жизнью как в органах госбезопасности, так и в военной разведке завоевал почет и славу. Многим подчиненным на него хотелось равняться.

Что же подвигло авторов взять авторучку? Прежде всего, мысль о том, что со временем улетучиваются всякие воспоминания, память изнашивается с годами и то, что они знали

о своем герое, может никто никогда не узнать.

Родился он 18 (по ст. ст. 5) сентября 1909 года в Брест-Литовске (сегодня Брест) в Белоруссии. По национальности белорус. Настоящая фамилия – Ивашутич. Отец был железнодорожником – машинистом паровоза, мать учительствовала в школе. В 1926 году Петр Иванович окончил профтехшколу (техникум) в городе Городня Черниговской области, где впервые столкнулся с рабочей профессией.

Работа слесаря-путейца в Городне была тяжелой, – приходилось иметь дело с рельсами и шпалами, с кайлом и костылями, с жарой и холодом. Часто под проливным дождем или в лютый мороз нужно было быстро заменить рельс, не останавливая график движения. Тут нужны и сила, и сноровка. О питании, тем более калорийном, можно было только мечтать. Молодой организм требовал подпитки, так как приходилось работать в любую погоду на свежем воздухе, физически уставать и нехитрым рационом восстанавливать потерянные калории за рабочий день.

Однажды, во время срочной замены рельса, на одном из железнодорожных перегонов над головами рабочих пронесся двукрылый аэроплан – биплан. Самолет почему-то летел очень низко, и во время заложенного крутого виража можно было разглядеть даже голову пилота в кожаном шлемофоне.

– Петя, летчик, видишь летчика! – закричал один из рабочих.

– Вижу, вижу, Коля, – с грустью ответил Ивашутич, позавидовав белой завистью человеку под поблескивающим на солнце плексигласовым лобовым козырьком. И ему тогда самому очень захотелось в небо. Он представил себя в кабине летательного аппарата. Мысль оказалась на долгое время цепкой, приставучей, клейкой, но, как говорится, не во власти человека то, что приходит ему в голову. И все же эти мысли для юноши оказались крыльями души, потому что они исходили из глубины – от горячего сердца. Он стал больным, стал бредить небесами. Рисовал самолеты разных типов, но первым нарисованным был, конечно же, «кукурузник», который он увидел впервые. Рисовал где только мог, – в тетрадях, блокнотах, газетах. В то же время он понимал, что небесами называется место, которого многие люди стараются избегать. А его с каждым днем все больше и больше тянуло в просторы воздушного океана, чтобы нарушить хотя бы на время полета закон гравитации. Потом он познакомится и с понятием левитации – в магии и среди христианских святых полет человеческого тела, без каких бы то ни было приспособлений и механизмов, преодолевшего силу земного притяжения. Скоро он поймет, что без «пламенного

мотора» и «стальных крыльев», покрытых перкалью или дюралью, человек не сможет оторваться от земли и парить в небе.

Скоро из Городни семья переехала в город Сновск той же Черниговской области. Юноша с детства любил технику, очевидная прививка отца, паровозного механика – так тогда называли машинистов паровозов. Хотелось учиться дальше, но в Сновске, где жила теперь семья и работал отец, преподавание велось исключительно на украинском языке. Отец, со слов Петра Ивановича, выписывал тогда две самые «правильные», самые «интересные», как он считал, газеты: «Правду» и «Гудок».

Однажды в железнодорожной газете родитель прочел, что в Иваново-Вознесенске сложился хороший коллектив в паровозном депо и им требуются опытные машинисты паровоза со стажем вождения товарных поездов. Переговорил с кадровиками, созвонился с будущим начальством, и вопрос был быстро «по-человечески» улажен.

Вскоре семья переехала в город Иваново-Вознесенск (Иваново). Там Ивашутич поступил на вечерний рабфак и одновременно подал заявление на биржу труда. Пригласили на беседу, – стали предлагать разные работы. Но ему они не нравились, а на предложение работы в качестве слесаря второго разряда на машиностроительном заводе № 1 «Сантехстрой» все-таки дал согласие. Там и произошло неожиданное изменение фамилии. Дело в том, что временный пропуск выдали на имя Ивашутин. Постоянный – тоже на эту фамилию. Произошла ошибка по вине секретаря. Менять документы не захотел. Пришел домой и заявил отцу:

– Батя, а теперь я не Ивашутич, а Ивашутин.

– ???

– Посмотри на документы, – сын протянул доказательства.

Отец сначала воспринял эту новость о неожиданном изменении фамилии с недовольством, а потом махнул рукой, мол, делай, что хочешь, ты уже взрослый.

Так Ивашутич стал Ивашутиным.

В армию призвали юношу уже под фамилией Ивашутина – в 1931 году… В РККА пошел с удовольствием – знал, там его научат чему-то новому, вольют силу в мускулы, да и с девчатами можно будет свободно общаться. В то время на не служивых, белобилетчиков девушки смотрели, как на больных, и сторонились их, как прокаженных. Это сегодня все перевернуто с ног на голову. Деловых парней, откосивших от армии, девушки считают счастливцами и, наверно, денежными. Они прекрасно понимают, что только *деньги* могут положительно решить этот вопрос. А армия снова становится рабоче-крестьянская. В нее не

идут, в армию «эрэфии» парней забирают, отлавливают, рекрутируют. В годы молодости Ивашутина этого нравственного уродства не существовало.

В воинской казарме его потянуло в небо еще сильней. Наверное, вспомнился «кукурузник», который пролетел так низко, что крыльями «задел» его сердце.

И вот, наконец, сбывается его мечта, – он курсант летного учебного заведения.

В 1933 году Петр Ивашутин успешно оканчивает Сталинградскую военную авиационную школу летчиков. Специализировался на тяжелых самолетах. Летное дело начал с 455-й авиационной бригады Московского военного округа. Службу проходил в 23-й эскадрилье тяжелых бомбардировщиков. Там он от одного из своих учителей узнал истину – небеса означают уединение с Богом, но для того, чтобы чувствовать за штурвалом себя спокойно, надо много работать. И еще воздушный ас – гуру – говорил, что если вы твердите, что трудитесь больше, чем все, значит, вы такой, как все. Эти золотые слова, ставшие его жизненным кредо, он помнил всегда, на каких постах и должностях ни находился.

Летал смело и расчетливо, не потому ли скоро становится кумиром своих товарищей, являясь в течение трех лет, а точнее, с 1933 по 1936 год, летчиком-инструктором 107-й авиабригады Московского военного округа. Рано повзрослел в своей новой профессии.

Будучи летчиком-инструктором, освоил много типов бомбардировщиков, особенно нравились молодому пилоту машины ТБ-1 и ТБ-2. Вскоре Петр Иванович становится командиром тяжелого четырехмоторного бомбардировщика ТБ-3. А спустя несколько месяцев – он уже освобожденный инструктор по летной подготовке. Рос профессионально быстро, потому что любил свое дело, считая, что человек должен быть частью решения, а не частью проблемы.

Однажды, это случилось в 1936 году, во время полета по маршруту Москва – Серпухов отказал один из двигателей. Из кабины пилота было видно, как беспомощны лопасти пропеллера. Жизнь всех семерых членов экипажа зависела от мастерства, выдержки и расчета своего командира-летчика Ивашутина. И он не подвел товарищей, ставших заложниками чрезвычайного положения, могущего привести к катастрофе. Несмотря на явно нестандартную, а правильнее, аварийную ситуацию, капитан ВВС хладнокровно посадил на полевой аэродром плохо слушающуюся пилота машину. Удар пришелся на киль, он выдержал и не позволил перевернуться машине. Таким образом, летчик спас и

самолет, и экипаж. Вот уж действительно, мир принадлежит энтузиастам, которые в критических ситуациях способны сохранять спокойствие. Цена свободы, удачи, спасения, – вечная бдительность. Скоро слово «бдительность» он будет употреблять в несколько другой интерпретации.

Когда через много лет Ивашутин возглавит ГРУ, корпуса которого стоят на окраине бывшего Центрального аэродрома, с которого он не однажды взлетал и чуть было не погиб, генерал скажет:

– Вот концы военной службы и согнулись, сомкнувшись в кольцо, – здесь я начал службу, тут, по всей вероятности, закончу. Другого пути не вижу. Это мое кольцо жизни в службе!

Что ж, пророчества были верными, и они сбылись!

Командование способному летчику, зная его собственные желания самосовершенствоваться, постигать новые высоты избранной профессии, предложило учиться дальше, – он становится слушателем Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского. Занятия проходили в аудиториях, на заводах, НИИ, полигонах и аэродромах. В стенах академии он находился всего лишь два года, с 1937-го по 1939 год.

В этот период Ивашутин ознакомился с открытыми материалами, публикуемыми в печати, об антиправительственном заговоре.

11 июня 1937 года дело по обвинению «военной оппозиции» – Маршала Советского Союза Тухачевского, командармов 1-го ранга Уборевича и Якира, командарма 2-го ранга Корка, комкоров Фельдмана, Эйдемана, Примакова, Путны и других рассматривалось в суде. Их обвинили в шпионаже, измене Родине и подготовке террористических актов. Дело рассматривалось без участия защитников и без права обжаловать.

За десять дней до суда над Тухачевским и его подельниками 2 июня 1937 года на расширенном заседании Военного совета выступил Сталин с информацией, полученной им от следственной группы. В частности, он сказал:

«Если бы вы прочитали план, как они хотели захватить Кремль…

Начали с малого, с идеологической группки, а потом шли дальше. Вели разговоры такие: вот, ребята, дело какое. ГПУ у нас в руках, Ягода в руках… Кремль у нас в руках, так как Петерсон с нами. Московский округ, Корк и Горбачев тоже с нами. Все у нас. Либо сейчас выдвинуться, либо завтра, когда придем к власти, остаться на бобах. И многие слабые, нестойкие люди думали, что это дело реальное. Черт побери, оно будто бы даже выгодно. Этак прозеваешь, за это время арестуют правительство, захватят

московский гарнизон и всякая такая штука – и ты окажешься на мели».

Если говорить о взаимоотношениях Сталина и Тухачевского, то достаточно вспомнить один эпизод, случившийся в 1925 году на квартире у старшего брата Куйбышева. Там на посиделки собрались Фрунзе, Тухачевский и еще несколько человек. Вскоре к ним присоединился и Сталин. Вечером зашел Тухачевский, которому тогда было 32 года, задал тон общей беседе. Он напирал на то, что сотрудничество с немцами не только нежелательное, но даже опасное.

Сталин, решивший поддержать разговор, спросил: «А что плохого, что немцы к нам ездят? Ведь наши люди тоже ездят в Германию».

На что Тухачевский холодно бросил:

– Вы человек сугубо штатский. Вам это понять трудно.

Куйбышев стушевался от такой наглости и попытался перевести разговор в другую плоскость.

Всем бросилось в глаза, что вчерашний юнкер Александровского училища, мягко говоря, повел себя некорректно и невоспитанно. Ведь Сталин был старше его и являлся государственным чиновником высокого ранга.

С годами П. И. Ивашутин, знакомясь с более подробными материалами этого процесса, понял, что Сталин во взаимоотношениях с Тухачевским был явно не злопамятным человеком, если, несмотря на подвохи со стороны Михаила Николаевича в 1920-м и 1925 годах, позволил ему дорасти до звания Маршала Советского Союза.

Пройдет время, и Петр Иванович удивится высказыванию военачальника в работе 1932 года «Новые вопросы войны»:

«В войне империалистов против СССР рабочие капиталистических стран… будут вступать в ряды нашей Красной Армии в целях поддержать и обеспечить ее победу над собственной буржуазией, как и над буржуазией всего мира…

Задача России сейчас должна заключаться в том, чтобы ликвидировать все: отжившее искусство, устаревшие идеи, всю эту старую культуру…

При помощи марксистских формул можно поднять весь мир! С красным знаменем, а не крестом мы пойдем в Византию. Мы выметем прах европейской цивилизации, запорошившей Россию. Мы вытряхнем ее, как пыльный коврик. А потом встряхнем весь мир!»

Хотели, но не встряхнули – силенок не хватило…

А потом П. И. Ивашутин познакомится с высказываниями отдельных исторических личностей по поводу «красного

Бонапарта».

Философ Иван Ильин:

«Тухачевский очень честолюбив, фаталистичен, молчалив, кажется, не умен. Может стать центром заговора, но вряд ли справится!»

Князь Касаткин-Ростовский:

«Тухачевский… человек бесконечно самовлюбленный, не считающийся ни с чем, чтобы только дойти до своей цели, достигнуть славы и власти, не считаясь с тем, через чьи трупы она его проведет, не заботясь ни о ком кроме себя. Типичный авантюрист».

Отзыв сослуживцев:

«Умный, энергичный, твердый, но подлый до последней степени. Ничего святого, кроме своей непосредственной выгоды. Какими средствами достигается эта выгода – безразлично… Ни во что не верит, ему не дорого то, что нам дорого».

Отзыв полковника рейхсвера фон Миттельбергера:

«Тухачевский является коммунистом исключительно по соображениям карьеры. Он может переходить с одной стороны на другую, если это будет отвечать его интересам. В руководстве СССР отдают себе отчет о том, что у него хватит мужества, способности и решительности рискнуть и разорвать с коммунизмом, если в перспективе последующих событий ему это покажется целесообразным».

Отзыв полковника рейхсвера Мельчински:

«Чрезвычайно тщеславный и высокомерный позер, человек, на которого ни в коем случае нельзя было положиться».

А вот интересная информация о Тухачевском, взятая из мемуаров В. Шелленберга, одного из руководителей спецслужб фашистской Германии.

Гейдрих получил от проживающего в Париже белогвардейского офицера генерала Скоблина сообщение о том, что советский генерал Тухачевский во взаимодействии с германским генштабом планирует свержение Сталина. Правда, Скоблин подтвердить документально не смог эту информацию. Однако Гейдрих усмотрел в ней признаки весьма ценные, которые могли заинтересовать Гитлера. Так и получилось, несмотря на подозрения о двурушничестве Скоблина, т. к. его жена Надежда Плевицкая была агентом внешней разведки СССР. Гейдрих, используя свои возможности, конспиративно ознакомился с материалами Абвера по Тухачевскому, обнаружил действительно подтверждающие планы Тухачевского по ликвидации Сталина, после чего эти материалы доложил Гитлеру, который посоветовал усилить отдельные моменты и потом передать Сталину.

Через посредника материалы были доложены Сталину, который поинтересовался, сколько они стоят. Германская сторона, не моргнув глазом, ответила – три миллиона марок, половина золотом. Сделка состоялась.

Тухачевский на первом допросе дал показания на 98 человек. Но это не помогло, он и его сообщники были расстреляны.

Спустя некоторое время германские спецслужбы понесли потери в виде арестов нескольких ценных агентов. Проанализировав факты арестов, Шелленберг пришел к выводу, что причиной явились те самые деньги, которые были получены за Тухачевского.

Но вернемся к Ивашутину.

А потом, как для немногих образованных с широким общекультурным кругозором и без вредных привычек, последовало сначала негласное изучение кандидата, а затем, после второго курса, прямое предложение сотрудника госбезопасности перейти на работу в органы. Это было не только большим доверием уже достаточно зрелому авиатору, но и стало новой романтической привлекательностью с перспективами интересной, захватывающей борьбы против вражеской агентуры и прочих негласных врагов Отечества, о чем широко писалось в те годы в книгах, журналах и газетах.

Созревание, становление Петра Ивановича как человека, как личности проходит, когда СССР начинает восстанавливать народное хозяйство. ВКП(б) у власти, она в почете, у нее есть конкретная программа, хорошие лозунги, понятные и одобряемые народом. В стране экономический подъем, народ нацелен на трудовые подвиги, появились Герои труда, стахановцы, челюскинцы, чкаловцы. Каждый трудовой подвиг рекламируется и одобряется трудовыми массами. Идет широкая культурная революция, беспощадная борьба с безграмотностью и беспризорностью. Строятся сотни городов, заводов, фабрик, колхозов, совхозов, водных каналов, железных дорог. Масса комсомольских строек, молодые люди могут себя проявить в науке, труде, во всех областях жизни.

Стремились все, – открыть, изобрести,
Найти, создать… Царила в эти годы
Надежда – вскрыть все таинства природы.

Такую оценку того времени дал поэт Брюсов В. Я.

Как активный строитель социализма Петр Иванович в 1930

году вступает в партию. Будучи инициативным и принципиальным, энергично вошел в жизнь эскадрильи, проводя партийную линию.

Оперативная обстановка в стране в 1930-е годы была интересна своей динамичностью.

16-й съезд партии: лозунг «Пятилетку – в четыре года!», разгром «правой оппозиции», процесс над учеными-бактериологами, работниками пищевой индустрии, обвиненными во вредительстве. В этот период были ликвидированы «Трудовая крестьянская партия», «Промпартия», «Контрреволюционный монархический заговор», «Союз освобождения Белоруссии».

Получен первый отечественный алюминий.

Введена новая налоговая система. Ликвидирована безработица. Произошел переход на 5-дневную рабочую неделю.

Введены государственные награды: орден Ленина и Красной Звезды.

Всеобщее обязательное начальное образование (бесплатное): число учащихся увеличилось до 21,4 млн человек. В Москве открыты 16 высших учебных заведений.

В армии появился новый самолет-разведчик Р-5 (Н. Н. Поликарпов), создаются моторизованные соединения и формирование воздушно-десантных войск, проведены первые крупные маневры.

Надо заметить, что в понятие «укрепление армии» входила и ее чистка, так, в 1935 г. было уволено 6198 человек, или 4,9 % к списочной численности. В 1936 г. уволено 5677 чел., 4,2 % к списочной численности. В 1937-м уволено 18 658 чел., или 13,1 % к списочной численности, из них политсостава 2194 чел.

В 1938 г. уволено 16 362 чел., или 9,2 % к списочной численности, из них политсостава 3282 чел. Такое масштабное увольнение не носило огульного характера. В нем принимали активное участие партийные активисты, партийные ячейки. Увольнению подлежали: арестованные, уволенные из ВКП (б), уволенные по политико-моральным причинам (пьяницы, морально разложившиеся, расхитители народного достояния), уволенные по директиве НКО от 24.6.38 г. (поляки, немцы, латыши, литовцы, финны, эстонцы, корейцы и другие уроженцы заграницы и связанные с ней).

Партийными комиссиями в 1939 г. было рассмотрено около 30 тыс. жалоб, ходатайств и заявлений, в рассмотрении которых принимал участие и Ивашутин П. И. – в результате восстановлено 11 178 чел.

Петр Иванович как член партии с девятилетним стажем дал принципиальное согласие попробовать себя в контрразведке. В то

время не принято было отказываться от предложений такого грозного органа, каким являлось чекистское ведомство. Госбезопасность тогда была не столько щитом для граждан, сколько карающим мечом для шпионов и врагов народа. Это потом, спустя годы, он станет разбираться в кровавых делах Ягоды, Ежова и Берии, которые вершились в ходе массовых репрессий, обнаружив немало мнимых недоброжелателей страны среди них. Не все «враги народа» оказались действительно врагами народа.

Следует заметить, и это важно для особистов, из оперсостава Ивашутин П. И., минуя должность оперработника, сразу же назначается начальником особого отдела корпуса. Известно, что партия в целях укрепления органов посылала своих функционеров на руководящие посты. Сотрудники со стажем неодобрительно оценивали такие шаги партии. Здесь можно уверенно предположить, что период сотрудничества с органами был у Петра Ивановича активным и плодотворным.

Исполняя обязанности начальника особого отдела корпуса, Петр Иванович познает методы деятельности особых отделов, сильные и слабые стороны работы особистов и в целом органов безопасности. Надо думать, он не наблюдатель, а активный участник. У нас нет данных о нарушениях им соцзаконности, но то, что он был в гуще тех событий, сомнений не вызывает.

Ивашутин П. И. видит отдельные репрессии со стороны партии и органов безопасности, но он и распознает в отдельных исполнителях проходимцев, честолюбцев, очковтирателей, карьеристов и т. п. С другой стороны, любое сомнение по поводу законности и справедливости репрессий, выраженное сотрудниками органов безопасности, влекло объявление их «врагами народа и иностранными шпионами, которые действуют по заданию спецслужб и контрреволюционных организаций и стремятся саботировать развертывание борьбы против классовых врагов».

Следует отметить, что время прихода Ивашутина П. И. в органы совпало с уходом из жизни и органов госбезопасности руководителей высокообразованных, со знанием нескольких иностранных языков, участников революции, классных организаторов, интеллектуалов (Дзержинский, Менжинский, Артузов и др.). Им на смену пришли руководители с ЦПШ, заземленные, преступные исполнителей чужой воли (Ягода, Ежов, Берия, Кобулов, Меркулов и др.).

Кадровый состав органов НКВД периодически обновлялся людьми, призванными по партнабору, не знающими обстановки и характера работы, но твердо уверенными в необходимости борьбы

с классовыми врагами.

Полагаем, что Петр Иванович видел и делал конкретные выводы, – попадают в поле зрения органов не только подозреваемые в преступной или подрывной деятельности, но и честные люди: болтуны, любители анекдотов, насмешники, любители выпить и прочие, кто улучшает статистику отчетности.

В органах шла активная работа по пересмотру многих уголовных дел незаконно арестованных советских граждан и осужденных в качестве «врагов народа». Этот процесс тоже подтолкнул Ивашутина дать согласие стать в ряды сотрудников контрразведки и таким образом глубже разобраться в происходивших процессах. Он понимал, что несправедливость коснулась не всех. Многие были арестованы и осуждены справедливо, – вражеские разведчики, воинствующие троцкисты, убийцы, грабители, разбойники, воры, мздоимцы и тому подобный элемент.

Делая первые самостоятельные шаги в органах, он понял, что ему придется многому учиться, что чекистская практика совсем не ремесло, а искусство, требующее широкодиапазонных знаний. И еще он помнил давний и мудрый завет отца – пока человек учится, он не стареет. Этому завету он обязан своим профессиональным ростом.

Его послужной список велик и вполне объясним с точки зрения грамотного, умного, авторитетного работника, достойно оцененного вышестоящим руководством.

В органах государственной безопасности он прошел большой оперативный путь. Вехи этой нелегкой служебной дороги были таковы:

– начальник особого отдела НКВД 23-го стрелкового корпуса;

– начальник особого отдела корпуса НКВД БВО 01.1939 – 05.1941 г.;

– заместитель начальника 3-го отдела ОО НКВД Закавказского ВО 05.1941 – 10.1941 г.;

– заместитель начальника особых отделов НКВД Крымского фронта 28.01.42–19.05.42 г.;

– заместитель начальника особых отделов НКВД Северо-Кавказского фронта 20.05.42–03.09.42 г.;

– заместитель начальника особых отделов НКВД Черноморской группы войск 03.09.42–12.42 г.;

– начальник особых отделов НКВД 47-й армии 01.43–29.04.43 г.;

– начальник УКР СМЕРШ Юго-Западного фронта – 29.04.43–17.11.43 г.;

– начальник УКР СМЕРШ 3-го Украинского фронта 17.11.43–

27.06.45 г.;

– начальник УКР СМЕРШ – УКР МГБ ЮГВ 27.06.45–10.11.47 г.;

– начальник УКР МГБ ГСОВГ 10.11.47–18.11.49 г.;

– начальник УКР МГБ ЛВО 18.11.49–25.12.51 г.;

– заместитель начальника 3-го гл. управления МГБ СССР 25.12.51–06.09.52 г.;

– министр госбезопасности УССР 06.09.52–16.03.53 г.;

– заместитель министра внутренних дел УССР 19.03.53–11.06.53 г.;

– заместитель начальника 3-го управления МВД (военная контрразведка) 27.07.53–17.03.54 г.;

– начальник 5-го управления КГБ при СМ СССР (контрразведывательное обеспечение особо важных государственных объектов – экономическая контрразведка) – 17.03.54–07.06.54 г.;

– первый заместитель председателя КГБ при СМ СССР – 24.01.56–14.03.63 г.

В этот период он, как заместитель председателя КГБ и куратор военной контрразведки, принял деятельное участие в создании при структуре центрального аппарата военной контрразведки отдела, занимающегося закордонной разведкой:

– с 5 по 13 ноября 1961 года исполнял обязанности председателя КГБ при СМ СССР (председатель А. Н. Шелепин, официально освобожденный от должности Указом Президиума Верховного Совета СССР 13 ноября, с 31 октября фактически в КГБ не работал),

– в 1962 году руководил следственной группой, направленной Президиумом ЦК КПСС в Новочеркасск,

– в марте 1963 года Ивашутин был назначен начальником ГРУ Генштаба ВС СССР после того, как его бывшего шефа в КГБ генерала армии И. А. Серова, ставшего в декабре 1958 года у руля советской военной разведки, сняли с должности. Его понизили в воинском звании до генерал-майора и лишили всех наград, в том числе Золотой Звезды Героя Советского Союза, инкриминировав ему измену Родине полковника ГРУ Олега Пеньковского, который по собственной инициативе стал агентом британской СИС и американского ЦРУ. Выяснилось тогда в ходе следствия, что Серов помог Пеньковскому вторично устроиться на службу в военную разведку. Более того, жена и дочь Серова при их посещении Лондона были под опекой Пеньковского и пользовались его услугами,

– с февраля 1987 года состоял в группе генеральных инспекторов МО СССР,

– в мае 1992 года в возрасте 82 лет уволен в отставку по болезни,

– скончался 4 июня 2002 года в Москве. Похоронен генерал армии на Троекуровском кладбище.

Родина высоко оценила его вклад в дело обеспечения безопасности государства и разведывательной деятельности для обеспечения обороны страны. Он был награжден:

– тремя орденами Ленина (13.09.1944, 21.02.1978 и 21.02.1985 г.);

– орденом Октябрьской Революции (21.02.1974 г.);

– пятью орденами Красного Знамени (19.03.1944, 23.05.1952, 21.02.1964, 31.10.1967, 28.04.1980 г.);

– орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени (28.04.1945 г.);

– двумя орденами Кутузова 2-й степени (29.06.1945, 4.11.1981 г.);

– двумя орденами Отечественной войны 1-й степени (26.10.1943, 11.03.1985 г.);

– орденом Трудового Красного Знамени (7.10.1959 г.);

– тремя орденами Красной Звезды (7.04.1940, 17.04.1943, 6.11.1946 г.);

– отечественными медалями и иностранными наградами Польши, ГДР, Венгрии, Болгарии, ЧССР, МНР, Республики Куба;

– орден «За заслуги перед Народом и Отечеством» 3-й степени, 1999 г.

За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, и успешную деятельность по укреплению Вооруженных сил СССР в послевоенный период генералу армии Ивашутину Петру Ивановичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1985 года было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 11525).

Интересна и его служебная лестница в получении офицерских званий:

– старший лейтенант;

– капитан госбезопасности – 04.02.1939 г.,

– майор госбезопасности – 16.04.1942 г.,

– полковник госбезопасности – 14.02.1943 г.,

– генерал-майор – 26.05.1943 г.,

– генерал-лейтенант – 25.09.1944 г.,

– генерал-полковник – 18.02.1963 г.,

– генерал армии – 23.02.1971 г.

Как обратил внимание пытливый читатель, в 1943 году Петр Иванович получил два звания, причем минуя звание

подполковника, это говорит о том, что в «Битве за Кавказ» он имел весьма хорошие показатели.

Природа щедро наградила его аналитическим умом, рассудительностью, наблюдательностью, энергией, большой работоспособностью, железной нервной системой и психологической устойчивостью.

Ему понадобилось очень мало времени, чтобы понять – в руководящей среде, в обстановке жестокой классовой и политической борьбы выживает не сильнейший, а идейно убежденный и приспособившийся профессионал. Поэтому он постоянно совершенствовал, с одной стороны, свой профессиональный уровень, вырабатывал выдержку, аккуратность, настойчивость, осторожность. Целеустремленно шел к результату, не отвлекаясь на употребление спиртных напитков, пересуды, сплетни и прочее. Все, что мешало службе, работе, все им отвергалось.

С другой стороны, взаимоотношения с сослуживцами только служебные, деловые. Разговоры о женщинах, о политических интригах, анекдоты и т. п. им не воспринимались. История не оставила нам имена его друзей – все товарищи, все приятели, все сослуживцы, и не ближе. Работа и семья. И в то же время он чутко отслеживает политику партии, отдельные зигзаги в этой политике, но всегда идет в ногу с линией партии, на всех этапах. Он идет за вождем убежденным коммунистом. В этом он похож на Анастаса Ивановича Микояна – «колебался? Да, колебался, но вместе с партией». И мы не вправе его осуждать, ибо это житейская мудрость приспособившегося к жизни в труднейшее время для страны и народа. Он не приспособленец, он профессионал и политик.

Во время войны он видит цену жизни отдельно взятого солдата, офицера, генерала и даже маршалов. Он даже понимает, что Мехлис совершает преступления. Первое знакомство с ним произошло во время Советско-финляндской войны, и потом судьба будет сводить их по дорогам баталий. Он принимает, возможно, единственно правильное решение выжидать. Это качество, это свойство характера потом часто будет выручать его, сохранять жизнь и рост по служебе. Да, это расчет, но в то же время это и оптимизм, это вера в мудрость времени. Его никогда не покидают благоразумие и трезвость мысли.

Во время войны Ивашутин четко уяснил – высокая нравственность является хранителем от всяких бед. Возможностей и соблазнов много, особенно на территории противника, но «чистые руки, холодная голова и горячее сердце» для него были не лозунгом и не пустыми словами.

Проницательность и умение выжидать, а затем уже выводить умозаключения и принимать правильные решения. Эти качества позволяли правильно строить отношения с сослуживцами, с генералитетом в армии и представителями партийного руководства. Послевоенный период очень сложный в жизни страны, – борьба с разрухой, восстановление народного хозяйства, борьба с бандитизмом. Партия и руководство органов госбезопасности направляют его на самый тяжелый участок – на Украину для борьбы с националистическим подпольем. Судьба дала возможность там работать и с И. А. Серовым, и с будущим генсеком партии Н. С. Хрущевым. Здесь не просто работа, здесь личное общение на совещаниях, собраниях, митингах, на отдыхе, приемах и т. п.

Надо полагать, Петр Иванович был не просто хороший собеседник, сведущий в вопросах внутренней и внешней политики, он был тем человеком, от которого Никита Сергеевич заряжался уверенностью, дополнительной информацией, решительностью. Интересную позицию занял Ивашутин П. И. при сокращении Вооруженных сил СССР на 2 140 000 человек. Такое количество людей в армии было уже обузой для государства, и сокращение являлось закономерным и своевременным. Но его нужно было подготовить, найти место уволенным под солнцем Родины, а этого как раз и не сделали. Он по указанию Серова И. А. подготовил в Политбюро ЦК КПСС аналитическую справку недовольных сокращением офицеров (100 человек). Исполнитель не сделал в документе выводов, предложений, не высказал мнения руководства КГБ или своего мнения, а мог бы, учитывая отношения с Серовым И. А. и Хрущевым Н. С., – нет, не высказал. А ведь тысячи особистов были уволены без пенсии, без жилья, без профессий вместе с миллионами военнослужащих.

Но вернемся к событию 1963 года – смене первым заместителем председателя Комитета госбезопасности генерал-лейтенантом Ивашутиным привычной работы в чекистских органах. Именно с этого высокого поста в ГБ он переводится на должность руководителя ГРУ Генштаба ВС СССР.

Хочется заметить, первый заместитель председателя КГБ, проведший всю войну на фронтах, и всего лишь генерал-лейтенант. Это ли не признак холодного отношения к органам госбезопасности со стороны Хрущева, который хотя и уважал немногословного первого зампреда, но не давал роста в воинских званиях. Это потом, при правлениях Брежнева, Горбачева и Ельцина своим выдвиженцам венценосцы давали более высокие звания, заместители становились генералами армии.

Надо сказать, что пришедший с Лубянки руководитель

довольно быстро адаптировался, войдя в курс дел Главного разведывательного управления, – времени на раскачку не оставалось. Как известно, когда П. И. Ивашутин пришел в ГРУ, то привел с собою «большую корпоративную команду» в составе… двух офицеров: полковника И. А. Чистякова (порученца) и старшего лейтенанта И. А. Попова (адъютанта). Потом присоединился к ним и начальник секретариата майор В. Н. Лукашов. Никаких кардинальных перестановок в центральном аппарате военной разведки не последовало.

П. И. Ивашутин руководствовался правилом Николо Макиавелли:

«Многие полагают, что кое-кто из государей, слывущих мудрыми, славой своей обязаны не себе самим, а добрым советам своих приближенных, но мнение это ошибочно. Ибо правило, не знающее исключения, гласит: государю, который сам не обладает мудростью, бесполезно давать благие советы».

Он понимал, что время имеет только направление, оно не имеет ни начала, ни конца, – время произошло от времени. А он частичка природы, вкрапленная в бесконечный поток этого гигантского течения, а потому продолжал работать с прежним составом, привнося в него элементы своего виденья проблем. При переходе в ГРУ П. И. Ивашутину было присвоено очередное воинское звание – генерал-полковник.

Новому начальнику надо было быстрее осваивать свой «объект» – разобраться в структуре, организации и функциях центрального и периферийного аппаратов, воинских частей и служб, изучить количественный и качественный состав, техническую оснащенность, формы и методы работы военной разведки.

Связано это было с начавшейся и быстро развивающейся научно-технической революцией в военном деле, появлением ракетных войск стратегического назначения (РВСН) с межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР) и обострением «холодной войны». В это же время стала разваливаться колониальная система империализма через распад многовековых империй и появление новых независимых государств, особенно на Ближнем Востоке, африканском и азиатском континентах. Это тоже надо было учесть в организации работы.

На фоне перестроечных процессов возникла задача создания новых видов военной разведки с оснащением этих подразделений самой современной специальной техникой. Натовские страны во главе с США ввели режим полного эмбарго на приобретение новейших технологий, необходимой техники и деталей к ней.

Янки всячески науськивали руководителей других стран и различных фирм отказывать представителям внешнеторговых организаций в продаже СССР подобных товаров, особенно вычислительной техники. Нужно было не только расширять зарубежные резидентуры ГРУ, но и укреплять их высококвалифицированными кадрами, подготовку которых следовало совершенствовать и доводить до уровня требований и вызовов нового времени.

Все эти проблемы легли на плечи «новичка», армейского чекиста – военного контрразведчика, закаленного годами «незримыми боями» зримой войны. Но он с ними справился и доказал, что при серьезном подходе к делу можно «обжигать любые горшки». Как и что он делал для этого, покрыто мраком, тайной. Для любой разведки любые «ремонтные работы в своей системе» – святая святых! Как и любая гласность губительна для разведки. Об этом знают все руководители и рядовые сотрудники разведок мира. В документе Национального стратегического центра США под названием «Требования к разведке в 80-е годы» говорилось:

«Необходимо обеспечить более надежную защиту наших источников информации и методов работы, уменьшить количество и номенклатуру информационных материалов, публикуемых в соответствии с законом о свободе печати…»

Так считали и считают до сих пор в отношении разглашения даже отдельных сторон разведывательной деятельности в самой «свободной» стране западного мира – США. Наши же отдельные либералы от истории и журналистики сегодня пытаются бить кулаками в двери архивов МО и ФСБ, в том числе и ГРУ, чтобы им предоставили право «копаться в историческом прахе». Но для разведок и контрразведок это требование неприемлемо, – там нет праха, там есть секретная информация, завязанная на людей, живых и ушедших от нас, и их родственников. Здесь работает и гуманный фактор. Но, к великому сожалению, этого не понимают некоторые горячие головы с холодными сердцами.

Открываются секреты разведслужб только тогда, когда уже не смогут наступить даже косвенные последствия для людей, связанных с конкретными негласными событиями. Ни одна страна не раскрывает полностью своих государственных тайн, тем более не обнажает ту информацию, обнародование которой может нанести ей политический и оперативный урон или создать угрозу своим еще живым негласным помощникам, а если и ушедшим в мир иной, то близким их родственникам.

В архивах английской разведки до сих пор полно засекреченных документов по времени Первой мировой войны, и

на требования некоторых репортеров открыть их власти отвечают категорическим отказом, ссылаясь на соблюдение национальных интересов. Такие же подходы к архивам разведки и контрразведки мы видим и в других цивилизованных странах.

Со слов многих сотрудников ГРУ, соратников и подчиненных генерала, Петр Иванович уважал трудоголиков в разведке. Давал им «зеленый коридор» в продвижении по службе, хотя такое качество, как требовательность, было у него на первом месте в оценке труда офицера-разведчика. Терпеть на дух не мог приспособленцев. У него не водились офицеры-любимчики. Он мог отчитать любого подчиненного за допущенную ошибку, а потом похвалить за удачно проведенную им же операцию. Его служебным кредо было – не обещай великого, а делай его и соблюдай умеренность в усердии.

Офицеры центрального аппарата ГРУ уважительно называли за глаза своего шефа – дядя Петя, Петр Великий, дед, полководец разведки, шеф, папа. Или часто величали просто – Петр Иваныч. Такие псевдонимы и обращение по имени и отчеству военные разведчики могли дать исключительно из уважения, высокой степени признания его профессиональной компетентности, огромного опыта и человечности в отношениях с подчиненными.

Он редко ошибался в людях и поэтому мог всегда создать вокруг себя надежных и опытных офицеров-руководителей, которым доверял и на которых опирался в работе. Так, в оперативно-служебной деятельности он опирался на генерал-лейтенантов К. Е. Сеськина и Б. Н. Вилкова, вице-адмирала В. И. Соловьева, генерал-полковников Л. С. Толоконникова и В. И. Мещерякова, по вопросам технических видов разведки – на генерал-полковника Г. А. Строилова, генерал-лейтенантов П. Т. Костина и П. С. Шмырева, в Информационной службе – на генерал-полковников Н. А. Кореневского, Н. Ф. Червова, Г. А. Михайлова, генерал-лейтенантов В. Б. Земского и В. С. Диденко.

Как писал один из заместителей Ивашутина А. Г. Павлов в статье «Мысли о юбиляре» в 1999 году:

«Не мог П. И. Ивашутин терпеть подхалимов и людей, которым покровительствовали вышестоящие начальники.

Он решительно, не обращая внимания на служебное положение и воинские звания, очищал Главное управление от некомпетентных, преследовавших корыстные цели, нечистоплотных, допускавших аморальные проступки людей».

Когда с вершины сегодняшнего времени смотришь на тот объем работы, которую проделал генерал армии Ивашутин П. И. в глобальной системе военной разведки, вспоминаются слова

французского лексикографа Пьера Буаста. Он говорил:

«Для того, чтобы судить о действительной важности человека, следует предположить, что он умер, и вообразить, какую пустоту оставил бы он после себя: не многие выдержали бы такое испытание».

Он был человеком, за которым проглядывала личность. Такого, как он, не было в военной разведке и нет до сих пор, а на будущее загадывать не будем. Может, он подрастает в среде наших современников. Дай Бог!

Войны контрразведчика

Как говорится, только Богом открыты предначертания судьбы.

На долю Петра Ивановича Ивашутина судьбой выпало быть участником трех «горячих» и одной «холодной» войны:

– советско-финляндской в 1939–1940 годы;

– Великой Отечественной в 1941–1945 годы;

– Афганистан в 1979–1989 годы.

– Участвовал он и во всех баталиях «холодной войны», в том числе и по разрушению мировой колониальной системы.

«Имперский аскетизм, – часто говорил он сам себе и своим близким, – признак величия. И нечего бояться этого слова, – Россия достойна его. С Советским Союзом случилось то, что случилось, а нам сегодня надо отстраивать новую страну. Страшно, если у нас возникнет государство, не ставшее Родиной для многих. Вот это опасно! Державность создается народом и сильными руководителями. Властители судеб народных не должны прогибаться ни перед какими-либо «партнерами». Национальные интересы превыше всего, но они должны быть выстроенными. Без них государство – ноль!

Жизнь показала, что все, что нажито веками между нашими нациями – и плохое и хорошее, – никуда не уходит, а лишь орошает нашу землю. Землю, обильно политую кровью и удобренную прахом отцов и дедов, сражавшихся в разных сшибках: и друг с другом в гражданских войнах, и в войнах с оккупантами, завоевателями, поработителями. Никому не дано отменить историю ни царской России, ни Советского Союза. Это все НАШЕ!»

Русскость, как и советскость – величины не материальные. И аура, как недавно сказал писатель Виктор Слипенчук, – их составляющая, еще долго-долго будет общей несмотря ни на что. И не воспользоваться этим просто грех…

Но для этого необходима в нашем обществе национальная идея. Увы, но ее отсутствие стало питательной средой не только для коррупции, но и коллаборационизма из-за аппетитной суверенизации и поголовного президентства. Куда ни плюнь – одни президенты!

Еще вчера, то есть в начале 90-х, ельцинисты и их пишущие и говорящие адепты нам впаривали, что патриотизм – последнее прибежище для негодяев. Потом власть одумалась, – с кем она останется, кто ее поддержит в трудную минуту, кто защитит в смертный час?!

В мире рынка, где главное – обогащение, национальной идее в России не вырасти. Петр Иванович переживал за всполохи гражданской войны в Чечне и в других регионах, считая причины их вовсе не в национальной политике, а в крахе экономики, навязанной извне огромному государству, где плановость была одним из понтонов, держащих на плаву машину занятости и производительности.

Да, мы оказались побежденными в «холодной войне» не без помощи своих коллаборационистов. Пророческие слова, словно предвидел развал страны, сказал А. А. Фет, – «Твоих сынов паденье и позор и нищету увидя, содрогаюсь…»

Позор унижения из-за откатившейся великой страны на задворки цивилизации в 90-е годы оставляет следы в памяти народной, но время их смоет, если народ поверит, что пришел настоящий Хозяин *Отчизны* – честный, добрый, умный и хваткий. Не шоумен, не диктатор, не пустомеля, а думающий, как спасти народ от прозябания, и люди в таком случае ему поверят и ответят единением. А такая вера дорогого стоит для главы государства.

Пока же мы – несвязанный веник. Говорят, его легко поломать по прутику. Согласны, в этом есть логика. Но нам также думается, что Россию просто не сломать! Мы критикуем правителей за проблемы, которые они не хотят разрешить вот уже десятилетия, но россияне не позволят, чтобы снова их страну называли чужестранцы «империей зла», вмешивались в их внутренние дела. Со своими коррумпированными чиновниками, нехристями разных пород со временем народ разберется сам. Но в минуты большой беды он станет монолитом, превратится в один партизанский отряд, даже если будет разгромлена до неприличия сокращенная армия.

Одной державе, пусть и самой великой, подчинить себе весь мир так же невозможно, как невозможно остановить землетрясение или извержение вулкана, как нельзя дважды войти в одну и ту же воду реки.

Именно такими категориями мыслил и наш великий патриот земли русской Петр Иванович Ивашутин.

На советско-финляндской и дальше…

Оперативная обстановка в стране в 1939 году характеризовалась многими интересными событиями. Прошла всесоюзная перепись населения: в СССР – 170,6 млн человек. 18-й съезд ВКП(б); Сталин объявил о завершении строительства социалистического общества в СССР и вступлении в период постепенного перехода к коммунизму. Была поставлена задача догнать и перегнать США и Англию по производству

промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения.

Вооруженный конфликт с Японией (река Халхин-Гол). Пакт о ненападении между СССР и Германией и секретный дополнительный протокол о разделе Польши и сфер интересов в Восточной Европе (пакт Молотова – Риббентропа). Открыта Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (ВСХВ). Появился новый текст Военной присяги.

1 сентября на Польшу напала Германия, а 17 сентября – ввел войска СССР. В конце сентября завершился разгром и раздел Польши. Мы получили 50,4 % территории этого враждебного к нам государства. В Бресте, Гродно, Львове, Пинске и других приграничных городах прошли совместные парады советских и немецких войск. Появился Закон о всеобщей воинской обязанности. Выпущен хорошо зарекомендовавший себя в войну танк Т-34; и др. события.

Как уже известно, сотрудником военной контрразведки П. И. Ивашутин стал в 1939 году. Тогда еще совсем молодого офицера назначили начальником особого отдела 23-го стрелкового корпуса, части которого принимали активное участие в так называемой зимней войне – двустороннем локальном конфликте с Финляндией в составе войск Ленинградского фронта.

23-й корпус входил сначала в 7-ю, а затем в 13-ю общевойсковые армии. Он был нацелен на район Муолаа, а на заключительном этапе операции в сторону Антреа. Сегодня это город Каменогорск.

Об истоках и характере советско-финляндской войны 1939–1940 гг. даже по прошествии 70 лет со времени ее окончания существует не меньше версий, чем названий самих этих драматических событий в отношениях между нашими странами – «финская кампания», «война с белофиннами», «вооруженный конфликт», наконец, как калька с финского: «Talvisota» – «Зимняя война».

Истоки этого конфликта уходят корнями к 1809 году, когда в результате последней русско-шведской войны вся территория Финляндии, никогда не имевшая ни государственности, ни даже административной автономии в составе Шведского королевства, отошла к Российской империи. Названная «Великое княжество Финляндское», она получила свои органы государственной власти и денежную систему, почту и таможню. В 1811 году император Александр I передал в состав княжества Выборгскую губернию, принадлежавшую России с 1721 г. Как говорится, с царского плеча, хотя и не шуба, но и не безрукавка. Аналогичный

жест сделал В. И. Ленин за творческую работу в шалаше, признав независимость Финляндии в 1917 году.

Отношения между двумя странами не заладились сразу. Все правительственные, общественные организации, в том числе военизированные формирования типа щюцкоров, различные эмигрантские организации, общества дружбы с Германией, Японией, Англией, Францией вели непрекрашающуюся антисоветскую пропаганду и подрывную работу.

В предвоенный период эмиссары вышеназванных государств зачастили в Финляндию. Со всеми этими странами вырабатывались дружественные договоры. Финляндия одной ногой уже стояла на фашистской тропе. Ее щюцкоры были построены по типу «СС»-отрядов.

Поэтому уместно ознакомить читателя с Меморандумом правительства СССР правительству Финляндии от 14 октября 1939 г.

«Главную заботу Советского Союза в переговорах с Финляндским правительством составляют два момента: а) обеспечение безопасности г. Ленинграда, б) уверенность в том, что Финляндия будет стоять прочно на базе дружественных отношений с Советским Союзом. И то, и другое необходимо для того, чтобы сделать берега Советского Союза в Финском заливе, а также берега Эстонии, с которой Советский Союз связан обязательствами защищать ее независимость, неуязвимыми для внешнего врага.

Необходимыми условиями для этого является, во-первых, возможность перекрыть артиллерийским огнем с обоих берегов Финский залив, чтобы корабли и транспорты врага не могли проникнуть в воды Финского залива; во-вторых, возможность не допускать врага к островам в Финском заливе, расположенным на подступах к Ленинграду с запада и с северо-запада; в-третьих, отодвинуть нынешнюю границу с Финляндией на Карельском перешейке, где она проходит на 32-м километре от Ленинграда, т. е. на расстоянии пушечного выстрела из дальнобойных орудий, несколько на север и на северо-запад.

Особо стоит вопрос о полуостровах Рыбачий и Средний, граница по которым проведена нелепо и искусственно и должна быть исправлена согласно приложенной карте.

Исходя из изложенных соображений, необходимо разрешить по взаимному соглашению и в интересах обеих сторон следующие вопросы:

1) Сдать в аренду Советскому правительству сроком на тридцать лет порт Ханко (Ганге) и территорию вокруг порта радиусом пять-шесть миль к югу и к востоку от порта и в три

мили к западу и к северу от него устройства морской базы с береговой артиллерийской обороной, могущей вместе с береговой артиллерийской обороной на другом берегу Финского залива у Балтийского порта перекрыть артиллерийским огнем проход в Финский залив. Для охраны морской базы разрешить Советскому правительству держать в районе Ханко один пехотный полк, два дивизиона зенитной артиллерии, два полка авиации, батальон танков – всего не более пяти тысяч человек.

2) Предоставить Советскому морскому флоту право на якорную стоянку в заливе Лаппвик (Лаппохия).

3) Передать Советскому Союзу в обмен на соответствующую советскую территорию острова Гохланд (Сурсаари), Сейскари, Лавенсаари, Тютерсаари (малый и большой), а также часть Карельского перешейка от села Липпола до южной оконечности города Койвисто, равно как западную часть полуострова Рыбачий и Средний, – всего 2761 кв. километр, – все это согласно приложенной карте.

4) В возмещение за уступаемую Советскому Союзу территорию по пункту 3 передать Финляндской республике советскую территорию в районе Ребола и Порос-озеро в размере 5529 кв. километров согласно приложенной карте.

5) Усилить существующий пакт о ненападении между Советским Союзом и Финляндией, включив пункт о взаимных обязательствах не вступать в группировки и коалиции государств, прямо или косвенно враждебных той или другой договаривающейся стороне.

6) Разоружить обоюдно укрепленные районы на Карельском перешейке, вдоль финляндско-советской границы, оставив на этой границе обычную охрану.

7) Не возражать против вооружения Аландских островов национальными силами самой Финляндии с тем, чтобы к делу вооружения Аландов не имело никакого отношения какое бы то ни было иностранное государство, в том числе и Шведское государство».

Соответствующей директивой содержание данного Меморандума было доведено до личного состава армии перед началом военных действий.

В. М. Молотов 29 ноября 1939 года отметил:

«Утверждают, что проводимые нами меры направлены против независимости Финляндии или на вмешательство в ее внутренние и внешние дела. Это – такая же злостная клевета. Мы считаем Финляндию, какой бы там режим ни существовал, независимым и суверенным государством во всей ее внешней и внутренней политике. Мы стоим твердо за то, чтобы свои

внутренние и внешние дела решал сам финляндский народ, как это он сам считает нужным».

Советский Союз планировал боевые действия на двух основных направлениях – Карельском перешейке и севернее Ладожского озера. По срокам операция должна была закончиться в период от двух недель до месяца.

Финское командование рассчитывало на оборону своих рубежей до полугода и более. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить.

Советский Союз недооценил силы Финляндии. А Суоми понадеялась на надежность своих укреплений и на помощь союзников. Накануне боевых действий Финляндия осуществила всеобщую мобилизацию. СССР решил, что для победы достаточно сил и средств Ленинградского военного округа. От округа было задействовано 425 640 человек личного состава, 2876 орудий и минометов, 2289 танков, 2446 самолетов. Противник имел следующий контингент: 265 000 человек, 834 орудия, 64 танка, 270 самолетов.

Войну начали с нашей стороны четыре армии: 7-я – командарм В. Ф. Яковлев, 8-я – командарм Штерн Г. М., 9-я – командарм М. П. Духанов и 14-я – командарм В. А. Фролов. 7-я армия наступала на Карельском перешейке, 8-я – севернее Ладожского озера, 9-я – в Карелии.

14-я армия, взаимодействуя с Северным флотом, заняла полуострова Рыбачий и Средний, город Печенга и закрыла Финляндии выход к Баренцеву морю. 8-я армия успешно продвинулась вперед на десятки километров, но в кровопролитных боях была остановлена. 9-я армия сумела пройти сквозь эшелонированную оборону на 35–45 км и также была остановлена. Наиболее тяжелые и кровопролитные бои вела 7-я армия, наступавшая на Карельском перешейке, штурмуя линию Маннергейма.

Наши войска взять ее с ходу не смогли. Стали готовиться к штурму. В тот год стояла суровая зима с сильными морозами, туманами, обильными снегопадами. Военнослужащие страдали от лютого холода. Особые отделы и командование докладывали в штаб ЛенВО и в Генеральный штаб, который принял решение заменить островерхие шлемы-«буденовки» на сибирские шапки-ушанки. В это же время в рацион питания вводились водка и сало. Разведке ставилась задача изучить весь комплекс вражеских укреплений.

На наблюдательных пунктах началась кропотливая работа. Использовались все имевшиеся средства разведки, аэростаты наблюдения и разведывательная авиация. Вскоре установили, что

укрепленный район перед фронтом наших войск состоял из системы крупных опорных пунктов, расположенных на господствующих высотах, на важнейших путях движения войск. Между опорными пунктами пролегали хорошо подготовленные оборонительные позиции, подступы к которым простреливались косоприцельным и фланговым огнем. Основой укрепленного района были железобетонные сооружения – пулеметные и орудийные, тщательно приспособленные к местности, с широким обзором и обстрелом. Впереди и по сторонам каждого из таких сооружений возводились три-четыре дерево-земляных полукапонира с покрытиями из гранита, выдерживающие 1–2 прямых попадания снарядов 152-миллиметровой гаубицы. В свою очередь, каждый полукапонир прикрывался рядом огневых точек.

Огневые средства применялись противником строго последовательно. По нашим разведчикам стрельбу открывали секреты, располагавшиеся в районе надолбов, завалов и колючей проволоки, а также огневые точки, прикрывающие полукапониры. В исключительных случаях вступали в действие пулеметы из полукапониров. Доты открывали огонь лишь в том случае, когда через передний край прорывались наши пехота и танки.

Все основные точки местности перед своим передним краем обороны финны заранее пристреляли, чтобы в любой момент обрушить шквал пулеметного и минометного огня.

Именно здесь приобретал военный и оперативный опыт начальник особого отдела НКВД 23-го стрелкового корпуса.

Здесь П. И. Ивашутин познавал искусство оперативной работы по доведению до оперативного состава армейских задач на период выдвижения войск, на марше и в боевых условиях. Ему приходилось заниматься воспитанием и обучением оперсостава искусству проведения агентурных встреч, получению оперативно значимой информации, взаимодействию и взаимовыручке сотрудников, умению подбора и вербовки секретных осведомителей, отработки с ними, другими сотрудниками и руководителями отдела операций по связи. Кроме того, надо было уделять много времени следователям, доводить до них тонкости опросов, допросов, ведения следственных мероприятий.

Надо было четко донести до оперсостава, а через него до осведомителей и доверенных лиц, как выявлять трусов и паникеров, дезертиров, изменников Родины и перебежчиков. Как фиксировать признаки и действия бандформирований, диверсантов, различного рода агитаторов, эмигрантских представителей и многое другое.

Чтобы учить, надо учителю знать предмет обучения, свободно оперировать знаниями, владеть методикой передачи знаний.

В августе приказом по НКВД была введена обязательная оперативно-чекистская учеба, в ней предлагались учебные программы и определенный объем знаний. Петр Иванович любил учиться, и в академии у него были только отличные оценки. Теперь дело было за малым, – надо было глубоко изучить прямого противника как с военной точки зрения, так и с разведывательной.

Первым делом им были досконально изучены антисоветские контрреволюционные «племенные» организации Финляндии, их задачи и роль в подготовке к войне против СССР, затем надо было уяснить связи «племенных» организаций с немецкими, японскими, английскими, французскими и другими спецслужбами.

Необходимо было уяснить связи этих организаций с Финским генштабом и политполицией; разобраться в общей структуре и соподчиненности «племенных» организаций; выяснить задачи, внутреннюю структуру и личный состав каждой организации. Надо было познать материальное обеспечение этих организаций, их периодическую печать, видных членов и деятелей.

Тщательно изучил П. И. Ивашутин материалы подрывной деятельности спецслужб Финляндии и других государств с ее территории. Его заинтересовала деятельность финской фашистской партии «Патриотическое народное движение», которая помимо подрывной деятельности против СССР еще активно пропагандировала идеи немецкого фашизма в Финляндии. Обратил он внимание на разведывательную деятельность немцев по четырем направлениям: политическому, экономическому, военному и культурному.

Среди белоэмигрантских организаций активную работу вели: Братство Русской правды, Национально-освободительная народная партия, Российский общевоинский союз, Трудовая крестьянская партия, но за последнее время особенно выделяются по своей активности группа генерала Добровольского и организация украинских националистов.

Несколько слов о финляндской армии. Как известно, финны при царском правительстве были освобождены от воинской повинности, уплачивая за это воинский налог. Когда разразилась империалистическая война, в Финляндии усилилось движение «активистов» (активное сопротивление царскому режиму). Германия использовала это движение и с первых дней войны повела в Финляндии работу по организации добровольческих отрядов, которые должны были сражаться на стороне Германии против России. Финская буржуазия быстро набрала около 2000 таких добровольцев, которые направились в Германию, где из них

был скомплектован так называемый 27-й егерский батальон, и многие из них, хорошо знавшие северо-западную Россию, прошли обучение в разведывательных школах. Почти все в начале войны воевали против СССР на командных должностях и не забыли свою учебу в Германии.

К январю 1940 года перед командованием Красной Армии и руководством НКВД остро встала проблема борьбы с дезертирством. В связи с этим был издан совместный приказ НКО – НКВД СССР 003/0093 от 24 января «О мероприятиях по борьбе с дезертирством». В соответствии с ним были сформированы контрольно-заградительные отряды, каждый отряд возглавлял сотрудник военной контрразведки. Это позволило с 25 января по 13 марта 1940 года органами НКВД СССР задержать 6724 военнослужащих, подозреваемых в дезертирстве. 790 человек из них были переданы суду, в отношении 28 дела были прекращены, 6 человек – оправданы судом. 5934 человека были отправлены в части как отставшие.

Одной из важнейших задач сотрудников особых отделов являлись сбор и передача в центр разносторонней информации военно-политического характера. От нее непосредственно зависели судьбы многих тысяч людей – красноармейцев и военачальников, плененных военнослужащих и интернированных финнов, гражданского населения, – иными словами, всех участников «Зимней войны».

Особое внимание им обращалось на боеготовность войск, исполнительность, дисциплину. Тогда Ивашутин наблюдал сам низкую живучесть войск, оружия, переправ, систем связи, тылового обеспечения и управления войсками. От каждого оперработника Петр Иванович требовал донесений по этим вопросам.

Целеустремленная работа с оперсоставом и осведомителями стала приносить свои плоды. От негласных источников стали поступать материалы на солдат, подбирающих финские агитационные материалы. Выявлялись признаки диверсий на оставленных неприятелем целыми домах, строениях, землянках и т. д. В них финны закладывали фугасы не только мгновенного действия, но и кислотные мины. Наши войска встретились с большим количеством инженерных «сюрпризов», – на дорогах, просеках и в поселках было разбросано много ярких предметов: патефонов, портсигаров, зажигалок и т. д. Достаточно было к ним притронуться, как они взрывались. В феврале 1940 г. были получены сведения о намерении финнами открыть шлюзы на Сайменском канале, чтобы затопить Выборг, такая практика уже применялась ранее на озере Сувантоярви. Данная акция была

предотвращена своевременно.

Для подрыва боевого духа воинов Красной Армии финская сторона применяла как радиопропаганду, так и листовки, которые представляли один из наиболее действенных способов воздействия на моральный дух красноармейцев и их командиров.

Однако к ведению пропагандистской войны созданный в ставке финляндской армии отдел пропаганды во главе с подполковником Н. Хонко оказался недостаточно подготовленным и в результате добиться сколько-нибудь ощутимых достижений не смог. Здесь им противодействовали и осведомители Особых отделов НКВД.

От них постоянно поступала информация о недостатках в боеготовности войск. Так, выяснилось, что танковая броня не выдерживает попадания снаряда даже от 37-миллиметровой пушки, солярка для танков поступает с перерывами, авиация может летать только в хорошую погоду. Также от негласных источников из числа командиров поступала информация о том, что карты не закодированы. Все управление войсками шло открытым текстом по телефону. Слабо работали все подразделения связи, военная пропаганда была невысокого уровня, что приводило к дезертирству, самострелам, трусости, паникерству.

Оперсоставу приходилось бороться с мифом о снайперах-«кукушках», да, снайперы были, но не в таких масштабах, потому что в январе – марте были жестокие морозы 40–45 градусов, и никто такие морозы не мог перенести в засаде по несколько часов. Просто финны умело использовали лес для скрытых атак. Они подстерегали красноармейцев, из укрытий убивали командиров и солдат и быстро уходили на лыжах. Но «кукушки», естественно, были, и с ними приходилось бороться и таким путем. Один из оперработников особого отдела 23-го стрелкового корпуса сумел убедить двух своих секретных осведомителей проявить инициативу по уничтожению «кукушки», которая парализовала единственную дорогу, идущую от штаба корпуса на его командный пункт. Они решили ночью подобраться поближе к снайперу. Днем бойцы засекли снайпера и, используя солдатскую смекалку, сумели заставить его расстрелять все патроны по ложным мишеням, которыми были их собственные полушубки, вынудили снайпера спуститься с дерева и привели его в штаб. Оба были награждены.

За три с половиной месяца войны особыми отделами Северо-Западного фронта было выявлено 40 агентов английской и других разведок, а также большое количество диверсантов.

Один из них, некто Нильсон, до 1932 года проживал в Англии

как белоэмигрант. Он был завербован британской разведкой и под видом репатрианта направлен для шпионской работы в СССР, во Владивосток, а с началом войны получил приказ перебраться в Ленинград. Здесь он добровольцем поступил в армию, таким путем получив возможность собирать разведывательную информацию. Для передачи сведений шпион должен был перейти линию фронта и решил сделать это, склонив к побегу группу бойцов своего подразделения. На этой стадии Нильсен был разоблачен особистами, чему помогла бдительность красноармейцев 23-го корпуса.

Оперативниками был также задержан и некий Янкевич, который еще в 1919 году дезертировал из Красной Армии и бежал в Финляндию, где принял финское гражданство, долгое время работал помощником резидента английской разведки.

Вышеназванную информацию Петр Иванович обобщал, анализировал и перепроверял, после чего информировал свое руководство, а с его санкции руководство 13-й армии.

Так, он информировал командование НКВД о недостатках в подготовке своего корпуса:

1. Низкая подготовка среднего командного состава в звене рота – взвод и особенно слабая подготовка младшего начальствующего состава.

2. Слабая тактическая подготовка во всех видах боя и разведки, особенно мелких подразделений.

3. Неудовлетворительная практическая полевая выучка войск и неумение выполнять то, что требуется в условиях боевой обстановки.

4. Крайне слабая выучка родов войск по взаимодействию на поле боя: пехота не умеет прижиматься к огневому валу и отрываться от него; артиллерия не умеет поддерживать танки; авиация не умеет взаимодействовать с наземными войсками.

5. Войска не обучены лыжному делу.

6. Применение маскировки отработано слабо.

7. В войсках не отработано управление огнем.

8. Войска не обучены атаке укрепленных районов, устройству и преодолению заграждений и форсированию рек.

Информационные материалы Особого отдела 23-го корпуса отличались своевременностью, жесткостью оценок, краткостью и объективностью.

Советско-финляндская война (30 ноября 1939 г. – 12 марта 1940 г.) выявила огромные недостатки в тактической подготовке Красной Армии. Наши потери за 105 дней составили 333 тысячи человек, в том числе убитыми 65 тысяч.

За время советско-финляндской войны разведорганы

противника не смогли провести ни одной значительной шпионско-диверсионной акции, которая бы серьезно повлияла на ход боевых операций частей РККА. Немалая заслуга в этом принадлежит военным контрразведчикам. За мужество и образцовое выполнение боевых заданий 348 из них были награждены орденами и медалями, в том числе и Ивашутин П. И.

Впечатляют первые отзывы руководителей о П. И. Ивашутине: «За время боевых действий с белофиннами хорошо организовал работу особого отдела корпуса и подчиненных ему особых отделений дивизий. Он энергично руководил подчиненными органами, лично оказывал помощь как в аппаратах отделений, так и непосредственно оперуполномоченным в полках. Сам аппарат ОО корпуса являлся одним из ведущих в 13-й армии, за что П. И. Ивашутин был награжден орденом Красного Знамени. Он был чрезвычайно смелым офицером, обладал волевыми качествами, в бою вел себя достойно».

17 апреля 1940 года Сталин на совещании начальствующего состава Красной Армии заявил более определенно:

«Правильно ли поступили правительство и партия, что объявили войну Финляндии? Этот вопрос специально касается Красной Армии. Нельзя ли было обойтись без войны? Мне кажется, что нельзя было. Невозможно было обойтись без войны. Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить, безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества. Не только потому, что Ленинград представляет процентов 30–35 оборонной промышленности нашей страны и, стало быть, от целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны, но и потому, что Ленинград есть вторая столица нашей страны».

Уже тогда Ивашутин оценил важность разведывательной работы, а также точность и своевременность доведения ее до командования.

Начальник особого отдела корпуса сразу же обратил внимание, что финские воины носятся по лесу на лыжах, как черти, а в соединениях у него не было даже ни одной роты, поставленной на деревянные снегоходы. Нашему солдату метровый снег приходилось преодолевать «пешкодралом», вдобавок без белых маскхалатов. На снегу серая армейская шинель резко контрастировала, превращаясь для неприятельских снайперов в лучшую из мишеней. У финнов вся армия была прикрыта белыми маскхалатами, а потому они часто незамеченными подбирались к окопам красноармейцев и открывали огонь из стрелкового оружия и забрасывали гранатами

траншеи. А затем при наступлении суматохи тихо и организованно отходили.

– Мы в зимней экипировке явно отставали от финнов, – скажет потом, вспоминая об этой драме, Петр Иванович. – Даже спецобмундирование наших военных разведчиков оставляло желать лучшего.

Об этих изъянах капитан государственной безопасности Ивашутин П. И. докладывал не раз начальнику Особого отдела НКВД Ленинградского военного округа Алексею Матвеевичу Сидневу, но дело никак не двигалось – тыловики кормили командиров частей одними обещаниями.

Вольтер когда-то сказал, что короли знают о делах своих министров не больше, чем рогоносцы о делах своих жен. То же самое порой случалось и на фронте. Некоторые командиры забывали, что у них есть подчиненные, у которых возникают проблемы, в том числе с питанием, боекомплектом и экипировкой.

И вот он лично обратился к одному из членов областного руководства, прибывшему вместе с секретарем ЦК ВКП(б), главой Ленинградского обкома и горкома партии А. А. Ждановым на передовую, с просьбой принять оперативные меры по срочному обеспечению разведчиков штаба корпуса всем необходимым для выполнения боевых заданий в тылу противника.

Просьба военного контрразведчика была, на удивление комкора, в короткий срок выполнена. С тех пор командиры разных степеней «зауважали» напористого голубоглазого широкоплечего крепыша – начальника военной контрразведки 23-го стрелкового корпуса.

Этот поступок характеризует личность, – контрразведчик спешил делать добро не себе, ибо свое счастье ему виделось в счастье других. Думается, тот поступок капитана госбезопасности спас от смерти многих разведчиков его стрелкового корпуса.

Гитлеровское командование по понятным причинам смотрело на войну Сталина против Маннергейма с неподдельным интересом, делая выводы, прокручивая прогнозы, присматриваясь к стратегии операций и тактике боевых действий частей и подразделений Красной Армии.

В то же время реакционные круги Англии, Франции и США рассматривали советско-финляндскую войну как подходящий повод для организации в недалеком будущем объединенного военного похода против СССР, всячески толкая руководство Финляндии на продолжение военных действий, обещая всемерную, активную поддержку.

Петр Иванович понимал, читая секретные разведсводки и

открытую информацию из газет того периода, что «свистуны туманного Альбиона» ничем не помогут финнам, как не помогли и полякам год тому назад. Хотя планы у них были грандиозны: под предлогом помощи Финляндии они планировали нанести авиационные удары на севере – по Ленинграду и Мурманску, а на юге – по нефтяным промыслам Кавказа. Кроме того, троица, в лице англичан, французов и американцев, надеялась, что фашистская Германия со своей стороны предпримет «естественно-логичный шаг» и нанесет удар по центральным районам Советского Союза. Одновременно делалась ставка на втягивание в войну милитаристской Японии.

Однако эти прожекты быстро сгорели березовой берестой. Обстановка на фронте для финских войск стала безнадежной, и правительство Финляндии согласилось с предложением СССР завершить боевые действия и начать мирные переговоры.

Война, показавшая слабые стороны РККА, закончилась подписанием 12 марта 1940 года Московского мирного договора. К СССР отошел Карельский перешеек с городами Выборг и Сортавала, ряд островов в Финском заливе, часть финской территории с городом Куолаярви, часть полуостровов Рыбачий и Средний. В результате Ладожское озеро полностью оказалось на территории СССР. В соответствии с договором граница между СССР и Финляндией на Карельском перешейке и на побережье Ладожского озера была отодвинута на северо-запад.

В результате принятых мер Советский Союз упрочил свое стратегическое положение на северо-западе и севере, создал предпосылки для обеспечения безопасности Ленинграда, Мурманского порта и Кировской железной дороги. Значительно улучшилась оперативно-стратегическая обстановка для Балтийского и Северного флотов.

Советский Союз получил в аренду часть полуострова Ханко (Гангут) сроком на 30 лет для создания на нем военно-морской базы.

Кратко об оперативной обстановке в стране. 1941 год. И. В. Сталин – председатель СНК. Пакт о ненападении с Японией, депортация около 150 тыс. человек из Латвии, Литвы и Эстонии на поселение в Сибирь. 14 июня – сообщение ТАСС, опровергающее возможное нападение Германии на СССР: все другие попытки разговоров о предстоящей войне оценивались как «паникерские» и «вредительские». На конец июня население СССР – 191,7 млн человек. Численность РККА – 5 млн 400 тысяч чел. Военные расходы – 43,4 % бюджета страны. Разделение НКВД – на НКВД (Л. П. Берия) и НКГБ (В. Н. Меркулов). Начал выдавать продукцию Краматорский завод тяжелого станкостроения.

22 июня фашистская Германия напала на СССР. Выступление В. М. Молотова. Директива № 2 Наркомата обороны: уничтожить вражеские войска в местах перехода границы, но запретить РККА переходить границу. Директива № 3 разрешила переход границы.

Первое исполнение песни «Священная война». Создание ГКО. Формирование народного ополчения. Массовый героизм армии и народа.

И. В. Сталин – Верховный Главнокомандующий. Налет авиации Балтийского флота на Берлин. Первое применение установок реактивных снарядов «Катюша». Депортация немцев из Поволжья в северные районы страны.

Приказ № 270: все военнопленные объявляются предателями и изменниками, семьи попавших в плен командиров и политработников подлежали репрессиям, а семьи солдат лишались государственного пособия и помощи. НКВД и НКГБ вновь объединены в одну. Восстановлен институт военных комиссаров. 16 октября Москва на осадном положении. Битва за Москву, немцы потерпели первое стратегическое поражение.

7 ноября – парад РККА на Красной площади.

Эвакуация промышленности на восток.

Антигитлеровская коалиция (США, Англия, СССР). Введен военный налог на всех граждан страны.

Данные, поступившие к началу июня 1941 года от органов разведки НКГБ, НКВД, пограничных войск, РУ Генштаба и стражей границы, писал участник войны, коллега авторов Борис Сыромятников в книге «Трагедия СМЕРШа», неоднократно встречавшийся с Петром Ивановичем Ивашутиным, не оставляли сомнения, что до нападения Германии на Советский Союз остаются считаные дни.

Германская армия имела преимущество перед Красной Армией по всем параметрам боевой деятельности: численности вооруженных сил, их подготовке к боевым действиям с учетом всех особенностей театра военных действий в западных областях СССР, включая слаборазвитую дорожную сеть, болотистую местность, наличие многочисленных водных преград и т. д.

Преимущество в военной технике и технике связи, боевом опыте, мобильности, уровне подготовки командного состава. И, прежде всего, преимущество в том, что войска Германии – вермахта и армий ее союзников – отмобилизованы и развернуты, а сами операции четко спланированы по дням и этапам.

Как известно сегодня, на всю кампанию против Советского Союза Гитлером отводилось четыре месяца.

Г. К. Жуков вспоминал, что за три дня до начала войны партийный руководитель Украины Н. С. Хрущев докладывал

Сталину о хороших видах на урожай зерновых, свеклы и подсолнечника. Хвастался о непоказном единстве народа, об открытии новых промышленных предприятий, о повышении роли и авторитета партии в трудовом народе, вере простых граждан в своего вождя и прочих идеологических штампах.

Хотя следовало бы доложить, что немецкие части уже на границе с Украиной. Одни выходят на исходные позиции, другие – приведены в полную боевую готовность. Началась массовая заброска диверсантов в западные районы УССР с заданиями, допустимыми только в условиях войны между соседними странами. Наши пограничники их вылавливали десятками в день. Доклады об активизации деятельности агентуры противника получал и руководитель Украины Никита Хрущев.

А дальше была война, как говорится в народе, это несчастье в увеличенном масштабе, война, начатая гитлеровской Германией.

22 июня 1941 года немецко-фашистские полчища устремились в просторы Советского Союза, чтобы через 1418 дней обрести позор поражения и подписать приговор «тысячелетнему» германскому рейху, просуществовавшему всего лишь двенадцать лет.

В условиях войны все государственные структуры, партийные и другие общественные организации, промышленность и сельское хозяйство работали с величайшим напряжением сил для достижения скорейшей победы над врагом. Свой вклад в победу внесли и органы государственной безопасности Советского Союза. Разведка и контрразведка активно участвовали в организации и сплочении антифашистского подполья, оперативно-боевых и разведывательно-диверсионных групп, партизанского движения на временно оккупированной врагом территории, осуществляли охрану тыла действующей армии, другие функции обеспечения внутренней и внешней безопасности Родины.

Тысячи сотрудников НКВД – НКГБ – СМЕРШа погибли на фронте, при выполнении оперативных заданий в тылу врага, участвуя в партизанском движении, сотни замучены в застенках гестапо, убиты фашистскими карателями.

Петр Иванович служит в военной контрразведке на руководящих должностях: заместитель начальника 3-го отдела ОО НКВД ЗакВО с мая по октябрь 1941 г., заместитель начальника Особого отдела НКВД Крымского фронта с 28.01.1942 г. по 19.05.1942 г., заместитель начальника ОО НКВД Черноморской группы войск с 03.09.1942 по декабрь 1942 г., начальник Управления контрразведки СМЕРШа 47-й армии с января 1943 г.

по 29.04.1943 г., начальник Управления контрразведки СМЕРШа Юго-Западного фронта с 29.04.1943 г. по 17.11.1943 г. С 17.11.1943 по 27.06.1945 г. – руководит контрразведкой СМЕРШа 3-го Украинского фронта.

Крымская трагедия

28.01.1942 года П. И. Ивашутина назначают заместителем начальника военной контрразведки нового, только что образованного Крымского фронта. В составе 44-й, 47-й и 51-й армий, находившихся на Керченском и Таманском полуостровах и в районе Краснодара. Командованию фронта были также подчинены Севастопольский оборонительный район, Черноморский флот, Азовская военная флотилия, Керченская военно-морская база, Северо-Кавказский ВО.

Представитлем Ставки на фронт прибыл генерал Л. Мехлис.

С 27 февраля по 13 апреля 1942 г. войска Крымского фронта трижды проводили наступательные операции с целью оказать помощь войскам Севастопольского оборонительного района, но были вынуждены перейти к обороне.

С 25 декабря 1941 по 2 января 1942 года на занятый противником Керченский полуостров был высажен с кораблей Черноморского флота и Азовской военной флотилии, а также по льду замерзшего Керченского пролива крупный десант войск Закавказского фронта. В его составе находилось около 42 тысяч человек, 43 танка, свыше 450 орудий и минометов. Цель операции – уничтожение керченской группировки противника и освобождение Крыма.

Войскам Крымского фронта требовалось прорывать прочную оборону противника на узком фронте, в так называемом «коридоре», ограниченном с севера Азовским, а с юга Черным морями, без каких-либо возможностей для охвата или обхода. По замыслу командующего фронтом генерала Д. Т. Козлова ставка делалась на нанесение флангового контрудара по прорвавшемуся противнику силами 51-й армии генерала В. Н. Львова. Но в результате прямого попадания снаряда по КП армии был убит ее командующий и ранен его заместитель К. И. Баранов. Исполняющим обязанности командующего стал начштаба армии полковник Г. П. Котов.

Одной из роковых ошибок командования Крымского фронта, как считал Мехлис, было то, что все три армии, 44-я, 47-я и 51-я, оказались развернуты в один эшелон, что резко сокращало глубину обороны и еще более резко ограничивало возможности по отражению ударов противника в случае прорыва. Да, Козлов виноват в этой стратегической задумке, а куда смотрел представитель Ставки? Правда, он не имел командирского

образования, – это его в какой-то мере оправдывало, а потому часть вины падала и на Сталина, направившего свою недавнюю «тень» руководить командным составом по принятию важных войсковых решений, а не надсматривать за командирами. Но к превеликому сожалению, получилось последнее. Надзирательский раж, функции контролера взяли верх над продуманной работой в штабе фронта.

И вот уже командующий фронтом генерал Д. Т. Козлов для него становится «недалеким человеком», «пустышкой», «никудышним командиром». Он потребовал его замены. Командующего 44-й армией генерала С. И. Черняка Мехлис назвал «…безграмотным человеком, неспособным руководить армией. Его начштаба Рождественский – мальчишка, а не организатор войск. Можно диву даваться, чья рука представила Черняка к званию генерал-лейтенанта…» и т. д. и т. п.

Активный участник тех событий, военный контрразведчик, ставший в последующем генерал-майором, Л. Г. Иванов писал:

«…Мехлис не щадил людей, был известен среди командования как человек резкий, решительный, с неуравновешенным характером и почти неограниченными полномочиями, приобретший славу организатора скорых расправ. Отчего некоторые офицеры и генералы его просто боялись… Не имея военного образования и слабо разбираясь в армейском руководстве, Л. Мехлис… не считаясь с мнением специалистов и должностных лиц, зачастую требуя выполнения поставленной задачи через головы прямых начальников, что создавало в работе неразбериху, он сводил на нет инициативу руководителей различных рангов, привносил своим появлением атмосферу подозрительности и нервозности. Он вникал даже в специальные вопросы и давал прямые команды по ремонту танков.

Без указания Л. Мехлиса на Крымском фронте не могли распределяться даже лошади и вооружение! Он правил любые попадавшие ему на глаза приказы, чаще ограничиваясь только литературным редактированием».

Но вернемся к боевым действиям на Крымском фронте.

Что же касается положения наших войск, то Леонид Георгиевич рассказал на одной из встреч в Совете ветеранов Департамента военной контрразведки ФСБ, что фронтовой быт был очень тяжелым. Шли изнурительные, затяжные дожди. Никаких землянок не было и в помине. Все бойцы, включая командование батальона, находились в окопах по колено в грязи. Спать приходилось стоя, прислонившись к углу окопа. Месяцами люди были лишены возможностей поменять белье или искупаться. Вшей было множество. Бывало, засунешь руку за

воротник гимнастерки и на ощупь, не глядя, вытаскиваешь маленький катышек, состоящий из трех, четырех, пяти вшей.

Бои шли с переменными успехами. К сожалению, по целому ряду причин Крымскому фронту не удалось выполнить поставленную Ставкой задачу.

21 апреля 1942 года Крымский фронт вошел в состав Северо-Кавказского направления, которым командовал Маршал Советского Союза С. М. Буденный.

* * *

8 мая 1942 года германский авиационный корпус Рихтгоффена рано утром нанес мощный бомбовый удар на узком участке левого фланга Крымского фронта. А затем без промедления 11-я немецкая армия генерал-полковника Эриха фон Манштейна, усиленная 22-й танковой дивизией, перешла в наступление на Керченском полуострове и уже через восемь дней овладела Керчью. Войска Крымского фронта вынуждены были отступить на Таманский полуостров.

Командование не только полков, дивизий и армий, но и фронта в целом потеряло управление войсками. А как известно, нет управления – нет армии.

Части стали стихийно бросать свои позиции. Некоторые дивизии не могли покинуть Крым, заняли Аджимушкайские каменоломни и до конца 1942 года вели борьбу с гитлеровцами. Немцам помогали крымские татары.

Упоминаемый уже Иванов Л. Г. по этому поводу и в другой обстановке поведал: «Бывший начальник политотдела родимцевской дивизии Федоренко во время моего пребывания в Венгрии рассказывал мне, что он партизанил в Крыму, где был свидетелем многих кровавых акций, проводимых татарами, когда без всяких оснований они расстреливали людей только за то, что те были русскими…»

По воспоминаниям Л. Г. Иванова, «17–18 мая противник прижал нас к берегу Керченского пролива. Я оказался за Керчью, в районе Маяка. Велся беспрерывный обстрел кромки берега, на котором находились толпы людей. Отдельные снаряды выкашивали целые отделения. Многие стрелялись, другие открыто выбрасывали партбилеты, кто-то срывал с себя петлицы. Там и тут валялись останки – руки, головы, человеческие ноги…

День и ночь ужасающие вопли и крики стояли над проливом. Картина была жуткая…

С пирса было видно, что в морской воде находится большое

число трупов, почему-то они были в вертикальном положении. Кто был в шинели, а кто в ватнике. Это были убитые или утонувшие наши люди. Была небольшая волна, и создавалось впечатление, что они как бы маршируют. Страшная картина. Многих она толкала на безрассудные поступки и отчаянные действия…

Был, например, случай, когда четверо здоровых солдат-грузин несли над головой носилки и кричали:

– Пропустите! Пропустите! Мы несем раненого командира дивизии!

Действительно, на носилках лежал военный с четырьмя шпалами на петлицах и перевязанной головой. По его внимательному, настороженному взгляду у меня возникло сомнение – а действительно ли этот человек ранен?

Я приказал положить носилки на пирс и развязать бинт. Никакого ранения не оказалось. Я был в ярости. Вид у меня, наверное, был страшный: на голове каска, несколько дней не бритый, не спавший и не евший. Силы я поддерживал тогда с помощью фляги, наполненной смесью морской воды, сахара и спирта… Военнослужащие яростными криками требовали от меня расстрела полковника, в противном случае грозили расправиться со мной. При таких обстоятельствах я, как оперработник, имевший право расстрела при определенных экстремальных условиях, поставил полковника пирса, левой рукой взял его за грудь, а правой достал пистолет. И тут я увидел, что полковник мгновенно поседел. У меня что-то дрогнуло в душе. Я сказал ему, что выстрелю, но выстрелю мимо, а он пусть падает в воду, словно убитый, и там выбирается, как может. Дальнейшей его судьбы я не знаю».

Еще 11 мая советское командование питало кое-какие надежды на стабилизацию обстановки на Керченском полуострове путем восстановления целостности фронта на Турецком валу. Но в этот же день 22-я танковая дивизия вермахта вышла к Азовскому морю, отрезав нашим войскам пути отхода на Татарский вал. Потери в некоторых советских частях были огромны. Так, на 9 мая 1942 года 55-я танковая бригада полковника П. П. Лебеденко насчитывала 10 КВ, 1 Т-34, 20 Т-26 и 15 Т-60. После тяжелого встречного боя следующего дня в бригаде остался всего один танк. Мрачная картина была на всех участках боевых действий с противником.

14 мая Мехлис отправил Сталину такую телеграмму:

«Бои идут на окраине Керчи, с севера город обходится противником. Напрягаем последние усилия, чтобы задержать противника. Части стихийно отходят. Эвакуация техники и людей

будет незначительной, мы опозорили страну и должны быть прокляты». Поэт, писатель и военный корреспондент К. Симонов, друживший с Л. Мехлисом, писал:

«Мне рассказывали, что после Керченской катастрофы, когда Мехлис явился с докладом к Сталину, тот, не пожелав слушать его, сказал только одну фразу: «Будьте вы прокляты!» – и вышел из кабинета.

Вот уж действительно, как говорил древнеримский поэт Публий Сир, «нет хуже наказания, чем раскаянье».

Так ли это было или сей опус, рожденный после войны, был всего лишь плодом фантазии маститого писателя, сегодняшнему обывателю трудно установить. Правда была только в одном – Сталин крепко обиделся на своего выдвиженца, но не надолго.

* * *

15 мая новый начальник Генштаба А. М. Василевский, сменивший вечером 11 мая 1942 года Б. М. Шапошникова, приказывает – «Керчь не сдавать, организовать оборону по типу Севастополя». Но было уже поздно.

Ни выехавший по приказу Ставки в район расположения штаба Крымского фронта в Керчь главком Северо-Кавказского направления С. М. Буденный, ни представитель Ставки ВГК Л. З. Мехлис уже не могли положительно повлиять на развивающиеся по трагическому сценарию события.

В Крымской трагедии было безвозвратно потеряно около 250 тысяч советских солдат и командиров, что составляло 65 % всего личного состава войск фронта. Со слов генерала, военного контрразведчика Н. К. Мозгова, Петр Иванович Ивашутин рассказывал ему о нескольких неприятных встречах с Мехлисом в Крыму.

«Как армейцев, так и военных контрразведчиков возмущало то, – говорил Ивашутин, – что Мехлис во время пребывания на посту представителя Ставки ВГК занимался тем, что искал среди командиров разных степеней шпионов, вредителей и предателей, в отношении которых организовывал бессудные расстрелы.

Была информация, что нередко и сам нажимал на курок. Офицеры роптали, что Мехлис по ночам пишет доносы на командиров и отправляет их в Москву – Сталину.

По его пасквилю был снят с должности начальник штаба фронта Федор Иванович Толбухин – исключительно порядочный человек, с которым мы встретились позже на Украине. Снят был за то, что посчитал, что идея Мехлиса неподготовленного

наступления будет чревата тяжкими последствиями. Так оно и вышло, но он уже доложил Сталину. Не обладая военной подготовкой, он постоянно встревал, вмешивался в действия командующего и других военачальников…

После провала операции, чувствуя и свою вину в этом, казалось, он искал смерти, разъезжая на «газике» по передовой…

Я видел его измазанным, пыльным, почерневшим во время провала операции. Вот такой образ оставлен им в моей памяти…»

Но Мехлису не суждено было погибнуть от пули или осколка и тем самым разделить судьбу многих из тех, чьи жизни были ему доверены зимой 1942 года, как бы самому Льву Захаровичу этого ни хотелось. В памяти людской он навсегда останется зловещей, а не героической фигурой и одним из главных виновником катастрофы Крымского фронта в мае 1942 года.

В ночь на 20 мая на корабли под огнем минометов и пулеметов погрузились последние подразделения, прикрывавшие эвакуацию остатков войск Крымского фронта на Таманском полуострове.

Директивой Ставки Крымский фронт и Северо-Западное направление были ликвидированы. Остатки войск направились на формирование нового Северо-Кавказского фронта. Его командующим назначили маршала С. М. Буденного.

После разгрома немцами в мае 1942 года Крымского фронта Мехлис всю вину и ответственность за поражение возложил на командиров и командующего генерал-лейтенанта Козлова Д. Т. По существу он дистанцировался от неудач фронта.

Сталин по этому поводу направил шифротелеграмму Мехлису, в которой подверг его поведение резкой критике. В частности, в этом грозном рескрипте он писал: «Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дело Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте вы – не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неуспехи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования.

Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если «вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать», а вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для вас. Значит, вы еще не поняли, что вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки. Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-то вроде Гинденбурга. Но вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов. Дела у вас в

Крыму несложные, и вы могли бы сами справиться с ними.

Если бы вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта, и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымфронте.

И. Сталин».

После разгрома немцами Крымского фронта Мехлис был снят с постов заместителя Наркома обороны и начальника Главного Политического управления Красной Армии и понижен в звании на две ступени до корпусного комиссара.

Но любимец Сталина скоро снова полез наверх – с 1942 г. и по конец войны он член Военных советов ряда армий и фронтов. 6 декабря 1942 года Мехлис получает звание генерал-лейтенанта, а с 29 июля 1944 года он уже генерал-полковник. Может быть, дослужился бы и до маршала, если бы не отмщение за грехи – преждевременная смерть настигла его 13 февраля 1953 года.

У Достоевского в «Братьях Карамазовых» есть такая притча: злодейка совершила единственный добрый поступок – подала нищенке луковицу, и когда она умерла и попала в ад, там нищенка протянула ей луковицу, за которую она уцепилась. Злодейка хотела с помощью этой луковицы выбраться из ада, стала раскручиваться, подтягиваться, и луковица, не выдержав, оборвалась, и злодейка все-таки упала в ад.

Думаю, в конце концов, сталинская луковица, протянутая грешному от пят до головы Мехлису, не оборвалась, он выкарабкался наверх и еще бездарно покомандовал людьми, но уже без расстрелов, – боялся соответствующей реакции офицеров и генералов. В конце войны это были уже другие люди, способные и сами нажать курок в сторону обидчика.

Умер тихо, но и после смерти ему удалось протиснуться в нишу Кремлевской стены. Похоронили с почестями. Без разрешения Сталина его прах не положили бы в Кремлевскую стену. Там он до сих пор и покоится – в рай его, наверное, Господь не пустил.

После крымской трагедии П. И. Ивашутина назначают заместителем начальника ОО НКВД Северо-Кавказского фронта. С первых же дней войны военная контрразведка была подчинена, соответственно, наркоматам обороны и Военно-морского флота в виде третьих управлений каждого ведомства. В НКВД СССР от бывшего ГУГБ остался лишь 3-й отдел, в задачу которого входило контрразведывательное обеспечение пограничных и внутренних войск НКВД, пожарной охраны и милиции.

Во все подразделения военной контрразведки пошла директива 3-го Управления НКО СССР № 34794, за подписью Михеева А. В., предписывавшая сотрудникам активизировать оперативно-разыскную работу в направлениях:

– выявления агентуры противника, нацеленной на акции шпионажа, террора и диверсий;

– предотвращения утечки секретных сведений из штабов и узлов связи в армии;

– предупреждения случаев перехода на сторону врага и дезертирства;

– активизации в борьбе с распространением антисоветских листовок противника, провокационных и панических слухов.

Армейским чекистам снова, теперь уже в боевой обстановке, приходилось перестраивать свою деятельность – активно подключаться к проведению зафронтовой работы на территориях, занятых противником. Уже к весне 1942 года военная контрразведка осуществила ряд весьма успешных операций, связанных с проникновением зафронтовых разведчиков и специально подготовленных агентов в спецорганы и школы Абвера.

23 июля 1942 года Гитлер подписал директиву № 45, в которой излагал замысел врага по овладению Кавказом, он состоял в том, чтобы окружить и уничтожить советские войска южнее и юго-восточнее Ростова и овладеть Северным Кавказом. Затем предполагалось обойти Главный Кавказский хребет с запада и востока, одновременно преодолев его с севера через перевалы. С выходом в Закавказье враг надеялся парализовать базы Черноморского флота, установить непосредственную связь с турецкой армией (26 дивизий которой были уже развернуты на границе с СССР), а также создать предпосылки для вторжения на Ближний и Средний Восток.

Для выполнения этих задач предназначалась группа армий «А» (генерал-фельдмаршал В. Лист) в составе 1-й и 4-й ТА, 17-й армии, румынской 3-й армии и часть сил 4-го воздушного флота (всего 167 тыс. человек, 1130 танков, 4540 орудий и минометов, до 1000 самолетов).

Вражеской группировке противостояли войска Южного (генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский) и часть сил Северо-Кавказского (Маршал Советского Союза С. М. Буденный) фронта, в составе 51-й, 37-й, 12-й, 18-й, 56-й армий и 4-й воздушной армии (всего 112 тыс. человек, 121 танк, 2160 орудий и минометов, 130 самолетов).

Гитлер присвоил этой операции условное наименование «Эдельвейс», с нашей стороны она носила условное наименование

«Битва за Кавказ». С 25 июля по 31 декабря 1942 г. операция была оборонительной, а с 1 января по 9 октября 1943 г. стала называться наступательной.

25 июля противник начал наступление с плацдармов в нижнем течении Дона на сальском, ставропольском и краснодарском направлениях. Войска Южного фронта вынуждены были в беспорядке отступать на юг и юго-восток. Выход танковых и моторизованных войск противника в Задонские и Сальские степи и на степные просторы Краснодарского края создал серьезную угрозу его прорыва в глубь Кавказа.

Ставка ВГК образовала 28 июля из войск Южного и Северо-Кавказского фронтов один Северо-Кавказский фронт (Маршал Советского Союза С. М. Буденный), подчинив ему в оперативном отношении Черноморский флот и Азовскую военную флотилию.

В течение августа-декабря 1942 г. советские войска провели Армавиро-Майкопскую, Новороссийскую, Моздок-Малгобекскую, Туапсинскую, Нальчикско-Орджоникидзевскую оборонительные операции. Противник был остановлен.

Ивашутин назначается заместителем начальника Особого отдела НКВД Северо-Кавказского фронта.

К этому времени Петр Иванович приобрел уже достаточный контрразведывательный опыт начальника, все-таки руководил ОО НКВД 23-го стрелкового корпуса в советско-финляндской войне и послужил в рангах заместителей начальника 3-го отдела ОО НКВД ЗакВО и ОО НКВД Крымского фронта. И если в Финляндии он решал контрразведывательные задачи в наступлении войск, то в Крыму и Закавказье в основном при отступлении или обороне.

Здесь нужно было ориентировать оперсостав и агентуру на выявление в первую очередь трусов, дезертиров, паникеров, членовредителей, изменников Родине, диверсантов, террористов, бандпособников и т. п.

Но никто с особистов не снимал задачу выявления недостатков в боеготовности войск, обращая внимание на их действия в обороне, при отходе на заранее подготовленные позиции, при этом важно взаимодействие войск в масштабе соединений в полосе фронта. Связь, инженерные сооружения, стрелковое вооружение, снабжение горюче-смазочными материалами, боеприпасами, тактика боевых действий – вот далеко не полный перечень контрразведывательных задач, которые решал Петр Иванович вместе со своими подчиненными.

Он знал о приказе Ставки сохранить любыми способами заводы по переработке нефти в Грозном и Махачкале, не пустить противника к нефти в Чечено-Ингушетии. Здесь Ставкой были сосредоточены крупные силы войск ПВО для борьбы с немецкой

авиацией. На место выехал командующий войсками ПВО генерал-лейтенант Громадин М. С., чтобы лично проанализаровать сложившуюся воздушную обстановку, оценить силы и средства свои и противника.

Накануне Ивашутину П. И. принесли несколько сообщений секретных осведомителей по действиям войск ПВО. Они сообщали, что боевые действия ПВО протекают в сложных прифронтовых условиях: расстояние от города до переднего края по прямой не превышает 50 км, поэтому подлетное время исчисляется 12–15 минутами. Немецкие самолеты появляются внезапно, и орудийные расчеты не успевают добежать из блиндажей до орудий, враг успевает отбомбиться. Агентура предлагает орудийные расчеты держать при орудиях посменно.

Эту информацию Ивашутин П. И. довел до командующего Северо-Кавказским фронтом маршала Буденного С. М., который потребовал от генерал-лейтенанта Громадина М. С. действовать так, как советуют особые отделы.

Вместе с тем от секретных осведомителей поступала информация о недостатках командования фронтового звена по управлению войсками в оборонительной операции, отсутствии оборонительных районов, слабом использовании инженерного оборудования, глубина полосы обороны армии не превышала 15–25 км, а плотности в среднем составляли: одна дивизия на 15 км фронта, танков – 1,6, орудий и минометов – 7,5, противотанковых орудий 1,5, орудий зенитной артиллерии – 1,3 на 1 км фронта обороны. Такая оборона не обеспечивала достаточной устойчивости, носила очаговый характер, была слабой в противотанковом отношении.

Об этих и других недостатках в боеготовности и боеспособности войск вести оборонительные бои готовил П. И. Ивашутин докладные записки руководству НКВД и командованию.

Посколько такая информация поступала в Ставку от руководства НКВД и с других фронтов, Ставка принимает решение о внесении изменений в боевой устав пехоты. В 1942 г. выходит новый Боевой устав пехоты (БУП-42).

В битве за Кавказ Северо-Кавказскому фронту была поставлена задача восстановить положение по южному берегу Дона. Войскам Закавказского фронта (генерал армии И. В. Тюленев) было приказано завершить подготовку обороны и занять оборонительные рубежы по рекам Терек и Урух и перевалам Главного Кавказского хребта, а также создать оборону на направлении Грозный, Махачкала.

Участвуя в оборонительных боях, особисты получали очень

важную информацию по вопросам боеготовности войск в обороне. Так, осведомители сообщали, что огневые сооружения возводятся на вершинах, курганах, заметных издали и зачастую нанесенных на карты. Такие сооружения будут легко разбиты артиллерией противника. А на ровной местности возводятся ДОТы с высокими насыпями, сразу выдающими местонахождение огневой точки, становящейся легкой жертвой артиллерии противника. На некоторых участках огневые сооружения располагаются чрезвычайно кучно, благодаря чему противник имеет возможность расстреливать их, не меняя прицела, в силу естественного рассеивания снарядов. Предлагалось шире использовать вместо ДОТов бронеколпаки в силу их дешевизны изготовления и удобства расположения, доставки, переноса с места на место. Командование фронта с благодарностью относилось к такой информации.

...

«Докладная записка Управления НКВД Закавказского фронта заместителю

наркома обороны СССР
В. С. Абакумову

об итогах оперативно-чекистских мероприятий по борьбе с изменой Родине.

5 августа 1942 Сов. секретно

С 25 по 30 июля с.г. в ходе оборонительной операции «Битвы за Кавказ» получены данные об измене Родине военнослужащих 9-й армии на участке Грозный – Махачкала. Изменили Родине 19 военнослужащих. Управлением НКВД совместно с командованием 9-й армии была проведена операция по инсценированию под видом групповой сдачи в плен к противнику группы военнослужащих 14-го стрелкового корпуса. Операцию проводили опытные оперативные работники во главе с начальником особого отдела корпуса.

Операция проходила в ночь с 1 на 2 августа с.г. на участке 14 корпуса с задачей: под видом сдачи в плен наших военнослужащих сблизиться с немцами, забросать их гранатами, чтобы противник в будущем каждый переход на его сторону групп или одиночек изменников встречал огнем и уничтожал их.

Для проведения операции были отобраны и тщательно проверены трое военнослужащих из числа наших секретных осведомителей, смелых и преданных Родине.

Характеризующие данные на участников группы: пом. командира взвода разведроты мл. сержант Володин С. С., 1920 г. рождения, уроженец и житель Москвы, русский, член ВЛКСМ, образование 7 классов, из рабочих. Участвовал в трех боевых операциях, имеет медаль «За боевые заслуги».

Красноармеец штрафной роты Демидов, 1910 г. рождения, уроженец и житель деревни Износки Калужской области, из крестьян, женат, имеет двоих детей, судим за кражу мешка ржи. Участвовал в боях, имеет ранение.

Красноармеец Головин, 1918 г. рождения, житель г. Краснодара, женат, имеет двоих детей, беспартийный, отчаянно смелый, участвовал в рейдах по тылам врага, награжден медалью «За боевые заслуги».

1 августа участники группы были отведены в тыл корпуса, где под руководством опытных разведчиков прошли специальную тренировку. При подготовке особое внимание было обращено на умение участвующих в операции эффективно

забросать немцев гранатами и быстро скрыться после ее выполнения. Подготовка проводилась на местности, аналогичной той, где намечалась операция. Замысел операции был доведен до командования корпуса, определена огневая поддержка и определены действия на случай не предусмотренных операцией событий.

2 августа около 5 часов утра группа вышла на исходный рубеж, подползла к немецкому проволочному заграждению, встала и, подняв руки с мнимыми листовками, начала искать проход в проволочном заграждении.

Немцы сразу же заметили идущих и стали звать их к себе. Несколько немцев с офицером вышли навстречу группе, и как только они подошли на расстояние броска гранаты, наши смельчаки забросали их гранатами и вернулись в расположение своих войск. Одновременно по команде командования был открыт огонь из всех видов оружия.

Участники группы представлены к наградам.

Отделу контрразведки 9-й армии даны указания о проведении аналогичных операций.

Замначальника Управления контрразведки НКВД Закавказского фронта Ивашутин П. И.»

Оперсоставом военной контрразведки фронта от своей зафронтовой агентуры были получены оперативные данные о том, что подразделения немецких егерей пытаются пробиться к Эльбрусу. Цель – засвидетельствовать моральную победу над двумя кавказскими вершинами. По инициативе особых отделов командование фронта приняло меры по сбору сведений о

наличии в войсках красноармейцев с альпинистской подготовкой, чтобы дать достойный отпор противнику при восхождении на Эльбрус. К сожалению, вовремя создать такое формирование не удалось.

21 августа 1942 года гауптман вермахта Грот в сопровождении 16 егерей выступили из места дислокации подразделения к Западной вершине Эльбруса. Через некоторое время немцы разбили лагерь для штурма высоты. Грот отобрал себе пять егерей, – им предстояло покорить Восточную вершину. Другая группа направлялась на штурм Западного пика горы. Вскоре обе группы достигли успеха, – знамена со свастикой затрепетали на сумасшедшем ветру обоих вершин Эльбруса.

На следующий день берлинское радио оповестило весь мир о высокогорной победе вермахта. Немецкие газеты и журналы запестрели фотографиями гауптмана Грота и его егерей на фоне заснеженных вершин советского Кавказа. Они на сутки стали национальными героями, так как уже очередные номера газет печатали материалы с фотографиями о «подвигах» других солдат и офицеров вермахта на полях сражений. Средства массовой информации боятся постоянства – страницы журналов и газет любят все новых и новых героев, – так жаждет читатель.

Получив данные о попытке преодоления немцами Кавказских гор, наша авиация среагировала оперативно быстро, она довольно точно отбомбилась. Немцам пришлось скатиться по снежному желобу вниз, не захватив Закавказье. Наши же альпинисты, горновосходители, любители каменистых утесов находились в разных частях Красной Армии. Они писали в Ставку ВГК о необходимости создания подразделений советских егерей – горных стрелков. Их призывы, хотя и с опозданием, но были услышаны. Энтузиасты-альпинисты нашли себе покровителя в лице командующего Закавказским фронтом – генерала армии Ивана Владимировича Тюленева. Вскоре по его указанию на основании директив сверху были созданы специальные горнострелковые подразделения, а потом и части.

Итак, 13 февраля 1943 года в ревущую непогоду на штурм Западной вершины ушли наши доблестные воины: Н. Гусак, А. Сидоренко, Е. Белецкий, Е. Смирнов, Г. и Б. Хергиани. Шли в тулупах, валенках с кошками, ледорубами и автоматами ППШ. Задача была одна – снять позорные фашистские штандарты с наших гор. Базовый лагерь немцы полностью заминировали, а продовольствие облили керосином и измазали дерьмом. Но все-таки, благополучно преодолев все преграды, советские воины-альпинисты добрались до макушки западной части Эльбруса и завладели вражеским штандартом.

Другая группа шла на Восточную вершину. Ее возглавили офицеры-альпинисты А. Гусев и В. Лубенец. Кроме них, в группу входили Б. Грачев, Н. Персиянов, Л. Кельс, Г. Сулаквелидзе, Н. Маринец. А. Багров, А. Грязнов, Г. Однолюбов, А. Немчинов, В. Кухтин и Н. Петросов. Вскоре и они достигли цели, сфотографировав и засняв на кинокамеру снятие фашистских флагов.

20 марта 1943 года командование Закавказским фронтом подписало приказ о награждении участников горной экспедиции. А 21 марта в Тбилиси в штабе фронта офицер А. Гусев доложил командующему фронтом И. В. Тюленеву о выполнении поставленной задачи и передал остатки немецких штандартов – два двухсантиметровых лоскута, намотанных на древко. Это все, что оставил свирепый эльбрусский ветер от гитлеровских, ненавистных и ему, очевидно, флагов. Сама природа, казалось, расправилась с фашистской символикой, отторгнув ее на больших высотах нашей земли.

– Как я знаю, эдельвейс – это же альпийский цветок, в горах Кавказа он не растет, – заметил с улыбкой командующий.

В этих словах офицеры уловили глубокий подтекст – не удастся закрепиться фашистам в горах, где для них «ничего нет хорошего, только ледяное ломкое крошево».

Опыт, полученный в боевых действиях на советско-финляндской войне, подсказывал Ивашутину одну непреложную истину – оперативный состав должен работать в войсках энергично и инициативно.

Подчиненные, работавшие под его руководством, знали, что их начальник придерживается мнения – особист обязан быть вместе со своим подразделением или частью. Если надо, лежать на животе или идти в атаку, не забывая главное – знать процессы, протекающие в армейских коллективах.

Подчиненные знали, Ивашутин отличается и строгостью, и требовательностью, и взыскательностью. Без этого нельзя быть руководителем. Но в строгости своей Петр Иванович неизменно был справедлив. Такая строгость не унижает подчиненных, не отпугивает их от руководителя, наоборот, помогает им становиться лучше. Одновременно Петр Иванович был чуток, доброжелателен к подчиненным, даже в боевых условиях внимателен к нуждам подчиненных.

Строгость и чуткость, требовательность и сердечность, сосредоточение на воспитании у личного состава высоких моральных и профессиональных качеств, умение объединить оперсостав на решение оперативных задач, в доходчивой форме, спокойно, уважительно разъяснить стоящие перед фронтом,

армией, дивизией, полком, батальоном задачи, стоили многого. Авторитет у него был высоким.

Подчиненные очень высоко ценили его жизненный, армейский и чекистский опыт. Высокая личная ответственность за порученное дело, умение подбирать и выращивать трудолюбивых, энергичных работников, способных инициативно подходить к выполнению оперативных задач в боевых условиях.

Уважаемый читатель, если вы докладываете рабочие материалы, подготовленные вами или вашими подчиненными своему начальнику, то вы вольно или невольно смотрите в глаза начальнику с невысказанным вопросом – «А ты можешь решить эту проблему? Есть ли у тебя, руководителя, пути решения этой проблемы?», «Как надо поступить, чтобы и овцы были целы, и волки сыты?» И если вам повезло, если перед вами руководитель высокого профессионального уровня, то вы уходите от него окрыленным и вдохновленным. Вот за высокий профессионализм его и любили подчиненные и уважало руководство.

С 03.09.1942 г. по декабрь 1942 г. П. И. Ивашутин проходит службу в должности заместителя начальника ОО НКВД Черноморской группы войск Закавказского фронта. Группа была образована 1 сентября 1942 г. с целью обороны приморского направления. В состав группы вошли войска 12-й, 18-й, 47-й, 56-й армий и 4-й гвардейский кавалерийский корпус. С воздуха ее поддерживали 5-я воздушная армия и авиация Черноморского флота. Группа участвовала в Битве за Кавказ 1942–1943 гг. В сентябре – декабре 1942 г. завершила Новороссийскую операцию и провела Туапсинскую операцию 1942 г. С января 1943 г. наступала в направлении на Краснодар. Упразднена 5 февраля 1943 г. в связи с передачей ее войск во вновь образованный Северо-Кавказский фронт. Командующие: генерал-полковник Я. Т. Черевиченко (сентябрь 1942 г.), генерал-лейтенант И. Е. Петров (октябрь 1942 – февраль 1943 г.).

Обе операции носили оборонительный характер, обе использовали заранее созданные оборонительные районы и являлись частью Битвы за Кавказ. В обоих случаях шли ожесточенные бои, но немцы понесли большие потери в людях и технике, однако преодолеть советскую оборону не смогли. Противник через Новороссийск и Туапсе не смог прорваться в Закавказье.

С января 1943 г. по 29 апреля этого же года П. И. Ивашутин назначается начальником ОО НКВД 47-й армии, которая активно участвует в Битве за Кавказ в составе Северо-Кавказского фронта до октября 1943 года. Это в какой-то мере понижение, зато самостоятельная работа.

Как видит читатель, все перемещения Ивашутина связаны с переименованиями фронтов, можно сказать, что служба его прошла в одном регионе.

Встреча с Абакумовым

Петр Иванович Ивашутин руководил коллективом военных контрразведчиков 47-й армии, сражавшейся на Северном Кавказе. Прорыв советского фронта под Харьковом и последующее взятие Ростова-на-Дону открыли перед Гитлером не только реальную перспективу выхода в Закавказье к бакинской нефти, но и возможность захватить Сталинград – важнейший транспортный узел и крупный центр военной промышленности.

Баку и Северный Кавказ были основными источниками нефти для всей экономики СССР. После потери Украины резко возросло значение Кавказа и Кубани как источников зерна. 47-я армия была сформирована 1 августа 1941 года на основании приказа командующего Закавказским военным округом (ЗакВО) от 26 июля 1941 года в составе ЗакВО на базе 28-го механизированного корпуса для прикрытия государственной границы СССР с Ираном. Первоначально в ее состав входили: 236-я стрелковая дивизия, 63-я и 76-я горнострелковые, 6-я и 54-я танковые дивизии, 116-й и 456-й артиллерийские полки и другие части.

В конце января 1942 года армия начала перегруппировку и сосредоточение на Керченском полуострове, где 28 января вошла в состав Крымского фронта. Участвовала в наступательных и оборонительных боях советских войск на Керченском полуостраве. В мае 1942 г. эвакуировалась на Таманский полуостров. С 20 мая входила в Северо-Кавказский фронт, с 17 августа участвовала в Новороссийской оборонительной операции, с 1 сентября 1942 г. входила в Черноморскую группу войск Закавказского фронта.

В конце апреля 1943 г. Управление ОО НКВД СССР вызвало в центр генерала Ивашутина П. И. Москва 1943 года все еще походила на прифронтовой город, да по существу и являлась им. Соблюдалась весьма строго светомаскировка, но налеты врага уже становились все реже и реже. Жители привыкли к ним, и очереди у убежищ при воздушных тревогах почти исчезли. Чувствовалась внутренняя собранность всех москвичей – от ребенка до глубокого старика.

Во всем были видны уважение к армии, ее воинам и действительно всенародная забота о них. Нередко можно было видеть, как солдатам и командирам уступают места в метро, трамвае, автобусе, без очереди обслуживают в магазинах, предоставляют лучшие места на концертах, в кино, театрах, и все это без какого-либо указания свыше, от чистого сердца.

Такое уважение к своим воинам бывает только у славянских народов.

А еще генерал П. И. Ивашутин всегда и во всем пользовался принципом: «Жизнь – это честная игра. И надо играть в ней по правилам».

На следующий день после приезда в Москву Ивашутина принял начальник Управления особых отделов НКВД генерал-лейтенант Виктор Семенович Абакумов – симпатичный кареглазый высокий мужчина с прямоугольным лицом, высоким лбом и аккуратно зачесанными назад темно-русыми волосами. Кабинет начальника представлял собой не очень большую комнату. Письменный стол и рядом стоящий приставной были покрыты зеленым сукном.

Ивашутина удивило то, что Абакумов сидел на деревянном стуле, а у приставного столика для гостей были поставлены мягкие кресла, обитые черным хромом. На столе стояли небольшие настольные часы, фарфоровая фигурка в виде сидящего олененка, коричневого цвета.

В левом углу горела зеленая шапка настольной лампы на бронзовой ножке и круглой мраморной подставке.

В правом углу находился чайный столик с заварным чайником. Два окна были завешены полуприкрытыми портьерами из плотной ткани. Массивные чугунные батареи, как показалось Ивашутину, излучали то тепло, которое создает дополнительный уют и способствует работоспособности кабинетного работника.

Абакумов поинтересовался положением на фронте, успехами контрразведывательной работы, коснулся он и зафронтовых негласных возможностей отдела, их конкретной отдачи за последнее время.

Потом Виктор Семенович неожиданно стал осыпать подчиненного коротенькими, казалось, далекими от служебных, вопросами, – бытовыми.

– Где обитает ваша семья? Что вы о ней знаете?..

– Если честно, то, к своему стыду, не знаю о ней, товарищ генерал-лейтенант, ничего… Связь с семьей сразу же оборвалась с началом войны, – во время эвакуации это случилось… Семейство небольшое – жена, двое детей да мои родители.

Абакумов сочувственно посмотрел на Ивашутина.

– Ах, война, сколько судеб человеческих переломала… Ничего, Петр Иванович, не беспокойтесь. Я обещаю навести справки, надежда умирает последней, – участливо пообещал шеф. – Хотя, как говорят, нельзя жить надеждой, но и без надежды нельзя жить.

На следующий день начальник опять вызвал к себе

Ивашутина. Хозяин кабинета, было видно, что находится в хорошем настроении.

– Нашлось, Петр Иванович, ваше семейство… Все ваши родственники живут в далеком и теплом Узбекистане, а точнее в Ташкенте. Завтра садитесь в мой самолет и мигом на встречу с семьей.

– ???

– Чего вы смутились? Готовьтесь, готовьтесь к полету. Далековато лететь, но это вам не в диковинку, выдержите, вы же летун-профессионал. Вспомните небо. Сегодня ведь больше приходится по земле ходить.

– Да, Виктор Семенович, земля – наша колыбель. На ней рождаемся, по ней ходим и в нее уходим…

– Что верно, то верно.

* * *

В Ташкенте Ивашутин, не без помощи своих коллег-контрразведчиков, быстро разыскал жену, детей и родителей. Встреча была необыкновенно трогательной и теплой со слезами радости на глазах. Семья проживала в глинобитной халупе без окон, с земляным полом, вместо дверей был матерчатый полог. Пищу готовили на печке. Топили хворостом, жухлой травой и сухими кизяками. Особисты из Среднеазиатского военного округа в дальнейшем помогли семье – нашли небольшую комнату в коммунальной квартире…

Родители и жена засыпали вопросами, как воюется, долго ли еще стране находиться в таком положении, когда Красная Армия разобьет гитлеровскую Германию?

– Думаю, что скоро. Тяжело, но скажу, отец, по-твоему, по-паровозному – поршень медленно, но уже пошел вперед, а это значит, задан вектор движения на Запад. Никто наш «красный бронепоезд» уже не остановит.

– Рад, рад такое слышать от тебя, – обрадовался отец.

Возвратился Ивашутин в Москву окрыленным и радостным. Естественно, успокоился – семейство найдено. Захотелось с новой силой под влиянием искренней заботы начальства и положительных эмоций взяться за работу. Окунуться в анализ оставшихся материалов, побывать в особых отделах дивизий, пообщаться с оперсоставом.

Он жил в стихии военной контрразведки, как стрижи живут в стихии воздушного пространства, и то, что казалось некоторым наблюдателям со стороны терзанием себя на службе и

нарушением некоторых корпоративных правил, на самом деле было виртуозным владением всей окружающей его оперативной обстановкой. Она была для него основой, из которой рождались планы операций и их реализация в виде конкретных результатов по борьбе со шпионажем, диверсиями и терроризмом.

На следующий день утром из кабинета направленца на Лубянке Ивашутин доложил Абакумову по телефону о благополучном прилете и поблагодарил его за помощь и внимание.

– Зайдите, – властно ответила трубка и после короткого щелчка сразу же замолчала.

Через минут пять-семь Петр Иванович был уже в кабинете у Абакумова. Всякие мысли, в том числе и дурные, лезли в голову начальнику особого отдела армии.

«Может, что случилось в отделе после моего отъезда? – подумал Ивашутин. – Но об этом мне бы сказал направленец. Он бы узнал в первую очередь о вероятном ЧП, если, конечно, информация не прошла через голову».

Представился, как положено, по-военному…

Абакумов как-то нехотя встал из-за стола, сапогом отодвинул легкий стул в сторону, поправил широкий ремень на гимнастерке и, крепко пожав руку своему подчиненному, торжественно произнес:

– Товарищ Ивашутин, вы назначаетесь начальником особого отдела Юго-Западного фронта…

– ???

– Фронт особенный, находится на острие нашей битвы с фашистами. Думаю, не подведете?!

– Приложу все усилия, чтобы оправдать ваше высокое доверие, – стандартно ответил Ивашутин, а у самого в груди сердце забухало так, что, казалось, стук его ударов услышит сам хозяин кабинета.

– Я верю вам, – проговорил Абакумов, словно торопился куда-то. – Поезжайте в войска. – Удачи вам.

– Спасибо.

Начальник военной контрразведки страны был скуп на слова, но зачем было их плодить; все стало ясно для Ивашутина – ему доверили Управление Особого отдела фронта. Надо будет оправдать это доверие конкретными оперативными результатами.

Судьба же начальника Управления особых отделов, руководителя СМЕРШа и министра госбезопасности СССР сложилась трагично…

Подковерная борьба с завистью, клеветой, обидами, амбициями и местью Берии, Хрущева и Маленкова, а также

некоторых сослуживцев, сделали свое черное дело – 12 июля 1951 года В. С. Абакумов был арестован по обвинению в измене Родине и совершении других государственных преступлений. Его пытали, заставляли дать показания на других коллег. В том числе на своих заместителей, генералов Н. Н. Селивановского и Е. П. Питовранова, но он оказался на редкость смелым и порядочным человеком и никого не оклеветал.

После смерти Сталина Хрущев, понимая, что Абакумов является свидетелем прямого участия многих партийных чиновников в проведении репрессий, в том числе и самого Никиты Сергеевича, приказал срочно осудить и казнить Виктора Семеновича.

19 декабря 1954 года, как раз в очередную годовщину создания военной контрразведки, Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила бывшего министра госбезопасности Абакумова по статье «За измену Родине» к исключительной мере наказания – расстрелу.

В тот же день на свой профессиональный праздник руководитель легендарного СМЕРШа, переигравшего в незримых баталиях гитлеровский Абвер вместе с другими спецслужбами Третьего рейха, был расстрелян. Случайностей в таких делах не бывает. Это еще одна грань «таланта» политического волюнтариста Никиты Хрущева. Он боялся разоблачений – впереди его ждали архивы, которые он глубоко «пропололл», реабилитируя сам себя.

Кто-то из великих сказал, что в принципе политик должен быть злодеем, иначе он будет плохо управлять обществом. Порядочный человек в роли политика – это все равно что чувствующая паровая машина или кормчий, который объясняется в любви, держа рулевое колесо: корабль идет ко дну. Бездарные политики всегда норовят смыть свой позор чужой кровью.

Интересно и глубоко оценил П. И. Ивашутин деятельность В. С. Абакумова в своих воспоминаниях:

«Принижать заслуги Абакумова в успешной работе ГУКР СМЕРШ несерьезно…

Практические результаты деятельности СМЕРШа оказались выше, чем у НКГБ, что и стало причиной выдвижения Абакумова».

При всем том, в чем обвиняется Сталин, у вождя было чутье на молодые и талантливые кадры, которых он двигал и при малейшем недоверии к ним ниспровергал, порою быстро и жестоко.

Рождение СМЕРШа

Победы Красной Армии под Сталинградом в ходе ожесточенных боев в ноябре 1942 – феврале 1943 годов положила начало коренному перелому в войне. Стратегическая военная инициатива переходила к советским войскам. Военная контрразведка так же, как и армия, понимала, что надо воевать ей с тайным противником в наступательном ключе. По всем признакам в доме на Лубянке сотрудники чувствовали, что в наркомате назревает реорганизация. Слухи о реформировании военной контрразведки вскоре подтвердились.

В марте 1943 года первый заместитель наркома внутренних дел В. Н. Меркулов собирает в Москве срочное совещание начальников особых отделов ряда фронтов и армий. Начальник Управления особых отделов В. С. Абакумов почему-то на нем не присутствовал, – говорили, по одной версии, находился в командировке. По другой – Меркулов не пригласил его на это совещание. Трения у них не прекращались. По третьей – Абакумов находился на больничном.

В начале совещания, как представитель руководства наркомата, выступил, естественно, Меркулов. Он отметил положительные стороны в деятельности особых отделов.

В частности, замнаркома заявил:

«За период Великой Отечественной войны особые отделы работали много, добросовестно, в общем, неплохо выполняя свой долг перед Родиной… Центральный Комитет партии и товарищ Сталин требуют, чтобы особые отделы, эти боевые органы военной контрразведки, особенно в период Великой Отечественной войны, работали еще лучше, таким образом, чтобы ни один шпион, диверсант или террорист не мог ускользнуть от зорких глаз особистов».

Первым на форуме армейских чекистов выступил начальник Особого отдела Юго-Западного фронта П. В. Зеленин. Он поставил интересный вопрос – о необходимости более тщательного изучения особыми отделами военных округов личного состава воинских соединений в период их формирования в тылу и в пути следования к линии фронта.

Зеленин подробно остановился на практике зафронтовой работы: отработке легенд прикрытия при направлении разведчиков и агентов в тыл противника, их тщательной экипировке, на внимательном изучении района выброски.

Заместитель начальника Управления особых отделов НКВД СССР – начальник Особого отдела НКВД Центрального фронта

Л. Ф. Цанава внес предложение о реорганизации аппаратов особых отделов, работавших по объектовому принципу, с тем чтобы они перешли на линейный принцип деятельности контрразведки.

В смысл этой работы он вкладывал – борьбу со шпионажем, диверсиями, террором, предательством и изменой Родине, пресечение антисоветских проявлений в частях Красной Армии и, наконец, борьбу с дезертирством и членовредительством.

Одновременно он призвал собравшихся «отказаться от контрольных цифр» и смелее практиковать «перевербовку заброшенных агентов, в первую очередь из тех, кто явился с повинной».

Начальник Особого отдела НКВД Калининского фронта Н. Г. Ханников говорил о необходимости обслуживания особыми отделами партизанских отрядов и устранения двойного подчинения работников особых отделов.

А начальник Особого отдела Северо-Кавказского фронта М. И. Белкин – о создании маневренных оперативно-чекистских групп в боевых порядках наступающих войск, задача которых – захват агентуры и документов противника, арест пособников оккупационного режима.

В выступлении начальника Особого отдела Северо-Западного фронта И. Я. Бабича прозвучало предложение о более тесном взаимодействии военных контрразведчиков с территориальной контрразведкой. В этих целях, по его мнению, сотрудники 2-го Управления НКВД СССР могли быть прикомандированы к аппаратам особых отделов.

Большинство участников совещания говорили о необходимости решения кадровых проблем, в частности, путем создания курсов переподготовки и направления в особые отделы наиболее опытных чекистов. Они как бы подчеркивали, что главный участок борьбы с неприятелем не тыл, а фронт. Там решается в первую очередь судьба страны.

По окончании совещания все предложения выступавших армейских чекистов были обобщены в аппарате первого заместителя наркома внутренних дел.

31 марта 1943 года Верховный принял руководителей НКВД СССР – Л. П. Берия, В. Н. Меркулова и В. С. Абакумова.

К 1 апреля В. Н. Меркулов готовит проект постановления об образовании Наркомата госбезопасности и схему структуры ведомства с объяснительной запиской, которые за подписью Берия за № 334/Б от 2 апреля того же года направляются на имя И. В. Сталина.

Согласно этому документу, все оперативно-чекистские

управления и отделы выделялись из НКВД СССР, и на их базе организовывался самостоятельный Наркомат госбезопасности.

По замыслу авторов проекта, Управление особых отделов, как входящее в состав нового ведомства, должно было функционировать в качестве одного из управлений контрразведки НКГБ под названием СМЕРИНШ. Эта аббревиатура расшифровывалась как «Смерть иностранным шпионам!».

Задачи и направления оперативной деятельности данного подразделения ничем не отличались от функций предшественника. Согласно проекту, в связи с реформой силовых ведомств Л. П. Берия и В. Н. Меркулов должны были представить свои предложения о назначении руководящего состава по НКВД СССР и НКГБ СССР.

Как видно из документов, проект не прошел. Поэтому к 4 апреля В. Н. Меркулов подготовил его новый вариант за № 340/Б с объяснительной запиской, направленной на утверждение в Государственный Комитет Обороны (ГКО) И. В. Сталину.

В этом варианте проекта определенные ранее задачи и наименование нового управления военной контрразведки не изменялись. Дополнительно предлагалось в управлении СМЕРИНШа усилить технические отделы и создать новые подразделения с функциями по работе в тылу противника. По-видимому, последнее обстоятельство с учетом наличия отдельного зафронтового управления в составе НКГБ не позволило Верховному Главнокомандующему согласиться с очередными предложениями руководства НКВД СССР.

Никаких сведений о дискуссии по поводу реформы органов безопасности, о чем писали некоторые «свидетели» того сложного процесса, не сохранилось, но очевидно, что И. В. Сталин не допустил проволочек и принял решение вернуться к реформе по той же схеме, которая была проведена накануне войны.

Это решение выглядело логичным, так как военная обстановка и оперативная ситуация в 1943 году диктовали необходимость объединения усилий руководства обороной государства и обеспечением безопасности в армии и на флоте. Нужны были перемены и в самих структурах огромного и неповоротливого аппарата НКВД СССР, обеспечивавшего охрану тыла фронта и коммуникаций, курировавшего стратегические стройки, места заключения и располагавшего для этого специальными войсками разного назначения.

13 апреля у И. В. Сталина проходит новое совещание с руководством НКВД СССР в том же составе, а через день нарком обороны приглашает своего будущего заместителя по главку военной контрразведки.

Наконец два руководителя НКВД СССР, В. Н. Меркулов и В. С. Абакумов, представили в ГКО на имя И. В. Сталина для утверждения проекты Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР об организации Главного управления контрразведки СМЕРШ Наркомата обороны, Управления контрразведки СМЕРШ Наркомата Военно-морского флота и Отдела контрразведки СМЕРШ Наркомата внутренних дел СССР, а также Положения о ГУКР СМЕРШ НКО СССР и его органах на местах. Причем СМЕРШ в первом из названных проектов расшифровывался как «Смерть шпионам!».

Наименование СМЕРШ подчеркивало, что во главу всех задач военной контрразведки ставится «бескомпромиссная борьба с подрывной деятельностью иностранных разведслужб против сражающейся Красной Армии».

Эта идея, скорее всего, родилась в недрах ведомства и была одобрена И. В. Сталиным.

18 и 19 апреля он принимает Берия, Меркулова и Абакумова, и вопрос о создании нового органа военной контрразведки был окончательно согласован.

19 апреля 1943 года проект постановления СНК (третий вариант), отработанный в НКВД и согласованный с Верховным Главнокомандующим, был подписан уже без исправлений, за исключением того, что И. В. Сталин утвердил его как глава правительства, а не представитель ГКО.

Согласно постановлению Совнаркома за № 415–138 сс, из ведения НКВД СССР были изъяты Управление особых отделов, в том числе и Морской отдел данного подразделения, на базе которых образовались Главное управление контрразведки (ГУКР) СМЕРШ НКО и Управление контрразведки СМЕРШ НК ВМФ. Одновременно в системе НКВД СССР на базе 6-го отдела Управления особых отделов был организован Отдел контрразведки СМЕРШ НКВД СССР, который обеспечивал безопасность учреждений и войск Наркомата внутренних дел.

Контрразведка СМЕРШ НКО СССР, по сути, решала те же задачи, что и бывшее УОО НКВД СССР. Они были конкретизированы в соответствующих пунктах постановления:

– борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии;

– принятие через командование необходимых оперативных и иных мер «к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов»;

– борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях армии, с дезертирством и членовредительством на фронтах, проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника, а также «выполнение специальных заданий народного комиссара обороны».

Специальным пунктом постановления было отмечено, что органы СМЕРШа освобождаются от выполнения других, кроме изложенных выше, задач.

Этим же актом повышался статус начальника ГУКР СМЕРШ НКО. Он объявлялся заместителем наркома обороны, т. е. И. В. Сталина, и подчинялся, как было записано, «непосредственно ему».

Заместителем народного комиссара обороны и начальником Главного управления контрразведки СМЕРШ НКО СССР был назначен В. С. Абакумов. Он и его заместители по СМЕРШу П. Я. Мешик, Н. Н. Селивановский и И. Я. Бабич в связи с новыми назначениями освобождались от своих прежних постов в центральном аппарате НКВД и в особых отделах фронтов.

27 апреля 1943 года Народным комиссаром обороны СССР И. В. Сталиным утверждается структура Главного управления контрразведки СМЕРШа.

В его составе были образованы два отдела, на один из которых, 3-й отдел, были возложены функции по розыску вражеской агентуры на территории Советского Союза и проведение радиоигр с использованием захваченных агентов-радистов противника, на другой, 4-й отдел – внедрение советских разведчиков в разведывательные и контрразведывательные органы нацистской Германии.

Возглавил 3-й отдел ГУКР СМЕРШ НКО СССР, занимавшийся проведением радиоигр с противником, полковник Владимир Барышников. Активное участие в борьбе приняли сотрудники 2-го отделения 3-го отдела: начальник отделения подполковник Дмитрий Тарасов, его заместитель майор Иван Лебедев, старшие уполномоченные майор Сергей Елин, майор Владимир Фролов, капитан Григорий Григоренко и др.

По своим основным целям радиоигры, которые вели советские контрразведчики с немецкими разведывательными органами, можно разделить на следующие основные виды:

1) борьба с вражеской агентурой в прифронтовой полосе с помощью захваченных или сдавшихся вражеских диверсантов, обеспечение уверенности у противника в активных действиях своих агентов, что создавало у противника известную самоуспокоенность и удерживало его от активных действий (радиоигры «Борисов», «Двина», «Контакт», «Контролеры»,

«Лесники», «Находка», «Опыт», «Явка» и др.);

2) противодействие разведывательно-диверсионным действиям немецких агентов на транспортных коммуникациях СССР. В этом случае радиоигры были весьма эффективным способом содания иллюзий у гитлеровского командования в успешности действий своей агентуры в советском тылу, а чекистам, в свою очередь, позволяли фактически парализовать шпионскую деятельность (радиоигры «Волга», «Добровольцы», «Дуплет», «Загадка», «Камса», «Корреспондент», «Кустарник», «Хозяин», «Черный», «Ястреб» и др.);

3) защита от проникновения агентуры германской разведки военно-политических центров страны: Ленинграда («Кафедра», «Трио») и Москвы («Баян, «Борисов», «Монастырь», «Развод»);

4) борьба с германским шпионажем в промышленных центрах Советского Союза, расположенных в глубоком тылу. Так, во время войны по восьми радиоточкам органы госбезопасности вели радиоигры из промышленных районов, в частности из Сибири и Урала, где германская разведка стремилась создать свои тщательно законспирированные резидентуры. По этим радиоиграм легендировалось, что агентам Абвера удалось успешно легализоваться и приобрести необходимые связи среди работников оборонной промышленнсти, благодаря чему они имеют реальную возможность не только получать интересующую германское Верховное командование информацию о количестве и качестве выпускаемой военной продукции, перспективах работы предприятий, но и подготавливать и проводить диверсионные акты. Примером могут служить радиоигры: на Урале («Лира», «Дуэт», «Тайник»), в Сибири («Байкал», «Фисгармония»), в Поволжье («Щука») и др.;

5) противодействие проведению на территории СССР диверсий и террористических актов против военных, советских и партийных деятелей (радиоигры «Бандура», «Горцы», «Грачи», «Десант», «Зубры», «Подрывники», «Туман» и др.); также в ходе проведения Крымской конференции союзных держав радиоиграми «Знакомые» и «Филиал» осуществлялась дезинформация противника;

6) срыв формирования в Советском Союзе так называемого «фронта сопротивления», или «пятой колонны», путем объединения различного рода антисоветского элемента и обеспечения его необходимым вооружением («Монастырь», «Янус» и др.); противодействие попыткам Абвера и «Цеппелина» организовать повстанческо-подрывную деятельность в советском тылу, например: на территории Архангельской области («Повстанцы»), в Белоруссии («Костры»), в Воронежской и

Тамбовской областях («Бурса»), Гурьевской области («Пески»), на Кавказе («Абхазия», «Кубанцы», «Подполье», «Разгром», «Туманов»); в Казахской ССР («Легион», «Тростники»); в Калмыкии («Арийцы»), Ярославской области («Боксеры», «Конспираторы» и др).

Прямое участие принимал П. Т. Ивашутин и его подчиненные в радиоиграх в Румынии из Бухареста («Приятели»; в Венгрии из Будапешта, Секешфехервара, Цеце («Вега», «Связисты», «Ключ», «Явка»).

Эффективную помощь радиоигры оказывали в деятельности советской контрразведки по розыску агентуры спецслужб Германии, заброшенной в прифронтовую полосу и глубокий тыл.

Продвижение стратегической дезинформации в немецкие разведцентры сотрудники 3-го отдела ГУКР СМЕРШ осуществляли в тесном контакте с руководством Генерального штаба РККА, а также начальника Разведывательного управления Красной Армии. Передача в эфир военной дезинформации проводилась только после утверждения Генштабом текстов радиограмм, подготовленных контрразведчиками с учетом почерка каждого агента и легенды о его разведывательных возможностях.

При организации радиоигр с противником советской контрразведкой своевременно был учтен тот факт, что Абвер и СД, как правило, обязывали своих агентов-радистов в случае провала и перевербовки их сообщать об этом немецким разведорганам заранее обусловленным сигналом. Такими условными сообщениями могли быть: определенная расстановка знаков препинания в тексте радиограмм; перестановка порядка слов в адресе; замена некоторых приведенных в таблице букв производными; ввод в текст радиограмм условных фраз, обращений, постановка подписи агента в различных местах текста; отсутствие в радиограмме условного знака и т. п.

Битвы под Сталинградом, Курском, Белорусская и Ясско-Кишиневская операции советских войск – это не полный перечень сражений, исход которых не был бы столь успешным и впечатляющим, если бы не гигантская невидимая работа советских чекистов по дезинформации врага и обеспечению скрытности подготовки к наступлению. За годы ВОВ органы безопасности пресекли подрывную деятельность нескольких тысяч агентов германских спецслужб; в ходе контрразведывательных операций у противника была захвачена 631 радиостанция, более 80 из которых использовались в радиоиграх с Абвером и СД для передачи дезинформации, захвата агентуры противника.

Активное противодействие советских спецслужб фактически

парализовало немецкие разведслужбы, и в этом есть определенный вклад П. И. Ивашутина.

СМЕРШ на полях сражений

29 апреля 1943 года генерал-майор П. И. Ивашутин принял дела начальника Управления КР СМЕРШ Юго-Западного фронта у генерал-майора П. В. Зеленина, переведенного на другую работу. Новый начальник военной контрразведки понимал, что фронтовой коллектив армейских чекистов обладает огромнейшим опытом. Его оперативный состав принял на себя не только коварные удары Абвера и РСХА – службы безопасности Третьего рейха, – но наравне с войсками участвовал в горячих боях и сражениях на Украине сразу же после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Авторитетно так же было это подразделение фронта, занимающееся заброской в различные немецко-фашистские разведывательные школы и центры своей агентуры.

В середине 1943 года на счету начальника Управления контрразведки СМЕРШ Юго-Западного фронта Петра Ивановича Ивашутина уже было несколько десятков острых оперативных операций и комбинаций. Военная контрразведка так же, как и армия, перехватывала стратегическую инициативу у противника и работала более активно, чем это было в первые месяцы войны.

Петр Иванович с первых дней войны верил в благоприятный исход войны с немцами. Он не раз говорил своим подчиненным:

«Вера в победу – это половина сделанного дела. А что касается Третьего рейха, скажу, – одной державе, даже самой мощной, самой великой, подчинить себе весь мир так же невозможно, как невозможно остановить воду, внезапно прорвавшую плотину». Эту уверенность он пронес через всю войну и последующую службу в органах госбезопасности и военной разведки.

В Абвергруппе-102

А завязка этой истории, полной героизма и драматизма, лежала в начале войны. Осенью 1941 года броневым клиньям немецких групп армий «Центр» и «Юг» удалось сомкнуть кольцо окружения советских войск на Киевском направлении и охватить 21-ю, 5-ю и 37-ю армии Юго-Западного фронта так называемого первого формирования.

Больше недели советские войска вели кровопролитные бои в окружении, а затем, разбившись на многочисленные отряды и группы, стали выходить из окружения. Среди солдат и офицеров, запертых во вражеском котле, оказался и начальник склада горюче-смазочных материалов (ГСМ) 5-й армии двадцативосьмилетний техник-интендант 1-го ранга Петр

Иванович Прядко.

Два с половиной месяца он с боями выходил из окружения. Наконец 27 ноября 1941 года ему удалось перейти линию фронта в полосе боевых действий нашей 6-й армии.

Как положено, «окруженец» Прядко сразу же попал к «особистам» – в Особый отдел НКВД, где армейские контрразведчики проверили подлинность его документов, выяснили обстоятельства, при которых он попал в окружение.

В ходе беседы оперативный работник Особого отдела лейтенант госбезопасности Макеев обратил внимание на высокое интеллектуальное развитие интенданта, хорошую память, крепкое здоровье и к тому же незаконченное высшее образование.

Макеев доложил все материалы своему начальнику отдела – капитану госбезопасности П. А. Рязанцеву. Офицеры решили предложить Прядко вновь отправиться через линию фронта, теперь уже в качестве зафронтового агента. Петр Иванович, немного поразмыслив, дал принципиальное согласие продолжить негласную борьбу с немцами. В целях конспирации Прядко был присвоен псевдоним Гальченко, которым он должен был подписывать все свои сообщения, посылаемые из стана врага.

По заданию армейских чекистов он должен был внедриться в Абвергруппу-102 при штабе 17-й пехотной армии вермахта, которая противостояла 6-й армии Юго-Западного фронта, с целью получения сведений об этом разведоргане и дезорганизации его работы.

Абвергруппа-102 занималась вербовкой своей агентуры в лагерях советских военноенных, расположенных в Донецкой, Ростовской, Харьковской областях и Краснодарском крае. При группе существовали специальные курсы по подготовке разведчиков, диверсантов и радистов для последующей заброски в тыл Красной Армии.

Наряду с обучением обычной агентуры специалисты из Абвера готовили также резидентов, главным образом из числа местных жителей, предназначавшихся для длительной работы на советской территории.

С Петром Ивановичем Прядко была быстро проведена инструктивная работа, и в ночь с 14 на 15 января 1942 года его переправили через линию фронта с легендой дезертира-перебежчика.

После его задержания немцами он был направлен на сборно-пересылочный пункт при одном из лагерей советских военнопленных в городе Славянске. Там его и «сосватали» гитлеровские вербовщики, предложив поработать на величие Третьего рейха. Прядко, согласно инструкции, несколько

поколебавшись, наконец-то дал согласие в оказании негласной помощи абверовцам, в том числе и относительно его заброски в тыл Красной Армии.

Немцы спешили. Им понадобилось две недели на обучение нового агента. И уже в ночь с 25 на 26 января Петр Прядко под псевдонимом Петр Петренко оказался на советской территории. В Особом отделе 6-й армии он сообщил ценные сведения, которые ему стали известны относительно Абвергруппы-102, а также о двенадцати агентах, готовящихся к заброске в тыл Юго-Западного фронта.

Через два с половиной месяца Прядко с «торбой» дезинформации в ночь с 14 на 15 апреля 1942 года был вновь переброшен на немецкую сторону. Но опять его пребывание в немецком разведоргане оказалось кратковременным. Накануне крупномасштабного наступления под Харьковом вермахт нуждался срочно в свежей информации. Агента Абвера Петра Петренко вновь перебрасывают на советскую территорию. На этот раз Прядко помог военным контрразведчикам 6-й армии задержать четырех немецких шпионов и сообщил установочные данные еще на четырнадцать агентов, готовящихся к переброске через линию фронта.

Удивительный это был человек, – его одинаково высоко ценили немецкие абверовцы и советские чекисты.

В личном деле агента Гальченко есть характеристика, которую подготовил оперработник, который курировал его работу. Вот выдержка из характеристики:

«По своим качествам исключительно толковый работник, грамотный, сообразительный, быстро и хорошо ориентирующийся в боевой обстановке.

К заданиям относится серьезно и выполняет их точно, в соответствии с нашими указаниями».

К весне 1942 года фашисты, нарастив силы, решили контратаковать войска Юго-Западного фронта. В качестве наших планов Б. М. Шапошников предложил:

«Учитывая численное превосходство противника и отсутствие второго фронта в Европе, на ближайшее время ограничиться активной обороной».

Это было единственно правильное решение. Тем не менее, С. К. Тимошенко, выступив в поддержку предложенного им плана, заявил:

«Войска направления сейчас в состоянии и, безусловно, должны нанести немцам на Юго-Западном направлении упреждающий удар и расстроить их наступательные планы, в противном случае повторится то, что было в начале войны».

И повторилось, но теперь сценаристами были Тимошенко и Хрущев. Во второй половине мая 1942 года, после мощных ударов вермахта в районе Белгорода и Харькова, значительные силы Юго-Западного фронта оказались во вражеском котле. Гитлеровская военная машина перемалывала тысячами ежедневно наши войска. В ожесточенных боях с фашистами погиб почти весь коллектив Особого отдела 6-й армии во главе с капитаном госбезопасности Павлом Андреевичем Рязанцевым, который, как уже упоминалось выше, был инициатором заброски в Абвергруппу-102 зафронтового агента Гальченко – Петра Ивановича Прядко.

Это была настоящая катастрофа, которая по своим масштабам намного превзошла катастрофу германской армии под Сталинградом. В Сталинграде было пленено чуть более 90 тысяч немцев, в Харьковской операции – 230 тысяч советских солдат и офицеров. Окруженные немецкие войска под Сталинградом, в зимних условиях, продержались 70 дней, наши под Харьковом, в летний период – 7 дней.

«Что делать? – размышлял Петр. – Пробиваться к своим? Но это дело ненадежное и довольно-таки опасное. В создавшейся обстановке остался только один вариант – надо идти снова к немцам».

Он так и поступил, «сдался» в плен. Немцам он назвал пароль и тут же был доставлен в «родную» Абвергруппу-102. На допросе у начальника группы подполковника Пауля фон Гопф-Гойера Прядко поведал фашисту самостоятельно разработанную легенду о своих «злоключениях» в тылу. Немец был доволен «собранной» информацией агента. «Вы настоящий маладец, – восхитился искренне абверовец, обратившись к нему на ломаном русском языке, – вы так карашо всех обманули и принесли еще кучу ошень важных – тайных сведений. О вашей работе надо рассказать всем, всем слушателям школы, и это для них будет учительно. Если бы все были такими, как вы, это было бы ошень карашо. Пока отдыхайте, мой друг. Я распоряжусь, чтобы вам дали многа-многа денег, папирос и водка».

Его после трех ходок в советский тыл и возвращений абверовец посчитал хорошо проверенным негласным сотрудником и поручил ему крайне ответственную работу – изготовление так называемых документов «прикрытия» для забрасываемой агентуры.

Для работы ему определили отдельное помещение. Приступив к работе, Прядко обнаружил за собой постоянное плотное негласное наблюдение со стороны начальника канцелярии Валерия Шевченко, непосредственно занимающегося

переброской агентуры. Надо было каким-то способом нейтрализовать предателя. Наш разведчик под впечатлением слежки так ожесточился, что готов был вскрикнуть – добей его! Так кричали когда-то римляне – «pollice verso!» – в Колизее с условным знаком повернутого вниз большого пальца. Добей его, или он добьет тебя – стучало в висках.

Повод нашелся – Шевченко злоупотреблял спиртным. Однажды набравшись, как говорится, до чертиков, он уснул и оставил без присмотра портфель с секретными документами. Прядко похитил его, документы выпотрошил возле туалета и штаба группы. В результате – Шевченко арестовали, провели быстро расследование и на второй день расстреляли.

«Работу в абверовской канцелярии, – как отмечалось в альманахе «СМЕРШ – 60», – Прядко использовал для пользы дела. При изготовлении фиктивных документов он умышленно допускал мелкие неточности, которые впоследствии дали бы возможность советской контрразведке быстро выявить и обезвредить вражеского агента.

Эта хитрость чуть было не стоила ему жизни. Проверяя документы у подготовленных к заброске агентов, заместитель начальника Абвергруппы, бывший петлюровский офицер Петр Самутин, обратил внимание на допущенные в них ошибки. Прядко тут же арестовало гестапо. Он находился на шаг от расстрела. Однако, сыграв на следствии «под дурачка», Прядко заявил, что неточности были сделаны им случайно из-за спешки в работе и неразборчиво написанных образцов.

Приняв во внимание прошлые «заслуги» удачливого агента Петра Петренко, ему поверили, освободили из-под стражи и оставили в группе.

К октябрю 1942 года Прядко собрал значительное количество сведений о дислокации немецких войск и абверовской агентуре, подготовленной к засылке в тыл Юго-Западного фронта. Учитывая недавний арест и возможные подозрения к нему со стороны немцев, Прядко решает возвратиться к своим. На случай задержания в прифронтовой полосе находчивый разведчик придумал очередную хитрость. Он изъял из портфеля сотрудника Абвергруппы Романа Лысого деньги, которые он должен был везти на передовую для вручения группе агентов.

Когда при попытке перейти линию фронта в районе станицы Кабардинская Прядко был задержан германскими солдатами, то причину своего пребывания на передовой он объяснил необходимостью доставки денег, забытых его сослуживцем. Лысый же, обнаружив отсутствие в портфеле денег, подтвердил правильность объяснений Прядко и даже поблагодарил его за

добросовестную службу. В результате этого позиции разведчика Гальченко в Абвергруппе еще более упрочились. Оставив на время мысль о возвращении к своим, Петр Иванович решил осуществить акцию по компрометации другого пособника оккупантов Романа Лысого как ярого украинского националиста. Прядко подложил в его папку со служебными документами несколько листовок ОУН, в которых содержались нападки как на «москалей», так и на немцев. Когда папка понадобилась тогдашнему начальнику Абвергруппы-102 капитану Мартину Руделю, то среди прочих бумаг он обнаружил и националистические листовки.

Вскоре Роман Лысый был изгнан из разведоргана, а его работа оказалась временно парализована.

В конце 1942 года Абвергруппу возглавил новый начальник капитан Карл Гесс, зарекомендовавший себя как отпетый пьяница и распутник. Ослабление бдительности и дисциплины в группе Гальченко ловко использовал в своих интересах, причем довольно простым способом. В одну из темных ноябрьских ночей Прядко и привлеченный им для подпольной работы шофер группы Василий Матвиенко крупными буквами написали на стене здания, в котором размещалась Абвергруппа, следующую фразу:

«Здесь живут шпионы во главе с Гессом и прочими бандитами. Вам не уйти от заслуженной кары!»

Утром надпись была обнаружена. Немцы решили, что это дело рук местных партизан. Командованию пришлось принимать срочные меры по локализации последствий расконспирации местонахождения армейского разведоргана.

В результате все агенты, проходившие в то время подготовку в Абвергруппе, были возвращены в лагеря военнопленных. Многим официальным сотрудникам пришлось срочно менять псевдонимы, а Карл Гесс был отстранен от должности начальника.

Войдя во вкус, Прядко вскоре удалось «подставить» еще одного опытного сотрудника абверкоманды фельдфебеля Аппельта, выполнявшего функции казначея и писаря. Воспользовавшись тем, что Аппельт ушел из дома, не закрыв квартиру, Прядко похитил из его портфеля секретные документы со списками агентуры и две тысячи рейхсмарок.

За утрату важных документов немца тотчас же отправили для расследования инцидента в Варшаву, в штаб «Вали», а обучавшихся агентов вновь вернули в лагерь военнопленных.

Лишенный связи с советской военной контрразведкой, Прядко периодически предпринимал попытки сообщить своим о том, что он жив, здоров и продолжает выполнять поставленные перед ним задачи.

Для этой цели он подбирал надежных людей из числа местных жителей, которым оставлял записки для последующей их передачи в Особый отдел НКВД с наступающей Красной Армией.

Так, в конце 1942-го и в начале 1943 годов подобные записки были оставлены им у патриотически настроенных жителей Ростова-на-Дону и Краснодара.

«Добрый день, дорогие! – писал Прядко в одной из них. – Очень жалею, что не имею возможности быть сейчас с вами – обстоятельства не позволяют. Но скоро обязательно буду. О ваших беспокойствах мне хорошо известно. Думаю, вы понимаете, что не от меня все зависит. Передать необходимое сейчас не могу».

Весной 1943 года, когда Абвергруппа-102 располагалась в здании школы села Вороновицы Винницкой области, у Гальченко созрел дерзкий план ее уничтожения путем поджога. Через Матвиенко он привлек другого шофера группы Ивана и механика электростанции Николая.

Однако Николай выдал немцам Матвиенко и Ивана. О Прядко как об организаторе акции он, к счастью, не знал. Арестованные шоферы не выдали Прядко и тут же были расстреляны.

К осени 1943 года прошло уже почти полтора года, как Гальченко находился в Абвергруппе-102. Практически все это время он не имел связи с Особым отделом, а информации для советской военной контрразведки у него накопилось достаточно. Прядко твердо решил – любой ценой пробраться к своим, навстречу наступающей Красной Армии.

В сентябре он попросил у начальства отпуск якобы для эвакуации семьи, проживающей на Полтавщине. «Ветерану» группы немцы пошли навстречу, его просьба была удовлетворена.

И вот 25 сентября 1943 года он покинул расположение школы в Винницкой области. Пересидев некоторое время в кукурузном поле и дождавшись прихода наших войск, явился в один из отделов контрразведки СМЕРШ. После непродолжительной беседы с армейскими чекистами агента Гальченко направили в Управление ВКР СМЕРШ Центрального фронта. Там его встретили с удивлением и радостью.

– Здравствуй, дорогой, – протянул Прядко крепкую в рукопожатии руку крупного телосложения генерал-майор.

– Здравствуйте, – переминаясь с ноги на ногу, смущенно ответил зафронтовой разведчик, ставший героем.

– Петр Иванович, моя фамилия Вадис, Александр Анатольевич. Я начальник военной контрразведки фронта. Наслышался о ваших подвигах. Теперь надо отдохнуть?

– Какой отдых, товарищ генерал, надо добивать зверя, –

осмелевшим голосом ответил Прядко.

– Что ж, приятно слышать такой ответ, но мы вас уже не выпустим в Абверкоманду, опасно, – утверждающе заметил Вадис.

Итоги самоотверженной работы Гальченко за линией фронта впечатляющие. Военная контрразведка получила подробные установочные данные на 24 официальных сотрудника Абвергруппы-102, на 101 вражеского агента, причем на 33 ему удалось добыть фотографии.

Об этих данных, полученных от Прядко, Вадис А. А. информировал начальника УКР СМЕРШ Юго-Западного фронта генерал-майора Петра Ивановича Ивашутина, потому что военная контрразведка 6-й армии фронта первого формирования, переправившая его через линию фронта для внедрения в подразделение Абвера, подчинялась ему. Он гордился подвигом человека-легенды, которого воспитали в коллективе управления его фронта второго формирования после Сталинграда.

Ивашутин руководил военной контрразведкой Юго-Западного, а потом 3-го Украинского фронта с 1943 года и до конца войны. 6-я общевойсковая армия входила в состав 3-го Украинского фронта.

В Москву полетела срочная шифровка:

...

«Совершенно секретно.

Заместителю Наркома обороны Союза ССР —

нач. Главного управления контрразведки СМЕРШ

комиссару государственной безопасности 2-го ранга

товарищу Абакумову.

Спецсообщение по агентурному делу «ЗЮД» о возвращении из тыла

противника зафронтового агента Гальченко

17 мая 1943 года в расположение Отдела СМЕРШ по 57-му стрелковому корпусу после выполнения специального разведывательного задания в Абвергруппе-102 возвратился зафронтовой агент Гальченко.

По заданию ОО НКВД 6-й армии в январе 1942 года он был послан в тыл противника с целью внедрения в немецкий разведорган.

Выполнив это задание, Гальченко в начале февраля возвратился из тыла противника, будучи завербованным немецкой разведкой в г. Славянске.

Вторично, с соответствующим дезинформационным материалом, Гальченко был заслан в тыл противника 14 апреля 1942 года и возвратился обратно 17 мая 1943 года.

Из тыла противника Гальченко вернулся с двумя немецкими шпионами – Чумаченко и Погребинским. Кроме того, он доставил материалы на 18 официальных сотрудников, 101 агента и 33 фотографии из личных дел, а также образцы бланков и печатей разведывательно-диверсионного органа «Абвергруппа-102».

Особого внимания заслуживает его информация о возможных планах фашистского военного командования начать летом с.г. наступление на Курском направлении.

Добытые агентом Гальченко разведывательные материалы и его отчет о проделанной работе направлены в ваш адрес установленным порядком.

Начальник Управления контрразведки СМЕРШ

Центрального фронта генерал-майор (Вадис)

18 мая 1943 г. № 2/8767».

Об успешном выполнении зафронтовым агентом Гальченко задания военной контрразведки начальник ГУКР СМЕРШ НКО

СССР комиссар государственной безопасности 2-го ранга В. С. Абакумов докладывал лично Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину.

За проявленное мужество и героизм в тылу противника Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 июня 1944 года Петр Иванович Прядко был награжден орденом Красного Знамени.

Использовать в дальнейшем его за линией фронта было опасно, поэтому он вернулся в войска на знакомую должность начальника склада ГСМ. День Победы встретил со своей частью в польском городе Щецине.

До 1960 года Прядко служил в частях Советской Армии, а после увольнения в запас и отставку работал на различных предприятиях города Ростова-на-Дону.

В июне 1996 года Директором ФСБ России 82-летнему ветерану Петру Ивановичу Прядко было присвоено звание «Почетный сотрудник контрразведки» и вручен соответствующий нагрудный знак, обладателями которого становятся лишь самые достойные из профессионалов отечественной службы.

Поиск нелегалов

В апреле 1944 года в Одессе активно действовала группа наших агентов-нелегалов, внедрившихся в одну из школ «Абверштелле» по линии армейской контрразведки еще в начале войны. Во время боев за город с разведчиками, естественно, была потеряна связь, ее нужно было как можно скорее восстановить, потому что, несмотря на то что война заканчивалась, противник был еще силен, и во избежании дополнительных потерь нужно было знать о планах гитлеровцев по передислокации их частей и подразделений на новые рубежи. Обладание такой информацией позволяло нашему командованию целенаправленно наносить удары по противнику нашей артиллерией и авиацией. Для летчиков-бомбардировщиков знание позиций противника – полдела в успехе при бомбометании.

Того требовала оперативная обстановка. По замыслу руководства советской военной разведки фронта эти нелегалы из разведывательно-диверсионной группы (РДГ) должны были отступать вместе с немцами для того, чтобы продолжить свою работу на территории Румынии, Венгрии и Германии. Они нуждались в новых условиях связи с Центром, деньгах и новых шифрах. Нужно было срочно направить связника.

П. И. Ивашутин по договоренности с начальником разведывательного отдела фронта генералом Роговым А. С. отобрали четырех лучших военных разведчиков во главе со старшим лейтенантом Иваном Трегубенко.

Петр Иванович их тщательно проинструктировал и поставил конкретное задание – пробраться в Одессу еще до того, как город будет освобожден советскими войсками. А в том, что Одесса будет скоро очищена от немецких войск, никто не сомневался. Прекрасно понимали это и фашисты, которые с удвоенной энергией и утроенной осторожностью проводили свои последние фронтовые операции.

– Ваша задача, товарищи, из тех данных, которые вам вручены, необходимо конспиративно выйти на указанных наших граждан, не привлекая внимания посторонних лиц. Немцы сейчас напуганы, поэтому максимально осторожны, так сказать, блюдут бдительность, – инструктировал Петр Иванович военных разведчиков. – В случае задержания примите решение на месте, так сказать, по обстановке. Но ни в коем случае нельзя, чтобы в руки Абвера попали наши шифры и коды. Освобождаться от компрометирующих вас документов и других секретных материалов надо будет вплоть до подрыва их гранатой. Специалисты вам расскажут, как это лучше сделать.

– Товарищ генерал, мы не допустим такого, чтоб с гостинцами для друзей нас сцапали оккупанты, – южнорусским говорком с типичным «гаканьем» попробовал отшутиться Иван Трегубенко. – Такой радости мы им не предоставим. Живыми фашистам не дадимся, и секретов они не получат. Мы их вместе с собой на тот свет заберем, а там еще раз придушим.

– Не надо, товарищ Трегубенко, упрощать задачу, как также и не надо ее бояться, – ответил Ивашутин. – Все вы хорошо подготовлены и прекрасно вооружены. Метко стреляете, владеете в совершенстве ходовыми иностранными языками – немецким и румынским. Опыта и смелости вам тоже не занимать. А предупредить – это почти то же самое, что и вооружить. В жизни, как в шахматах, побеждает предусмотрительность, а скромная предусмотрительность лучше безрассудного риска. Предосторожность проста, а раскаяние многосложно. Так что только с этими мыслями и в дорогу…

Петр Иванович поднялся из-за стола, похлопал старшего лейтенанта Ивана Трегубенко по плечу и каждому из разведчиков пожал руку.

– Удачи вам, невидимая гвардия! – улыбнулся Ивашутин.

Легенду прикрытия им он откорректировал сам. Трегубенко должен был играть роль пленного советского офицера, двое других разведчиков – эсэсовцев, а четвертый – румынского жандарма. Соответствующие форма, удостоверения личности и знания необходимых языков у них имелись.

В ночь с 8 на 9 апреля разведгруппа благополучно перешла

линию фронта через приготовленное «окно» и оказалась в оккупированном городе. В условиях хаоса и неразберихи, созданных в ходе эвакуации Одессы, а подчас и панического бегства администрации города и командования гарнизона с подразделениями вражеских спецслужб, советские разведчики все-таки вышли на нелегалов. На явочной квартире Трегубенко передал нашему резиденту дальнейшие условия по связи, деньги, а также шифры для засекречивания собранной информации.

После этого военные разведчики так же грамотно организовали свое возвращение в штаб фронта. Да к тому же еще «прихватили» с собой и говорливого «языка» – пехотного германского гауптмана (капитана). Сначала подумали – пьяного обнаружили на окраине Одессы, а он оказался элементарным наркоманом, наглотавшимся первитина сверх нормы.

Как пояснил доставленный в разведывательный отдел Ганс Штрюбе – так он значился по документам, – солдатам и офицерам вермахта начали давать «бодрящие таблетки» еще в ходе польской кампании. Так, с его слов, танкисты во время многокилометровых маршей, пилоты бомбардировщиков, экипажи подводных лодок, медперсонал, офицеры в штаб-квартире фюрера – все получали этот наркотический препарат.

А еще он заметил, что многие его друзья долдонят под кайфом одну и ту же бодрящую фразу: «Наслаждайся войной, потому что мир будет ужасен».

Употребление первитина было по существу альтернативой нашим «фронтовым ста граммам». Но наркотик есть наркотик, к нему человеческий организм быстро привыкает. Врачи уже тогда предупреждали руководство вермахта, что при его регулярном употреблении период восстановления организма становится все длиннее, а действие наркотика все слабее. Это непроизвольно приводило к увеличению дозы и развалу психического состояния личности вплоть до потери сознания и летальных исходов.

Уже к середине войны среди гитлеровского воинства участились случаи суицида. Но для фюрера проблема «износа человеческого материала» не представляла особого интереса, особенно на заключительной фазе войны. Ему нужны были «полешки» для германо-советского костра.

Советское военное командование к тому периоду располагало данными об этом препарате, Ганс только подтвердил факт поголовного использования этой бодрящей заразы.

В директиве верховного командования вермахта от 1944 года говорилось:

«Возможные осложнения от применения препаратов и даже потери не должны беспокоить совесть медиков. Ситуация на

фронте требует от нас полной отдачи…

Большое впечатление препарат производит из-за значительного уменьшения потребности в сне… Первитин помогает солдатам долго выдерживать напряжение в особых условиях и поднимает настроение в любой ситуации…»

В Германии вся гитлеровская верхушка в буквальном смысле слова «жрала» так называемые «стимуляторы». Геббельс сидел на уколах морфия, Геринг – на кокаине, Гитлер – на первитине, стрихнине, белладонне, Скорцени и его боевики – на наркококтейле. Всем этим хозяйством занимались лечащий врач, доктор-профессор Морель и профессор фармакологии Герхард Орчеховски.

Военнопленный Ганс Штрюбе рассказал, что проблема «таблеток для бодрости» в немецкой армии уходит корнями в историю еще Франко-прусской войны 1870–1871 годов. Эта победа принесла Германии настоящую эпидемию. Так, многие вернувшиеся с войны солдаты и офицеры оказались больны… морфинизмом. Расследование показало, что инъекции морфия во время войны должны были не только утолять боль раненым, но и «помочь переносить тяготы походов» солдат и офицеров, находящихся в строю.

После боевых действий и длительных маршей на ночных стоянках и привалах, чтобы выспаться, германское воинство активно кололо себя новомодным тогда средством от всех болезней – морфием. Вообще история войн и история наркотиков переплетались самым тесным образом. Причина становилась следствием, а следствие – причиной.

Несмотря на создаваемый геббельсовской пропагандистской машиной образ арийского солдата, здорового и сильного духом, наркотики стали одним из ключевых факторов фашистской храбрости.

Синтезированный немецкими химиками первитин поначалу казался волшебным средством. Однако со временем принимающие его солдаты становились нервными, психически неустойчивыми, постоянно впадали в депрессии и на этом фоне совершали разного рода правонарушения.

После тщательного допроса военнопленного генералами П. И. Ивашутиным и А. С. Роговым были получены интересные материалы о силах и средствах противостоящей военной группировки вермахта, планах, вооружении и концентрации танковых соединений, арсеналах, запасных позициях. О результатах допроса фашистского офицера информировали командующего фронтом Толбухина Ф. И.

Ушла шифровка и в Москву в адрес начальника ГУКР СМЕРШ

НКО СССР генерал-лейтенанта Виктора Семеновича Абакумова.

С отважными разведчиками сразу же встретился П. И. Ивашутин и от имени командования поблагодарил за смелость и находчивость в ходе проведенной острой и важной операции.

Начальник фронтовой разведки генерал Рогов А. С. представил этих разведчиков к правительственным наградам.

* * *

20 октября 1943 года Юго-Западный фронт был переименован в 3-й Украинский, начальником Управления контрразведки СМЕРШ 3-го Украинского фронта становился генерал-майор Петр Иванович Ивашутин. В начале 1944 года ему доложили, что на одном из участков фронта немецкий самолет выбросил листовки. Сначала подумали, что это своеобразные «пропуска» для предателей – будущих «хиви», но в них оказалось другое содержание. А именно приказ, подписанный Л. П. Берией и Г. К. Жуковым о якобы готовящемся «переселении украинцев, находившихся при оккупации немцев, в Сибирь».

Кроме того, начальник 3-го отдела управления передал своему шефу пачку этих листовок, собранных в прифронтовой полосе.

П. И. Ивашутин внимательно прочел их и попросил подготовить шифровку в Москву.

– Думаю, в эту галиматью никто не поверит. Поздно начинать пир, когда гости разбрелись. От немцев сегодня бегут все сателлиты, если их руководители не сумасшедшие люди. Закат Третьего рейха очевиден. Напора Красной Армии теперь ничем не остановить. Мы уже освободили половину Украины, но нигде нет ничего подобного. Никто не тревожит население. Судят и отправляют в места не столь отдаленные только преступников – пособников фашистов любой национальности: полицаев, старост, агентов, уголовников, – рассуждал генерал. – Правда, из Западной Украины в сибирские лагеря попадают оуновцы, запятнавшиеся не только сотрудничеством с немцами, но и невинно пролитой ими кровью своих земляков. Политике в русле установок прусского короля Фридриха Второго пришел конец. Никакой провинции рейхсканцлер Германии больше не получит. Рейх неумолимо сжимается, как шагреневая кожа. Побед у него больше не будет.

– Эти бандиты, нет, скорее, каннибалы, не покраснеют от придуманной лжи, – подметил П. И. Ивашутин. – Англичанин

прав. Дайте в войска команду, чтобы собирали такую макулатуру и сжигали.

– Товарищ генерал, по докладам из армейских отделов, солдаты этих листовок насобирали мешки, – улыбнулся начальник отдела.

– Ну, вот и прекрасно, пусть греются у костров, – Петр Иванович привстал из-за стола и потер ладони, словно ощутивши тепло от полыхающего костра. – Надо соответствующую разъяснительную работу проводить и с местным населением, доказывая на конкретных примерах, что здесь явная подделка, злонамеренная ложь. А вообще лгать – это значит признавать превосходство того, кому вы лжете. Немцы хорошо понимают силу и мощь нашей сегодняшней армии. Кровь – загадочный сок, он обязательно проливается на пролившего его. Этих кровопийц уже никакие ухищрения не спасут – спасительных соломинок в бушующем урагане войны им не найти. Листовками пусть занимаются теперь территориальные органы госбезопасности и армейские политработники.

Информацию об упразднении Абвера Управление КР СМЕРШ 3-го Украинского фронта получило через свою зафронтовую агентуру и показания военнопленных из числа офицеров вермахта и спецслужб. Генерал-майор П. И. Ивашутин постоянно информировал ГУКР СМЕРШ о содержании полученных данных об изменениях на поле незримой битвы двух контрразведок…

А события развивались следующим образом.

В феврале 1944 года фюрер распорядился, чтобы военная разведка и контрразведка в лице Абвера были переданы в Главное управление имперской службы безопасности (РСХА).

По мнению Шелленберга, необходимо было объединить все учреждения зарубежной разведки. Наконец, новый начальник Главка имперской безопасности Кальтенбруннер все же решился предложить Гиммлеру текст распоряжения Гитлера, имевший такое содержание:

«1. Я приказываю учредить единую немецкую службу информации.

2. Руководство секретной службой информации я поручаю рейхсфюреру СС. Он и начальник верховного командования вермахта должны согласовать, при каких обстоятельствах военная разведка может быть переведена в секретную службу информации.

Подпись: Гитлер».

После того, как Гиммлер согласился с текстом приказа, Кальтенбруннер отправился в штаб-квартиру фюрера и после обсуждения текста с Кейтелем и Йодлем представил его на

утверждение Гитлеру, который с небольшими и несущественными оговорками подписал документ.

Канарис тут же был отправлен не только в отпуск, но и освобожден от должности. Отпуск у адмирала длился недолго. Бывший шеф военной разведки получил новую должность, став начальником штаба особого назначения, ответственного за ведение торговой и экономической войны. Штаб размещался в городке Эйхе под Потсдамом. Это была служба, далекая от использования возможностей для практической деятельности.

Как известно, 20 июля 1944 года Канарис отдыхал дома. Ему позвонил покушавшийся на жизнь фюрера начальник штаба войск Резерва полковник Штауффенберг. Он сообщил, что Гитлер мертв.

– Мертв? – переспросил Канарис, хорошо знавший, что полковник сам отвечал за проведение этой акции. – Ради бога, кто это сделал? Русские?

– ???

Штауффенберг понял, что Канарис знает что-то большее и значимое, поэтому вставил глупый вопрос с «русскими».

Но этот звонок был уже моментально перехвачен гестапо. Вскоре, 23 июля, во второй половине дня Канариса арестовали. Двух гостей, находившихся в это время у него – родственника Эрвина Дельбрюка и барона Каульбарса, не тронули. Не кто иной, как сам Шелленберг лично приехал, чтобы забрать адмирала и посадить в одну из одиночных камер в здании гестапо на Принц-Альбрехтштрассе. Началось долгое и мучительное время заключения и допросов с «гестаповским пристрастием».

3 февраля 1945 года здание гестапо было разрушено во время ночного налета нашей бомбардировочной авиацией. 7 февраля Канарис, Остер, Штренк, Гере, Зак с несколькими другими заключенными были отправлены во Флоссенбюргский концлагерь.

Там 9 апреля 1945 года состоялась казнь адмирала Фридриха Вильгельма Канариса через повешение.

Что бы ни было, как писал Карл Хайнц Абжаген, ясно одно: Канариса и его верных сотрудников, которые вместе с ним 9 апреля должны были уйти из жизни, казнили, когда приближение американских войск, казалось, предвещало их скорое освобождение. Гиммлер и Кальтенбруннер не хотели бы ни при каких обстоятельствах отдать этих секретоносителей в руки государств-союзников.

В качестве объекта обмена Канарис не подходил, – слишком много знал. То, чем он располагал, ни в коем случае не должно было достаться будущим поколениям. Об этом свидетельствует

также уничтожение найденных в Цоссене документов Остера, среди которых была часть дневника Канариса. Документы сразу же были уничтожены гестаповцем Гуппенкотеном по приказу Кальтенбруннера. Отчет Канариса также должен был исчезнуть. Кальтенбруннер и Гуппенкотен прекрасно сознавали, что нельзя оставлять в живых столь опасного врага, который лучше других мог бы дать подлинную картину всевластия Гитлера и террора Гиммлера. Поэтому Канарис должен был непременно умереть…

* * *

Но вернемся немного назад. Да, это был период заката звезды руководителя военной разведки, возглавляемой Вильгельмом Канарисом, но не самого этого ведомства, которое после ликвидации его бренда полностью попало под власть руководителя РСХА Кальтенбруннера в виде 6-го управления.

Но несмотря на эти структурные изменения, разведывательно-диверсионные школы в виде абверкоманд и абвергрупп продолжали активно работать, забрасывая в тылы наших фронтов шпионов, диверсантов и террористов.

Однажды военные контрразведчики задержали на одной из железнодорожных станций двух подростков с сумками, в которых лежали куски угля. После беседы с ними последние признались, что уголь – это не уголь, а взрывчатка. А их забросили сюда немцы, чтобы подорвать несколько паровозов. Обучались диверсионному ремеслу они в специальной школе.

Начальник Управления КР СМЕРШ 3-го Украинского фронта П. И. Ивашутин вынужден был отправить в Центр шифровку – таких диверсантов-подростков он в своей оперативной практике не встречал. По этому поводу ветеран военной контрразведки генерал С. Остряков писал: «…верхом чудовищной бесчеловечности фашистской разведки в годы войны были его попытки использовать в диверсионных целях советских детей.

Гитлеровские изверги насильно брали из детдомов на оккупированной территории подростков 12–15 лет, увозили в Германию и обучали в детских диверсионных школах, а затем под видом бездомных, разыскивающих своих родителей, перебрасывали на самолетах в тыл Красной Армии или оставляли в освобождаемых нашими войсками районах. Им давались задания подбрасывать взрывчатку, закамуфлированную под каменный уголь, в паровозные тендеры или угольные склады на железнодорожных станциях с целью вывода из строя паровозов и крушения воинских эшелонов».

Да, действительно уникальной по своему цинизму стала попытка гитлеровской разведки использовать в качестве диверсантов детей. Расчет был на то, что подростки-диверсанты не привлекут внимание советской контрразведки, да и местные жители будут к ним снисходительнее. Никто ведь не догадается, что грязный, оборванный мальчишка-беспризорник, играющий на железнодорожной насыпи или стреляющий из рогатки галькой или щебнем, на самом деле готовится заложить или уже поставил мину под рельсы!

Ивашутин П. И. со временем через разоблаченную агентуру из числа подростков узнает, что детская диверсинная школа была создана в местечке Гемфурте, в окрестностях города Касселя.

Специальные команды рыскали по оккупированной советской земле. Основную массу детей брали из детских домов. Истощенных, больных и непригодных по другим параметрам уничтожали, а крепких увозили в нацистскую Германию. В головы подросткам вбивали мысль, что Советского Союза – их родины – уже нет и больше никогда не будет, потому что Третий рейх добивает части Красной Армии, гася оставшиеся очаги сопротивления.

Преподаватели и инструкторы, их земляки, выставлялись хорошими «дядями и тетями». Детям разрешалось то, что раньше запрещалось: поощрялись потасовки и драки, проповедовался культ физической силы, учили детей быть немилосердными и жестокими. Для развития общей культуры и создания чувства здоровой зависти к немецким детям, поставленным гитлеровцами в идеальные условия жизни, будущих диверсантов-подростков возили по Германии. Экскурсии проходили по городам рейха, зоопаркам, музеям, стадионам, школам и другим культурным заведениям.

Петр Иванович Ивашутин, работая с таким контингентом вражеской агентуры, по-родительски нередко размышлял:

«Да, часто в документах мы называем их предателями, а ведь по существу они, эти дети, являются просто жертвами войны. Война сломала судьбы многим, но горше вдвойне, что она прикоснулась к этим неокрепшим существам».

С ним был согласен в оценке сломанных судеб подростков и командующий фронтом генерал армии Федор Иванович Толбухин – редкой доброты человек. Так он оценит со временем морально-волевые качества старшего по званию и возрасту своего армейского товарища в беседе с коллегами в послевоенный период.

Ошибка Жукова

Принципиальность и доведение своей правоты до

логического конца продемонстрировал генерал-майор П. И. Ивашутин во время руководства Управлением военной контрразведки СМЕРШ 3-го Украинского фронта в период заключительной фазы Ясско-Кишиневской операции.

Эта фронтовая наступательная операция вошла не только в историю военного искусства Красной Армии. Понятно, она стала образцом военного искусства мирового уровня. В связи с этим мы остановимся на ней подробней. Более того, для Ивашутина она была узелком чекистского и военного оперативного искусства фронтового уровня.

В чем заключается доминанта контрразведывательной деятельности? В честности! Почему? Потому что только по правдивой информации можно принять единственно правильное и безошибочное решение. Да, в спецслужбах всего мира очень много ложной информации по объективным и субъективным причинам. И больше по субъективным. Некоторым честолюбивым сотрудникам хочется быстрее получить оперативный успех, и поэтому они иногда идут на фальсификацию фактов и подлоги.

В спецслужбах случалось появление авантюристов, проходимцев, карьеристов, и они порой способны выйти из сложной ситуации за счет выдумки, изворотливости, навета. Чем это заканчивается? На это отвечают преступления Ягоды, Ежова, Берии и им подобным. Мог ли Петр Иванович давать ложную информацию командованию фронта или руководству СМЕРШ и в Ставку? Конечно, нет.

Но вернемся к Ясско-Кишиневской операции. Задолго до начала операции командующие двух фронтов генералы армии Малиновский Р. Я. и Толбухин Ф. И. получили приказ в Ставке готовить наступательную операцию. Цель – разгромить стоявшую немецко-фашистскую группу армий «Южная Украина», завершить освобождение Молдавской ССР и вывести Румынию из войны.

Войска 2-го Украинского фронта должны были наносить главный удар из района северо-западнее Ясс в общем направлении на Васлуй, Фэлчиу, а вспомогательный удар вдоль р. Сирет. Войскам 3-го Украинского фронта определялось наносить главный удар на Кишиневском направлении.

Проведя тщательную рекогносцировку на местности, Толбухин Ф. И., его штаб и командующие армиями на Военном совете фронта высказали свое мнение по нанесению главного удара по противнику. Большинство обосновывали решение Ставки и предлагали пути решения, просили дополнительных сил и вооружения. Начальник штаба фронта Бирюзов С. С. предложил наносить главный удар по противнику на Кицканском плацдарме, он подробно рассказал о своей поездке в этот район, дал ему

детальную характеристику. Появились сторонники и противники предложения НШ. Заседание Совета затягивалось. Мысли командующего роились в голове: собственно, в оптимальном выборе направления главного удара, составляющего основу решения, выработка которого и была наиболее важным звеном в цепи подготовительных мер к операции. На решение этого вопроса будут теперь в первую очередь направлены все его действия, помыслы, чувства, весь предшествующий опыт, учет сил и возможностей своих войск и противника.

Договорились продолжить рекогносцировку на местности уже с учетом предложения по Кицканскому плацдарму, а перед закрытием Военного совета дали слово Ивашутину П.И.

Петр Иванович обратил внимание командующего на место расположения штаба фронта в населенном пункте Воробьево-Берлино. Обосновались здесь служба фронтового управления и отделы штаба неплохо, сравнительно далеко от войск первого эшелона, следовательно, обстановка спокойная. Пока фронт не ведет активных действий, это удобно. Штаб стоит здесь без движения уже порядочно времени. К оперативной группе управления, как всегда при продолжительной остановке, постепенно подтянулся второй эшелон. Стало людно и скученно. Снующие по улицам автомашины, расходящиеся во все стороны линии связи – разве это пройдет мимо внимания вражеской разведки! Подобная цель для авиации противника – поистине находка.

Петр Иванович обратил внимание присутствующих на усиление маскировки и подготовку дезинформации противника. Так, он одобрил работу саперов 37-й армии, которые подготовили два моста через Днестр – один деревянный, постоянно подвергающийся налетам авиации противника, а второй – основной притопленный, который даже вблизи трудно обнаружить. Такая переправа была построена на Десне в 1942 году. И ее долго не могли обнаружить немцы, пока не привлекли «диверсанта № 1» Отто Скорцени, который со временем вспоминал:

«Яростное сражение развернулось вокруг переправы через Десну, южнее нас, в нижнем течении реки, русские захватили и удерживали сильно укрепленный плацдарм на нашем берегу. Это доставляло нам массу хлопот. И уже совсем таинственно происходило снабжение войск. Мы никак не могли понять, каким образом русские переправляют через реку живую силу, снаряжение, продовольствие и боеприпасы. Самолеты Люфтваффе напрасно искали мост. Ответ на загадочный вопрос мы нашли только после форсирования Десны. Русские сконструировали

своего рода «подводный мост». Ивашутин предложил принять дополнительные меры по маскировке и охране подводной переправы и продумать дополнительные меры по дезинформации противника. Чекист глубоко вник в существо Военного совета, он понял, что ему придется аргументированно докладывать в Управление СМЕРШ о возможном изменении главного удара, и провел срочное совещание со своими заместителями, ориентировав их в необходимых пределах конкретных задач.

16 июля 1944 г. вновь проходило заседание Военного совета, командующий говорил тихо, не торопясь, как бы рассуждая и думая вслух. Каждое его суждение было логически обосновано, всесторонне аргументировано и потому делало понятной, отчетливой для всех присутствующих главную мысль. Рекогносцировка позволила ему еще раз убедиться в том, что обе правофланговые армии фронта могут вести наступление на кишиневском направлении. Однако наиболее выгодного положения для нанесения главного удара обе армии не занимают. Непосредственное наступление в направлении Рышков, Кишинев значительными силами имеет отрицательными своими сторонами то, что, во-первых, сосредоточить здесь такие силы весьма затруднительно из-за условий местности; во-вторых, и в этом суть – оно приведет к выталкиванию врага из Молдавии вместо его уничтожения.

Удар с Дубоссарского плацдарма, являющийся прямой и кратчайшей дорогой к рекам Прут и Дунай и при усиленном его развитии, невыгоден в том смысле, что здесь противник, введя резервы и прикрываясь контратаками, сможет обеспечить отход своих главных сил за Прут и Дунай, сохранив в основном их боеспособность. А поэтому нашим войскам придется подготовить и осуществить новые наступательные операции. Причем с преодолением водных преград, в числе которых Дунай.

Теперь же, когда речь шла о принятии решения, Толбухин Ф. И. был особенно осторожен в суждениях. Желая еще и еще раз проверить самого себя, советуясь с ближайшими своими помощниками, он с предельной полнотой старался сопоставить все за и против, чтобы прийти к наиболее объективному заключению.

После Толбухина Ф. И. выступил НШ Бирюзов С. С.

Суть его доклада сводилась к тому, что рекогносцировочная группа, работу которой он возглавлял, после детального изучения всех условий в левофланговых армиях пришла к единодушному мнению: именно там имеются реальные возможности для нанесения главного удара. Самое главное его преимущество заключается в том, что нашим войскам в этом случае не придется

форсировать водную преграду. Отсюда противник не ожидает нашего удара, о чем свидетельствует и группировка его войск. Основные свои силы командование армейской группы «Думитреску» держит на двух направлениях: тираспольском (шесть немецких и две румынские пехотные дивизии) и кишиневском (одиннадцать немецких пехотных дивизий), все его резервы также подтянуты к флангам 6-й немецкой армии.

Но и в этом варианте есть серьезный недостаток – большая скученность нашей ударной группировки на Кицканском плацдарме. Чтобы нанести отсюда удар, на плацдарме в 150 квадратных километров, причем для размещения войск пригодна лишь половина всей площади, придется скрытно сосредоточить главные силы фронта. Плотность войск и техники на плацдарме окажется настолько высокой, что, если враг обнаружит сосредоточение наших сил на этом направлении, он сможет артиллерийской и авиационной контрподготовкой нанести серьезный урон и даже сорвать наступление.

Все участвовавшие в заседании Военного совета генералы разделили соображения докладчика по основному вопросу. При этом они реально оценивали множество возникающих трудностей и выражали готовность преодолеть их, уточняли отдельные детали плана по использованию войск, наметки которого командующий попросил доложить начальнику штаба. Подводя итоги заседания, командующий объявил свое решение о нанесении главного удара на Кицканском плацдарме.

Петр Иванович внимательно слушал каждое выступление. Он симпатизировал военному таланту Толбухина. Ему нравились доказательность суждений его и твердость при принятии решения. Здесь же речь шла о пересмотре предложения, исходившего от самой высокой инстанции и по такому вопросу, как выбор направления главного удара в стратегической операции, от которой ожидали важных военно-политических результатов.

31 июля 1944 года командующие и члены Военных советов 2-го и 3-го Украинских фронтов были вызваны в Ставку, где их предложения были утверждены. 2 августа последовала директива на проведение Ясско-Кишиневской наступательной операции с окружением немецкой группировки.

Толбухин Ф. И. и его штаб совместно с Управлением СМЕРШ разработали широкие мероприятия по оперативной маскировке и неукоснительно проводили их в жизнь. В основе их лежало сознание видимости подготовки наступления на кишиневском направлении. Имитация проводилась очень тонко. Интенсивно функционировали железнодорожные станции, на которых якобы

разгружались войска. Перед сумерками, чтобы показать видимость перегруппировки в темное время, из района реального сосредоточения по дорогам шли пехота, машины, танки. А ночью они возвращались обратно. На месте же ложного сосредоточения по-прежнему оставались только один запасной полк, инженерная бригада да два инженерно-строительных батальона. Зато они усиленно имитировали расположение все прибывающих сюда соединений: дымами походных кухонь, макетами танков, орудий, сооружаемых из дерна и хвороста. Оттуда же специальные радиостанции будто невзначай, «нарушая радиодисциплину», посылали сигналы, которые, конечно же, засекал противник.

Советское военное командование предприняло и другие меры по дезинформации противника. Для создания у ОКВ впечатления, будто летом Красная Армия нанесет главный удар на южном участке фронта, по указанию Ставки ВГК на правом крыле 3-го Украинского фронта севернее Кишинева была создана ложная группировка в составе 9 стрелковых дивизий, усиленных танками и артиллерией. Для большей убедительности в этом районе разместили много макетов боевой техники. Для убедительности район «сосредоточения» войск с воздуха патрулировался истребителями.

Операция, как известно, проходила с 20 по 29 августа 1944 года. Началась она рано утром 20 августа с мощной артиллерийской подготовки. Первая часть ее заключалась в подавлении вражеской обороны группы армий «Южная Украина» под командованием генерал-полковника Ганса Фриснера перед готовящейся атакой наших танков и пехоты.

Вторая – в плотном артиллерийском сопровождении нашей атаки. Вскоре советские войска, сопровождаемые двойным огненным валом, перешли в наступление. К исходу второго дня наступления войска 3-го Украинского фронта изолировали 6-ю полевую немецкую армию от 3-й румынской, а затем сомкнули кольцо окружения гитлеровцев в районе села Леушены.

Молненосный и сокрушительный разгром немецко-румынских войск под Яссами и Кишиневом до предела обострил внутриполитическую обстановку в Румынии. Данные зафронтовой агентуры военной контрразведки СМЕРШ фронта и войсковой разведки говорили, что в Румынии зреет недовольство народных масс, готовое вылиться в восстание, идет активный процесс консолидации оппозиционных сил.

П. И. Ивашутину доложили подчиненные, что, по данным зафронтовой агентуры, в Бухаресте на 23 августа готовится восстание…

Король Михай, быстро сориентировавшись, занял сторону

восставших и приказал арестовать Антонеску, а также пронацистски настроенных генералов-ястребов, которые боялись ответственности за свои злодеяния, совершенные как на советской земле, так и на своей родине.

Зная о происходящих процессах в Бухаресте, П. И. Ивашутин практически инициировал переговоры с представителями румынского правительства о выходе из войны этой страны – сателлита фашистской Германии.

Во время переговорного процесса в штаб фронта неожиданно прибыл представитель Ставки ВГК маршал Г. К. Жуков. Он был чем-то встревожен, даже разъярен. Московский гость буквально влетел в помещение штаба.

– Где командующий? – грозно не столько обратился, сколько рявкнул военачальник, обращаясь к дежурному офицеру.

– На рекогносцировке в районе… – не закончив ответ высокому начальнику, дежурный тут же получил приказ.

– Срочно вызовите его в штаб, – сдвинув брови к переносице, потребовал маршал.

Вскоре Федор Иванович прибыл по вызову и представился вышестоящему начальнику. Пригласив командующего к себе в отдельную комнату, Жуков решил подчиненному навязать план проведения последующей войсковой операции по окончательной ликвидации немецко-румынской группировки на территории Румынии. На беседу был приглашен и военный контрразведчик Петр Иванович Ивашутин, который обладал иной информацией. Он тут же попытался убедить Жукова, что Румыния готова и без боевых действий выйти из войны и сдаться на милость победителя.

– Откуда у тебя такие данные? – грозно спросил посуровевший полководец у начальника СМЕРШа фронта.

– С представителями румынского королевского двора наша служба ведет активные переговоры, и они близки к положительному завершению, – деликатно ответил контрразведчик, глядя в глаза представителя Ставки. Вообще Ивашутин в беседах как с подчиненными, так и с начальниками никогда не прятал глаз. Как говорится, «смотрел прямо в очи даже тогда, когда для визави тяжко было очень слушать правду».

– Херня какая-то, мудистика, просто чепуха, надо добивать врага, – скабрезничал Жуков. Он кинул властный взгляд на только что получившего после удачно проведенной фронтом Ясско-Кишиневской битвы звание Маршала Советского Союза Толбухина и дал командующему конкретные указания о проведении подготовительных мероприятий для осуществления новых наступательных действий.

– Вам по-ня-тен мой приказ? – с растяжкой, почти по слогам проговорил, словно проскрипел, Георгий Константинович.

Когда «грозный Георгий» уехал, Ивашутин, оставшись наедине с командующим фронтом, предупредил Толбухина:

– Федор Иванович, я должен буду доложить об этом не поддающемся логике и, по-моему, ошибочном приказе своему руководству.

– Ничего я против вашего шага не имею – у вас иная служба, свои руководители, тоже замыкающиеся на Верховного. Жуков знает, что вам приказать я не смогу. Да и ваши материалы очень серьезные, и к ним я, думаю, Москва прислушается, а может, уже о них знает из других источников, – кашу маслом не испортишь. Ох, как армии и стране еще пригодятся жизни молодых людей. Зачем же бросать тела в мясорубку, которую можно остановить другим путем.

Командующий был прав…

* * *

В Главное управление контрразведки СМЕРШ на имя генерал-лейтенанта В. С. Абакумова полетела срочная и убедительная шифровка о реальной обстановке в зоне ответственности 3-го Украинского фронта.

Виктор Семенович внимательно ее прочел. Познакомился еще с некоторыми бумагами по этой теме и тут же отправился на доклад к Сталину, как своему непосредственному начальнику. Он все же был его заместителем по линии военной контрразведки и мог напрямую общаться с вождем, что нередко злило Берию.

Вскоре Ставка ответила командованию 3-го Украинского фронта, что с конкретными предложениями начальника Управления КР фронта генерала Ивашутина – согласны, и предлагала маршалу Толбухину действовать исходя из складывающейся обстановки.

После этой шифротелеграммы Федор Иванович Толбухин, встретив Ивашутина у входа возле штаба, улыбнулся и проговорил:

– Ну, что, Петр Иванович, наша взяла, – Жуков признал ошибку.

– А куда же ему было деваться против правды, – заметил довольный военный контрразведчик. – Истина, которая делает нас свободными, – это чаще всего истина, которую мы порой, к сожалению, не желаем слушать. Вы же видели, как он среагировал. Почти бранью ответил на предмет почти решенного

спора с бухарестскими властями.

– Что верно, то верно, правда редко кажется чистой и никогда не бывает простой, – улыбнулся довольный командующий…

А вот как пояснил этот эпизод работы с румынским королем Михаем П. И. Ивашутин, давая последнее интервью в прошлом армейскому журналисту Николаю Пороскову:

«Двадцатишестилетний летчик, катерник, любимец фрейлин, которых в количестве около десятка он нередко возил с собой. Михай не очень задумывался о власти, зато его мать Елизавета была женщиной умной и хитрой, больше политик, чем он. Задача спецслужб состояла в том, чтобы лидера компартии Румынии Георгия Георгиу-Деж сделать известным, популярным и поставить во главе государства. Для этого разыграли именины командующего фронтом Федора Ивановича Толбухина (хотя на самом деле ничего подобного не было).

Пригласили на торжество Михая, наградили его орденом Славы, вернули монарху его же шикарную яхту, до этого угнанную из Констанцы в Одессу, и под хорошее угощение подсунули проект указа о награждении Георгиу-Деж самым высоким румынским орденом. Все газеты об этом сообщили.

Михаю внушили, что новую коммунистическую власть он возглавить не может, и королевское звание снять с себя – тоже. Михай погрузил имущество в вагоны, и его с почестями отправили, подарив на прощанье самолет».

Как было приятно начальнику Управления КР СМЕРШ фронта, что он отвел большую беду от солдат и офицеров – ненужные потери. Фактически его смелость и принципиальность позволили вернуть в семьи мужиков, которые могли бы погибнуть на поле ненужного боя. В Ивашутине тогда заговорили задатки не политика, а государственного деятеля – чувствовалась масштабность мышления в ходе осуществления оперативной разработки бухарестского руководства.

А в это время в румынской столице было сформировано коалиционное правительство, в которое вошли как социал-демократы, так и коммунисты во главе с Константином Сэнэстеску. Оно и объявило о выходе страны из войны и потребовало от немецких войск в кратчайшие сроки покинуть пределы Румынии. Немцы отказались исполнять ультиматум, и ранним утром 24 августа их авиация стала бомбить Бухарест.

Румыны попросили о помощи. Вскоре она была им оказана. А вот решение об отказе в проведении новой операции летом 1944 года, разработанной Жуковым, спасло жизни многих советских граждан – это факт, как и факт участия армейского чекиста в планировании войсковых операций фронтового уровня.

Потом бывший начальник штаба 3-го Украинского фронта, Герой Советского Союза, генерал армии Семен Павлович Иванов скажет об Ивашутине, с которым прошел тяжелыми дорогами войны с 1942 по 1945 год:

«…Петр Иванович принимал непосредственное участие в подготовке и проведении наступательных операций 3-го Украинского фронта.

Особенно много сил и энергии вложил он в подготовку и осуществление Ясско-Кишиневской, Будапештской, Венской операций, обеспечение действий войск фронта по освобождению Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии. А вообще для своего таланта как оперативника он был достаточно скромным человеком. Никогда не выпячивал свое имя, не претендовал на получение высоких правительственных наград, не выпрашивал должностей. Эти качества он пронес по своей службе как в Комитете государственной безопасности, так и Главном разведывательном управлении Генштаба ВС СССР».

* * *

Летом 1944 года Петр Иванович с радостью узнал о появившихся «немцах в Москве». Ему рассказал все подробности этого прямо-таки театрального действа один из офицеров Управления КР СМЕРШ фронта, выезжавший в Москву для доклада направленцу в ГУКР о полученных оперативных материалах от зафронтового агента о намерениях гитлеровской верхушки в проведении сепаратных переговоров с нашими союзниками.

Дело в том, что в июле руководство НКВД через свои войска провело в Москве уникальную операцию под кодовым наименованием «Большой вальс». К вечеру 16 июля 1944 года в столицу неожиданно прибыло пятьдесят пять эшелонов с военнопленными гитлеровцами. Ночь фрицы провели на поле Центрального аэродрома, где когда-то взлетал и садился военлет Петр Ивашутин на тяжелых бомбардировщиках.

Потом рядом с аэродромом построят новое здание для ведомства военной разведки страны, и генерал Ивашутин до самой пенсии проработает в «стекляшке». Так ласково называли военные разведчики свою «альма-матер».

Но вернемся к летним событиям в Москве 1944 года.

А в 10 часов утра следующего дня битым гитлеровцам после побудки, завтрака объявили срочное построение и сразу же – «сбор». Оттуда их провели по Москве – улицей Горького. Впереди

шествовало 19 генералов и 600 офицеров, а за ними – 56 000 вражеских солдат. Эти немцы попали в плен в разное время на различных фронтах. Теперь их собрали всех вместе для «экскурсии».

Шли они во всю ширину одной из центральных улиц столицы, по двадцать человек в ряд. Битые гитлеровцы удивленно озирались. Наверное, они предполагали увидеть город в развалинах и руинах, как им твердила геббельсовская пропаганда о результатах точечной бомбардировки советской столицы на протяжении всей войны. Но как ни вглядывались они в проезды и переулки, на крыши домов, в проемы распахнутых окон с любознательными москвичами – ничего подобного увидеть не смогли.

В день «захвата немцами Москвы» погода была по-летнему солнечной, поэтому дома и деревья, обласканные дневным светилом, казались ярче и нарядней. Толпы уставших от войны москвичей и гостей столицы стояли рядами вдоль улицы и смотрели молча на мимо проплывающих низложенных «тевтонцев» двадцатого века.

Тишина была удивительной, только слышно было шарканье ног военнопленных по мостовой. Шар-шар, шар-шар – отвечали стертые подошвы сапог и ботинок.

Гитлер обещал войну закончить по плану блицкрига в пределах четырех недель и к октябрю 1941 года захватить Москву, проведя в ней парад. Затем в его сумеречном сознании появился план: уничтожить российскую столицу – сровнять ее с землей, а потом затопить. И вот через три года фашисты оказались в Москве, но в положении поверженных и посрамленных воителей, понуро бредущих в жестоком спектакле истории по улицам того города, который они намеревались захватить и уничтожить.

Одним из символических действий, вписанных в этот политический спектакль, было прохождение поливальных машин, которые по замыслу его режиссеров смывали пыль от сапог и ботинок гитлеровских военнопленных, победно прошагавших половину Европы.

«Да, красиво обыграли в Москве проводку колонны немцев по центру столицы, – размышлял Петр Иванович, – в назидание потомкам. Пусть знают, история России не раз говорила ворогу – не замай, не трогай! С мечом пришли – от меча и погибнете. Еще чуть-чуть, и Третий рейх будет доломан, посрамлен и уничтожен. Его создатель – Гитлер был убежден, что его творение будет жить вечно. Вечное с преступным режимом никогда не уживается».

* * *

Войну П. И. Ивашутин закончил в музыкальной, веселой, восторженно принимавшей наших воинов Австрии. Там встретил и День Победы…

Никаких трофеев с войны он не привез, потому что довольствовался самым меньшим, на что имеет законное право, потому что порядочность у него была судьей над совестью. Ивашутин измерял свое право своим долгом. А долг, как он считал, – это то, чего в конкретную минуту не сделает никто, кроме него. Такие люди венчаны долгом и честью. Надо полагать, что это и есть высокая духовная составляющая.

А тот, кто делает то, что может, делает то, что должен. Есть что-то магическое в слове «долг», нечто такое, что поддерживает полководцев и воодушевляет воинов. Долг – расплата за жизнь. Это обязанность обеспечить благодатное существование всего и всех, кто ее даровал нам, поддерживает и составляет: родителей, любимых женщин, детей, друзей, отечество и дела, которым мы служим.

Генерал исполнил свой долг перед Отчизной, верным и честным ей служением, как гражданин и как воин.

Со слов сослуживца П. И. Ивашутина по центральному аппарату ГРУ вице-адмирала Кузьмина Л. Т., он любил повторять античный афоризм, что честный человек боится позора преступления, нечестный – наказания за преступления.

Петр Иванович вспоминал, как пела и кружилась счастливая Вена. Вальсировали в танцах девушки со своими освободителями – советскими солдатами и офицерами. Гремели повсюду духовые оркестры, «пиликали» на скрипках почтенные исполнители, свистели в тирольские трубочки горожане.

Танцплощадки возникали стихийно на улицах, расчищающихся от развалин и осколков кирпича, стекла и бетона как местными гражданами, так и нашими военнослужащими, без особых команд и приказов. Инициатива шла снизу – минеры изучали и исследовали «плацдармы праздника», а потом подключались его участники.

15 июня 1945 года на основании директивы Ставки ВГК от 29 мая 1945 года 3-й Украинский фронт был расформирован. Полевое управление фронта сразу же реорганизовали в Управление Южной группы войск (ЮГВ).

С 1945 года генерал-лейтенант П. И. Ивашутин – начальник Управления КР СМЕРШ Южной группы войск, с ноября 1947 года – начальник Управления КР МГБ Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ). С ноября 1949 года –

начальник Управления КР Ленинградского военного округа, а в 1951 году был назначен заместителем начальника 3-го Главного управления МГБ СССР.

А потом было еще одно знаковое назначение, и была еще одна война, – война после войны.

Время службы П. И. Ивашутина в ГСОВГ было тоже неспокойным. Управление Особых отделов (УОО) Группы располагалось в живописной части Берлина с оградой и охраной по периметру. В то же время в этом немецком городе находились американская, английская и французская военные миссии – миссии «союзников», укомплектованные, как правило, кадровыми разведчиками, ведущими активную работу против Группы советских войск.

Они пытались устанавливать контакты с советскими военнослужащими с целью осуществления их вербовки, получения секретной информации или склонению к бегству за границу. Поэтому особисты вели большую работу по предотвращению измены Родине в войсках, в которых служили военнослужащие, призванные полевыми военкоматами после освобождения от немецкой оккупации той или иной территории. Они призывались в армию скоротечно, и заниматься проверкой этого призывного контингента военным контрразведчикам, тем более в ходе боев, в полной мере не было возможностей. Попадались среди призывников уголовники и пособники немцев.

Теперь изменники изменили свои задачи и приемы, как писал армейский чекист Л. Г. Иванов, но остались теми же по своей сути. Они боялись возмездия за совершенные преступления и старались сбежать в Западные зоны оккупации.

Обычно в этих целях они вступали в интимные отношения с немками и, по прошествии определенного времени, договаривались с ними об уходе на запад. Это было удобно для беглецов. Немки знали немецкий язык, территорию Германии, дороги и т. д. Советская военная контрразведка имела право вести оперативную работу среди немецкого населения. От наших людей из числа немок мы нередко получали сведения о подготовке определенного лица к уходу на Запад.

За время войны со стороны офицеров Особых отделов, а затем СМЕРШа, не было ни одного случая перехода через линию фронта к немцам, т. е. не было случаев измены Родине…

Уже после войны, в 1949 году, когда я служил в Управлении Особых отделов ГСВГ, имел место факт измены Родине офицером Управления, старшим лейтенантом Гольдфарбом, переводчиком с немецкого языка. Он часто выезжал за пределы территории Управления вместе с семьей – женой и ребенком. В службе

охраны к этому привыкли и не обращали на его выезды внимания, – бдительность притупилась.

В день измены он, как всегда, на машине, выехал с семьей за территорию Управления и не вернулся. Тогда сразу стало ясно, что Гольдфарб давно готовился к переходу в Западный Берлин.

Начальником управления Особых отделов группы был тогда генерал-лейтенант, а впоследствии ставший генералом армии, начальником ГРУ ВС СССР, Героем Советского Союза, П. И. Ивашутин. Он много переживал в связи с этим случаем.

Получилось – пригрел змею на груди. Был крупный телефонный разговор с Москвой. Абакумов, как человек холерического склада, хотя и знал Ивашутина как толкового работника, успел наговорить кучу неучтивых слов. Потом все-таки отошел и предложил внимательней присматриваться к своему окружению. Человек взорвался, но осколками неприятных слов все-таки ранил душу. Но такие горячие люди, как правило, не злопамятны.

Петр Иванович и сам понимал, что недоработал, но наказывать серьезно никого не стал. Оргвыводы остались за Москвой…

Война после войны на Украине

В сентябре 1952 года П. И. Ивашутина бросают на новый участок работы – его назначают министром государственной безопасности УССР.

Ходил слух, а может, это была правда, – когда Ивашутина ставили на эту должность, Сталин пообещал дать Героя Советского Союза. Но при каких условиях, – если он справится с не прекращавшимися вылазками бандеровщины, то есть разгромит в течение года на территории Западной Украины основные бандформирования ОУН – УПА, терроризирующие местное население. Эти байки ходят по Интернету и в воспоминаниях некоторых ветеранов до сих пор. Генерал в основном справился с задачей и погасил массовый бандитизм на Украине. Это была очень тяжелая, титаническая, почти фронтовая работа. Приходилось ездить, летать, а правильнее, по-простому – «мотаться» по всей Украине: от черниговских земель до Карпатских гор и от полесских болот до одесских лиманов.

Он знал все подробности, как на Ровенщине погиб его старший товарищ, сослуживец по Юго-Западному фронту талантливый полководец генерал армии Н. Ф. Ватутин. Тогда тактика засад, выстрелы из-за угла в спину широко практиковались бандитами. Он с ними встретится не только по архивным материалам.

Справки из Литерного Дела

П. И. Ивашутин прибыл на Украину в очень сложное время, – прошло ведь только каких-то полдесятка лет, как закончилась война. Простому люду жилось несладко. Генерал считал, что первая жертва войны – правда. Хотя эти слова можно ставить эпиграфом ко всей мировой истории. Ему хотелось разобраться в той ситуации, которая характеризовала накал гражданской сшибки в этих местах, узнать, где правда, а где ложь в отношении украинских националистов и их «борьбе» с фашистами.

Нищета и бандитизм, воровство и коррупция, вынужденная неконтролируемая миграция населения, потревоженного войной, и активизация «лесных братков», толпы спекулянтов и массовая заброска своей агентуры вчерашними союзниками, – все это сплелось в один безжалостный и порою трудноразрешимый ком проблем, над которыми надо было работать. В этих проблемах лежала сермяжная правда, появившаяся после страшного побоища – Великой Отечественной войны.

Прежде чем включиться в полную силу к выполнению своих обязанностей, назначенный министр начал свои первые шаги, во-

первых, со знакомства с личным составом, а во-вторых, с изучения обстановки в регионах – областях республики и, в-третьих, с читки документальных материалов.

Если с первой задачей, как человек контактный, он знал, что быстро справится, найдет точки соприкосновения с подчиненными, то для решения второй и третьей задач нужно было время. Эти проблемы решались двумя путями: изучением новой нормативной базы, которой придется руководствоваться в работе, и ознакомлением с обобщенными справками, имеющимися в литерных делах по линиям работы. А дальше были в его планах поездки по областным управлениям своего министерства, а их было достаточно много, чтобы освоиться с особенностями оперативной обстановки в них.

Ивашутину на Украине пришлось столкнуться с уверенностью некоторых начальников, в том числе и чекистских, в «законности» экспроприации – насильственного перераспределения богатств из рук имущих классов в пользу менее имущих и неимущих. Известная ленинская формула « *экспроприация экспроприаторов* » действовала еще недавно в Германии в форме реквизиций и конфискаций трофеев.

Министру госбезопасности попали материалы, относящиеся к 1922 году, его давнего предшественника – главы ГПУ Украины В. Н. Манцева, который уверял Дзержинского, что украинские чекисты из-за нехватки средств вынуждены зарабатывать на пропитание грабежами и проституцией. И армия, и спецслужбы во главе с милицией и ЧК, а также партийно-правительственный аппарат – все были изначально поражены грабительством, хищениями и коррупцией.

Прибывший на Украину заместитель главы НКВД СССР Л. Н. Бельский 25 августа 1937 года отмечал, что «среди руководящих кадров процветают пьянство, разврат, казнокрадство».

Эти исторические параллели всеобщей пандемии воровства и коррупции в органах госбезопасности тех лет серьезно встревожили министра, понимающего, что военное и послевоенное время может быть чревато подобным. И он не ошибся. Бывая на местах, он получал данные, компрометирующие представителей правоохранительных и политических органов. Но по партийцам ЧК не работала – ЦК не разрешал трогать свою, порой подгнившую армию партийцев. Органы ограничивались лишь информацией верхов.

Также стыдно было смотреть документы и слушать свидетелей П. И. Ивашутину о деяниях своих недавних коллег по фронту – смершевцев, погрязших в излишней любви к трофеям.

Так, будучи с 1944 года начальником Управления контрразведки СМЕРШ 1-го Белорусского фронта, генерал-лейтенант А. А. Вадис создал в тот период при УКР фронта «нелегальный склад трофейного имущества». Из этой «кормушки» делал подарки руководителям ГУКР СМЕРШ В. С. Абакумову, Н. Н. Селивановскому, И. И. Врадию и другим высокопоставленным чекистам. А самому В. С. Абакумову в 1945 году, будучи в Москве, Вадис отправил на квартиру «чемодан с дорогостоящими вещами».

Не забывал он и себя – ценное имущество отправлял семье самолетами из Германии в Москву, и супруга Вадиса им спекулировала. Сам же Вадис вывез из Берлина вагон мебели и прочих вещей, а также легковой автомобиль. Затем он привез в Москву массу «трофеев» из Маньчжурии, где служил начальником УКР СМЕРШ Забайкальского фронта, – меха, шелковые и шерстяные ткани, посуду, мебель и прочие вещи. Абакумову вручил сервиз из 120 предметов и шахматы из слоновой кости.

Впоследствии А. А. Вадис дорос до заместителя МГБ УССР, но в январе 1952 года был исключен из партии за то, что не обеспечил мер по ликвидации ояновского подполья, неумеренное пьянство и излишнюю любовь к трофеям. Если бы не этот случай, министру ГБ П. И. Ивашутину попался бы такой заместитель.

Как известно, Ивашутин на должности министра ГБ Украины сменил генерал-лейтенанта Н. К. Ковальчука. Бывший уполномоченный МГБ СССР в Германии Ковальчук избежал репрессий, хотя в 1952 году его заместитель генерал-лейтенант А. А. Вадис подал заявление в МГБ СССР С. Д. Игнатьеву о том, что Ковальчук «привез с фронта два пульмановских вагона трофейных вещей и ценностей». В 1954 году его лишили воинского звания.

Эти и другие примеры нечистоплотности новый министр госбезопасности знал и буквально каленым железом выжигал эту скверну у своих подчиненных.

* * *

Полковник в отставке Лубенников Петр Филиппович, работавший в годы руководства МГБ УССР П. И. Ивашутиным на Украине, с высоты сегодняшнего времени отметил, что министра ни в чем нельзя было упрекнуть в смысле стиля работы и отношений с подчиненными. Он был человеком дела. Пользовался искренним уважением у коллег, знающих о его высокой требовательности к подчиненным, – вот что

характеризовало этого чекиста в работе.

– Я знал руководителей того времени, – говорил Петр Филиппович, – но у некоторых могу назвать червоточину. Одни уличались в казнокрадстве, другие мелочились во взяточничестве, третьи – в лени и безразличии к судьбам оперативного состава, четвертые свирепствовали при допросах, в том числе и бандеровцев, захваченных с оружием в руках, а вот у Ивашутина, поймите меня правильно, ничего подобного не было. Он был прозрачным стеклышком.

Находясь на такой «опасной» и «скользкой» должности, какой являлась госбезопасность в то смутное время при угасающем Сталине и стремившемся к власти и получившим ее в результате немалой крови Хрущеве, Ивашутин оставил на Украине лишь только добрые воспоминанья.

Он, помнится, подчеркивал пришедшее спокойствие в Украину в середине 50-х такими словами:

«Мы достойны тех сокровищ, которые произвели в муках. Муки были с обеих сторон, – их надо было перенести во имя прекращения братоубийственной войны. Надо было поставить запруду потокам безвинной крови. Мы ее поставили. Виновников же ее ждало хотя и запоздалое, но возмездие. Так должно было быть».

Сокровищами он называл относительно бескровное примирение западного и восточного кустов украинского народа после войны. Бандеровщина в ее кровавых вариантах уходила с содроганием в прошлое.

Но, как говорится, для того, чтобы общество было застегнуто на все пуговицы, надо было окончательно решить вопрос об ответственности тех, на руках которых была кровь безвинных мирных жителей. Кто по ночам еще выходил из лесных берлог за продовольствием и продолжал стрелять в людей: партийно-советский актив, военнослужащих, сотрудников органов госбезопасности и милиции, активистов колхозного строительства.

Судили и чекистов, превышающих свои служебные полномочия. Но это другая тема, и в наше время о ней уже много чего написано, в том числе и «грязными перьями». Пусть будет этот грех на их совести.

Первую неделю своего пребывания на должности министра Ивашутин посвятил ознакомлению с материалами линейного литерного дела по бандитизму. Внимательно читаемые материалы он пропускал через свое критическое сито. Его цепкий взгляд, отточенный опытом ума и прямотой души, не мог пропустить узловых моментов в документах. Особое внимание он,

естественно, уделил бумагам о деятельности боевых украинских националистов в системе ОУН – УПА. Читал и перечитывал он много, что характеризовало обстановку. После этого дал указание откорректировать планы работы.

Материалы были интересные, – тут и данные на немецкого прихвостня и агента гестапо митрополита Шептицкого, и о подробностях убийства западноукраинского писателя Ярослава Галана, истории создания организации украинских националистов (ОУН) и украинской повстанческой армии (УПА). Особенно его интересовали вопросы преступного взаимодействия галицийских вождей Коломийца, Мельника, Бандеры, Лебедя, Шухевича и других коллаборационистов с гитлеровцами.

С внимательным изучением и определенным долготерпением он отнесся к документам о конкретных действиях против местного населения оберледеровских банд «Нахтигаль» и «Роланд», а также 14-й Гренадерской дивизии Вафенн СС «Галичина»…

Потом он попросил принести ему том литерного дела со справками о злодеяниях украинских националистов на территориях западных областей Украины.

Чем больше он читал, тем грустнее и суровее делалось его лицо:

…

«Конфиденциально.

Львов. 14 июля 1941 года.

Господину полковнику Генштаба

Лахузену Эжлеру фон Вивремонт,

шефу 2-го отдела Абвера при

Верховном командовании вермахта

Берлин, W – 35

Тирпитцуфер 82

Высокоуважаемый господин полковник!

Благодарю Вас за дружеское письмо от 5 июля и спешу ответить на него.

12 июля я имел разговор с господином Лебедем. При этом я передал ему Ваше поздравление и от

Вашего имени поблагодарил его за ценное сотрудничество и поддержку, которую он оказывает нашей службе.

Я подчеркнул, что главная цель нашего разговора состоит в том, чтобы прийти к возможно длительному, рациональному и систематическому сотрудничеству. Я указал на то, что теперь, во время войны, необходимо интенсифицировать его, и подчеркнул, что сотрудничество господина Лебедя после вступления победоносных немецких войск во Львов ни в коем случае не заканчивается, а, напротив, именно теперь должно систематически продолжаться.

Что касается практического осуществления этого сотрудничества, то мы обсуждаем некоторые мероприятия, о которых Вы будете информированы. Я обещал Лебедю дальнейшую поддержку и подчеркнул, что ранее проводившаяся им работа высоко оценивается начальником полиции безопасности и службой безопасности во Львове.

Из его высказываний я понял, что он тотчас сообразил, о чем идет речь, так что мои дальнейшие разъяснения оказались излишними.

Господин Лебедь заверил меня, что он охотно предоставляет себя в наше распоряжение в интересах совместной борьбы против большевизма и еврейства.

Он был бы признателен, если бы соответствующие директивы были доведены нами и до других лиц из украинских кругов Львова.

Хайль Гитлер!

Преданный Вам – Теодор

Оберлендер».

Лебедь стал в последующем руководителем службы безопасности (СБ) ОУН, являвшейся самым кровавым органом в системе организации. После войны он сотрудничал со спецслужбами США, Великобритании и других стран НАТО.

* * *

...

Перевод с немецкого языка.
Командный пункт корпуса
Копия 15 февраля 1944 г.
Генеральный штаб 13-го армейского корпуса
1 – а/1 ц № 531/44 – СЕКРЕТНО
«О взаимодействии с националистическими украинскими бандами»

1. Приложением является приказ генерального штаба 13-го армейского корпуса 1 —ц № 299/44 – секретно – от 29 января 1944 года об отношении к силам националистической повстанческой армии УПА.

2. Соглашение, достигнутое с УПА в конце января в районе Постойно (33 км северо-западнее Ровно), было согласовано с УПА также в районе Кременец – Верба – Козин – Березец.

Части, подчиненные генеральному штабу, ознакомлены с этой договоренностью, отсюда генеральный штаб просит поставить в известность войска верхнего района, находящиеся в непосредственном подчинении штаба 4-й армии.

Представитель УПА во время переговоров указал на то, что злоупотребления воинских частей, отчасти даже с применением силы оружия, при изъятии скота значительно осложняют проведение переговоров.

Он просит без трений указать войсковым частям, расположенным в верхнем районе и находящимся в непосредственном подчинении штаба 4-й армии в интересах соглашения, реквизиции на территории УПА, если таковые необходимы, проводить с привлечением сельских старост.

УПА уже высказывалась в том смысле, что реквизиция легитимна, если она проводится с участием старост и без применения насилия с немецкой стороны.

3. Обусловлена задача УПА: подавление советских банд (так немцы называли советских партизан. – Авт .). При продвижении вперед Красной Армии – нарушение подвоза и уничтожение остающихся позади служб. Борьба против немецких подразделений допустима лишь в случае, если последние будут проводить реквизицию с применением силы оружия.

...

Приложение. За командование штаба

ПЕЧАТЬ Командир генерального штаба.

Командир полиции безопасности и СД по Галиции – подпись.

СПРАВКА

«Этот документ попал в руки

советских воинов так:

9 марта с.г. 866-й сп (стрелковый полк) 287-й сд (стрелковой дивизии) в д. Вашковцы были захвачены документы штаба батальона 11-го СС полицейского полка.

В документах найден приказ, касающийся переговоров украинских националистов с представителями немецко-фашистского командования и достигнутой договоренности о службе украинских националистов на пользу немцев. Копию этого приказа прилагаю. Начальник политического управления 1-го Украинского фронта генерал-майор С. Шатилов».

«О переговорах с руководством УПА.

Боевая группа Притцман. РО».

Касательно: отношения к членам национальной украинской повстанческой армии (УПА).

Начатые в районе Деражно переговоры с руководителями национальной Украинской повстанческой армии были успешно проведены также в районе Верба.

Достигнута договоренность. Немецкие части не подвергаются нападению со стороны УПА.

УПА засылает лазутчиков, преимущественно девушек, в занятые врагом районы и сообщает результаты Разведывательному отделу боевой группы.

Пленные Красной Армии, а также советские партизаны, препровождаются в разведотделы для допроса; местные чуждые элементы используются боевой группой на работах. Чтобы не мешать этому необходимому взаимодействию,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Агентам «УПА», которые имеют удостоверения за подписью «капитан Феликс», или тем, кто выдает себя за членов УПА, разрешать беспрепятственный проход; оружие оставлять при них. По требованию агента предоставлять им быстрейший доступ в разведотделы.

2. Члены частей УПА при встрече с немецкими частями для опознавания поднимают левую руку с раздвинутыми пальцами к лицу; таковых не задерживать, это означает их взаимопонимание.

3. Со стороны УПА имеются жалобы на то, что немецкие полицейские регулярные части производят самовольную реквизицию, особенно домашней птицы. В связи с этим согласно приказу от 11 февраля 1944 года командиры частей привлекаются за эти дикие реквизиции, чтобы таковые прекратились.

Бреннер, генерал-майор и бригаденфюрер СС.

* * *

…

СПРАВКА

«…В Сарнах располагался 323-й гренадерский запасный батальон 76-й пехотной дивизии. В обязанности этой части вермахта входило: борьба с советскими партизанами, совершение облав по селам с целью

отправки украинцев на работы в Германию, использование личного состава в «спецоперациях» – поджоги хат по селам и расстрелы неблагонадежных, которые составляли иногда все население села.

Нацисты под командованием старшего лейтенанта Крюгера, офицера 4-й роты этого батальона, совместно с местными полицаями получили задание проверить, нет ли евреев в селе Сарны.

Они вламывались в хаты под предлогом поиска оружия, выгоняли людей на улицу, молодых увозили в город для отправки в Германию. У кого находили оружие или прячущего еврея – расстреливали всех мужчин хаты на месте. В тот день они уничтожили более сорока местных жителей. Среди бесчинствующих палачей были и украинские националисты в форме полицейских, люто ненавидевшие земляков, лояльно настроенных к советской власти.

Командир третьего отделения 4-го взвода 4-й роты унтер-офицер Майер первое «боевое крещение» принял в селе Антоновка. Фашисты буквально пьянели от крови. Майер приказал солдатам согнать жителей на платформу железнодорожной станции, а село полностью уничтожить – сжечь.

А вечером шестьсот человек, женщин и детей Антоновки, были втиснуты в семь товарных вагонов и отправлены в сарненский пересыльный концлагерь. Остальных селян расстреляли из пулеметов при участии старосты села.

Ранним солнечным утром 26

августа 1942 года 323-й гренадерский запасный батальон в Сарнах был поднят по тревоге. Вокруг огромных ям, вырытых заключенными, на кучах золотого песка немцы поставили несколько тяжелых пулеметов, остальные фашисты стояли с автоматами. Полицаям была дана команда доставить первую партию обреченных стариков, женщин и детей из концлагеря. Сюда же из гетто перевели и евреев.

Бургомистр города Маринюк от имени гебитскомиссара Гуаля, его заместителя Крекеля и коменданта жандармерии Шумахера успокаивал заключенных, что ожидается сортировка трудоспособных граждан. И вот уже первая группа уставших и перепуганных людей стояла у края могилы.

– Огонь, – скомандовал командир роты…

Майер достреливал из автомата тех, кто выказывал признаки жизни. Вторая группа, третья, четвертая… двенадцатая…

В это время в лагере люди почувствовали, что никакой «сортировки» нет, что этот блеф бургомистра направлен только на успокоение обреченных. И тогда произошел взрыв эмоций, негодования, гнева – более двух с половиной тысяч людей, разорвав «колючку», бросились в разные стороны.

Спастись удалось нескольким десяткам. Остальных скосили пулеметно-автоматные струи огня. Улицы Сарн были залиты кровью несчастных граждан.

27 августа 1942 года продолжался кровавый шабаш.

Только одно отделение Вили Майера в этот день под сарненским сосновым лесом уничтожило более полутора тысяч человек, а 323-й батальон за августовско-сентябрьские дни расстрелял около четырнадцати тысяч женщин, детей и стариков.

Причем детей изверги бросали живьем в ямы.

На месте звериной расправы еще долго стонала, содрогалась и сочилась кровью земля…»

* * *

Изучал новый министр и документы, характеризовавшие оперативную обстановку накануне войны. Он понимал, что именно с тем и этим временем есть логическая связь – связь поколений. То, что творится сегодня, должно вытекать из прошлого. Связь времен – ее надо ощутить, и тогда можно охватить проблему всецело. Еще он понимал, что время – это корабль, никогда не бросающий якорь. Движение – жизнь, и за нею надо поспевать и изучать ее истоки. А жизнь та, особенно на «теренах» – территориях Западной Украины – была крепко связана с жизнью тридцатых годов…

…

СООБЩЕНИЕ УНКВД ПО ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ № 162

В НКВД СССР О СОВЕРШЕННОМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОМ АКТЕ 5 ДЕКАБРЯ 1939 г.

Доношу: 3 декабря в 23 часа совершен террористический акт над председателем местного комитета д. Черлены Грудекского уезда Львовской области Трушем Михаилом. В окно дома Труша были брошены две ручные гранаты. Тяжело ранены Труш и его жена. Террористов

на месте задержать не удалось.

Выброшенной опергруппой арестованы Фалькевич Иосиф, агент полиции, его сыновья Фалькевич Казимир, член фашистской организации, доброволец польской армии, и Фалькевич Войтек, руководитель фашистской организации «Стрельцы».

Пострадавший Труш опознает террористов Фалькевичей. Следствие по делу продолжаем, результат сообщим дополнительно.

Начальник УНКВД по Львовской области Краснов.

...

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

начальника пограничных войск НКВД Киевского округа № АБ-004275 в НКВД УССР

по делу контрреволюционной повстанческой организации в западных областях УССР

25 декабря 1939 г.

Задержанный 97-м ПО в пограничной полосе поляк Краевский Ян Юзефович сознался в том, что он является членом повстанческой организации, существующей в западных областях УССР, и по этому вопросу показал:

«В г. Львове существует контрреволюционная повстанческая организация, насчитывающая 2 тысячи человек, вооруженная 6 пулеметами. Ответвление этой организации имеется в городах Станиславе, Коломые, Перемышле и Тарнополе.

Руководство организацией

возглавляет полковник бывшей польской армии Пругер, который 24–26 декабря 1939 г. должен прибыть из Румынии в г. Львов для встречи с членами организации в ресторанах «Атлас» и «Жорж».

Приметы Пругера: 45 лет, выше среднего роста, брюнет, волосы редкие, зачесывает назад, крепкого телосложения, лицо круглое, бороду бреет, одет в коричневый костюм.

По данному делу ориентировано УНКВД Львовской области.

Начальник погранвойск НКВД Киевского округа

комдив Осокин.

* * *

…

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ УНКВД

по Тарнопольской области № 1597489 в НКВД УССР о результатах работы оперативно-чекистской группы НКВД СССР

26 апреля 1940 г.

…Агентурно-следственным путем было установлено, что существовавшие на территории Тарнопольской области контрреволюционные повстанческие организации готовили вооруженное восстание против Советской власти в западных областях Украины и Белоруссии. Руководители этих повстанческих организаций сознались и выдали ряд новых своих соучастников…

Для вооруженного восстания ликвидированная антисоветская повстанческая организация располагала необходимым оружием, а именно: револьверами разных систем – до 70, винтовок – до 20, патронов к ним – 3500–4000, станковых и ручных пулеметов – 3… Оперативно-чекистской группой закончено 27 следственных дел на 60 человек.

Начальник УНКВД по Тарнопольской области

капитан государственной безопасности Вадис.

* * *

…

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

заместителя наркома внутренних дел СССР № 19/9521 в НКВД СССР

о задержании на границе двух агентов

немецкой разведки

5 сентября 1940 г.

5 сентября 1940 г. начальник погранвойск НКВД УССР донес:

«31 августа сего года на участке 92-го пограничного отряда (г. Перемышль, УССР) был задержан нарушитель границы со стороны Германии Пинчук Иосиф Прокопьевич, 1917 года рождения, житель г. Дрогобыч. Задержанный при допросе сознался, что является агентом германской разведки и эмиссаром ОУН. Пинчук был завербован

немецкой разведкой в сентябре 1939 г. в г. Дрогобыч под кличкой Бранденбург. 2 января сего года, состоя на службе в милиции, бежал в Германию, обратно перешел в СССР с заданием германской разведки по сбору сведений об укрепрайонах и по организации оуновских ячеек.

2 сентября сего года на участке того же отряда задержан нарушитель границы со стороны Германии Дудик Станислав Мартынович, 1907 года рождения, поляк, житель Кракова, который сознался, что является агентом германской разведки под кличкой Ионец-Юдвин и послан в СССР для разведки укрепрайонов и гарнизонов Красной Армии.

Следствие ведет 5-е отделение 92-го пограничного отряда».

Заместитель наркома внутренних дел СССР генерал-лейтенант Масленников.

* * *

...

ИЗ ЦИРКУЛЯРА НКГБ УССР № А-1282

об усилении борьбы с националистическим подпольем в западных областях Украины

10 апреля 1941 г.

Поступившие за последнее время в НКГБ УССР материалы свидетельствуют о том, что ОУН по заданию Краковского провода ведет на территории западных

областей УССР усиленную работу по подготовке к вооруженному выступлению против Советского Союза, намеченному на весну 1941 г.

По имеющимся в УНКГБ Дрогобычской, Тарнопольской и Ровенской областей данным, вооруженные выступления намечены на период между 20 апреля и 1 мая сего года. В связи с этим деятельность оуновских организаций во всех областях значительно активизировалась: проводятся усиленная вербовка и подготовка новых кадров, развернута работа по приобретению оружия, боеприпасов, санитарного имущества, отрабатываются мобилизационные планы, увеличилось количество террористических актов против советских и партийных работников, распространяются листовки и воззвания, призывающие население к вооруженной борьбе и т. д.

Для руководства вооруженным выступлением на территорию СССР из-за кордона нелегально перебрасываются руководящие кадры ОУН с заданием возглавить вооруженное восстание.

Так, в селе В. Гнилицы Тарнопольскоой области руководитель местной оуновской организации Процик Ярослав на инструктивном совещании участников организации заявил, что вооруженное выступление намечено на 22–25 апреля сего года…

Процик поставил в известность участников организации, что 16 апреля из-за кордона должны прибыть активные члены ОУН Савчук Ярослав и Гевко Иван, которые дадут дополнительные

указания о подготовке к выступлению и проведут обучение партизанской войне, направленной на ослабление тыла и затруднение продвижения частей Красной Армии.

В селе Соколов Тарнопольской области подрайонный руководитель ОУНа Демида С. П. получил от районного руководителя указание о подготовке к тайной мобилизации оуновской организации, которая должна состояться весной 1941 г.

В порядке подготовки к этой мобилизации, как это установлено агентурными материалами, каждый член организации должен иметь в запасе несколько пар белья, продукты питания, медикаменты и перевязочные средства.

Арестованный активный оуновец Водвуд Иван в беседе с камерным источником сообщил последнему о том, что 20 апреля сего года оуновская организация готовит вооруженное восстание в западных областях Украины, но ожидает дополнительных указаний от руководства ОУНа, которые будут даны в зависимости от выступления Германии…

Народный комиссар государственной

безопасности УССР Мешик.

* * *

Украинская тема с явными признаками лукавства попалась П. И. Ивашутину в документах так называемого «Берлинского дневника 1940–1945 годов» княгини Марии Васильчиковой. Приведу два фрагмента:

…

«Среда. 14 мая 1941 г.

Прошел слух, что Сталин согласился уступить Украину немцам на девяносто девять лет. Я вне себя от возмущения».

Но это был слух, родившийся из желания и надежды многих немцев, что надвигающийся конфликт Германии с Советским Союзом, которого все так боялись, удастся предотвратить в последнюю минуту с помощью состряпанной этой «сделки».

Следующая страница:

...

«Воскресенье. 18 мая 1941 г.

Берлинцы, известные своим остроумием, уже сочиняют остроты по поводу бегства Гесса. Например.

Город Аугсбург (город, откуда он вылетел) – это город германского подъема.

Би-би-си сообщает:

В ночь на воскресенье германские министры больше не прилетали.

Сообщение ОКВ (верховное командование):

Геринг и Геббельс все еще прочно находятся в немецких руках.

Тысячелетний рейх превратился в столетний: одним нулем стало меньше.

Что наше правительство сбрендило, это мы давно знаем, но что оно это признало – это нечто новенькое.

Черчилль спрашивает Гесса:

– Так это вы сумасшедший?

– Нет, лишь его заместитель…»

Как видит читатель, чувство юмора не покидало немцев, не всех война превращала в озлобленных животных.

* * *

ИЗ ОБЗОРА НКВД УССР О БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ УКРАИНЫ ЗА ЯНВАРЬ — ИЮНЬ 1941 Г. (НЕ РАНЕЕ 15 ИЮНЯ 1941 г.)

Органами НКВД УССР в 1941 г. проведена значительная работа по ликвидации политического и уголовного бандитизма в западных областях Украины.

С 1 января по 15 июня 1941 г. в западных областях ликвидировано 38 политических и 25 уголовных банд общим количеством 273 активных участников. Арестовано также 212 пособников и укрывателей бандитов.

Кроме того, выявлено и задержано 747 нелегалов и только за апрель – май арестовано и выселено 1865 активных членов украинской контрреволюционной националистической организации (ОУН).

Во время операций убито 82 и ранено 32 бандитов-оуновцев, нелегалов и уголовников…

Потери в результате неорганизованных и неподготовленных операций составили 40 % от общего числа потерь работников НКВД…

Учитывая наличие бандитизма в западных областях, необходимо усилить и еще решительнее продолжить работу по разгрому уголовно-политического подполья, в кратчайший срок устранив отмеченные недочеты в организации мероприятий по борьбе с

бандитизмом…

Народный комиссар внутренних дел УССР Серов.

Подобных документов было очень много.

* * *

…

КОПИЯ ПИСЬМА ШЕПТИЦКОГО ГИТЛЕРУ

Из письма 23 сентября 1941 года:

«…Ваше превосходительство!

Как глава украинской греко-католической церкви, я передаю вашему превосходительству мои сердечные поздравления по поводу овладения столицей Украины – златоглавым городом на Днепре Киевом…

Дело уничтожения и искоренения большевизма, которое вы себе, как фюрер великого германского рейха, взяли за цель в этом походе, обеспечивает вашему превосходительству благодарность всего христианского мира.

Украинская греко-католическая церковь знает об исторической значимости этого могущественного движения германского народа под вашим руководством. Поскольку судьба нашего народа отныне отдана Богом преимущественно в ваши руки, мы надеемся, как весьма заинтересованный друг Германии в этой борьбе, которую вы ведете…

В благодарность вместе с украинской частью восточной церкви,

связанной со всемирным христианством, я буду молить Бога о благословлении победы, которая явится залогом длительного мира для вашего превосходительства, германской армии и германской нации.

С особым уважением Андрей, граф Шептицкий,митрополит. Львов, 23.9.1941 г.»

* * *

...

СПРАВКА

«…14.1.1942 года в числе других националистов Шептицкий подписал очередное послание к Гитлеру, в котором говорилось:

«Его превосходительству фюреру и рейхсканцлеру Германии Адольфу Гитлеру…

Руководящие круги украинского народа понимали, что столкновение между национал-социалистской Германией и большевистской Москвой неминуемо и что только немецкая держава под руководством вашего превосходительства будет способна нанести большевизму смертельный удар…

Мы заверяем Вас, ваше превосходительство, что руководящие круги на Украине стремятся к самому тесному сотрудничеству с Германией, чтобы объединенными силами немецкого и украинского народов завершить борьбу против общего врага и

претворить в жизнь новый порядок на Украине и в Восточной Европе.

Дня 14 января 1942 года.

– Граф Андрей Шептицкий, митрополит, Председатель Украинского национального Совета во Львове.

– Андрей Левицкий, заместитель Симона Петлюры, Главного атамана УНС, Варшава.

– Профессор Величковский, Председатель Украинского Национального совета в Киеве.

– Генерал Омельянович-Павленко, Председатель Генерального совета, бывший командарм УНС, Прага.

– Полковник Андрей Мельник, вождь украинских националистов, Берлин».

* * *

...

СПРАВКА

КОПИЯ ПИСЬМА ЗАМЕСТИТЕЛЯ БАНДЕРЫ В. СТИХИВА ГИТЛЕРУ

«Ваша экселенция!

Глубокоуважаемый господин Канцлер Германского рейха!

Фюрер Организации Украинских националистов (ОУН) Степан Бандера поручил мне почетное задание передать Вашей Экселенции как фюреру немецкой нации, что победоносно борется за новый порядок в Европе, меморандум Организации Украинских националистов относительно

решения украинского вопроса.

ОУН, которая ведет украинские массы в борьбе за создание Украинской державы, проникнута глубокой верой в то, что совместный боевой поход против Москвы уничтожит разлагающее жидовско-большевистское влияние на Европу и сломает российский империализм.

Провозглашение независимой национальной Украинской державы в контексте мирного договора в Брест-Литовске закрепит новый порядок в Европе и будет способствовать мирному и благородному развитию этой территории.

Будучи уверенными, что ваша экселенция как проводник национального принципа будет нашу национальную борьбу поддерживать, остаюсь с выражением моей глубокой признательности и уважения вашей экселенции.

Наипреданнейший Владимир Стахив.

Руководитель ресорта в Политбюро ОУН».

* * *

А потом он стал перечитывать докладные, справки с приложенными вырезками из газет о кровавых злодеяниях оуновцев:

...

СПРАВКА

«…23 декабря 1944 г. ночью в своем доме зверски убит бригадир огородной бригады Шульгатый Владимир Харитонович. В этом же

году зарублен учитель местной школы Кика Алексей Степанович.

В конце 1945 г. погиб Шепель Тимофей Аврамович – финагент Кричильского сельсовета, участник отряда борьбы с бандитизмом. Он был сражен автоматной очередью из-за угла дома.

В том же году 28 апреля убит почтальон Белецкий К. П., а 9 мая – его брат Белецкий И. П., возвратившийся с фронта тяжелораненым.

В перестрелке с бандитами осенью 1945 г. погиб боец истребительной группы Лысый Андрей Романович.

27 марта 1947 г. убит при следовании со станции Антоновка боец истребгруппы Шабак Степан Оверкович. Его брата и отца бандиты зверски замучили раньше – соответственно в 1943 и 1944 гг.

В том же году умерщвлены бандитами молодые комсомолки Сергиенко Нина Фокиевна и Высоцкая Полина Сидоровна, приехавшие из Ровно для проведения разъяснительной работы.

Озверелые бандиты ночью ворвались в дом, где остановились девушки, вывели их на улицу, издевались над ними, а затем расстреляли…

Грабителями и убийцами оказались уроженцы Кричильска:

Добрыдник С. М. – кличка Крыга, Корзун Т. М. – Задунаец, Стрелка Г. Е. – Нежурысь, Стахнюк К. И. – полицейский, Рудыка И. А. – подрайонный политреферент ОУН банды Явора, Горпелюк Г. П. – Зеленый, Питель А. Л. – Нечай, в последнее

время комендант СБ ОУН.

Нечай действовал на территории сарненщины до августа 1952 года, пока не был ликвидирован односельчанами в ходе проведения чекистско-войсковой операции.

Это далеко не полный перечень жертв оуновцев в Кричильске…»

* * *

…

СПРАВКА

«После освобождения Сарненского района Ровенской области в с. Белятичи 7 января 1945 г. в 2 часа ночи в дом Романа Мартыновича Васькевича постучали, и когда его жена открыла дверь, в коридор ворвались четыре вооруженных бандита. При свете лампы Петрук Оксана, 1928 г. рождения, дочь Васькевича, опознала бандитов: Колдуна Кузьму Васильевича – бандкличка Каблук, Шевчука Михаила Моисеевича – Щура, Болкуневича Федора Васильевича и Добрянского Михаила Максимовича.

Обращаясь к Васькевичу Роману, бандит Болкуневич Федор спросил:

«Ты долго будешь выдавать наших людей коммунистам?»

Роман ответил, что он никого не выдавал и с коммунистами не связан. Тогда Каблук вынул из кармана веревку и связал Васькевичу руки. В это время Петрук Оксана спряталась под полати, а ее сестра

Васькевич Феодосья – под кровать. Их мать – Васькевич Елизавета Михайловна, сестры Дарья и Нина бросились к Роману, а отошедшие к дверям бандиты по ним открыли огонь из винтовок. Когда они начали стрелять, то все упали, а лампа погасла.

Бандит Щур зажег солому и начал считать убитых, при этом заявил:

«Старый, стара и двое малых, щэ нема двох».

Он нашел Феодосью под кроватью и приказал ей вылезти. К нему подошел Каблук, и они несколько раз выстрелили в Феодосью. После этого бандит Каблук подошел к кроватке и застрелил дочурку Феодосии в возрасте 1 года.

Потом Щур за руку вытащил из-под полатей Петрук Оксану, отошел от нее на несколько метров и выстрелил. Оксана упала без сознания. Очнулась от прикосновения руки матери. Дом горел. Оксана с матерью добрались до дверей, где уже были Дарья и Нина. Дверь снаружи была закрыта, и они все четверо вылезли через окно. Переночевали у соседки Мирко Екатерины Никитовны, а наутро их забрали советские солдаты и отвезли в больницу.

Петрук Оксана была ранена в ногу, вторая пуля попала в левую щеку и вышла в затылок. Елизавета была тоже ранена в голову. Нине на левой руке отстрелили два пальца, а Дарья – контужена.

Обгорелые трупы Васькевича Романа, его дочери Феодосии и внучки похоронили на сельском кладбище…»

* * *

…

СПРАВКА

«…После освобождения территории Сарненского района от немецких оккупантов жители с. Марьяновки оказали доверие своему земляку Гомонец Карпу Дорофеевичу, 1905 г.р., и избрали его председателем сельсовета. На этой должности он проработал до осени 1944 года.

Его деятельность вызывала звериную ненависть у бандитов ОУН, которые после изгнания их хозяев – немецких оккупантов, как кровожадные звери, набрасывались на законопослушных местных граждан.

13 сентября 1944 года в дом Гомонец К. Д. в вечернее время ворвалась группа бандеровцев. Бандиты подвергли допросу хозяина дома, упрекали его в службе на советскую власть, но председатель сельсовета с достоинством отвечал на их вопросы.

– Неужели вы не боитесь господа бога? – спросил Карп Дорофеевич у непрошеных гостей. – Где ж ваша людская совесть?

– У нас нет совести. Наша совесть – Степан Бандера! – прогундосил щербатый душегуб.

Смелые ответы Гомонца К. Д. озлобили бандитов. Оуновцы вывели его во двор, где подвергли несчастного нечеловеческим пыткам. Ему прокалывали кисти рук и

прикладами дробили суставы пальцев на пеньке. Потом стали выкручивать руки и избивать…

Но он вырвался из лап истязателей и в гневе бросил палачам в лицо, что все они будут уничтожены украинским народом.

– Все вы, псы поганые, сгниете не на кладбищах, а по оврагам и лесам… Собаки и волки растащат вас…

Очередью из автомата бандиты оборвали жизнь смелого и мужественного человека.

Пятнадцатилетним юношей стал работать секретарем сельсовета в с. Марьяновки Гомонец Мирон, 1929 г.р. Он честно выполнял возложенные на него обязанности. Зимой 1945 года в его дом ворвались вооруженные бандиты ОУН и под силой оружия увели Мирона в лес, где в урочище «Заболотье» парня зверски убили, выколов глаза и отрезав уши…»

«Совесть, совесть, какая у бандитов может быть совесть, – подумал Петр Иванович, завершая читать эту справку. – Совесть – это свет духовного разума, о какой духовности можно говорить с этими волчарами?! Их надо загонять в клетки или уничтожать. Других методов перевоспитания они не понимают и не приемлют».

* * *

…

СПРАВКА

«В период немецкой оккупации девушка из с. Марьяновки Табор Ульяна Лаврентьевна, 1922 г.р., в 1943 году установила связь с советскими партизанами. По заданию командования она стала партизанской разведчицей.

Но о связях ее с украинскими партизанами стало известно оуновцам. В 1944 году они ворвались в дом Табор У. Л. и забрали девушку в лес, где, после нечеловеческих пыток, изнасиловали, а потом замучили.

Зверской расправе подвергли бандиты ОУН семью Ткачик Михаила Кирилловича, его жену Марфу Максимовну и 14-летнюю дочь Софью. После освобождения села от немцев Ткачика М. К. назначили десятником. Это не понравилось националистам. Ноябрьской ночью 1944 года они ворвались в дом обреченного, вывели хозяина и его семью на окраину села, где на глазах у родителей стали издеваться над Софьей. Они выкручивали девочке руки, ломали пальцы, кололи штыками, насиловали.

Отец не выдержал издевательств бандитов над дочерью и бросился на них, но автоматной очередью был сражен. После этого бандеровцы топором зарубили Софью и ее мать Марфу.

Трупы погибших похоронены на сельском кладбище…»

* * *

...

СПРАВКА

«Трагично оборвалась жизнь семьи жителей хутора Засив Степана Никитовича Поповича. Была холодная ночь 1943 года. Во дворе завывала пурга – именно в это время и ворвались в его хату бандиты. Как дикие звери, напали двое на хозяина. Повалили его на пол и начали бить ногами. Один из бандитов полосонул штыком по груди, кровь брызнула на стены. Потом бандеровцы схватили Степана Поповича за руки, выволокли его во двор и выстрелом в лицо убили.

Другие бандиты расправились с его беременной женой Степанидой и сестрой Ириной. Прикладами винтовок они раскололи им черепа, перебили кости рук и ног. Потерявших сознание, изувеченных женщин вытянули во двор и расстреляли. Бандиты не пожалели даже их пятерых детей, возрастом от 3 до 9 лет. Им выкрутили руки и ноги, а затем добили…»

* * *

...

СПРАВКА

«Оуновские бандиты подвергли жутким мучениям крестьянина с. Сестратын Александра Масловского и его супругу Лидию. Лужи крови стояли на полу комнаты после применения пыток и допросов с

«пристрастием». Мужа и жену после избиений вывезли в лес и расстреляли, а их двоих детей живьем закопали в яме».

* * *

…

СПРАВКА

«Привожу эпизод, поведанный жителем с. Гута Степанская Костопольского района на Ровенщине Ч. Пиотровским в книге «Кровавая жатва».

В селе Рудня большинство жителей – Ступницкие. Они были польского происхождения, но давным-давно их предки приняли православие…

Братья Степан и Григорий Ступницкие, молодые, пристойные и очень музыкальные ребята, женились на польках из Лидно. Уже в 1942 году местные украинские власти предложили таким семьям в Рудне принять православную веру, пригрозив смертью в случае отказа.

Весной 1943 года Степану и Григорию приказали убить своих жен и их родителей. Братья Ступницкие сначала воспротивились этому, но, поддавшись угрозам бандитов, сами стали бандитами.

Степан собственноручно убил свою беременную жену, сына, тестя, тещу и двух сестер жены. Григорий ограничился убийством жены и дочери, а также избиением родителей жены.

После этого братья Ступницкие стали активными участниками оуновской банды. Степан погиб в одной из вооруженных стычек с членами польской самообороны, а Григория они поймали и расстреляли возле с. Гута Степанская».

* * *

Попался Ивашутину на глаза и документ о пребывании на украинской земле и Гиммлера.

…

СПРАВКА

Выписка из документа.

«…Летом 1942 года самолет Гиммлера приземлился на военном аэродроме в окрестностях Житомира. В отведенной рейхсфюреру резиденции его уже ждало 120 руководящих работников немецких карательных органов на Украине. Здесь были известные чины, которых рейхсфюрер знал лично, потому что они являлись, в конечном счете, его ставленниками.

На совещании присутствовали: командующий войсками СС, СД и полиции на Украине обергруппенфюрер Прюцман, начальник охранной полиции и жандармерии Украины генерал-лейтенант Ильгафен, руководители СС и СД на Украине группенфюреры Гальтерман и доктор Томас, начальник охранной полиции и жандармерии Киевской и Полтавской областей генерал-лейтенант Шэер, руководитель СД Киевской области

Эрлингер и др.

Когда на трибуну поднялся главный палач Германии, разговоры прекратились. Все сто двадцать человек впились глазами в Гиммлера. Они приготовились слушать своего вождя. В конце своего полуторачасового спича он поставил задачи руководителям карательных органов и обрисовал перспективы освоения территории Украины после победы над СССР.

– Эти земли исторически наши, они принадлежали еще с пятого века немецким племенам, о чем свидетельствуют раскопки… Мы должны осуществить важнейшую миссию – исполнить «второе переселение народов», а точнее – переселение немцев на Украину. Лучшей колонии нам нигде не найти! А для этого мы должны очистить территорию от нелюдей…

Первыми колонистами здесь будут работники СС, СД, полиции и их семьи. Мы поселим вас в самых привлекательных местах, вблизи автострад и больших городов… Название Украина должно исчезнуть с географической карты, а славяне и жиды с этой территории…

Гиммлер искусственно выдержал паузу. В зале зашушукались будущие бюргеры, живо представившие, какие они «отхватят» себе куски плодороднейшей земли, где поставят виллы, производственные мощности и прочее. Наемной, довольно-таки дешевой силой, будут физически крепкие славяне. Доходяг – уничтожит новая власть.

В конце доклада рейхсфюрер тоном, не требующим возражений, напомнил собравшимся о слабой

работе в вопросе поголовного уничтожения еврейского населения.

– Этот приказ нашего фюрера до сих пор вами так до конца и не выполнен, – в голосе Гиммлера зазвенели металлические нотки. Стекла его небольших очков в тонкой оправе заблестели при повороте головы, от чего многим слушающим сделалось не по себе. Они знали, что их ожидает даже за не до конца выполненный приказ, не говоря уже о невыполнении указания сверху…»

* * *

И опять появлялись документы, которые, как казалось фронтовику, видевшему много, очень много крови, поражали дикостью тех, кто ее пускал уже в мирное время. «Да, кровь, как говорится, – подумал Ивашутин, – бывает в двух состояниях. В одном, когда она течет по жилам, в другом, когда она вытекает из них. Эти нелюди, видно, из тех, кто уважает второе состояние крови».

Он перевернул страницу…

…

СПРАВКА

«…17 декабря 1943 года в с. Пидлипки и на хуторе Кузмиры оуновцы забрали много людей. Со временем местные жители из одной только расчищенной 30-метровой криницы извлекли 25 тел замученных односельчан.

На митинге во время похорон жертв бандитов воспитательница детского сада, свидетельница бандитского разгула Зинаида Федчук заявила:

– Тяжело вспоминать то время, когда оуновские бандиты, словно звери, убивали ни в чем не повинных людей. Они замучили мою родную мать, ее брата Ивана, сестру отца Катерину и ее мужа Казимира.

Да разве одна я осталась сиротой? Так будьте вы навеки прокляты – нелюди и душегубы. Я прошу советское правосудие применить к вожакам оуновских банд Резникову, Бондаренко, Назарчуку и Крючку высшую меру наказания!»

* * *

...

ВЫРЕЗКА ИЗ ГАЗЕТЫ

«В период немецкой оккупации Ровенщины, напялив на себя черные мундиры, как хищники, мотались по городам и селам украинские националисты – иуды и нелюди, сея на своем кровавом пути горе, страдания и смерть. Некоторые из них, даже в рясах служителей религиозного культа, в своих лживых проповедях призывали верующих служить верой и правдой немецкому фашизму как власти, данной от Бога.

Топором и обрезом хотели задушить бандиты в народе Западной Украины его желание к объединению со всей Украиной. Во время похорон жертв бандитов в селе Немовичи на траурном митинге выступил свидетель тех страшных дней Богдан Кардаш. У него, когда ему было 8

лет, бандиты убили мать.

Вместе с ней они замучили ни в чем не повинных Трепак Теклу Ивановну и ее дочку Антонину. Через шесть дней труп матери Богдана с разбитой головой, выколотыми глазами и связанными колючей проволокой руками нашел в лесу его дед. Старик похоронил Соломею Кардаш, а через некоторое время оуновцы зверски убили и его.

– Большинство жителей нашего села, – продолжал юноша, – знает националиста-ублюдка Царука Данила Елисеевича, который был комендантом местного СБ и творил свои подлые дела под кличкой Кармелюк. На руках этого урода кровь моей матери, кровь многих других невинных матерей, сынов, дочерей и младенцев…»

* * *

…

ЗАМЕТКА ИЗ ГАЗЕТЫ

«Эта кровавая трагедия произошла в с. Тутовичи в ночь с 8 на 9 февраля 1943 года. Она коснулась подпольщика-патриота Украины Ильи Ивановича Наумца и его семьи. Но все по порядку.

Невесело было на душе заведующего ветряком Наумца, – давало знать нервное напряжение работы в условиях оккупации. Возможно, боялся за жизнь жены и дочери, а может, воспоминания о довоенной жизни на Харьковщине

бередили душу.

– Эх, каким бы ты был, Илья, счастливым, если бы дрался на фронте или, в худшем случае, в партизанском отряде, – сверлила мысль. – И все же не все так плохо: подобрано несколько человек в подпольную группу, от Фидарова из Сарн стали доходить конкретные задания.

Еще одна новость ободряла Наумца. Позавчера вечером зашли на мельницу три неизвестных, попросили хлеба и попить. Не верилось, но это было наяву – перед ним стояли красноармейцы в белых маскхалатах. Оказалось, что якобы они из специальной разведывательной группы Советской Армии и ищут связи с местными патриотами. Армейское вооружение и русская речь прибывших убедительнее каких-либо документов свидетельствовали о личностях гостей. Правда, ничего конкретного не сказал им Наумец. Решил посоветоваться с Муради Фидаровым.

И вот он в Сарнах. Он обратил внимание на нацистские флаги с траурными лентами, развешанные по городу, а на рукавах у фашистов черные повязки. Что-то случилось? После доклада начальству о работе на мельнице он решил встретиться с Фидаровым, который поставил ему новые задачи и объяснил причину траура фашистов. Оказалось – под Сталинградом разгромлена большая немецкая группировка вместе с 6-й армией вермахта. Муради Кабулатович предложил ему перевести семью в Сарны.

Наумец в конце беседы руководителям Сарненского подполья

рассказал о встрече с воинами Советской Армии.

– Смотри, Илья Иванович, возможно, это провокация, – предупредил его Фидаров. – Осторожность, еще раз осторожность – это тоже наше оружие, о котором нам нельзя забывать…

Уже темнело, когда на мельницу к Наумцу снова пришли те, что называли себя советскими разведчиками. Они тоже знали о событиях на фронте и говорили о полученном приказе немедленно приступить к диверсионным актам. Договорились следующим вечером собраться в одной из хат на краю села.

Наумец оповестил всех членов подпольной группы. Вечером все собрались: Бигун, Тинкевич, Ковалев и Момоток. А через несколько минут в хату зашли военные в белых маскхалатах. На солдатских шапках в свете лампы блестели красные звезды. Старший из прибывших красноармейцев предупредил, что возле хаты он поставил двух бойцов для охраны. Потом предложил Наумцу зайти в соседнюю комнату посоветоваться с ним лично. Как только за ним закрылись двери, «разведчики» набросились на него, сдавили горло и скрутили руки. В это время бандиты специально громко разговаривали, и никто в соседней комнате не догадался, что делается за дверьми.

Через мгновение связанный Наумец лежал на полу. По одному приглашали в комнату бандиты членов группы и повторяли один и тот же прием. Зашедший последним

Кирилл Момоток увидел своих товарищей связанными на полу в темном углу и все понял…

К хате подъехали сани еще с несколькими бандитами. Один из них доложил главарю, что все приготовлено. Тихой морозной ночью сани, на которых лежали подпольщики, скрипя полозьями, спускались пологим скатом холма к берегу Горыни.

Остановились сани на льду возле проруби. Никто из приговоренных злой волей палачей не просил помилования. Их били, над ними издевались, а затем в руках нелюдей оказались ножи и топоры. От страшного удара по голове упал рядом с друзьями и Кирилл Момоток. Темными лужами растекалась по льду кровь и стекала в прорубь. Окончился первый акт дикой кровавой оргии.

Кирилл очнулся тогда, когда людоеды стягивали с его ног сапоги. Сквозь прикрытые веки он видел ноги своих уже мертвых товарищей, торчащие из проруби. Стянувши сапоги, бандиты решили, что и кожух на жертве еще приличный. Но, чтобы снять его, надо развязать руки. Не предполагали оуновцы, что Кирилл Момоток слышит их разговор. И вот кожух снят…

Неожиданно «мертвый» вскочил на ноги и со всей силы побежал в сторону села. После минутного оцепенения бандюки бросились догонять небезопасного свидетеля.

Босым по снегу, с окровавленным лицом, бежал человек от палачей. На этот раз счастье оказалось на стороне беглеца. Из последних сил преодолевал Кирилл самые тяжелые

шаги в своей жизни в сторону села и спасения. Он знал, что в село бандиты не побегут и стрелять не станут, чтобы не поднимать шума. Забежав в один из дворов, Момоток огородом прошмыгнул в соседский двор, потом на улицу. Пробежав еще какую-то сотню метров и убедившись, что бандиты потеряли его след, постучал в окно своих родственников.

Едва передвигая ногами, зашел в хату. Там его обмыли, переодели и положили на печь отогреться. Утром родичи оповестили село о случившемся. А самого Кирилла в сене перевезли на хутор, где он мог подлечиться и быть в безопасности.

Той же кровавой ночью бандиты совершили еще одну неслыханную подлость. К хате Наумца подъехали сани. Через окно жена спросила, кто они и где муж. Услышав в ответ, что Илья приказал ей приехать к нему, она вынесла связанные узлы, разбудила и закутала дочурку. Надеялась, что поедут в Сарны, как договаривались с Ильей, однако эта дорога закончилась возле той же Чорной проруби на Горыни. Молодая женщина и маленькая девочка поделили страшную смерть своего мужа и отца, а грязные руки мерзавцев обагрились новой безвинной кровью.

До утра вода со сгустками крови затягивалась слоем льда. Около проруби краснели пятна крови…

Днем родственники односельчан, обливая слезами тела казненных, вынимали их со льда и готовились к похоронам. На льду оставались только тела Ильи Ивановича Наумца, его жены Зины и маленькой

дочери. Дело в том, что возле места казни палачи оставили записку, в которой обещали такую же кровавую расправу тому, кто посмеет похоронить на кладбище эту семью. Но житель Тутовичей Исаак Демчук не побоялся угроз палачей и на другой день похоронил семью Наумца.

Свидетель той страшной ночи Кирилл Григорьевич Момоток до пенсии проработал на железной дороге…»

* * *

…

ВЫРЕЗКА ИЗ ГАЗЕТЫ

«Село Кузьмовка…

Тут когда-то были болота, заросшие мхом да кустарником, тут рождались чудесные легенды Полесья. Именно об этом селе писал русский писатель Куприн в повести «Олеся».

В войну село посылало своих сыновей на фронт. В дни бандеровского шабаша бросило вызов оуновским душегубам. Сердце не может простить, забыть кровавых злодеяний, совершенных бандитами. Среди тех, кто через всю жизнь пронесет в душе боль утраты дорогих людей, проклиная палачей, – Екатерина Семеновна Ветрова.

В период панской Польши отец Катерины – Семен Кузьмич Ляховчук работал на полях ксендза, чтобы заработать на хлеб: пятеро детей росло в семье Ляховчуков – четыре парня и самая меньшая она –

Катюша.

С радостью встретили приход советской власти, так как надеждой избавиться от нищеты жили всю жизнь. Даже всегда грустная мать – повеселела.

Известие о войне встретили с тревогой. На фронт проводили сынов Кирилла, Ивана и Григория. 16-летний Владимир остался дома. У Кирилла – самого старшего – дома остались жена и четверо детей.

Вскоре в хату ворвались непрошеные гости из леса. Разговор был коротким:

– Пусть Владимир идет в лес, – настаивали бандиты.

Не выдержал Семен Кузьмич:

– Сына не пущу, чтобы в своих стрелял, как вы.

Сокирники сразу же ушли. А через неделю под вечер снова появились. Владимира в хате не было – погнал волов на пастбище.

– Пошли с нами, – зло глядя на хозяина, скомандовал один из бандитов. Отца вытолкали с хаты, а Катерина с матерью спрятались в другой комнате.

Надеялись, что беды не случится, так как с теми, кто забрал отца, односельчанин Степан Мищук – их сосед.

Бандиты начали грабить имущество. А во двор уже привели и Владимира под конвоем. Прозвучали выстрелы, и мать выбежала из хаты. Во дворе увидела убитых супруга и сына.

Крик женского отчаянья разорвал пространство и тут же угас от выстрела в спину. Только утром Катерина вышла из своего укрытия и поняла, что осталась

одна-одинешенька. Пришлось прятаться по соседям, пока не вернулся с фронта раненый Григорий. Жила у него. Но недуг свалил брата, и он умер. А тут пришла похоронка о гибели на войне Ивана. Дождалась Катерина возвращения с фронта Кирилла. Статный мужчина, мужественный, физически сильный. Такой защитит, – успокаивала себя сестра.

Но бандиты подло убили его – из кустов стреляли. Выбежала жена к нему с маленькой Олей на руках – снова выстрелы. Женщина погибла на месте, а девочку только ранили. Она выжила. Остались сиротами пятеро Кирилловых деток. Люди добрые помогли им стать на ноги…»

* * *

…

СПРАВКА

«…В Сарнах в период оккупации всей диверсионной работой руководил партизан Федор Маслюк, а разведывательной деятельностью занималась Юля Сохацкая. По заданию руководителя Сарненского подполья Мурады Комболатовича Фидарова она устроилась служанкой у немки Гурской.

Последняя почти каждый вечер устраивала вечеринки, на которые приходили офицеры вермахта и гестапо. В ходе пьяных оргий Юля получала от болтливой немчуры ценнейшую информацию.

В частности, Сохацкой стали известны сведения о планах гитлеровцев в проведении карательных операций против партизан. Узнала она и о прибытии в город новых войсковых подразделений и о решении Эриха Коха по отправке новой партии украинской молодежи на работы в Германию и так далее.

Кроме того, она получила данные о переброске эсэсовцев в район Рудки Бобровской, где располагался штаб отряда Медведева «Победители», и вооружении оуновских отрядов немцами с целью задействования их в борьбе против партизан.

Но не дремало и сарненское гестапо…

Вскоре оно поручило местному полицаю Скобко выследить одного из партизанских подрывников И. Наумца. Это он с друзьями – А. Бегуном, П. Тишкевичем и К. Момотком, – только на участке железной дороги Сарны – Ковель пустили под откос полдесятка эшелонов противника с личным составом и боевой техникой.

Гестаповцы поручили проведение операции по задержанию группы партизан оуновскому главарю Мухе, который по наводке Скобко на одном из хуторов близ Сарн организовал засаду. Герои-партизаны были задержаны и тут же бандеровцами расстреляны. После этой трагедии Фидаров через связных предупредил Юлю Сохацкую, что она попала под подозрение. Да и она сама стала замечать за собой «хвост», сопровождавший ее от дверей до дверей…

С наступлением темноты она покинула свой дом и вскоре оказалась

на околице села Працидки вблизи хутора Ямица. Там уже свирепствовали против поляков бандеровцы. Она бросилась на Мочулянские хутора, где проживал связной. Вместе с ним они решили идти в отряд, чтобы рассказать о кровавом разгуле банды националистов.

…Они выбрались на дорогу. Уставшая Юля еле успевала за связным. Еще издали они услышали скрип колес. Подвода быстро приближалась. Когда до нее оставалось не более пятнадцати метров, партизанка подняла руку:

– Стой!

Возница – седобородый старик – натянул вожжи. Сидевшие спиной друг к другу два дремавших полицая вмиг пробудились.

– Кто такие? – спросил толстяк.

Деваться было некуда.

– Возьмите попутчиков, – попросила Юля.

Толстяк еще раз смерил девушку взглядом и милостиво разрешил:

– Ты садись, а твой провожатый пусть на своих топает.

– Он – больной, ему трудно идти, – возразила Сохацкая.

– Ничего, дойдет, – хмыкнул толстяк, схватив девушку за шею.

Тем временем другой полицай быстро спрыгнул с подводы и наставил винтовку на партизанского связного.

– Так вот где нам довелось встретиться! – буквально взорвался он. – Крестись, сучий сын! Теперь ты не выкрутишься, как в прошлый раз, большевик проклятый!

Все решали секунды. Юля рывком высвободилась из цепких рук

толстяка, выхватила «вальтер», спрятанный за пазухой, и выстрелила в затылок вооруженному бандиту. У толстяка от неожиданности отвисла нижняя челюсть. Он тупо уставился на своего убитого дружка. Пристрелив и толстяка, Юля скомандовала вознице:

– Быстро в село Мочулище…

Наконец впереди показалось желанное село. Услышав о кровавых делах националистов, командир партизанского отряда Алексей Шитов немедленно послал конников в указанные районы…

Стычка с бандой Мухи произошла в густом лесу, неподалеку от села Судло. После двух партизанских залпов наступающие бандиты стали отходить по направлению Рафаловки. Захватив с собой девять человек, Шитов бросился наперерез. Националисты открыли беспорядочную стрельбу, пытаясь прорваться сквозь кольцо. Вдруг со стороны Рафаловки появилось двадцать конников. Впереди на сером жеребце скакал всадник в черной полицейской шинели. Он то и дело взмахивал рукой, видимо, подгоняя своих дружков.

Обстановка была сложной. Шитов окликнул Володю Сергеева – самого меткого снайпера отряда.

– А ну-ка, возьми на мушку этого скакуна! – приказал он.

Через мгновение грохнул выстрел. Всадник подпрыгнул в седле и, как сноп, свалился на землю. Бандиты сразу потеряли боевой азарт. Они сгрудились на небольшом холме. Двое из них спешились, подхватили под руки незадачливого

наездника и поволокли в лес. Какой-то чернобородый националист закружился среди испуганно мечущихся конников, с размаху стукнулся головой о ствол сосны и упал со своего коня. Однако тут же вскочил и побежал прямо в распоряжение партизан…

Из показаний пленного было установлено, что он рядовой из куреня «Легенды», который послал взвод Рудого на помощь Мухе. Кроме того, он поведал, что начальник штаба оуновцев Смородский открыто пошел на сговор с немцами. Фашисты помогли ему организовать отряд из бывших уголовников, снабдили оружием.

После окончания допроса пленного Корчев отправился к Луке Егоровичу Кизе с вопросом, что делать с пленным? Кизя подумал и предложил свести чернобородого с партизаном Терещенко. С интересной судьбой шагал по жизненным дорогам этот народный мститель.

Командир отделения саперов Терещенко был на фронте с первых дней войны. Воевал храбро. Но в одном бою его контузило, и он угодил к немцам, но вскоре бежал из плена. Долго блуждал по лесам и однажды наткнулся на группу вооруженных людей.

– Кто ты? – спросил старший.

– А с кем я имею дело?

– С партизанами, – последовал ответ.

Терещенко остался в отряде. Он подружился с приземистым крепышом Костей – хорошим и честным парнем. Они все время были вместе, делились последним куском хлеба. Но вскоре Терещенко стал

замечать, что многие партизаны действуют совсем не по-партизански: забирают у населения скот, одежду да еще прикладами замахиваются. Как-то он спросил у Кости:

– Почему командир не наказывает мародеров?

– Кто, Легенда? – усмехнулся приятель. – Да он такой же мародер. – И, оглянувшись, шепотом добавил: – Тебя обманули. Мы – партизаны, да не те.

– Как не те? – удивился Терещенко.

– А так. Воюем не против немцев, а против Советов.

В ту же ночь Терещенко незаметно ускользнул из лагеря бандитов и к вечеру следующего дня встретился с отрядом имени Чапаева, которым командовал В. И. Кабанов.

Вот этого-то Терещенко и советовал Л. Е. Кизя свести с чернобородым. Ведь как-никак оба в курене Легенды побывали. И эта встреча состоялась. Друзья-враги узнали друг друга и поговорили с пользой для общего дела…»

Об этих злодеяниях оуновцев и им подобным он много узнал из подшитых листов литерного дела.

«Да, – подумал Петр Иванович, – эта кровь могла появится только на ниве махрового национализма. Надо их лечить и терапевтически, и хирургически. Ведь человек, ненавидящий другой народ, не любит и свой собственный. Кровавые шабаши тому доказательство. Национальное высокомерие может обернуться на деле унижением собственной нации».

Потом, через много лет, когда генерал прочтет Дейла Карнеги и выудит там его высказывание о том, что каждая нация считает себя выше других наций, а это порождает патриотизм и… войны, – окончательно придет к выводу, что в работе на Украине он делал все правильно.

Нападение на Ватутина

29 февраля 1944 года Н. Ф. Ватутин выехал в Ровно в штаб 13-й армии и в тот же день в сопровождении небольшой группы офицеров и десяти автоматчиков выехал в сторону небольшого украинского городка Славуты. Не доезжая нескольких сот метров до села Милятын Острожского района, эскорт штабных автомашин подвергся нападению находившихся в засаде бандеровцев, скрывавшихся за буграми и густыми кустами.

По другим данным, это была случайная перестрелка, а не преднамеренная операция. Какая разница – злодейство совершилось.

Первый удар пришелся на головной автомобиль. Его подбили, и он тут же вспыхнул. Из остановившихся за ним четырех других автомашин выскочили автоматчики. Они открыли огонь по бандитам. Создалась критическая ситуация. Член Военного совета фронта генерал-лейтенант К. В. Крайнюков и другие генералы и старшие офицеры предложили командующему покинуть обстреливаемую зону и увезти с собой штабную документацию. Однако генерал армии решил иначе. Он приказал отправить штабные документы с одним из офицеров по назначению, а сам взял в руки оружие. В разгар боя шальная пуля тяжело ранила командующего в левое бедро. Атаку бандитов отбили. Полководца сначала доставили в Ровно, а оттуда самолетом в Киев. Несмотря на то, что за его жизнь боролись высококвалифицированные врачи, спасти жизнь отважного генерала не удалось. 15 апреля 1944 года Николай Федорович скончался. Его похоронили в Киеве в Мариинском парке. Для матери Ватутина – Веры Федоровны это была потеря уже третьего сына на этой войне.

Ивашутин, ставши на Украине министром госбезопасности, дал слово, что найдет всех до одного убийц полководца. Поиск шел через агентуру и доверенных лиц. Заводились дела оперативных проверок и разработок, и в конце концов бандиты, участники дерзкого и коварного нападения на штабную колонну фронта, были вычислены, а арестованы только в конце пятидесятых.

Следствием, проведенным Ровенским областным управлением КГБ, установлено, что именно в засаде под Милятыном, где был смертельно ранен Ватутин, находилась сотня УПА, возглавляемая руководителем банды по кличке Мадьяр. Его отряд периодически совершал нападения на отдельные подразделения советских войск, двигавшиеся в сторону фронта, а также на советских патриотов на территории Гощанского и Острожского районов Ровенской области.

Последнюю точку в этой истории поставил Ровенский областной суд, рассмотревший в 1960 году уголовное дело по обвинению Трусика Ивана, входившего в банду Мадьяра, и шестерых его сообщников, обвинявшихся в терроризме и бандитизме. Суд заслушал признания подсудимых и показания многочисленных свидетелей, признал Трусика и его сообщников виновными во всех предъявленных обвинениях и осудил пятерых из них к высшей мере наказания и двоих – к длительным срокам заключения.

Весть о смерти Николая Федоровича Ватутина глубокой болью отозвалась в сердце Петра Ивановича Ивашутина, возглавлявшего военную контрразведку СМЕРШ 3-го Украинского фронта, знавшего его как обаятельного человека и выдающегося полководца, посвятившего свою жизнь защите Отечества и по-сыновьи любившего Украину.

Спустя годы в память о генерале – освободителе Киева один из новых районов столицы стал носить имя Ватутина. Однако новые власти «незалежной» – «реформаторы без реформ», перекраивая карту города, не считаясь с мнением киевлян, ликвидировали Ватутинский район. Не меньшим цинизмом явилось и переименование в ряде западноукраинских городов улиц, названных именем полководца. Так, во Львове бывшая улица им. Ватутина теперь носит имя одного из тех, кто виновен в его смерти!..

Национализм, как считал Ивашутин, разделяя взгляды на эту проблему с английским писателем Джорджем Оруэллом, – это прежде всего жажда власти, приправленная самообманом.

Каждый националист способен на самую вопиющую бесчестность, но в то же время он непоколебимо уверен в собственной правоте. Разубедить заблудшего человека, не сделать его врагом, важнее, чем его арестовать или уничтожить – так часто сам себе говорил генерал.

Уже после войны Степан Бандера повторил слова апологета украинского национализма Д. Донцова, что для ОУН, сформированной в период усиления германского нацизма и итальянского фашизма, врагом был не столько царский или советский режим, сколько сама русская нация.

В беседе с одним из авторов настоящей книги старый чекист полковник Лубенников П. Ф. заметил, что Ивашутин на одном из региональных совещаний в начале пятидесятых в городе Ровно говорил, что борьбу с националистическим подпольем на настоящем временном рубеже нельзя вести лишь путем массовых репрессий и чекистско-войсковых операций. Он повторял не раз, что бессмысленное применение силы вызывает недовольство

населения – нужно смелее и чаще показывать на конкретных примерах истинную суть кровавых палачей, а не брать на себя функции этих палачей.

А с другой стороны, бандиты, и особенно их руководители, в бессильной злобе не жалели даже своих. Бывший оуновский проводник Галаса Василий, обезвреженный в этот период, разоблачая подельников, писал:

«Звериные методы работы «Службы безопасности» известны всем… Разве можно опровергнуть дикие расправы СБ над советскими людьми, когда даже «своих» – националистов, безосновательно заподозренных в сотрудничестве с Советской властью, эсбисты подвергали таким беспощадным пыткам, которые даже тяжело себе представить. А какой страшный самосуд совершали отдельные проводники ОУНа! Так, дрожа за свою шкуру, известный националистический главарь «Смок» без суда и следствия перестрелял процентов 80 подчиненных ему боевиков».

Наряду с убийствами и поджогами бандеровцы забирали у крестьян скот, птицу, зерно, продукты питания. Каждый, зарезавший свинью, должен был половину отдать бандитам.

Как правило, все награбленное бандеровцы прятали у своих родственников или пособников. Все это вызывало ненависть к националистам в широких слоях народа. Люди поднялись на защиту своих селений и домов. В каждом районе были созданы истребительные батальоны, состоявшие из местных жителей, в основном демобилизованных из армии и бывших партизан. К началу пятидесятых годов в их составе насчитывалось более 30 тысяч бойцов.

Серьезную роль в борьбе с националистическими бандами сыграли группы самообороны, которые формировались на принципах добровольности из жителей сел, наиболее часто подвергавшихся нападениям бандитов. К концу сороковых в западном регионе Украины было создано 2336 таких боевых групп. Со временем число членов этих формирований увеличилось до 300 тысяч человек.

* * *

Таким было время «войны после войны» на землях Западной Украины, где приходилось «вариться» генералу Петру Ивановичу Ивашутину.

В 1949 году президент США Гарри Трумэн обратился с дружеским посланием к борцам за «самостийну Украину», в

котором пожелал им доброго здоровья и больших успехов в делах борьбы с советской властью. Эти слова сказал вчерашний союзник.

Вместе с этим посланием Государственный департамент США начал официально выдавать на «нужды» украинских националистов денежные субсидии. Финансирование подрывной деятельности украинских «борцов за независимость Украины» взяли на себя США, став, таким образом, их новыми, после гитлеровских спецслужб и вермахта, хозяевами.

Достаточную ясность в освещение нового положения, в котором оказались украинские националисты в связи со сменой хозяина, внес профессор Владимир Василакий. Он занимал до перехода в ГДР пост «председателя антибольшевистских организаций народов Советского Союза», руководителя антисоветской эмигрантской организации «Украинский вызвольный Рух» и редактора националистической газеты «Нова Украина». В апреле 1955 года он сделал следующее заявление:

«Вся моя деятельность по руководству этими организациями проводилась по указанию… американцев Пейджа и Сердженса». Главная и единственная забота американцев, как заявил профессор Василакий, сводилась к «тому, чтобы превратить эмигрантов в послушное, слепое орудие подрывной работы в странах социалистического лагеря».

Агенты «холодной войны»

В пятидесятых годах с началом «холодной войны» на территорию СССР, который с большим трудом залечивал тяжелые раны, нанесенные ему войной, в том числе и на просторах Украины, стали массово забрасывать агентов-парашютистов. Особенно в этом усердствовали спецслужбы США и Англии. Ставка делалась на активизацию националистических элементов, которые должны были создать или подпитать «пятую послевоенную колонну в условиях «холодной войны». Цель – оторвать республики от России и взорвать государство. На Украине тайно действовала «Организация украинских националистов» (ОУН), в Литве орудовали банды «Армии освобождения Литвы» (АОЛ) и «Союза литовских партизан» (СЛП). В Латвии – «Латышское национальное партизанское объединение» (ЛНПО), «Латышская организация сопротивления» (ЛОС). В Эстонии – «Эстонский национальный комитет» (ЭНК) и «Союз вооруженной борьбы» (СВБ).

Главари этих националистических организаций вели кровавую битву за свое утверждение и выживание. Их отряды были хорошо вооружены «подарками с неба», получали оттуда же они и финансовую поддержку, – все это посылали их радетели из

разведок упоминаемых стран.

И все же к концу 1953 года организованные вылазки бандитов были подавлены, руководители «повстанцев» – одни арестованы, другие бежали на Запад, третьи бесславно погибли в ходе чекистско-войсковых зачисток и истребительных операций. Они гибли, проклинаемые своими же жертвами-земляками, чудом оставшимися живыми. Большинство простых участников, затащенных в отряды ОУН – УПА кто силой, кто по обману, пришли с повинной. Тех, у кого не было в активе кровавых дел, всех власть простила, помиловала.

Но в марте умирает Сталин. Об обещании высшей награды министру госбезопасности Украины новые вожди забыли как-то сразу, но, памятуя энергичную работу в этой республике, генерал-лейтенанта Ивашутина П. И. назначают заместителем министра внутренних дел УССР.

Особую роль в ликвидации бандитизма ОУН сыграли решения руководства Советской Украины об амнистии участников ОУН – УПА, которые не совершали тяжких преступлений. После опубликования этих решений десятки тысяч человек покинули ряды ОУН – УПА и приступили к мирному, созидательному труду. Их ждали семьи и работа.

Чтобы показать всю сложность того времени на Украине современному читателю, достаточно привести несколько примеров противоборства власти с бандами. Обреченные, а потому наиболее агрессивные «повстанцы», как они любили себя величать, яростно сопротивлялись, чувствуя свою агонию и страх за содеянное. Запад их поддерживал и «подарками с неба». Одни их ждали, другие боролись против них.

Одна из таких операций была проведена советскими войсками с участием «ястребков» (так в народе называли членов истребительных батальонов и групп самообороны. – *Авт* .) еще в октябре 1944 года на освобожденной от фашистов территории. Группа диверсантов в количестве семнадцати человек во главе с Колесниковым Василием, бывшим начальником потиевской полиции на Житомирщине, агентом Абвера по кличке Денисов 7 октября 1944 года была десантирована близ деревни Сали этой же области с германского военно-транспортного самолета «Юнкерс-52».

Диверсанты были блокированы группами органов госбезопасности, внутренних дел и подразделением истребительного батальона. В завязавшемся бою были убиты три десантника, как оказалось, бывшие полицейские, остальные четырнадцать десантников были захвачены и привлечены к уголовной ответственности. Все они оказались бывшими

полицейскими, служившими оккупантам. Сбежав вместе со своими хозяевами на Запад, они прошли кратковременную подготовку как агенты Абвера и вновь вернулись на «родную» землю, чтобы продолжать свой кровавый послужной список. Военная коллегия Верховного суда СССР признала всех подсудимых виновными в измене Родине и других тяжких преступлениях и приговорила их к различным срокам лишения свободы.

В бою с предателями Родины погиб боец истребительного батальона, житель деревни Сали Потиевского района Житомирской области Тарасюк Николай Андреевич. Получили ранения бойцы того же батальона М. Г. Горовой, Д. И. Куницкий, С. А. Опанасюк и В. З. Данильчук.

Они и миллионы таких, как они, патриотов Украины на фронтах и в тылу защищали Отчизну.

Вторая операция была затеяна английской спецслужбой. Оперативному дежурному по МГБ УССР позвонили из УМГБ Львовской области о задержании английского шпиона. Дежурный доложил министру – генерал-лейтенанту Ивашутину П. И.:

– Товарищ генерал, только что принял телефонограмму о задержании во Львове английского шпиона, – чеканно докладывал дежурный. – В настоящее время идет его допрос.

– Передайте, чтобы мне все подробности доложил начальник управления, – приказал министр госбезопасности.

– Есть!

А суть события была такова. Как известно, после войны немало битых бандеровцев нашли себе приют в Великобритании, Канаде и США. Англичане первыми ухватились за идею массовой вербовки бывших оуновцев с целью засылки их на Украину для поддержания и расширения «пятой колонны», которая якобы набирает силы.

Предыстория этого события восходила к 19 мая 1951 года, когда влиятельный националист Охримович с группой, в которую входили разведчики и радисты, был заброшен на американском самолете на Украину.

Охримовичу удалось встретиться с Куком – последним командующим УПА, ставшим потом нашим агентом, – и обсудить с ним задание американской разведки и ситуацию на Украине. Однако вскоре Охримович и члены его группы были захвачены сотрудниками советской контрразведки. Принимая во внимание целесообразность сохранения в тайне их провала, Охримовичу было разрешено, естественно, под неослабным контролем чекистов, поддерживать связь с Куком и американской разведкой.

Вскоре был арестован и Кук. Американцы же продолжали

благодарить Охримовича за присланную им по радио «ценную информацию» и посылать на Украину новых шпионов.

Наряду с «ценной информацией» Охримович через своего радиста передал за рубеж текст так называемого мандата, которым подтверждалось право Мыколы Лебедя (глава СБ ОУН. – *Авт* .) и руководимой им УГВР «представлять» украинское освободительное движение на украинских землях за рубежом. Далее «подтверждалось», что Быйлыхо – псевдоним С. Бандеры – ни формально, ни фактически не является проводником ОУН. Высказывалась надежда на то, что Быйлыхо, ради целостности ОУН прекратит раскольническую деятельность. Отмечалось, что провод ОУН на украинских землях (УЗ) считает пока тактически невыгодным полностью отстранить Бандеру от участия в делах ОУН и уполномочил троицу Ребета, Матлу и Бандеру временно взять руководство закордонных частей (ЗЧ) в свои руки с их последующим реформированием на УЗ.

Результат не заставил себя долго ждать. Поднявшаяся в националистических кругах буря, вызванная реакцией Бандеры, не желавшего уступать свои диктаторские полномочия кому бы то ни было и реформировать ОУН, привела еще к одному расколу. Матла и Ребет вышли из бандеровской ОУН-р и образовали еще одну организацию украинских националистов, названную ими ОУН за кордоном – сокращенно ОУН-з.

Эта новообразованная «партия» объявляет себя сторонницей ЗП УГВР и работает на американскую разведку, которая готовит Охримовича к засылке на Украину.

Бандеру это сильно задело, и он тут же обращается к англичанам с предложением о сотрудничестве. В срочном порядке была подобрана группа, которую возглавил руководитель Службы безопасности ЗЧ ОУН Мирон Матвиейко – псевдоним Усмих (Улыбка). Англичане готовили своих агентов по той же методике, что и американцы. Сначала их рекомендовали англичанам люди Бандеры или сам Бандера. Затем их доставляли в Западную Германию и там обучали шпионскому ремеслу. Кроме английских разведчиков, с «подготовишками» постоянно работал член провода ЗЧ ОУН Богдан Пидгайный, бывший унтер-офицер 14-й дивизии СС «Галичина», после войны – руководитель службы КЗ «крайний звязок» – («крайняя связь». – *Авт* .) ЗЧ ОУН. Именно он непосредственно занимался подбором кандидатов в шпионы, контролем за их обучением и засылкой на Украину. Пидгайный являлся личным представителем Бандеры в английской разведке.

После детального инструктажа относительно сбора развединформации группа Усмиха была заброшена на Украину с английского самолета почти одновременно с группой

Охримовича.

Усмих с группой был захвачен сразу же после приземления. Николай Лебедь, руководитель ЗП УГВР, в это время похвалялся «достижениями» своей группы на Украине, показывая «информацию з краю» – («информацию из края». – *Авт* .) и тот фальшивый мандат, текст которого получил по радио.

Бандера тоже вскоре получил радиограмму от Усмиха, в которой он сообщал о благополучном приземлении на Львовщине, и он начал выполнение задания «приятелей». Просил об оказании помощи людьми и деньгами.

Бандера и его хозяева тут же откликнулись на сигнал о помощи и вместе с «приятелями» подготовили новую группу для заброски на Украину. Но так как американцы и англичане не решались использовать для этих целей авиацию, то заброску очередной партии шпионов было решено осуществить пешим порядком.

Сначала группа английских шпионов через зеленую границу была переброшена из Западной Германии в Чехословакию, оттуда в Польшу, а затем на Украину. Непрошеные гости несли в рюкзаках деньги, рации, письма Бандеры с информацией о положении за рубежом, новые задания разведки и сами оставались в распоряжении Усмиха.

Вспоминая события того времени, Матвиейко напишет:

«Бандера и Стецько, которые знали, что никакого подполья на Украине нет, решили послать меня на Украину для того, чтобы получить от меня сведения о якобы существующем подполье на землях. Это, по мысли Бандеры и Стецько, дало бы им возможность торговать собранной «информацией» и получать за нее немалые суммы денег.

Мне было абсолютно ясно, что Бандера и Стецько приносят меня в жертву своим личным интересам и интересам иностранных разведок, но, побаиваясь расправы в случае отказа, я решился молча выполнить их задание…»

Со временем английскую разведку перестала удовлетворять информация, которую могла дать группа «подпольщиков». Она требовала данных разведки о важных засекреченных объектах. И у нее, естественно, возникали сомнения в реальном существовании каких-то «оуновских» баз на Украине. Для изучения ситуации и проверки Усмиха английская разведка послала к нему двух своих проверенных агентов. Последние задание выполнили, но возвратиться назад на Запад им было не суждено. Оба попали в ловушку, подготовленную контрразведчиками, ведшими игру через задержанного и разоблаченного Усмиха. Двое других по пути на Украину погибли в перестрелке, нарвавшись на

чехословацкий пограничный наряд.

Так, оказавшись банкротом и утратив доверие у английской разведки, Богдан Пидгайный бежал в Канаду, благо там было много «однодумцев», а главное, подальше от тех, кого годами «держал за дойную корову».

Эмиссар Магур

В мае 1953 года английской разведкой был заброшен на территорию западных областей Украины оуновский эмиссар Магур Юлиан, уроженец Львовской области. Он не собирался выполнять задание английской разведки и руководства зарубежной ОУН и сразу же явился с повинной в органы советской власти, пытаясь скорее освободиться от националистических и шпионских пут.

В беседе с корреспондентом советской прессы Магур Юлиан рассказал, что он в период оккупации в возрасте шестнадцати лет был мобилизован в немецкую армию, в подразделение «СС – юнаки» («СС – юноши. – *Авт* .), в которой служил до 1945 года. После капитуляции Германии попал в лагерь «перемещенных лиц», где и был завербован украинскими националистами.

«Перед заброской на Украину, – откровенничал Магур, – несколько раз со мной встречался Степан Бандера, чтобы благословить меня на «священное» дело. Он старался убедить меня в том, что в случае победы Запада в атомной войне можно добиться «самостоятельной» Украины и что провод ОУН, имея в своем распоряжении разведывательные материалы об Украине, сможет выступить перед западными государствами как какая-то сила…»

Украина добилась самостоятельности без войны, без крови в 1991 году. Теперь она, «убитая экономически», Западу не нужна, нужны ему, как когда-то Гитлеру, ее черноземы.

Несмотря на многочисленные провалы, западные разведки одна за другой продолжали использовать в антисоветских целях украинских националистов. Эти спецслужбы так же, как и гитлеровская разведка, не щадили своих прислужников и бросали их в бездну тайной войны, откуда лишь немногим удалось выйти живыми.

За все послевоенные годы советскими органами контрразведки было захвачено 17 групп, заброшенных на территорию Украины вражескими разведками, в которых находилось более ста вышколенных главарями ОУН и разведками США и Англии эмиссаров и шпионов.

В организации этих операций непосредственное участие принимал министр госбезопасности и заместитель министра внутренних дел Украины Петр Иванович Ивашутин. Он выполнил

поставленные ему задачи, – сопротивляющиеся руководители националистических организаций были уничтожены, а рядовые члены этих организаций, которым удалось избежать наказания за совершенные ими злодеяния против соотечественников и представителей советской власти, ушли в подполье, на долгие годы прекратили террористическую и диверсионную деятельность и затаились.

Когда генерал Ивашутин покидал Украину перед отъездом из Киева в Москву, прямо сказал руководителям украинского правительства:

«Дорогие товарищи, борьба с бандеровщиной не окончена. Пройдут годы, осужденные отбудут свои сроки. Далеко не все из них вернутся на Украину полностью раскаянными. Вырастут дети и внуки репрессированных. В их душах сохранится обида за судьбу своих отцов и дедов…

При мощной подпитке с Запада на волне украинского национализма и русофобии бандеровщина возродится. Поэтому необходимо адекватное противодействие – политическое, экономическое и социальное, но особенно идеологическое… Нужно жизненный уровень народа поднять – это главное…»

Противодействие, видимо, было неадекватное. «Оранжевая» власть всячески поспособствовала, чтобы шло прославление и возвеличивание исключительности народа в целом, тогда как можно и нужно говорить лишь об отдельных личностях. Если нация считает себя выше других наций, – это порождает исторические мифы, патриотизм… и войны. Любой народ неизбежно создает легенды о себе, а потом начинает в них верить. И, выполняя сознательный заказ заинтересованных лиц или отвечая на бессознательные запросы толпы, историки толкуют события в нужную сторону.

Так появляются и создаются исторические мифы об исключительности того или иного народа. И таким образом выстраивается вектор, – вектор в опасную зону исключительности народа с названием какого-то…изма. Их в жизни государств было много, но все они приводили к печальным последствиям для народов и политиков, которые никогда не были государственными деятелями. Политики, как правило, думают о следующих выборах; государственные деятели – о грядущих поколениях и их благосостоянии и безопасности. Государственный деятель стрижет овец, политик – сдирает с них кожу.

В начале XXI века прогноз генерала Петра Ивановича Ивашутина полностью оправдался… Сегодняшние события там, где работал в начале 50-х годов П. И. Ивашутин, этому

подтверждение.

В ожидании ареста

Прохладное лето 1953 года было богато на события: от мартовской смерти Сталина и до амнистии, потом снова аресты новой властью и расстрелы Берии и его соратников. И опять аресты, аресты и аресты с меньшими расстрелами, но **расстрелами** .

Новые старые вожди расправлялись с людьми, близкими к Сталину и его тени – Берии или много знавшими о новых хозяевах Кремля такого, за которое тоже можно их было посадить, отправляя затем «отдыхать» на нарах, а то и подвести под «вышку». Подобные повторения старой государственной моды новыми хозяевами Кремля принимались спокойно. Но месть – это блюдо, которое нужно есть холодным. Вот уж действительно, нет обиды, которой мы не простили бы, отомстив за нее.

И месть гуляла по стране. Уже два года, как сидел в тюрьме бывший начальник Петра Ивановича, всесильный хозяин СМЕРШа и министр госбезопасности СССР генерал-полковник Виктор Семенович Абакумов, о работе с которым во время войны и в послевоенный период остались у Ивашутина приятные воспоминания.

Дождливым июньским днем все того же приснопамятного пятьдесят третьего Петр Иванович с неохотой вошел в ставший неуютным кабинет. Стекла окон штриховали струи косого дождя, тонкими, нитеобразными ручейками сбегавшие вниз. Пахло эмалевой краской от покрашенных стен в коридоре. Ему стало душно, он открыл широкую фрамугу. В полуоткрытое окно, несмотря на дождь, сразу же вслед за свежестью ворвались запахи цветов, высаженных в клумбах, – каштаны уже отцвели. Он прошелся по ковровой дорожке кабинета от стола до двери и обратно.

Радоваться было нечему. Несколько дней тому назад в Москву срочно без объяснения причин вызвали сначала шефа – министра внутренних дел Украины Павла Яковлевича Мешика, а потом его первого заместителя Соломона Рафаиловича Мильштейна. Оба в Киев больше не возвратились. Прошел слух, что их в советской столице – прямо на Лубянке – арестовали.

После этого теперь уже ставший заместителем министра внутренних дел УССР генерал-лейтенант Петр Иванович Ивашутин ощутил на себе вакуум власти и тревогу за собственную безопасность. Он приходил на работу, как и раньше, к 8.00 и сидел в кабинете отшельником до 2–3 часов ночи. Все еще по инерции продолжал сталинский ритм работы. Но в этой обстановке страшно было ощущать себя одиноким. Ему никто не

звонил, озабоченная нестабильностью секретарша не приносила никаких служебных документов, за исключением немногих центральных газет.

Он заметил, что в коридоре сослуживцы сторонились своего начальника и часто, проходя мимо, опускали головы. Это было то состояние, в котором виноватый – боится закона, невиновный – судьбы.

Генерал тяжело переживал состояние своей ненужности. Больше того, он ждал ареста, хотя где-то внутри понимал, что никаких преступлений не совершал. Всю войну находился на фронте в системе военной контрразведки СМЕРШ, после войны снова оказался на войне, теперь уже с бандеровщиной на Украине. Трофеев дорогих не привез, за исключением авторучки и перочинного ножа. За хорошую работу всегда отмечался правительственными наградами, обещали дать даже Героя, и… вдруг оказался совсем в неуютном положении – ненужным человеком.

«Не пойму, что это за жизнь. На войне враг был впереди, здесь неизвестно, кто твой враг, а кто друг, – размышлял заместитель министра внутренних дел УССР и бывший начальник управления военной контрразведки ряда фронтов. – Да, в этой обстановке трудно что-нибудь предвидеть, а особенно – будущее. Но сейчас нельзя даже предвидеть настоящее, которого может не стать в одно мгновение. Вызовут в Москву или зайдут офицеры из комендатуры, после чего следователи уведут в подвал. А там будут требовать признания. Признаться! Но в чем? А в том, чего они захотят, чтобы я сказал, а потом написал и подписался. Приходится бояться не закона, а судьбы.

Кончилась такая кровавая война, надо радоваться миру и строить, строить, строить. Поднимать порушенное, а не воевать с людьми. Получается, если правительство не доверяет народу, то оно, это правительство, должно распустить его и выбрать себе другой народ. Глупость. Снова волна репрессий… Нет, что-то не в порядке в нашем новом королевстве…»

Череду печальных мыслей наконец-то прервал телефонный звонок. Звонила супруга, интересовалась, что ему приготовить на ужин.

– Маша, ты же знаешь, я непривередлив. Но сегодня хочется чего-нибудь остренького, – искренне ответил супруг.

– Чего же? Толченочку с соленым огурчиком или драники с селедочкой?

– Конечно, драники, наши – белорусские.

– Есть, товарищ командир, – пошутила Мария Алексеевна…

В режиме молчания мучительно тянулись дни с половинками

ночи. В душе иногда поднималась волна негодования из-за несправедливого отношения к себе со стороны начальства. Где-то он читал, что верное средство рассердить людей и внушить им злые мысли – заставить их долго ждать. Только ждать – чего? Для него в сложившейся ситуации – ареста, а может, и смерти от людей, скорых на расправы. Но приходили минуты, когда смелость и надежда гуляли в просторах души. Они успокаивали его и словно говорили хозяину кабинета: опасность всегда существует для тех, кто ее боится, не бойся, ты же прошел такую войну и войну после войны на Украине.

Он поверил подсказке и несколько успокоился. Читал и перечитывал приносимые секретаршей газеты, этот процесс несколько отвлекал от черных мыслей и на некоторое время успокаивал пленника обстоятельств.

«Кто придумал мне эту пытку? – задавал и задавал себе один и тот же вопрос изо дня на день Ивашутин. – И все же я думаю, придумал эту пытку деспотизм власти, чтобы отнять у человека последнее право – право молчать».

Во время обеденного перерыва он решил просмотреть тогда модную газету – «Литературку». Он взял со стола сороковой номер «Литературной газеты» от 3 апреля 1954 года. Его внимание привлекла одна забавная публикация. Он стал читать ее в голос:

«На географической карте СССР нанесены 1900 условных знаков – силуэт здания с заводской трубой, рядом – большая булка. Это города, рабочие поселки и крупные населенные пункты, в которых уже работают хлебозаводы и механические пекарни. Еще 372 хлебозавода будут построены в ближайшие 2–3 года…

Только повышение механической выпечки дает возможность полностью удовлетворять возросший спрос населения в хлебных изделиях. После шести снижений цен (1947–1953) потребление хлеба в нашей стране возросло в 2,6 раза, в том числе белого хлеба – больше, чем в 6 раз».

«Дай бог, чтобы это было правдой, – подумал Петр Иванович, – а еще хочется, чтобы снижения цен шли и дальше. Народ еще до конца не отогрелся после войны. Достатком людей последние годы не баловали».

Жизнь после Сталина почти не изменилась. Правда, Хрущев вводил в нее незначительные поправки, отправлял законы на починку, делал заплаты на конституции и самой стране тогда, когда нужно было чинить либо всю страну, либо по частям – республики.

* * *

Март 1954 года. Бывший начальник легендарного СМЕРШа и руководитель Петра Ивановича Ивашутина – Виктор Семенович Абакумов все еще сидел в следственном изоляторе и ждал суда. Его расстреляют в Ленинграде 19 декабря 1954 года – в День военного контрразведчика – через один час пятнадцать минут после вынесения приговора. Ему даже не дадут возможности обратиться с просьбой о помиловании. Сорок шесть лет и вся жизнь. Он выкрикнет: «Я все напишу в Политбюро». Однако договорить не пришлось, – пуля попала ему в голову…

Расстреляли «апостола» СМЕРШа его же колеги-чекисты. Он пал жертвой «подковерной борьбы» политиканов и в первую очередь Никиты Хрущева.

Жена Абакумова, Антонина Николаевна, вместе с сыном провела за решеткой 2 года и 8 месяцев. Вышла на свободу с малолетним сынишкой 9 марта 1954 года. А через десять месяцев, 26 января 1955 года, ее вызвали в милицию, где отобрали паспорт и выдали взамен другой – без права проживания в Москве. Такой приказ мог дать только один человек – новый хозяин Кремля. Жертва много, очень много знала такого, чего опасался новый «вождь», еще не завершивший потрошение своих архивов. Поэтому-то он и торопился с казнью руководителя СМЕРШа – пленника Крестов.

Но всего этого Ивашутин в тот момент, конечно, не знал и не мог знать…

В это же время по инициативе Хрущева при праздновании 300-летия Переяславской Рады полуостров Крым был выведен из подчинения Российской Федерации и передан в дар Украине в знак вечной дружбы русского и украинского народов. Тогда даже в страшном сне не могло присниться, что этот акт через полвека омрачит отношения между Россией и Украиной, ставшими самостоятельными государствами. Словесная же анимация вождя тогда представляла этот подарок как дополнительную опору для большого и вечного Дома Дружбы.

Газеты публиковали исторические очерки о важности Рады, собравшей представителей запорожского казачества во главе с гетманом Богданом Хмельницким в январе 1654 года в городе Переяславле. В результате Переяславской Рады и последовавшей за ней Русско-польской войны часть русского населения Речи Посполитой присоединилась к Русскому царству. Она избавила русских от национального и религиозного угнетения. Для России соглашение привело к приобретению земель Западной Руси, что оправдывало титул русских царей – Государь Всея Руси.

Таким образом, Московская Русь становилась собирателем земель с православным населением. А вот для Речи Посполитой это соглашение стало началом процесса распада и расчленения, приведшего в итоге к полной потере независимости в 1795 году.

Как человек мудрый, Петр Иванович считал, что дату, конечно, надо отметить, она достойна праздничных мероприятий, но при чем же подарок в лице целого полуострова с закрытым «городом русской славы», «легендарным Севастополем», Севастопольской бухтой – местом приписки кораблей Черноморского флота и с поголовно русскоговорящим населением.

Он считал до последнего времени, что Севастополь дает пищу и уму, и сердцу русского человека. Рабочая тональность бухт, суровость братских кладбищ, строгость обелисков поднимают чувство патриотизма.

И вот неожиданно прозвучал звонок и вызов в Москву.

После образования Комитета государственной безопасности при СМ СССР Ивашутина летом 1954 года неожиданно для него назначают на очень высокую должность – заместителя председателя Комитета.

С политической точки зрения такое назначение было выгодно 1-му секретарю КПСС Н. С. Хрущеву. Вместе воевали, вместе трудились длительное время в УССР. Работали слаженно, понимая друг друга с полуслова. И в КГБ на высоком уровне нужен свой человек.

В сентябре этого же года он принимает участие в организации контрразведывательного прикрытия учений на Тоцком полигоне.

14 сентября 1954 года на Тоцком военном полигоне в Оренбургской области были проведены заранее запланированные войсковые учения в условиях реального ядерного взрыва. В этих учениях были задействованы части, штабы и подразделения всех видов и родов войск – всего 45 тысяч военнослужащих. Командовал учениями министр обороны Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Учениям предшествовало специальное постановление Совета министров СССР от 29 сентября 1953 года, начавшее широкомасштабную подготовку Вооруженных сил и страны в целом к действиям в особых условиях.

Войсковое учение, именовавшееся «Прорывом подготовленной тактической обороны противника с применением атомного оружия», имело и политическую подоплеку, – в качестве наблюдателей были приглашены министры обороны дружественных СССР государств.

Для советских военнослужащих участие в учениях обернулось тысячами человеческих трагедий. Вот уж действительно, в настоящей трагедии гибнет не герой – гибнет хор…

От заместителя до первого зампредседателя КГБ

Создание КГБ СССР

Постановлением Совета министров СССР № 1134 от 24.01.1956 года заместителем председателя КГБ при СМ СССР был утвержден П. И. Ивашутин. Он пришел в центральный аппарат Комитета госбезопасности в то время, когда еще живо обсуждались функции нового ведомства.

8 февраля 1954 года произошло для чекистов знаменательное событие. В этот день было принято решение Президиума ЦК КПСС о выделении органов государственной безопасности из Министерства внутренних дел. А Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 года образуется Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР.

Новому ведомству в лице КГБ были нарезаны основные задачи:

а) ведение разведывательной работы в капиталистических странах;

б) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок внутри страны;

в) борьба с вражеской деятельностью всякого рода антисоветских элементов внутри СССР;

г) контрразведывательная работа в Советской Армии и Военно-морском флоте;

д) организация шифровального и дешифровального дела в стране;

е) охрана руководителей партии и правительства.

Именно этим нормативным актом и руководствовались чекисты в течение четырех последующих лет, пока власти не приняли «Положение о КГБ при СМ СССР». Оно было утверждено Президиумом ЦК КПСС 23 декабря 1958 года и введено Постановлением СМ СССР от 23 декабря того же года.

Положение предусматривало следующие функции:

а) разведывательная работа в капиталистических странах;

б) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью;

в) борьба с враждебной деятельностью антисоветских и националистических элементов;

г) контрразведывательная работа в СА, ВМФ, ГВФ, ПВ и в войсках МВД;

д) контрразведывательная работа на специальных объектах, особой важности объектах промышленности и на транспорте;

е) охрана государственных границ;

ж) охрана руководителей партии и правительства;

з) организация и обеспечение правительственной связи;

и) организация радио-контрразведывательной работы.

В 1956 году он становится уже первым заместителем председателя КГБ СССР и исполняет эти обязанности до 1963 года. Такого взлета он не ожидал. Кто повлиял и что повлияло на его назначение, никто из сотрудников не знал. Конечно, Ивашутин не первый день в политике, он хорошо понимает, что на эту должность назначают с согласия Политбюро КПСС, а там первая скрипка Н. С. Хрущев, и ему надо делать выводы самому. Но зато мог ответить, за что его повысили, во всяком случае, догадывался, – за многолетний ратный труд. Перед войной, на войне и в войне после войны…

В разработке и создании «Положения о КГБ при СМ СССР» П. И. Ивашутин, будучи с 1956 года первым заместителем председателя Комитета, принимал самое непосредственное участие. Разработчики ему приносили в кабинет порой «сырые» куски документа, и ему приходилось вникать в их суть и править, доводя содержание документа до правовой кондиции.

В одном из пунктов этого документа указывалось, что «… Комитет государственной безопасности и его органы на местах призваны бдительно следить за тайными происками врагов Советской страны, разоблачать их замыслы, пресекать преступную деятельность империалистических разведок против Советского государства…»

Ничего тоталитарного, ничего агрессивного в этих четких, отточенных фразах не было, они отражали смысл защиты и наступательность в получении информации о планах неприятеля, т. е. объяснимых функциях любого государства, любого политического режима в мире.

Американский же закон о национальной безопасности, принятый в 1947 году, впитал в себя большую часть рекомендаций ястреба «холодной войны», будущего директора ЦРУ Аллена Даллеса. После его принятия раздавалось все больше и больше голосов, призывающих к тому, чтобы США не только располагали возможностями собирать и анализировать разведывательные данные по проблемам «холодной войны» с Советским Союзом, но и создавали механизм, позволяющий вести политические и полувоенные сражения. Понятие «политические сражения» ясно, – это идеологические диверсии. А что такое полувоенные сражения? Это уже, по откровениям директора ЦРУ

того периода Л. Колби, боевые столкновения и планы политических убийств иностранных лидеров в ходе организаций заговоров. Весной 1948 года Белый дом считал, что война с Советской Россией на пороге. В умах американских контрразведчиков и разведчиков на этот счет не было никаких сомнений. Враг – Советский Союз, и его надо уничтожить вместе с вооруженными силами, наукой и культурой. Они рассматривали себя такими же участниками американского крестового похода против Сталина, а потом против Хрущева, Брежнева, Андропова и так далее, а по существу против всего нашего народа, как и против Гитлера.

В нашем «Положении…» ничего подобного не было, а была четкая аргументация государственной безопасности страны. За разработкой этого фундаментального документа просматриваются твердость характера, исполнительность, организаторские способности, работоспособность и, естественно, кругозор исполнителей.

Надо заметить, что назначение Ивашутина на эту должность в центральном аппарате КГБ было связано с дальнейшим обострением советско-американских отношений, усилением интереса американской разведки к государственным и военным секретам Советского Союза. Климат этих отношений действительно был «холодным». Разведслужбы США пытались добыть сведения о советском военно-экономическом потенциале любой ценой: шантажом, обманом, угрозами и другими недобросовестными методами. Ставка делалась на запугивание хозяев Белого дома и выбивание, таким образом, лишних денег для своего ведомства.

Так, в период руководства американской центральной разведкой ее глава контр-адмирал Р. Хилленкоттер настолько переоценил и преувеличил возможности СССР по созданию атомного потенциала, что еще в 1947 году доложил президенту США Гарри Трумэну, что Советская Россия к 1955 году будет иметь 50 больших атомных бомб, что было ложью. Эти сведения власти преднамеренно давали отмашку для просачивания в прессу, готовя, таким образом, соответствующее общественное мнение.

В конце января 1954 года президент Д. Эйзенхауэр заявил:

«…Если мы сможем одновременно совершить атомное нападение на все передовые базы ВВС коммунистов, противник будет обескровлен с самого начала боевых действий…»

Это заявление президента было не случайным. Дело в том, что Никита Хрущев решил попугать «заокеанских хищников» и, не

просчитав последствий, дал добро на демонстративный полет над Красной площадью 1 мая 1954 года единственного тогда экземпляра советского межконтинентального бомбардировщика М-4, созданного в конструкторском бюро В. М. Мясищева. Он имел дальность полета до 12 тысяч км, мог нести бомбовую нагрузку до 5 тонн со скоростью полета на высоте 9000 м более 900 км/час.

Американские дипломаты-разведчики, присутствовавшие на параде, высоко оценили машину. В Центр сразу же полетели шифровки, – в Советской России появился супербомбардировщик, и он способен достичь американского побережья. Но американская разведка не знала, что на обратный путь к своему аэродрому у этого бомбардировщика не хватит сил, – в то время еще не была отработана система дозаправки самолета в воздухе.

И началось…

Фотографии М-4 стали тиражировать во всех газетах и журналах, запугивая население «краснозвездным ястребом».

Аллен Даллес: «В 1954 году появились свидетельства того, что СССР производит тяжелые межконтинентальные бомбардировщики дальнего радиуса действия, сравнимые с нашими В-52… Все это привело в нашей стране к предположениям об отставании по бомбардировщикам…»

Американцы стали прессинговать территорию СССР в целях добычи сведений о расположении заводов, КБ и аэродромов, на которых базируются советские тяжелые бомбардировщики. Основной упор делался на возможности «радиоэлектронных ушей». Тот же Аллен Даллес подчеркивал:

«…Мы чувствуем, что научная сторона сбора разведывательной информации должна быть доведена до такого уровня, когда радары и электронные приборы будут иметь тенденцию занять место разведчицы Маты Хари…»

Янки неоднократно пытались использовать нашу территорию для размещения своей радиоэлектронной техники для сбора шпионской информации. Одна из таких первых операций была проведена американской разведкой в 1955 году. Наша контрразведка перечеркнула планы заокеанских негостеприимных путешественников.

А было это так. Группа дипломатов США запланировала посетить Волгоград. В КГБ поступили данные о том, что американцы везут с собой портативное радиоэлектронное оборудование неизвестного предназначения. Доложили руководству Комитета. Было решено захватить американских разведчиков в Волгограде с поличным. Операцией по задержанию разведчиков США руководил Петр Иванович Ивашутин.

За «путешественниками» велось круглосуточное наблюдение. Когда американцы прибыли в город и разместились в «нужном» чекистам номере гостиницы, то в ходе проведения оперативно-технических мероприятий стало ясно, что они «расчехлились» и стали собирать переносной радиоэлектронный модуль. Тут же их и накрыли чекисты…

Технические специалисты Генерального штаба и советской военной разведки так оценили этот «портативный агрегат»:

«…Аппаратура предназначена для решения задачи нового, ранее не встречавшегося вида агентурной технической разведки. Аппаратура позволяет вести предварительную разведку импульсных, радиолокационных, радионавигационных станций и систем управления реактивным оружием. Разведывательные данные, получаемые с помощью этой аппаратуры, являются исходными и в совокупности с другими разведывательными сведениями имеют большое значение для разработки технических средств подавления нашей радиолокационной системы в ходе боевых действий…

Работа разведчиков с указанной радиоаппаратурой представляет серьезную опасность для обороноспособности нашей страны…»

Спустя годы мы понимаем, что гонка вооружений была выгодна нашему противнику. Его финансово-экономический потенциал был значительно выше нашего. Его промышленность бурно развивалась, ликвидируя безработицу. Нам же она была невыгодна, т. к. деньги нужны были и для сельского хозяйства, и для промышленности, и для культуры, и для социального сектора. Но у политиков не хватило ума, у ученых прозорливости, а у аналитиков и руководителей КГБ ни того, ни другого, ни третьего.

Первым Председателем КГБ при СМ СССР с 1954 по 1958 год был И. А. Серов, которого хорошо знал Хрущев еще по работе на Украине, поэтому он ему доверял больше, чем кому-то.

Как уже известно, возвратившегося с Украины в июне 1954 года Петра Ивановича Ивашутина назначают заместителем председателя КГБ при СМ СССР. В этой должности он становится куратором многих подразделений Комитета, в том числе отвечающих за контрразведывательное обеспечение особо важных государственных объектов и Вооруженных сил СССР.

О человечности Ивашутина вспоминал военный контрразведчик Борис Сыромятников:

«Вот один из эпизодов, характеризующих Петра Ивановича как руководителя и как человека. В бытность его заместителем руководителя 3-го главка (а я в то время был старшим

оперуполномоченным в этом Главке), в один из дней он срочно вызывает меня в кабинет. По прибытии с ходу предлагает мне дать заключение по поступившему из Ленинграда делу, по которому следует, что он у министра обороны Н. А. Булганина должен получить санкцию на арест одного специалиста. Речь шла о крупном конструкторе надводных боевых кораблей.

Действительно, по замыслу Петр Иванович должен был получить санкцию на арест у Булганина.

Зная Булганина, можно не сомневаться, что такую санкцию он дал бы без промедления (арест был согласован: начальником отдела контрразведки Балтийского флота контр-адмиралом Мозговым, прокурором Ленинграда и первым секретарем Ленинградского горкома и обкома ВКП(б)). Очевидно, что это дело вызвало сомнение у Ивашутина. Дело было очень объемистое.

Ознакомившись с делом, я пришел к твердому убеждению, что никаких оснований для ареста этого конструктора нет. Никакой антисоветской агитацией, даже по меркам того времени, он не занимается. Он лишь высказывает в узком кругу нестандартные мысли…

Вместо того чтобы побеседовать с конструктором, руководство отдела контрразведки пошло по пути накапливания таких высказываний.

В тот же день я доложил Ивашутину свои соображения по этому делу:

«Арест талантливого конструктора не обоснован, он не способен нанести вред нашей оборонной промышленности. Что в наших интересах: сохранить крупного конструктора или получить непригодного к физическому труду заключенного?»

Я вынужден был ставить так вопрос, поскольку не мог не считаться с расширительным понятием «антисоветской агитации», хотя я его взгляды не разделял.

Ивашутин с моей оценкой этого дела согласился и при мне лист с собранными основаниями на арест перечеркнул. Это было непростое решение. Ивашутин пошел против ленинградского прокурора, партийного руководства, конечно, с мнением Мозгова он мог не считаться. Мозгов был ему подчинен, решение это принял необоснованно и поспешно, поставив Ивашутина в затруднительное положение. Это был период торжества «рюминщины».

Проявленный в данном случае взвешенный и смелый подход был весьма характерен для Ивашутина. Он являлся новатором в деле разумной и эффективной организации защиты секретов. Как зампред, он был в тягость карьеристам шелепиным, семичастным,

циневым, занимавшим высокие посты при крайне ограниченном умственном багаже…»

В 1956 году Ивашутин становится уже первым заместителем председателя Комитета, а Серова в 1958 году направляют в армию – начальником ГРУ Генштаба. Председателем КГБ на заседании Президиума ЦК КПСС в декабре 1958 года назначается в прошлом комсомольский работник Александр Николаевич Шелепин. Говорят ветераны, что он не хотел идти на должность руководителя КГБ, всячески отказывался от такого «чекистского доверия». Кстати, с началом Великой Отечественной войны он занимался отбором комсомольцев для заброски в немецкий тыл. В их числе была легендарная Зоя Космодемьянская – Таня.

* * *

Серов прослужил в ГРУ до 1963 года, когда был отстранен от должности в связи с разоблачением шпиона Пеньковского. После своего смещения он находился некоторое время в тени. Его имя выпало из обоймы упоминаемых в советской печати руководителей отраслевых ведомств. Итак, бывшего шефа Ивашутина в КГБ генерала армии И. А. Серова не только сняли 2 февраля 1963 года с должности, но и понизили в воинском звании. Генерал-майором он стал уже через несколько дней – 7 марта. А 12 марта его лишили всех государственных наград, в том числе и Золотой Звезды Героя Советского Союза по стандартной в такой ситуации тех дней формулировке «…за притупление политической бдительности».

Пострадали и другие должностные лица, отвечавшие за работу с кадрами. Уволены были первый заместитель начальника ГРУ генерал А. Рогов и начальник управления кадров генерал А. Смоликов, которые являлись исполнителями изъятия компрометирующих материалов из личного дела Пеньковского.

Из Москвы Серову тоже пришлось выехать, – он был назначен на должность помощника командующего Туркестанским военным округом по учебным заведениям. Через два года опальный генерал был уволен из Вооруженных сил по состоянию здоровья.

Кроме этого, выяснилось, что именно Серов оказал содействие Пеньковскому вторично устроиться на службу в военную разведку. Более того, жена и дочь Серова при их посещении английской столицы постоянно находились под опекой уже шпиона Пеньковского и пользовались его услугами и… услугами английской разведки. Некоторые суммы денег на подарки, приобретаемые в магазинах Лондона, и угощения шефа

и его семейства шпиону выдавала все та же английская разведка.

Такого пассажа с руководителем советских органов госбезопасности еще не было. Именно этим объясняется жесткая реакция на эту не придуманную историю в отношении Серова главы государства, отправившего генерала в Туркестанский военный округ. Провал с Пеньковским был ударом не только по ГРУ, но и по престижу самого Первого секретаря ЦК КПСС.

Вопрос об отношении к сталинской модели внутренней политики и судьбе ее жертв встал перед наследниками вождя сразу после его кончины. Восхваление Сталина, начиная с лета 1953 года, пошло постепенно на убыль, но все-таки инерция была.

Однако была еще одна проблема для нового старого руководства, – что делать с сотнями тысяч репрессированных в сталинские годы и содержавшихся в лагерях ГУЛАГа. Всем было понятно, в том числе и новым руководителям, что эти люди в большинстве случаев невиновны.

Но отпускать такую массу сразу было страшновато – могли всплыть неприятные вопросы. Кто ответственен за эти репрессии? Один только Сталин? А куда смотрело правительство? Какая вина самих членов «коллективного руководства»?

Более того, существовали опасность и угроза подрыва веры народа в партию и социализм. Поэтому вплоть до 1956 года процесс реабилитации был весьма незначительный. Освобождали лишь тех, кто был явно незаконно осужденным.

Разгром культа личности и армии

С 14 по 25 февраля 1956 года проходил XX съезд партии. В выступлениях Хрущева и других политических деятелей констатировалась виновность в нарушениях социалистической законности – репрессии, «дело врачей», «Ленинградское дело», «дело еврейского антифашистского комитета» и других делах – «банды Берии и его сообщников», а также бывшего министра госбезопасности Абакумова.

Утверждалось, что «банда Берия – Абакумова» втерлась в доверие к Сталину, клеветала на честных коммунистов и будто ни Сталин, ни члены Политбюро не представляли масштабов происходивших нарушений социалистической законности.

Но этого Хрущеву показалось мало, он желал снискать лавры «освободителя» и в ночь с 24 на 25 февраля 1956 года после официального закрытия съезда выступил с секретным докладом «О культе личности и его последствиях».

В докладе обвинил Сталина в принятии единоличных решений. Они, мол, не имели понятия, что делается наверху, а в результате пострадали Коммунистическая партия и руководство РККА. Оценки Хрущева были пристрастны, факты часто не

проверены, и все же доклад отличался неожиданностью открытий всякого рода потрясений.

Рядовые коммунисты, естественно, не увидели текста доклада, зато его краткое содержание через пару недель было опубликовано в газете «Нью-Йорк таймс». Начали потихоньку в печать просачиваться публикации репрессированных, возвращающихся на Большую землю с неудобными для новой власти вопросами – Сталин ли только один виноват? Вопросов было много, а вот, к сожалению, ответов мало.

На XXI съезде партии в январе 1959 года Хрущев заявил о полной и окончательной победе социализма в СССР, а на XXII в октябре 1961 года продавил принятие новой «Программы КПСС».

На этом съезде новый кремлевский мечтатель заметил, что для достижения поставленной цели надо решить триединую задачу.

– В области экономики построить материально-техническую базу коммунизма, т. е. выйти на 1-е место в мире по производительности труда, производству продукции на душу населения и уровню жизни народа.

– В общественно-политической области перейти к коммунистическому самоуправлению.

– В духовной области воспитать нового всесторонне развитого человека. Вождь тут же продекларировал – коммунизм будет построен к 1980 году!!!

В этот период мумия Сталина была изъята из Мавзолея…

В такой обстановке приходилось служить Отечеству Петру Ивановичу Ивашутину в ранге первого зампреда Комитета.

* * *

Отношения Хрущева, после того как он стал главой государства и партии, к армии всегда было прохладным, как и к нему со стороны военных. На этих отношениях лежала тень громадного сокращения Вооруженных сил СССР. При очевидной вынужденности данного решения из-за невозможности держать армию фактически военного времени быстрое, а вернее, стремительное сокращение больно било по судьбам офицерского корпуса. В штатах Советской Армии на 1 марта 1953 года находилось около пяти с половиной миллионов человек. По трехэтапному плану хрущевской программы с 1955 по 1958 год нужно было освободиться от 2 140 000 военнослужащих. Что и было сделано – жестко, грубо, а порой и просто бесчеловечно ускоренными темпами, с так называемым перевыполнением

планов – по-стахановски!!!

Сокращение затронуло боевые части, органы управления – штабы, военные учебные заведения, промышленные и ремонтные предприятия. Не надо забывать, что в основном это были люди войны. Сокращение породило брожение в армии. Отдельные офицеры стали говорить: «Как бы нам не досокращаться, как было перед войной…», «доиграется власть…», «как жить и чем кормить детей…» и т. д.

Прослуживших много лет в армии и отвоевавших на фронтах Великой Отечественной войны фактически выбрасывали в гражданскую жизнь зачастую без профессии, без пенсии, без квартир, даже без возможности найти себе работу. Массовое сокращение в короткие сроки усложняло управляемость в армии.

Из армии уходила молодежь – молодые офицеры, только что окончившие военные училища и академии. Солдаты радовались и кричали: «Ура, дембель!» Падала воинская дисциплина. Ангажированные газеты и журналы устами репортеров и журналистов с радостью расписывали картины уничтожения бензорезами новейшей авиационной и морской техники.

В связи с масштабным сокращением армии Никита Хрущев хотел знать, что творится в ее недрах. Он вызвал к себе председателя КГБ Ивана Серова и потребовал срочно дать ему справку о реагировании на сокращение. Серов попросил Ивашутина как своего заместителя, курировавшего органы военной контрразведки, подготовить данные. И вскоре родился *аналитический* документ.

СССР ОСОБАЯ ПАПКА
Комитет *Сов. секретно*
государственной
безопасности
при СМ СССР
1 марта 1958 г.
№ 541-с
гор. Москва

Докладываю, что Комитетом госбезопасности в процессе выборочного контроля почтовой корреспонденции военнослужащих Забайкальского военного округа за период с 12 по 17 февраля с.г. выявлено более ста писем, в которых офицеры Советской Армии высказывают недовольство оргмероприятиями, связанными с сокращением численности Вооруженных сил СССР, и выражают тревогу по поводу своей дальнейшей судьбы. Наиболее характерные выдержки приводятся:

«…Настроение неважное. 300 тысяч касается и нас… Должности моей уже нет, выхода толкового тоже. Или идти на

низшую должность, или уходить из армии. О чуткости к людям речь не идет, академия в счет тоже почти не берется, надежды на пенсию тоже особой нет, ибо уже намекают, что она будет снижена, что война в счет не будет браться и пр., и пр.

До 20 лет мне еще полтора года. Видимо, все эти орги никогда не закончатся и надо побыстрее уходить из этой «строго организованной» армии и, может, удастся еще хотя кое-как наладить жизнь в гражданских условиях… очень неприятны такие резкие смены в жизни и такое отношение к живым людям.

Не пришлось бы за это расплачиваться потом дорогой ценой… Многие офицеры ругаются, волнуются, надеются и т. д. Протопопов и Ягов написали объявления:

«Тов. оф.! В клубе ежедневно проводится разучивание песни «Здравствуй, земля целинная!!!» Желающих пока нет…»
Отправитель: *Петренко,* Забайкальский военный округ.

«…Наша организация, занимающаяся до сих пор ловлей блох в космическом пространстве, лопнула и вылетела в трубу. Щетина, полученная с блох на мировом рынке, упала в цене. И я сейчас безработный. Здорово! 90 из 100 проц. за то, что я окажусь за бортом. Но куда? Куда нам удалиться, ничего еще не придумал…» Отправитель: *Сухарев,* ст. Ясная, в/ч 22145.

«…Наше хозяйство вошло в 300 000, и сейчас занимаюсь распродажей всего, что накопил за долгие годы жизни здесь. Все это нужно покинуть. Как больно и тяжело. Мастерские (только отстроенные), классы – наконец-то лучшие в округе. Очень трудно выразить все на бумаге. Закончу продажу к маю.

Какова моя судьба?..»
Отправитель: *Давыдов А. П.,* ст. Ясная, в/ч 22145.

«…Было бы очень жестоко человека, отдавшего все свое здоровье и лучшие годы жизни армии, выбросить за борт за полгода до окончания выслуги. Однако эти соображения все же не гарантируют, авария может случиться в любой момент. Живу надеждой…»

Отправитель: *Соловейчик А. Н.,* г. Чита.

«…По предварительным данным, очень многих офицеров демобилизуют, где остановиться на постоянное местожительство и чем заняться, т. е. где найти работу? Я все же всю молодую жизнь прослужил, а теперь вновь придется начинать жить как пионеру…»
Отправитель: *Шкут В. Ф.,* ст. Даурия, в/ч 25441.

«…Многие даже и не знают, куда ехать и где притулить голову. Мы духом не падаем, но ночами плохо спим, т. к. очень пугает неизвестность. Вот и прелести нашей жизни, а здесь многие думают, что мы богачи, а у нашего брата и денег нет, и на

старости лет нет угла…» Отправитель: *Ванажо,* Читинская обл., 76-й разъезд.

«…Сейчас практически на себе мы ощущаем постановление Совмина о сокращении 300 000 нашего брата… это непостоянство с кадрами настолько влияет на жизнь, что все к черту опротивело, и, кажется, что без раздумья ушел бы на постоянную гражданскую жизнь. Мне кажется, что пока я молодой, надо уходить из армии, приобрести себе постоянную специальность и жить себе на здоровье…» Отправитель: *Королев П. И.,* ст. Харанор, в/ч 45536.

«…Уже который раз мы находимся под страхом этих мероприятий, но теперь не миновала и нас эта кампания. Наша дивизия расформируется.

Из нашего полка останется всего 5 человек, т. е. почти все будут уволены в запас… Мы, надо сказать, одеты и обуты, но ты бы посмотрела, как у нас демобилизуются офицеры, у которых по 2–3 детей, ни одежды, ни денег, ничего нет, и увольняют без пенсии, не хватает 1,5–2 лет. Настроение у всех ужасное. Сейчас просто повальная демобилизация. К чему бы это?..»

Отправитель: *Туркин,* ст. Оловянная, в/ч 83204.

Председатель комита госбезопасности И. СЕРОВ.

Сразу после объявления приказа министра обороны Малиновского Р. Я. о существенном сокращении Вооруженных сил СССР последовал второй удар по армии – вышло новое Постановление Совета министров СССР о пенсионной реформе в Вооруженных силах Советского Союза. И в данном случае Хрущев приказал теперь уже новому хозяину Лубянки Шелепину подготовить ему справку о реагировании армии на новую пенсионную реформу. Шеф КГБ, в свою очередь, дал указание Ивашутину через военную контрразведку собрать эти сведения через 3-е Управление КГБ.

Вскоре на имя Хрущева ушел документ:

СССР *Сов. секретно*
Комитет
государственной
безопасности
при СМ СССР
7 сентября 1959 г.
№ 2668-ш
г. Москва
Товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

19 августа сего года по случаю смерти генерал-лейтенанта Крюкова жена последнего, известная певица Русланова, устроила поминки, на которых в числе других были Маршалы Советского Союза тт. Буденный С. М. и Жуков Г. К.

В процессе беседы среди присутствующих был поднят вопрос и о принятом Постановлении Совета министров Союза ССР № 876 от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям.

Тов. Жуков по этому вопросу заявил, что если он был бы министром обороны, он не допустил бы принятие Правительством нового Постановления о пенсиях…

Далее он сказал, что тов. Малиновский предоставил свободу действий начальнику Главного Политического Управления генералу армии Голикову, а последний разваливает армию.

«В газете «Красная Звезда», – продолжал Жуков, – изо дня в день помещают статьи с призывами поднимать и укреплять авторитет политработников и критиковать командиров. В результате такой политики армия будет разложена».

Высказывания Жукова по этому вопросу были поддержаны тов. Буденным…

По имеющимся в КГБ при СМ СССР данным, большинство офицерского состава Советской Армии правильно восприняло Постановление…

Наряду с этим со стороны отдельных военнослужащих отмечаются факты нездорового реагирования на изменения в пенсионном обеспечении.

Так, начальник штаба 1-го армейского корпуса Туркестанского военного округа полковник Панин И. Д. заявил:

«Постановление неправильное, вся армия разбежится. Никто из офицеров служить не будет».

Командир взвода 987-го батальона связи 25-го армейского корпуса Одесского военного округа лейтенант Баранов Г. А. говорил:

«Теперь чем раньше уволиться из армии, тем лучше. Служить я не хочу, и никто меня не убедит».

Баранов подал рапорт на имя командования об увольнении его из рядов Советской Армии…

Командир роты 145 ГСД Закавказского военного округа капитан Кулаков заявил:

«Согласно новому приказу, пенсиями будут обеспечиваться только офицеры после 40-летнего возраста. Но дослужить до этого возраста не дадут. Поэтому, пока голова цела, надо уходить из армии».

Начальник отдела учета укомплектования и численности Вооруженных сил полковник Кузьмин А. К. говорил:

«Нет теперь нашего основного защитника – Сталина, который нас в обиду не давал».

Начальник 6-го отдела ЕЭУ МО инженер-полковник Вальков сказал:

«В Египте плотину строим, Ирану помогаем, а у себя ремни подтягиваем. Кто обжирается, а кому теперь жрать нечего будет».

Начальник вещевого отделения АХО штаба Московского округа ПВО майор Флегонтов И. А. говорил:

«…Наш советский офицер и так мало получает при уходе на пенсию, прослужив 20 и 25 лет в армии. По новому приказу будет получать еще меньше, что озлобит людей и создаст много нездоровых настроений, которые могут привести к значительному снижению боевой готовности армии. Цены на продукты и промтовары не снижаются, а пенсии уменьшают очень резко…»

Начальник штаба артиллерии 50-й мотострелковой дивизии подполковник Ковицкий А. П. сказал:

«…Правительству не к лицу так часто менять законы, у людей нет никакой уверенности в завтрашнем дне».

Командир роты парашютно-десантного полка 103-й воздушно-десантной дивизии Белорусского военного округа капитан Баженов А. Н. заявил:

«…Товарищи офицеры, это дело серьезное, надо поднимать забастовку, ведь наши права ущемляют. Надо письмами и рапортами завалить ЦК с просьбой об увольнении из армии, надо удирать из армии…»

Офицер этого же полка майор Лычев преложил:

«…написать всем рапорта на увольнение и письма с выражением обиды на новое Постановление и во время дивизионных учений при прыжке с самолетов всем офицерам бросить это в конвертах с воздуха…»

Отмечаются нездоровые настроения среди молодых офицеров.

Командир радиовзвода 192-й авиационной дивизии ст. лейтенант Рощепкин В. Н. заявил:

«Молодым офицерам лучше уйти из армии и устроиться в народном хозяйстве, там хотя квартиру могут дать, а здесь ни кола, ни двора не имеешь. Пока ты нужен, тебя держат, не нужен – выталкивают на все четыре стороны и иди хоть в банду, никто не думает о ненужном человеке».

Командир взвода 104-й воздушно-десантной дивизии ст. лейтенант Лоскутов П. П. сказал:

«Наше Правительство этим Постановлением обмануло нас так же, как народ с облигациями. Можно ли верить, что и в дальнейшем не изменят пенсий?»

Отрицательные реагирования на новый закон отмечаются также со стороны отдельных офицеров в отставке и запасе. Так, например, полковник запаса Диков П. А., Белорусский военный округ… заявил:

«…Издание Постановления об изменениях пенсий есть не что иное, как финансовое банкротство Советского государства, что вторично подтверждается после отмены возвращения рабочему классу средств по займу.

У нас что хотят, то и делают, в любом капиталистическом государстве этого не допустили бы».

Полковник запаса Морозов, бывший зам. начальника политотдела Инженерной академии, по поводу вышедшего Постановления СМ СССР о пенсиях сказал:

«…Всю жизнь служил в армии, а теперь должен помогать детям и детсадам… Сейчас приравнивают всех к одной мерке – и тех, кто воевал, и тех, кто торговал газированной водой».

Бывший заместитель командующего армией по тылу полковник в отставке Крылов говорил:

«Возмутительно, что так ущемляют военнослужащих. Теперь в армию пойдут случайные люди. Умных и толковых людей на военную службу не заманишь. Был бы у меня сын, я бы его послал лучше на завод, чем в военную школу».

Полковник запаса Бабкин – Белорусский военный округ – сказал:

«Плохо, что у нас нет постоянства, законы меняются, и это вызывает неуверенность».

По всем изложенным фактам особыми отделами КГБ информированы на местах первые секретари ЦК КП союзных республик, секретари крайкомов, обкомов и Военные советы округов.

Председатель комитета госбезопасности А. ШЕЛЕПИН.

Следует заметить, что в таких документах не предполагались выводы, предложения. Как говорили, в Политбюро ума хватает и без вас.

И пенсионная, и структурная реформы в армии, естественно, вызвали нездоровые настроения среди военнослужащих. Армию кромсали, как говорится, по живому. Особенно это касалось принижения роли военных контрразведчиков периода СМЕРШа в боевых баталиях на фронте. Это было связано с личностью В. С. Абакумова, которого Никита Сергеевич считал виновником бед, связанных с судьбой сына Леонида. А ведь в годы правления Сталина Хрущев неоднократно подчеркивал, что он считается прямым преемником Ленина. И вдруг, став у руля государства, Хрущев превратил вождя в некое исчадие ада, а тех, кто соприкасался с ним близко, в своих врагов, которых нужно было как можно быстрее отстранить от власти, а некоторых, много знавших о его грехах, физически уничтожить. Это касалось судьбы главы ГУКР СМЕРШ НКО СССР генерала В. С. Абакумова.

Он торопился от него избавиться. Но под его волюнтаристский пресс попали и органы военной контрразведки, переигравшие в войну хваленые немецкие спецслужбы и внесшие существенный вклад в приближение Великой Победы. Но такие доводы он не воспринимал.

Один фронтовик-контрразведчик охарактеризовал эту деятельность Хрущева словами А. С. Пушкина, вложенными в уста Сальери: «Маляр презренный пачкает полотна Рафаэля». Отдельные горячие головы, как в Москве, так и штабах военных округов и флотов, стали на путь слепого выполнения приказов сверху по разоружению, не разобравшись на месте, что своими действиями подрывают боевую готовность войск и наносят экономический ущерб государству.

Миссия генерала Мозгова

Многие трезвомыслящие военные контрразведчики писали вышестоящему начальству докладные с картинами варварского отношения к боевой технике некоторыми высокими командирами, взявшими «под козырек» приказ о сокращении всего и вся.

Так, начальник Особого отдела КГБ Краснознаменного Балтийского флота генерал-майор Мозгов Николай Кириллович подготовил объективную справку о приказе из Москвы резать корабли и самолеты. Распоряжение было отдано флотским начальством без оценки состояния боеготовности этого водного форпоста, стоящего на западных рубежах страны.

Мозгов отправил докладную руководству военной контрразведки. Но начальник 3-го управления КГБ генерал-лейтенант Гуськов А. М. отнесся к смелому поступку своего подчиненного с настороженностью, побоялся докладывать острый документ наверх. Тогда Мозгов, понимая, что промедление смерти подобно, и видя, как торопливо режутся надводные корабли, субмарины и самолеты морской авиации, напрямую обратился к Председателю КГБ Шелепину А. Н., который прочел документ, посчитав его вполне актуальным, и решил обсудить его на заседании Президиума ЦК.

В Москву вызвали Николая Кирилловича Мозгова. Заседание вел член Президиума ЦК КПСС Ф. Р. Козлов в своем рабочем кабинете. Народу было много. На нем присутствовали министр обороны СССР маршал Малиновский Р. Я. и главком ВМФ адмирал Горшков С. Г.

Вот как Мозгов рассказывал автору о том заседании:

«Министр обороны прошел в зал заседания с гордо поднятой головой, ни на кого не глядя и ни с кем не поздоровавшись. Главком скользнул по мне безразличным, даже я бы сказал,

колючим взглядом и, тоже не поздоровавшись, хотя мы друг друга знали, проследовал за своим начальником. Как только большое начальство расселось, Козлов обратился ко мне и предложил место за общим столом, а затем объявил повестку заседания и дал мне всего десять минут на доклад.

Я встал, волнение сразу же подавил и принялся излагать основные тезисы докладной записки…

Малиновский глядел на меня сурово. Сдвинутые к переносице густые черные брови делали лицо маршала неподвижным. Создавалось впечатление, что тот специально надувается, а потому краснеет. Как только я задевал за «живое», он бросал подбородок вниз и колючим, холодным взглядом прыгал по неприятным доводам копии ненавистной ему записки, лежащей прямо перед ним на столе.

Прошло несколько минут, и Малиновский, пользуясь своим положением, бестактно оборвал меня: «Я считаю, что товарищ Мозгов взялся за дело, о котором имеет весьма смутное представление. Какой из него моряк? Он флота-то не знает, а рассуждает тут, понимаешь, как флотоводец».

Козлов сделал замечание маршалу и жестом руки осадил нарушителя регламента. Тогда и я пошел в наступление и заявил министру, что Балтфлоту я отдал более двадцати лет службы в разных ипостасях, правда, не строевых, а контрразведывательных. Оберегая государственные секреты флота и оказывая командованию повседневную помощь в деле повышения боеготовности, дисциплины и уставного порядка, военные чекисты досконально знают флот, его техническое состояние, вооружение и боевую выучку личного состава.

Неужели вы считаете, что я бы пришел сюда с сырой информацией и забивал бы вам голову чепухой? Эти данные не один раз перепроверены не только оперативниками, но и в первую очередь флотскими офицерами, серьезно относящимися к результатам оргмероприятий, – так называлась затея Кремля.

Малиновский бросил недовольный взгляд на Горшкова, который по-черепашьи тут же втянул крупную голову на короткой шее в плечи, отчего сделался, как мне тогда показалось, каким-то жалким и не соответствующим такой высокой должности.

А я продолжал доклад. Помнится, говорил, что, если не остановить эти варварские мероприятия, не принять неотложных мер и скорейшей модернизации флота, к оснащению его новейшими классами надводных и подводных кораблей, к укреплению, а не уничтожению береговой обороны, флот как могучий и надежный страж наших западных морских границ погибнет!..

Я закончил свое выступление ровно через десять минут. На некоторое время в кабинете повисла предгрозовая тишина. Первым взорвал ее Горшков. Он заявил, что я якобы в рядовой бумаге раскрыл секретнейшие сведения о флоте, что является уже не военной тайной, а государственной.

Тогда я ему ответил, что записку писал лично. Ее печатала машинистка отдела в моем присутствии, член партии с 1920 года. Конвертовал документ тоже я. А что касается адресата, то, согласитесь, что председатель КГБ имеет право на знание секретов, которые охраняют его подчиненные.

Горшков побледнел от услышанного отпора, скривился в недовольной усмешке, засуетился и стал нервно перелистывать копию докладной записки.

Затем член Президиума ЦК КПСС Ф. Р. Козлов дал слово командующему Балтфлотом адмиралу А. Е. Орлу. Флотоводец начал говорить о сложном положении вверенного ему флота, о тревоге за его безопасность, о бытовой неустроенности моряков в некоторых гарнизонах, о необходимости большего внимания к учениям и т. п.

Фрол Романович прервал его словами:

«Александр Евстафьевич, об этих проблемах я впервые слышу от вас. Почему вы прятались за спину контрразведчика? Почему заняли позицию стороннего наблюдателя? Почему вовремя не поставили меня в известность и не приехали ко мне? Даже звонка от вас я не слышал!»

Командующий молчал, понурив голову. Затем Козлов недовольно буркнул Орлу – продолжайте. Выступление его было бледным.

После выступления комфлота слово взял министр обороны СССР Малиновский. Начал он примерно такими словами:

«Я считаю, что приведенные Мозговым факты надуманны. Он, видите ли, печется о боеготовности флота. А по существу его требования тормозят дело, а порой и прямо направлены на срыв планового выполнения указаний Никиты Сергеевича Хрущева о сокращении существенно не влияющих на боеготовность флота частей…»

Говорил он в нервно-лающей манере, отчего его предложения сбивались в хаотичный ком, и трудно было слушающим уловить даже контуры контраргументации. Он терял реноме маршала-фронтовика.

После Малиновского выступил председатель КГБ А. Н. Шелепин. Он говорил спокойно, уверенно, аргументированно доказывая несостоятельность принятых руководителями Министерства обороны решений. В конце своей

ремарки он резко прошелся по замечаниям Малиновского и Горшкова и отдельным моментам их неглубоких выступлений.

Начавшуюся сразу же полемику между Шелепиным и Малиновским с трудом погасил Козлов…

Когда закончилось заседание Президиума и я, уставший от полдневного стресса, отправился в гостиницу «Пекин», в мой номер неожиданно позвонил первый заместитель председателя КГБ генерал-лейтенант Петр Иванович Ивашутин. Он сообщил, что Фрол Романович Козлов высоко оценил мое выступление.

– А военные пусть покрутятся, – заявил Ивашутин, – если мужества не хватило доложить как есть. Правда точно горькое питье, неприятное на вкус, но зато восстанавливает здоровье.
Мне было приятно услышать такую оценку от уважаемого мною бывшего военного контрразведчика, сотрудника СМЕРШа, первого зампреда КГБ Петра Ивановича Ивашутина».

* * *

Одной из интересных операций КГБ этого периода было разоблачение американского шпиона, подполковника ГРУ Генштаба П. С. Попова. Это был участник Великой Отечественной войны, которую он закончил в должности порученца при энкавэдэшном генерале Иване Александровиче Серове. Потом Серову поручили руководить ГРУ – с 1958 по 1963 год. Именно по рекомендации этой одиозной личности Попов и попал на службу в ГРУ.

В 1951 году Попова направляют на работу в Центральную группу войск (ЦГВ), находившуюся в Австрии, и назначают стажером в легальную резидентуру ГРУ с задачей подбора кандидатов на вербовку среди иностранцев. Через год в стране пребывания у него завязывается любовный узел с австрийкой Эмилией Коханек, которая как женщина легкого поведения стояла на учете в полиции. О своей связи с Поповым она сообщила в полицию, та в ЦРУ. Жена Попова с двумя детьми в это время проживала у своих родителей в городе Калинине (Тверь). Австрийская пассия требовала к себе не только внимания, но и приличных денежных затрат. Зарплаты не хватало на утехи, а поэтому шел поиск дополнительного финансового источника, и он нашелся с инициативным выходом на кадрового сотрудника ЦРУ США Джорджа Кайзвальтера. А потом пошло-поехало по наклонной в сторону предательства. Он становится американским «кротом» в ГРУ под псевдонимом Грэлспайс. Прослужив в Австрии, а затем в Германии (ГДР), он возвращается в Москву уже

агентом ЦРУ. Но военные контрразведчики уже подозревали его в преступной деятельности.

Материалы о Попове были известны куратору армейской контрразведки Ивашутину, который дал команду ни в коем случае не дать ему снова попасть в ГРУ, а держать в распоряжении управления кадров военной разведки. Это страховало от проникновения подозреваемого в шпионаже к обобщенным секретам, побуждало его к активным действиям в поиске шпионской информации и давало возможность чекистам выявить его конкретные связи с американскими разведчиками, работавшими в Москве с позиции легальной – посольской резидентуры.

План удался. Прибывший в качестве атташе административно-хозяйственного отдела посольства США в Москву Рассел Аугуст Лэнжелли оказался действующим сотрудником ЦРУ. Скоро чекисты зафиксировали контакт между Поповым и прибывшим в Россию американцем. Сначала был арестован Попов, а затем, работая под чекистским колпаком, подполковник Попов встретился с американцем, которому передал шпионскую информацию. Во время передачи этих материалов Лэнжелли был пойман с поличным.

Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила шпиона к ВМН – расстрелу, а американского разведчика под личиной дипломата советские власти объявили «персоной нон грата» и выдворили из страны пребывания.

Операции по разоблачению матерого шпиона Попова лишний раз показали Ивашутину, что ГРУ Генштаба является первоочередным объектом устремлений разведок противника. Конечно, он не мог знать тогда, что скоро ему самому придется глубоко погрузиться в систему военной разведки, ставши на долгие годы ее руководителем.

Локхид У-2 и Карибы

О сбитом под Свердловском американском самолете Локхид У-2, пилотируемом летчиком-шпионом Френсисом Гарри Пауэрсом 1 мая 1960 года, и его захвате Ивашутину впервые по телефону доложил один из руководителей управления военной контрразведки. Именно это подразделение КГБ зампред и курировал. А уже через несколько часов Петру Ивановичу подробности доложили справкой, в которой говорилось, что 1 мая 1960 года американский самолет-разведчик типа Локхид У-2 1 мая 1960 года был сбит боевым расчетом зенитно-ракетным комплексом (ЗРК) С-75 из дивизиона, которым командовал в тот момент майор Михаил Воронов. Приводились и другие данные этой операции, в том числе и о сбитом нашем истребителе,

поднявшемся на перехват воздушного нарушителя.

На стол Ивашутина на второй день легла копия рапорта майора Воронова, направленная своему командиру:

«Доношу, что Ваш приказ об уничтожении самолета – нарушителя Государственной границы Союза ССР, вторгшегося в пределы нашей Родины 1 мая 1960 года, выполнен в 8.53, время московское.

При входе самолета в зону огня на высоте свыше 20 тысяч метров был произведен пуск одной ракеты, разрывом которой цель была уничтожена. Поражение цели наблюдалось при помощи приборов. Через небольшой промежуток времени постами визуального наблюдения было зафиксировано падение обломков самолета и спуск с парашютом летчика, выбросившегося из разбитого самолета».

Еще до этого случая в КГБ имелась информация, что какие-то самолеты-призраки периодически бороздят воздушные пространства Советского Союза, залетая в самые глубинные районы. Пилоты черных монопланов через зоркие объективы фотоаппаратов, заряженных высокочувствительной с большой разрешающей способностью пленкой, рассматривали и по команде пилота снимали секретнейшие оборонные и военные объекты в Сибири и Средней Азии, в Центральном районе и Закавказье, в Прибалтике и на Дальнем Востоке.

Несколько исторических данных. В начале 50-х ЦРУ сместило акцент в своей деятельности на технические способы добывания информации о военно-промышленном потенциале СССР. Особое значение придавалось разработке новых образцов летательных аппаратов и модернизации оборудования для аэрофотосъемки.

Под руководством Главного конструктора корпорации «Локхид» Кларенса Джонсона началось создание самолета для ведения фото– и электронной разведки исключительно над территорией Советского Союза. Чтобы скрыть его истинное назначение, ему дали несекретное наименование – «U-2», означавшее «Utility-2» (вспомогательный), а в документах американского разведсообщества он имел код «Idealist» (идеалист).

Ярым приверженцем идеи создания и использования «U-2» в разведывательных акциях против СССР был президент США Дуайт Эйзенхауэр. Он считал, что советский ядерный потенциал, его мощь угрожают США. Он так и говорил своему близкому окружению, что «…имейте в виду, наступит время и может случиться то, что случилось с Пёрл-Харбором, но с гораздо более трагичными последствиями. Теперь эта угроза исходит от Советской России».

Что же представлял собой этот самолет-разведчик? Это гибрид одноместного истребителя и планера с турбовинтовым двигателем, установленным в задней части фюзеляжа. Его ТТХ следующие – длина – 14,6 м, размах крыльев – 29 м, их площадь – 62 кв.м. Титановый корпус покрыт специальной эмалью, которая препятствует обнаружению радарами.

Машины первого поколения имели максимальную скорость 688 км/ч, дальность полета без дозаправки около 7000 км, практический потолок 20,4 км. На этой высоте потребление горючего минимально ввиду слабого сопротивления воздуха.

Аэрофотосъемка проводилась камерой с 945 мм объективом, способным делать 4000 парных снимков полосы территории шириной в 200 км и длиной в 418 км.

Когда начались серийные полеты «U-2», директору ЦРУ Аллену Даллесу пришлось поломать голову, как зашифровать шпиона перед мировой общественностью. Сохранить появление самолета в тайне было невозможно: в период летных испытаний его видели сотни глаз. В итоге было принято решение зарегистрировать самолет в патентном бюро как гражданский научно-исследовательский планер, принадлежащий агентству США по аэронавтике и исследованию космического пространства.

Вскоре в целях дезинформации в американских и западноевропейских печатных органах в разделах «Наука» и «Разное» появилось короткое сообщение об успешной фотосъемке самолетом «U-2» урагана над Карибским морем.

Всеми своими гранями «метеорологическая» легенда прикрытия засверкала в мае 1960 года в небе под Свердловском, а потом самолет навсегда исчез с мониторов службы сопровождения.

Впрочем, благодаря Киму Филби еще в 1957 году военно-политическое руководство СССР знало, для чего создан «U-2» и чем он занимается в нашем воздушном пространстве.

* * *

Руководство США и директор ЦРУ Аллен Даллес были уверены в полной безнаказанности операции в небе, ибо полеты проходили в стратосфере. Янки считали, что в мире нет таких истребителей и ракет, которые могли бы достать их хваленые самолеты-призраки.

Через спецслужбы и конструкторов эту уверенность довели и до президента США, в прошлом военного, генерала, активного участника войны с немцами, начиная с 1944 года, – Дуайта

Эйзенхауэра.

Кстати, первый полет над отдельными регионами советской территории У-2 совершил еще 4 июля 1956 года. Он стартовал с американской авиабазы в Дисбадене (ФРГ) и произвел полет над районами Московской и Ленинградской областей, а также над терррриторией Балтийского побережья СССР на высоте более двадцати тысяч метров. Наши средства ПВО самолет зафиксировали, но достать не могли – сил тогда таких не было. Но к началу 60-х годов такие силы появились…

Разбирательство, следствие и суд над американцем не проходили мимо внимания первого заместителя председателя КГБ Ивашутина. Он был в курсе всех перипетий этого громкого уголовного дела с международным подтекстом.

Открытый судебный процесс над «непрошеным гостем с неба» – летчиком-шпионом, сбитым частями ракетных войск 1 мая 1960 года на Урале, в районе города Свердловска, американским гражданином Френсисом Гарри Пауэрсом проходил с 17 по 19 августа 1960 года в Москве, в Колонном зале Дома союзов. Процесс прошел без осложнений.

В 17.30 19 августа 1960 года Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-лейтенант юстиции В. В. Борисоглебский огласил приговор по уголовному делу американского летчика-шпиона.

Военная коллегия Верховного суда СССР признала Пауэрса виновным в преступлении, предусмотренном статьей 2 Закона Союза ССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления». Он согласно вердикту был приговорен к 10 годам лишения свободы, с отбыванием первых трех лет наказания в тюрьме. Отбывать тюремный срок ему в России долго не пришлось. Он был вскоре обменен на провалившегося из-за предательства в США и осужденного американским судом в 1957 году выдающегося советского разведчика Вильяма Фишера (Рудольфа Абеля). Обмен происходил в Берлине на мосту Глинике 11 февраля 1962 года. Он состоялся при посредничестве восточногерманского адвоката Вольфганга Фогеля…

* * *

Петр Иванович, как и все граждане, радовался сообщению о полете первого советского человека в космос. По своему должностному положению он много знал того, что граждане узнавали спустя некоторое время.

О своих впечатлениях и некоторых деталях полета Юрия

Алексеевича Гагарина он рассказывал спустя много лет.

Итак, 12 апреля 1961 года со стартовой площадки космодрома Байконур стартовал космический корабль «Восток-1», на борту которого находился космонавт старший лейтенант Юрий Гагарин.

Учитывая тот момент, что шло соревнование за пальму первенства в космосе между двумя сверхдержавами, работу по сохранению в тайне многих ходов подготовки к полету контролировали подразделения военной контрразведки. А, как известно, курировал особые отделы КГБ первый заместитель председателя П. И. Ивашутин. Режимные меры были всеобъемлющие – от космодрома и до центра по подготовке космонавтов…

В системе военной авиации была создана так называемая «Группа ВВС № 1». Она состояла из кандидатов на полет к звездам. Кроме Гагарина было еще двадцать претендентов на роль космонавта номер один. При отборе в группу учитывались такие антропологические данные, как вес, рост, здоровье, возраст и пр. Параметры должны были не превышать таких показателей: возраст – не старше 30 лет, вес – 72 кг, рост – 170 см. Только при таких характеристиках космонавт мог поместиться в первом космическом корабле «Восток», так как размеры и вес корабля были сильно ограничены мощностью его ракеты-носителя.

Накануне полета из 20 пилотов отобрали 6 человек. Королев очень спешил с полетом. Его торопили партчиновники и приготовления американцев. По данным нашей разведки, янки собирались запустить первого человека в космос в двадцатых числах апреля 1961 года. Поэтому Королев планировал осуществить запуск где-то в первой половине апреля, во всяком случае, до 17 апреля. Это был крайний срок.

Того, кто полетит в космос первым, определили накануне, – на заседании Государственной Комиссии (ГК). Им оказался Юрий Алексеевич Гагарин. Дублером назначили Германа Степановича Титова. По согласованию с Инстанцией – ЦК КПСС – были подготовлены три варианта сообщения о первом полете человека в космос:

Первое – «Успешное»;

Второе – на случай, если спускаемый аппарат упадет на территорию других стран или в мировой океан. Там находилось «Обращение к правительствам других стран»;

Третье – если бы Гагарин не вернулся на землю живым.

Как известно, «Восток-1» стартовал с такими временными параметрами – 09.07.12 12 апреля 1961 года. Выполнив один оборот вокруг Земли, в 10.55.34 на сто восьмой минуте корабль

завершил свой плановый полет.

Позывным Гагарина был «Кедр». Из-за сбоя в системе торможения спускаемый аппарат с Гагариным приземлился из-за погрешности в одну секунду не в запланированной области – в 110 км от Сталинграда, а в Саратовской области, неподалеку от города Энгельса.

Первыми, кто увидел «пришельца из космоса», были жена местного лесника Анна Акимовна Тахтарова и ее шестилетняя внучка. Вскоре к месту приземления Гагарина прибыли военнослужащие воинской части ПВО. Одна группа солдат во главе с офицером стала охранять спускаемый аппарат, а другие военные повезли Гагарина в расположение части. Оттуда еще никому не известный первый космонавт по телефону доложил командиру дивизии ПВО:

«Прошу передать Главкому ВВС: задачу выполнил, приземлился в заданном районе, чувствую себя хорошо, ушибов и поломов нет. Гагарин».

Тем временем по приказу руководства из Энгельсского аэропорта вылетел вертолет МИ-4. Пилотам была поставлена конкретная задача – найти и подобрать Гагарина. Они первыми из поисковиков обнаружили спускаемый аппарат.

Приземлились.

– А где же Гагарин? – спрашивает старший.

– Уехал, – хором отвечают собравшиеся аборигены.

– Куда? На чем?

– В Энгельс – на грузовике…

Вертолет тут же взлетел и взял курс на город. Скоро винтокрылая машина нагнала грузовичок, с которого энергично руками махал первый космонавт. Гагарина пересадили в «зеленую стрекозу», и она полетела на базу…

А дальше были ступени по лестнице почета вплоть до трагической его гибели 27 марта 1968 года. Его жизнь, к сожалению, уместилась в параметр только тридцати четырех лет…

* * *

В ноябре 1961 года новым шефом Петра Ивановича Ивашутина становится тридцатисемилетний воспитанник комсомола Владимир Ефимович Семичастный. Школу окончил в 1941 году и уехал… в эвакуацию. А ведь была война! Мог бы и «попартизанить», и уйти добровольцем в армию и таким образом попасть на фронт. После освобождения малой родины в 1943 году

вернулся в родные места и определил себя служить комсомолу, в котором стремительно рос…

На назначении Семичастного настоял сам Шелепин, ставший к тому времени секретарем ЦК КПСС и курировавший правоохранительные органы. Как вспоминал ветеран советской разведки генерал-лейтенант В. А. Кирпиченко:

«Назначение Семичастного вызвало у руководящего состава КГБ недоумение. Никто не воспринимал его в качестве государственного деятеля. Все понимали, что он, прежде всего, человек Шелепина, и это на первых порах вызывало чувство неуверенности».

К началу 60-х годов в Советском Союзе из-за волюнтаризма властей и чехарды непродуманных реформ сложилась тяжелейшая экономическая ситуация. Страна стояла перед угрозой голода. У магазинов с ночи выстраивались длинные хлебные очереди, которые провоцировали антиправительственные настроения. Пришлось ввести прикрепление к магазинам, списки потребителей, хлебные карточки, раскрыть закрома государственных резервов, сохранявшихся даже во время войны.

Уже в начале 1962 года недостаток хлеба был настолько ощутим, что Никита Хрущев впервые решился на закупку зерна за рубежом. Зерна – в Канаде, США, Австралии, муки – в ФРГ. За все это расплачивались золотом, ежегодно вывозилось до 500 тонн драгоценного металла.

По сути дела золотой запас СССР использовался для поддержания, укрепления и развития зарубежных фермерских хозяйств, в то время как хозяйства советских крестьян подвергались гонениям.

И это при том, что только Украина могла похвастатся двадцатью процентами мирового запаса черноземов, а если учесть и другие районы черноземной полосы России, то этот процент был бы намного выше – до сорока. Руководители страны умудрились оставить народ без хлеба в течение каких-то пары лет.

Огромные затраты на оборонную и космическую промышленность, вызванные гонкой вооружений, оставляли с каждым годом все меньше и меньше средств на решение кричащих внутренних проблем страны. Перебои со снабжением городов продовольственными товарами стали встречаться все чаще и глубже. Хрущев заметался в обстановке поиска путей пополнения бюджета для траты его на закупку хлеба за кордоном. В мае 1962 года с его ведома правительство повысило цены. На мясо – на 30 % и на 25 % – на масло. Газеты и журналы

поторопились преподнести этот опасный феномен якобы просьбой сознательных трудящихся, считавших, что в данной ситуации надо помочь «бедному» государству. Но банкротом было не оно, а бездарные хрущевские эксперименты. Одновременно руководители предприятий стали самовольно срезать трудовые расценки. Так, директор электровозостроительного завода в городе Новочеркасске некий Курочкин срезал рабочим расценки почти на треть.

1 июня 1962 года в десять часов 200 рабочих сталелитейного цеха прекратили работу и потребовали повышения расценок за их труд. Через час эта группа направилась к заводоуправлению с этим требованием. К толпе стали присоединяться рабочие других цехов. Стихийная колонна разрослась до тысячи человек. Выступающие рабочие свои речи заканчивали одними типичными вопросами: «На что нам жить дальше? Чем кормить детей? Когда кончится эта вакханалия беззакония?»

После вопросов в выступлениях отдельные рабочие предлагали конкретные выходы из создавшейся тупиковой ситуации. Один из ораторов образно заметил:

– У сегодняшней власти в ушах пробки. Их можно промыть не шприцом Жанэ, а стачкой, забастовкой, массовым выступлением рабочих. Уверен, нас поддержат тысячи других, поставленных в такие условия…

Разъяренная толпа потребовала директора, чтобы он вышел к ним и объяснил свои действия. Вскоре появился спокойный руководитель предприятия Б. Н. Курочкин. Люди замолчали в ожидании, что скажет директор. Заметив невдалеке торговку пирожками, он не нашел ничего лучшего, как сказать: «Не хватает денег на пирожки с мясом, – ешьте пирожки с ливером!»

Эта фраза стала катализатором процесса недовольства. Директора освистали, в него полетели палки, камни и другой подручный материал, пригодный для метания. Руководитель предприятия тут же ретировался, сбежал в свой кабинет и закрылся. Вскоре забастовкой был охвачен весь город…

Председатель КГБ Семичастный вызвал Ивашутина и поставил задачу обеспечить бесперебойное получение информации о морально-политическом состоянии личного состава в армии, особенно в войсках Северо-Кавказского военного округа.

– Инстанция нам поставила задачу внимательно отслеживать реакцию на события в Новочеркасске. Через оперативный состав и его негласных помощников надо не ежедневно, а ежечасно контролировать поведение солдат и офицеров, участвующих в гашении этих беспорядков, – чеканными фразами рубил

председатель Комитета. – Мы должны с вами сделать все, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

– Владимир Ефимович, как мне докладывал начальник особого отдела округа, оперативный состав 18-й танковой дивизии держит руку на пульсе событий. Есть, правда, информация, что некоторые не только солдаты, но и офицеры, негативно высказываются по факту применения войск в подавлении восстания рабочих. Очень много информации собрали особисты по реагированию военнослужащих на поведение директора завода, – докладывал Петр Иванович.

– Видно, существуют устойчивые связи военнослужащих с забастовщиками. Через последних доходит до солдат и офицеров эта информация, – доуточнил Семичастный.

– Да, директор оказался никудышным психологом. Горяч на почине, да скоро остыл. Натворил глупостей, спрятался и молчит, – заметил Ивашутин.

– С ним мы еще разберемся. Сейчас главное, чтобы это пламя не переметнулось на другие города и на армию. Смотрите внимательно за действиями войск.

– Созданная нами оперативная группа отслеживает обстановку в режиме реального времени…

* * *

К полудню 1 июня 1962 года политической забастовкой было охвачено более пяти тысяч человек. Толпы разъяренных людей перекрыли железнодорожные пути, остановив пассажирский поезд «Ростов – Саратов». Начались грабежи магазинов. Отмечались попытки отдельных уголовных элементов, примкнувших к забастовщикам, разоружить милицию и небольшие воинские подразделения.

Эта информация Никиту Хрущева так напугала, что он, весь бледный, с испаринами пота на лице, затопал коротенькими ножками, затряс огромной лысой головой и буквально взревел на прибывшего министра обороны:

– Если ты не способен повлиять на такую простую ситуацию, то я не представляю, как ты командовал на фронте. Не справишься к вечеру, – утром будет сидеть в твоем кабинете новый министр обороны, – перейдя для устрашения на «ты», буквально верещал Хрущев на своего любимца.

Зазвонил телефон.

Хрущев, покачиваясь из стороны в сторону, передвигая ножками свое грузное тело, быстро приблизился к аппарату.

Схватил трубку и стал молча слушать. Через минуту его уши налились пунцовым цветом, а лицо побледнело. Вдруг он прервал звонившего обкомовского начальника и гаркнул во всю глотку:

– Да я вас загоню, кузькина мать, туда, где Макар телят не пас. Действуйте от моего имени, да посмелее. Чего вы боитесь – толпы?

Потом он кивнул министру обороны, что он свободен и может делать то, что ему предложил он, хозяин страны.

А тем временем толпа возмущенных людей окружила горком партии. На балкон вышел представитель Центра Анастас Иванович Микоян. Он попытался успокоить собравшихся граждан. Но его казенные слова еще больше намагнитили толпу. Раздалась какофония освистывания. В сторону балкона полетели яйца, а затем… камни. Пришлось члену Президиума ЦК ретироваться. Секретарь горкома провел его на крышу здания, откуда московского гостя забрал вертолет.

Увидев улетающего представителя Москвы, толпа кинулась на штурм горкома партии. Сразу же смяли постовых и начали громить партийные кабинеты.

Тогда Хрущев позвонил командующему СКВО и приказал во что бы то ни стало остановить людей.

– Так что я, должен в них стрелять? – спросил командующий Хрущева.

– Если нужно, будешь стрелять! Будешь давить танками! – орал перепуганный и побледневший Никита Сергеевич.

– Я стрелять в народ не буду, а тем более давить танками, – спокойно и рассудительно ответил генерал.

И тут новый советский «вождь» совсем одурел и закричал:

– Ты не командующий, а говно! С этой минуты ты не генерал! И даже не рядовой! Я тебе покажу кузькину мать…

Самодурство продолжалось по телефону до тех пор, пока в его кабинете не появилось несколько соратников главного партократа.

* * *

И Родион Яковлевич, несмотря на героически пройденный путь по военным дорогам Испании и Германии, Украины и России, Дальнего Востока и Маньчжурии, просто дрогнул, он отдал приказ командующему войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковнику Иссе Плиеву на применение войск при подавлении выступления рабочих Новочеркасска.

Командующий в свою очередь приказал командиру одного из

соединений войти в город. Так 18-я танковая дивизия СКВО была первой задействована в подавлении восстания.

К вечеру того же дня еще несколько дивизий оцепили, а потом вошли в город.

2 июня 1962 года Малиновский доложил Хрущеву, что мятеж подавлен…

После разбирательства о причинах и последствиях стихийного выступления рабочих Новочеркасска на стол Ивашутину легла коротенькая справка:

«В ходе усмирения толпы погибло 24 человека, несколько десятков людей было ранено. Семь зачинщиков беспорядков (Андрей Карпач, Михаил Кузнецов, Борис Мокроусов, Сергей Сотников, Владимир Черепанов, Владимир Шувалов, Александр Зайцев) приговорены к расстрелу. (Вскоре их казнили. – *Авт* .) 105 участников забастовки получили по суду сроки от 10 до 15 лет».

Петр Иванович всю жизнь помнил об этих жертвах и никак не мог смириться с тем положением, что у руководства страны не было других рычагов воздействия на явно не внезапно возникшую обстановку, – она ведь развивалась и зрела постепенно.

А что касается Хрущева, то его политический крах после этих событий уже был предопределен самим Богом…

Хрущев отметился и на культурной ниве. Он был, как считал сам Никита Сергеевич, в зените своей славы, поэтому никаких козней не опасался. Противники его скажут со временем по-другому – он был в то время в зените своего безумия! Эпоха сталинской империи страха закончилась с уходом вождя на тот свет, и спустя какое-то время началась смешная эпоха Хрущева, то кому-то угрожающего, то что-то обещающего. Десять лет партноменклатура потешалась над затеями своего нового «вождя» и дурачилась вместе с ним, кормясь пайками спецзаказов. Народ бедствовал и с завистью смотрел на тех, кто что-то «достал».

Он провел самую масштабную акцию борьбы с искусством, не «запланированным» сверху. Живя своими представлениями о «социалистическом реализме», он буквально разгромил выставку художников-авангардистов в Манеже под названием – «Новая реальность». Это случилось 1 декабря 1962 года. Никита Сергеевич заранее был проинформирован КГБ о характере выставки, ярких полотнах и о слабых работах, но не внял информации.

Как писал Андрей Буровский в книге «Да здравствует «застой»! «Золотой век» России»:

«Если принимать всерьез очередной холуйский слушок, негодование Хрущева было связано с тем, что накануне ему

доложили о разоблачении группы гомосексуалистов в издательстве «Искусство». А «гомиков» он считал почему-то контрреволюционерами.

Экспозиция «Новая реальность», организованная Элием Белютиным, была частью большой выставки в Манеже, приуроченной к 30-летию Московского отделения Союза художников СССР. Хрущев обошел зал три раза, затем задал вопросы художникам. Особенно его интересовало, кем были их отцы: выяснял классовое происхождение.

И вдруг разразился: «Что это за лица? Вы что, рисовать не умеете? Мой внук и то лучше рисует!..Что это такое? Вы что – мужики или педерасты проклятые, как вы можете так писать? Есть у вас совесть?»

Моментально возник анекдот:

«Хрущев осматривает выставку и комментирует увиденное:

– Что это за лица? Вы что, рисовать не умеете? Мой внук и то лучше нарисует!.. Что это такое?! Кто это додумался жопу нарисовать?!

Суслов в ужасе шепчет ему:

– Никита Сергеевич! Это не картина! Это – зеркало!!!»

На Западе писали, что Хрущев срывал картины со стен. Что есть, мягко говоря, преувеличение. А вот – правда: Хрущев заявил, что советскому народу все это «неправильное» искусство не нужно. И тут же в печати была развернута кампания против формализма и абстракционизма. Продолжалась она до самых «годов застоя».

При Хрущеве из столиц высылали «тунеядцев». Одним из них был Иосиф Бродский. О поэтическом таланте Бродского есть много весьма различных мнений, но вот факты: в конце 50-х годов в Ленинграде сложился кружок поэтов – Е. Рейн, А. Найман и Д. Бобышев, под их влияние подпал Бродский. В 1961 г. членам кружка покровительствовала Анна Ахматова. Возможности печататься Бродский не имел, в Союзе писателей не состоял, но его влияние на литературную жизнь города росло.

В 1964 году Иосиф Бродский был арестован и предан суду по обвинению в «тунеядстве». Ведь советское законодательство позволяло судить любого, кто не имел постоянного места работы и не был официально приписан к творческому союзу. Иосифа Бродского сослали в деревню Норенскую Коношского района Архангельской области.

Властям вскоре пришлось освободить Бродского из ссылки: писательница (из Союза писателей) Фрида Вигдорова несмотря на многократные угрозы записала все, что происходило в зале суда. Эта запись была опубликована на Западе.

В 1972 году Бродский был подвергнут остракизму, правда, без опроса населения, как это было принято в Древней Греции. В США он получил всемирную известность как крупнейший русский поэт, в 1987 году был удостоен Нобелевской премии по литературе.

При Брежневе «тунеядцев» не преследовали. В письме к нему Бродский писал: «Мне горько уезжать из России, я верю, что вернусь». Смерть от инфаркта застала поэта в США; он завещал похоронить себя в любимой Италии. Вот при каких «художествах дорогого Никиты Сергеевича» приходилось трудиться генерал-лейтенанту Петру Ивановичу Ивашутину, который к 1964 году, слава богу, служил Отчизне уже на другом участке невидимого фронта – в военной разведке.

* * *

В жизни Петра Ивановича был и такой момент, когда приходилось думать о наступлении возможно новой – третьей мировой войны, теперь уже термоядерной.

Когда на стол первого заместителя председателя КГБ генерал-лейтенанта Ивашутина легла шифровка из ПГУ с полученными и перепроверенными нашей агентурой данными о том, что на территорию Турции американцы не только завезли, но и установили ракеты средней дальности типа «Юпитер», он понял – ответных мер не избежать. Американские ракеты под носом, они готовы в любой момент уничтожить наши города и промышленные центры, расстрелять, что называется, в упор. Известно было, что тактико-технические их характеристики таковы, что они способны были «достать» Москву и окружавшие ее промышленные центры.

На следующий день раздался звонок от Председателя Комитета госбезопасности А. Н. Шелепина:

– Петр Иванович, зайдите… есть срочное дело, – непривычно возбужденно и даже несколько тревожно проговорила трубка.

– Александр Николаевич, я почти готов, отпущу товарища. Буду через пять минут, – ответил Петр Иванович.

Ивашутин понял, какой значимости тема может обсуждаться в такой обстановке в кабинете у Председателя.

Как и предполагал, разговор начался именно об американских ракетах, размещенных в соседней стране.

– Петр Иванович, я только что вернулся из Кремля. Руководство страны рассматривает необходимость ответных мер. Единственно ощутимой оплеухой для янки могут быть наши

контрмеры, – на этом слове он словно запнулся и посмотрел на своего зама.

– Я понимаю, адекватно можно ответить американцам таким же оружием только через Кубу, – опередил ход мыслей хозяина кабинета гость.

– Вы правильно оценили момент сегодняшнего дня, находясь, как говорится в теме. Скажу откровенно, Никита Сергеевич в ярости. Он торопится, он спешит. Потребовал от Малиновского конкретных предложений на турецкий демарш американцев. Думаю, Родион Яковлевич что-то придумает, – с волнением говорил Шелепин. – Вы ему помогите, я имею в виду, военной контрразведкой…

И действительно, уже при новом председателе КГБ Семичастном «тайная» операция Генштаба ВС СССР под кодовым названием «Анадырь» стала стремительно набирать обороты. План предполагал размещение на Кубе двух видов баллистических ракет: двадцати четырех Р-12 с радиусом действий около 2000 км и шестнадцати Р-14 с дальностью стрельбы более 4000 километров. Надо отметить, что оба вида ракет были снабжены ядерными боеголовками.

В ущерб собственной безопасности предполагалось снять с боевого дежурства сорок ракет с позиций на Украине и в европейской части России. И в то же время стратегически мы выигрывали – после установки этих ракет на Кубе количество ядерных ракет, способных достичь территории США, увеличилось в два раза.

Кроме того, предполагалось направить на Остров Свободы группу советских войск. Она так и называлась – Группа советских войск на Кубе (ГСВК). Этой аббревиатурой пестрели документы того периода. Помимо ракет в состав ГСВК предполагалось направить:

– 1 вертолетный полк, оснащенный машинами МИ-4;

– 4 мотострелковых полка;

– 2 танковых батальона;

– одну эскадрилью истребителей МиГ-21;

– 42 легких бомбардировщика Ил-28;

– 2 подразделения крылатых ракет с ядерными боеголовками с радиусом действия более 160 км;

– несколько батарей зенитных орудий;

– 12 установок С-57 со ста сорока четырьмя ракетами.

Каждый мотострелковый полк был полного состава и насчитывал 2500 человек личного состава.

Военно-морскому флоту было приказано направить в зону возможных «боевых действий» два крейсера, двенадцать ракетных

катеров типа «Комар» и одиннадцать подводных лодок, семь из них были вооружены ядерными ракетами.

Всего на Остров Свободы планировалось отправить более пятидесяти тысяч военнослужащих. Хрущев предложил назначить на должность командующего группировкой наших войск на Кубе генерала армии Иссу Плиева.

На очередное заседание Президиума ЦК КПСС, кроме руководящей политической верхушки СССР, были приглашены и два силовика – министр обороны маршал Малиновский и председатель КГБ Семичастный.

Войска, технику и ракеты доставляли на Кубу из шести разных портов с соблюдением глубочайшей конспирации. Личный состав был переодет в гражданскую одежду. Ему говорилось, что они перемещаются на Чукотку, для этого демонстративно загружали в трюмы полушубки, дубленки, ватники и прочие теплые вещи. Для переброски войск Министерством обороны СССР было выделено 85 кораблей. Ни один капитан не знал истинного содержания трюмов.

Прослушав доклад Родиона Яковлевича Малиновского с конкретным планом действий в создавшемся положении, все члены Президиума единогласно проголосовали за проведение операции в трактовке министра.

Надо сказать, что большая работа проводилась и в КГБ СССР – по линии ПГУ (политической разведки) и военной контрразведки. «Карибский кризис» чекистское руководство оценивало адекватно как чрезвычайно напряженное состояние между Советским Союзом и Соединенными Штатами относительно размещения СССР ядерных ракет на Кубе в октябре 1962 года.

В начале августа 1962 года на Кубе стали появляться наши корабли. В ночь с 8 на 9 августа в Гаване была разгружена первая партия баллистических ракет средней дальности, вторая – уже через восемь суток. Штаб ГСВК расположился в Гаване.

Сам же кризис начался 14 октября 1962 года, когда разведывательный самолет У-2 военно-воздушных сил США в ходе одного из регулярных облетов Кубы обнаружил в окрестностях деревни Сан-Кристобаль советские ракеты средней дальности Р-12.

Президент США Д. Кеннеди срочно собрал руководителей ВВС США для обсуждения вопроса о бомбежке целей на Кубе. Мир был на грани мировой ядерной войны. Однако трезвый расчет с той и с другой стороны возобладал над риторикой взаимных угроз, сопровождаемой чередой практических действий в опасном направлении.

Кризис, продолжавшийся 13 дней, завершился компромиссом между руководителями СССР и США. Две мощных сверхдержавы, обладавшие чудовищным по разрушительным способностям оружием, наконец-то поняли, что подобные игры опасны не только взаимным уничтожением, но и составляют реальную угрозу существованию мира. 28 октября начался демонтаж наших ракет, а американцы 20 ноября ответили взаимностью.

По мнению генерала армии М. Гареева, рискованный и смелый шаг по направлению советских ракет на Кубу привел в чувство американских политиков, заставив их убрать ракеты с территории Турции и гарантировать ненападение на Республику Куба. Так закончился один из самых опасных для жизни человечества в двадцатом веке военно-политический кризис, в котором принимал активное участие и П. И. Ивашутин.

* * *

Еще одна глобальная проблема коснулась П. И. Ивашутина в период его работы в КГБ. По существу, он был свидетелем и хранителем секретов ее зарождения – создания ядерного щита государства. Начало шестидесятых годов было временем появления сверхмощных атомных зарядов. Чем же было обусловлено их создание? Как говорили специалисты тогда, во-первых, их относительной дешевизной, во-вторых, выверенным политическим расчетом, в-третьих, энтузиазмом молодых и активных разработчиков.

Это случилось 10 июля 1961 года на совещании в Кремле, где обсуждался вопрос о выходе Советского Союза из моратория на ядерные испытания. Руководители «атомной кузницы» – Арзамаса-16 доложили Никите Хрущеву о возможности разработки сверхмощной конструкции ядерного фугаса.

Глава правительства и партии тут же «ухватился» за такой подарок и громко, чтобы слышали все присутствующие, прошептал:

«Пусть стомегатонная бомба висит над капиталистами, как дамоклов меч!»

И вот настал момент истины, – 30 октября 1961 года над Новой Землей подрыв не 100, а 50-мегатонной термоядерной бомбы стал знаковым событием для всей многолетней программы испытаний советского сверхмощного оружия.

В отчете по результатам проведенного испытания термоядерного взрыва один из его соавторов академик Андрей Сахаров написал:

«Успешное испытание заряда… доказало возможность конструировать на этом принципе заряды практически неограниченной мощности».

Что было интересно, это взрывное устройство, или бомба, никогда бы не стало оружием и военного значения не имело. Как говорили тогда специалисты, это был «…акт разовой силовой демонстрации». Дело в том, что столь ужасающий взрыв в боевых условиях мгновенно породил бы гигантский огненный смерч, торнадо, вихрь, который охватил бы территорию, близкую по площади, например, всей Владимирской области России. Ядерщики-разработчики стали доказывать Хрущеву, что такие взрывы невероятной мощности могут привести к необратимым последствиям для жизни землян.

Всеразрушительность и бесчеловечность этого фугаса, достигшего апогея в своем развитии, совсем не испугали этого профана в физике. Он не успокоился и даже после этого испытания подтвердил свое мнение о необходимости иметь такие «дамокловы» мечи для обуздания врага, совсем не понимая того, что такой меч также опасен и для страны, его поднявшей, – он обоюдоострый.

Об этом академик Андрей Сахаров и другие ученые еще не раз будут растолковывать несведущим головам – об опасности подобных экспериментов.

Петр Иванович Ивашутин был солидарен с мнениями ученых, которые до последних дней его службы в ГРУ часто навещали, советовались с ним. Автору приходилось неоднократно быть свидетелем появления этих высоколобых «ходоков» – советской научной элиты – в гостях у начальника военной разведки.

* * *

Немногие знают, что в деле по разоблачению англо-американского шпиона Пеньковского Петр Иванович Ивашутин принимал самое непосредственное участие. При его помощи и контроле готовились планы агентурно-оперативных мероприятий и острых оперативно-технических операций, позволивших в относительно короткие сроки разобраться с этим оборотнем в погонах. Никак не предполагал Петр Иванович, что разоблачение этого шпиона серьезно повлияет на дальнейшую его служебную карьеру.

А пока ему доложили интересную сводку наружного наблюдения с приложением справки-установки. В документе говорилось, что жена второго секретаря английского посольства

Родрика Чизхолма – Анна Чизхолм 30 декабря 1961 года в 16.10 вошла в подъезд дома по Малому Сухаревскому переулку. Спустя 20–30 секунд она вышла из подъезда и направилась в сторону Цветного бульвара.

Офицер наружной разведки оказался опытным сотрудником и по подсказке интуиции, выстроенной на многолетнем опыте, решил задержаться для выяснения дальнейшего развития хода событий.

С промежутком еще в 30 секунд из того же подъезда вышел неизвестный мужчина, остановился и в течение нескольких минут смотрел в сторону уходящей иностранки, а затем вновь вошел в подъезд.

В 16.35 он покинул подъезд и, профессионально проверяясь, направился в сторону Цветного бульвара. Чувствовалось, что он пытался обнаружить за собою возможную слежку, но не заметил.

Перейдя бульвар, он вошел в проходной двор, где, к сожалению, оторвался от «наружки». В тот же день по описанию сотрудника наружного наблюдения был составлен словесный портрет неизвестного и передан коллегам в другие бригады.

19 января 1962 года Анна Чизхолм, заходя, как обычно, в магазин на Арбате, дошла до Арбатского переулка и посмотрела на часы. В 13.00 она вошла в подъезд дома № 4. Вслед за ней в подъезд вошел мужчина, по приметам похожий на неизвестного, оторвавшегося от наружного наблюдения 30 декабря прошлого года.

С интервалом примерно в тридцать секунд из подъезда вышла сначала Чизхолм, а затем – неизвестный, который направился в сторону Арбата. Попутешествовав по городу около получаса и усиленно проверяясь, мужчина пришел на улицу Горького в здание Госкомитета СМ СССР по Координации научно-исследовательских работ (ГК по КНИР).

После окончания рабочего дня он вышел из здания Госкомитета, общественным транспортом приехал на набережную Максима Горького и вошел в жилой дом № 36. Неизвестный оказался 43-летним полковником Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР Олегом Владимировичем Пеньковским…

Дальнейший ход агентурно-оперативных и оперативно-технических мероприятий показал, что офицер – активно действующий шпион. Вскоре он был задержан вместе со своим британским подельником Г. Винном. Шпион Пеньковский нанес большой политический, военный и экономический урон стране. О его преступных деяниях написаны сотни статей и десятки книг, поэтому подробно останавливаться на страницах этого

повествования не имеет смысла.

Хотя сегодня одни из пишущей братии делают из него чуть ли не героя, предотвратившего развязывание третьей мировой войны (П. Дерябин, сотрудник КГБ, перебежавший на Запад в пятидесятые годы, – «Шпион, который спас мир»). Другие, в том числе коллега по КГБ, живущий в России, А. Б. Максимов (литературный псевдоним М. Бодров), написавший книгу «О. Пеньковский – «шпион века» или «подстава» КГБ?», доказывает, что это была совместная операции органов госбезопасности и военной разведки СССР, но время не пришло сказать всю правду. По мнению коллег автора, участвовавших в операциях по Пеньковскому, версии Максимова не что иное, как выдача желаемого за действительное.

Но хотелось остановиться только на нескольких малоизвестных эпизодах из жизни Пеньковского во время войны и в послевоенный период. Многим его сослуживцам не верилось, что фронтовик мог пойти на такое предательство. Один из них, не пожелавший раскрывать себя, рассказал автору, что Пеньковский во время войны, командуя батарее противотанковых орудий, мужественно сражался в боях с немцами. Он дважды терял личный состав батареи, но сам оставался невредимым, появляясь в штабе полка, как привидение, – измазанный кровью, оборванный и грязный. Во время войны артиллеристов противотанковых орудий вовсе не называли слугами «бога войны», их величали «смертниками».

На вопрос, что его связывало с Главным маршалом артиллерии С. С. Варенцовым, он ответил:

– Сергей Сергеевич его знал с войны. В 1944–1945 годы Олег Пеньковский у него был адъютантом. Дело в том, что сын маршала погиб в одном жарком сражении, и его тело вынес с поля боя именно Пеньковский. Это, наверное, причина, по которой офицер стал адъютантом.

Потом, в конце сороковых, их пути разошлись. Пеньковский оказался в военной разведке. Во время заграничной командировки в Турцию он поспорил с военным атташе генерал-майором Савченко, который написал нелестную аттестацию на своего подчиненного с припиской – «Способен на измену». Началась свара между двумя фронтовиками. Пришлось вмешаться руководству ГРУ. Савченко уволили, а Пеньковского отправили в войска.

Через некоторое время Пеньковский обратился к Варенцову с просьбой о содействии в восстановлении его в системе военной разведки. Маршал пошел навстречу своему давнему подчиненному и попросил генерала армии Ивана Александровича

Серова по возможности рассмотреть этот вопрос.

Начальник ГРУ, уезжая в командировку, в свою очередь, дал команду первому заместителю генерал-полковнику А. С. Рогову «провентилировать» этот вопрос.

Начальник управления кадров ГРУ посоветовал направленцу осуществить аферу-подтасовку – вырвать лист с последней аттестацией. Таким образом, на подлоге Пеньковский второй раз попал в Главное разведывательное управление.

Он был чуть выше среднего роста, подтянут и строен. Когда однажды офицеры ГРУ массово получали юбилейные медали, не помню какие, мне бросился в глаза один эпизод. Вручал их генерал армии Серов. Офицеры нашего подразделения ходили в гражданской одежде. Все подходили именно «цивильной» походкой к награждавшему начальнику, чуть ли не вразвалочку. Пеньковский выделился своей четкой, военной походкой с чеканящим шагом и четким поворотом кругом.

И. А. Серов отметил Пеньковского:

– Настоящий военный, даже под гражданским платьем!

* * *

Потом было следствие, а за следствием суд. Военная коллегия Верховного суда Союза ССР 11 мая 1963 года приговорила О. В. Пеньковского к высшей мере наказания – расстрелу, а британца Г. М. Винна – к восьми годам лишения свободы. В 1964 году последний был обменен на известного советского разведчика Конона Молодого.

Пострадал тогда и Главный маршал артиллерии С. С. Варенцов, его лишили звания, Золотой Звезды Героя Советского Союза и ордена Ленина. Разжаловали на четыре ступени – до генерал-майора артиллерии со стандартным обвинением: «за потерю политической бдительности и недостойные поступки».

При этом тот факт, что помощь Пеньковскому Варенцов оказал еще до вербовки того иностранной разведкой, когда фронтовик и кавалер нескольких боевых орденов Пеньковский был ничем не запятнан перед Родиной, никак не учитывался, а в чем заключались «недостойные поступки», вообще не уточнялось.

В 1963 году он ушел в отставку и через восемь лет скончался – 1 марта 1971 года.

После суда над Пеньковским последовало снятие генерала армии Серова с должности начальника ГРУ, и, как уже известно, на освободившуюся должность был назначен Петр Иванович

Ивашутин, чтобы еще четверть века своей службы Родине посвятить военной разведке.

Интересное было поведение начальника ГРУ Серова после получения им известия об аресте его подчиненного полковника Пеньковского. Он собрал офицеров центрального аппарата и спокойным тоном произнес примерно такие слова:

– Ничего страшного не случилось. Не беспокойтесь, в разведках такие ЧП случаются – это неизбежность. Мы тут арестовываем, а противник там у себя. Спокойней относитесь к ситуации. Да, она неприятная, но не стоит отчаиваться.

Наверное, генерал армии, Герой Советского Союза на что-то или на кого-то надеялся, но в последнем посыле был прав.

Работа по Брусилову А. А.

На вопрос, неожиданно возникший сразу же после войны и долго не решаемый властями в отношении рукописей генерала Брусилова А. А., решили наконец ответить. Хрущев дал команду разобраться трем ведомствам – военным, госбезопасности и госархиву: МО, КГБ и ГАУ.

До 1948 года оценка деятельности Брусилова советской историко-военной, художественной литературой и периодической печатью была положительной.

После Великой Отечественной войны среди трофейных архивных материалов гитлеровской Германии была обнаружена рукопись «Мои воспоминания», в которой от лица Брусилова А. А. описывалась его жизнь в советский период. Воспоминания носили антисоветский характер и были направлены на оправдание Брусилова перед белой эмиграцией.

МВД СССР, не разобравшись в происхождении рукописи и не проводя тщательного ее исследования, доложило в 1948 году в ЦК КПСС, что рукопись написана лично генералом во время пребывания его на лечении в Чехословакии в 1925 году.

Официального решения по этому вопросу не принималось, однако все материалы, связанные с именем Брусилова, из открытого обращения были изъяты и переведены в закрытые фонды…

В Комитете госбезопасности эта проблема была возложена на плечи Петра Ивановича Ивашутина. В ходе многомесячной аналитической работы было написано заключение. Основная тяжесть исследования легла на КГБ и в первую очередь на первого заместителя председателя П. И. Ивашутина.

Скоро качественный документ был отправлен в инстанцию.

В ЦК КПСС Секретно

В соответствии с постановлением Секретариата ЦК КПСС № 182 – гс от 19 апреля 1961 года Министерством обороны СССР,

Комитетом государственной безопасности и Главным архивным управлением при СМ СССР изучены документальные материалы о деятельности Брусилова А. А., хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве, Центральном государственном архиве Советской Армии, Центральном государственном архиве Октябрьской революции и архиве Комитета государственной безопасности. В результате установлено следующее.

Алексей Александрович Брусилов (1853–1926 гг.) происходил из дворян. В 1872 г. окончил пажеский корпус. Участвовал в Русско-турецкой войне в 1877–1878 гг. Затем учился в офицерской кавалерийской школе в г. Петербурге. Вскоре был назначен ее начальником и находился на этой должности с февраля 1902 г. по декабрь 1906 г. Каких-либо данных об отношении Брусилова к революционным событиям 1905–1907 гг. в архивах не обнаружено.

В дальнейшем А. А. Брусилов последовательно занимал должности командира 14-го армейского корпуса, помощника командующего войсками Варшавского военного округа и командира 12-го армейского корпуса.

С начала Первой мировой войны он командовал 8-й армией, а с марта 1916 г. был Главнокомандующим войсками Юго-Западного фронта. Под его руководством летом 1916 г. был успешно осуществлен прорыв австрийско-германского фронта, что явилось крупным достижением русского военного искусства.

В период от февраля к октябрю А. А. Брусилов, как представитель господствующего класса, выступал сторонником продолжения войны до победного конца и поддерживал мероприятия Временного правительства в этом направлении. В мае 1917 г. он был назначен Верховным главнокомандующим, однако в июле того же года Временное правительство заменило его реакционным генералом Корниловым.

После победы Великой Октябрьской революции А. А. Брусилов остался лояльным гражданином Советской республики. Он не только не ушел в стан противников Советской власти, но и оказал ей посильную помощь.

В 1920 г. он поступил на службу в Красную Армию. Будучи председателем Особого совещания и Главнокомандующим всеми вооруженными силами республики, Брусилов во время советско-польской войны подписал известное воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», сыгравшее важную роль в борьбе против белополяков.

С 6 октября 1920 г. он – член Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете республики, с 1 февраля 1923 г. –

инспектор кавалерии РККА.

31 марта 1924 г. А. А. Брусилов был зачислен на должность для особо важных поручений при Реввоенсовете СССР и оставался в ней до самой смерти, которая последовала 17 марта 1926 г. в Москве.

В связи со смертью А. А. Брусилова Народный комиссариат по военным и морским делам СССР опубликовал некролог, в котором высоко оценил его заслуги перед русским народом и советской властью. Белые эмигранты ненавидели А. А. Брусилова за то, что он служил Советской России. Единственный сын Брусилова был расстрелян деникинскими войсками.

Позднее, в 1948 г., среди трофейных архивных материалов гитлеровской Германии была обнаружена рукопись «Мои воспоминания», в которой от лица А. А. Брусилова описывалась его жизнь в советский период…

Воспоминания носят ярко выраженный антисоветский характер.

Бывший министр внутренних дел СССР Круглов по заключению только одного эксперта сделал вывод, что рукопись написана лично Брусиловым, и 8 октября 1948 г. направил ее в ЦК КПСС. В его представлении отмечалось, что якобы Брусилов в 1925 г. специально воспользовался своим пребыванием в Карловых Варах на лечении для составления этих воспоминаний.

Вновь произведенный всесторонний анализ и исследования рукописи «Мои воспоминания», а также изучение архивных документов и материалов, показали, что А. А. Брусилов не оставил после себя какой-либо законченной рукописи воспоминаний, относящихся к советскому периоду.

У него имелись лишь отдельные наброски и разрозненные заметки, которые спустя несколько лет были оформлены в рукопись другими лицами при непосредственном участии его жены Н. В. Брусиловой.

При обработке этих заметок им была придана антисоветская направленность. Весь текст рукописи «Мои воспоминания» написан рукой не А. А. Брусилова, а рукой Н. В. Брусиловой, находившейся в 1930 году за границей.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. В изученных архивных делах никаких документов, свидетельствующих о враждебной деятельности А. А. Брусилова против советской власти, не обнаружено.

2. Рукопись «Мои воспоминания», как показали проведенные исследования, написана не А. А. Брусиловым, а сфальсифицирована после его смерти.

3. А. А. Брусилов был, несомненно, прогрессивным военным деятелем и русским патриотом. Принадлежа к высшим слоям старого общества и занимая высокие посты в армии, он после Великой Октябрьской социалистической революции не остался в лагере противника, а перешел на сторону Советской власти и принимал участие в строительстве Красной Армии.

М. ЗАХАРОВ, П. И. ВАШУТИН, Г. БЕЛОВ

17 ноября 1961 года.

Потом Петр Иванович скажет, что «приятно доблесть очищать от грязи». Действительно им была проделана огромная работа по линии КГБ по восстановлению доброго имени полководца, оказавшегося не по своей воле на изломе исторических событий. Для Алексея Александровича Брусилова не политика и строй или режим были святыми, а родная земля российская – Держава, Отчизна, Родина. Этим понятиям он не мог изменить.

Поэтому в его воззвании «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», опубликованном в газете «Правда» от 30 мая 1920 года, искренне, безо всякого лукавства говорилось:

«В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам настоятельной просьбой добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче-Крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честною службою, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку-Россию».

Как же по-современному звучит этот словесный набат! Он понимал, что во внутренней гражданской сшибке победителей не бывает и не будет, побежденной останется только Россия. Так и вышло…

Книга вторая Маршал военной разведки

С Лубянки на Арбат…

Если считаешь разведку профессией для получения заработной платы, не нужно к ней и близко подходить. Разведку надо любить… Без разведки армия слепа!

П. И. Ивашутин

Среди военных и чекистов бытует мнение, что идея предложить должность начальника ГРУ Ивашутину после снятия с этого поста генерала армии Серова принадлежала министру обороны СССР, Маршалу Советского Союза Родиону Яковлевичу Малиновскому, которого он знал по войне.

Якобы он заранее переговорил с первым зампредом Комитета, и тот сразу дал согласие. Какие доводы приводил маршал Ивашутину, что обещал, чем заманил, к сожалению, нам не дано сегодня об этом знать.

А вот признание самого Ивашутина, в одном из интервью он признавался, что в годы Великой Отечественной войны органы СМЕРШ, в которых он вырос от капитана до генерал-майора, занимались не только выявлением и уничтожением сопротивляющихся немецких разведчиков и агентов, но и осуществлением операций по глубинной разведке. «Я мог, если была необходимость, – сказал генерал, – послать своего разведчика для выполнения специального задания в Берлин, в Париж, в любое место за линией фронта. А фронтовая разведка должна была действовать только за линией фронта, там, где располагался противник…

Когда Серов был отстранен от должности начальника ГРУ, я сам захотел возглавить эту специальную службу и готов был добиться улучшения качества ее работы. Хотите знать почему?

Во-первых, я хорошо знал специфику работы военной разведки и имел представление о том, как работают военные разведчики ведущих мировых держав.

Во-вторых, в Комитете государственной безопасности мне стало тяжело работать. Честно скажу, на меня легла ответственность за работу всего аппарата КГБ, председателями которого стали назначаться люди некомпетентные – Шелепин, Семичастный.

Эти люди были политически зрелыми руководителями, но они абсолютно ничего не понимали в деятельности

контрразведки. Круг моих обязанностей становился все больше и шире. Мне даже приходилось летать с Н. С. Хрущевым на съезды братских компартий, на различные международные совещания, где надо было обеспечивать его безопасность, хотя для этого был специальный заместитель председателя КГБ (генерал-полковник Захаров Николай Степанович, являвшийся с 1963 по 1969 год первым заместителем Председателя КГБ. – *Авт* .).

Поэтому после снятия Серова с должности начальника ГРУ я обратился в отдел административных органов ЦК КПСС по кадрам с просьбой поручить мне руководство военной разведкой, которая подвергалась в тот период серьезной проверке комиссией ЦК КПСС. Мою просьбу удовлетворили. Так я оказался в Главном разведывательном управлении…»

Скорее всего это была шутка, которую легко можно принять за правду, т. к. человек, прослуживший 24 года в органах, не может этого сказать по чекистской природе. Где правда, где вымысел, нам не дано узнать.

О некомпетентности в руководстве органами госбезопасности страны часто говорили и другие специалисты, профессионалы, видя, как с позиций личной преданности или по принадлежности к партийному ареопагу назначались руководители чекистских органов и подразделений военной разведки. Но таков был стиль руководства партии, так было принято укреплять чекистские органы.

Почетный сотрудник госбезопасности СССР, разведчик полковник Александр Пантелеймонович Святогоров, работавший во время войны в тылу у немцев по заданию начальника 4-го Управления НКГБ СССР генерал-лейтенанта П. А. Судоплатова под псевдонимом майора Зорича, тоже смело говорил на эту тему. Он был специалист по разведывательно-диверсионной линии. Принимал участие в оперативных операциях на территории Польши, Словакии и Германии, а также в уничтожении коменданта оккупированного Харькова генерал-майора фон Брауна. Он являлся консультантом советского фильма «Конец Сатурна». Был задействован в некоторых операциях по выводу агента КГБ Сташинского за границу для физического устранения отдельных лидеров ОУН. Так что ему есть основания верить в оценках «трудов праведных» некоторых руководителей КГБ. По последнему делу он отмечал:

«После побега Сташинского работа нашей резидентуры в Германии фактически была свернута. Тем самым тогдашний председатель КГБ СССР Шелепин оказал большую услугу антисоветским организациям: он разогнал чекистов, которые работали против них.

Я глубоко убежден, что Шелепин и Семичастный были в КГБ случайными людьми. Их как комсомольцев-выдвиженцев послали на руководящую должность в органы. Им было все равно, чем руководить, – цементным заводом или подразделением спецслужбы. А ведь они возглавляли не подразделение, а всю спецслужбу. Руководили дилетанты.

А кто такой дилетант – это курьезный человек, который испытывает удовольствие, делая то, что не умеет. Он относится к искусству, как халтурщик к ремеслу.

Их деятельность совсем не порой, а часто вызывала изумление у профессионалов, которые, общаясь с ними, убеждались, что они ничего не смыслят даже в азах разведки и контрразведки.

Судите сами: председатель КГБ официально объявил на весь мир, что наградил орденом СССР убийцу Бандеры – Сташинского. Это было немыслимое самодурство!»

Подобных «ляпов» наши высокие руководители КГБ, прыгнувшие на эти специфические должности с партийно-комсомольских трамплинов, и потом допускали великое множество. Вина на председателе КГБ генерале армии В. А. Крючкове лежит в том, что не уберег великую страну от предательского разрушения. Он в первую очередь отвечал за государственную безопасность. Мандат закона на арест бунтовщиков и мятежников у него был. Наверное, не хватило смелости, долга и профессионализма. Он бы спас и Горбачева от унизительного метания и страну от позорного разрушения. И все эти пьяные сидельцы в белорусском лесу покоились бы на нарах и проклинали судьбу, связавшую их с вероломством и авантюрой.

Об этом периоде жизни в чекистской среде, как бы в подтверждение слов Ивашутина и Святогорова, сказал честно и ярко другой фронтовик генерал-майор В. Н. Удилов в своей небольшой по формату, но глубокой по смыслу книге «Записки контрразведчика». Он писал:

«Обстановка в госбезопасности не изменилась даже во времена «хрущевской оттепели». Наоборот! Партийная элита решила покрепче привязать к себе этот грозный орган. На руководящие посты, теперь уже КГБ, назначались видные партийные и комсомольские деятели: Шелепин, Семичастный, Андропов, Чебриков, Крючков. За ними тянулись десятки партийных и комсомольских работников рангом пониже на должности заместителей или начальников управлений…

Они создавали угодный партийной верхушке режим и, в конце концов, добились того, что в положении об органах госбезопасности говорилось:

«КГБ – это инструмент КПСС».

Во время Брежнева вместо подбора кадров по деловым качествам возобладали родственные связи или по принципу личной преданности. Видимо, так было надежней! А то, не дай бог, вновь возникнет антипартийная группа, как в 1957 году…

В правоохранительные органы были направлены личные друзья Брежнева. В КГБ – Цвигун и Цинев, в МВД – Щелоков и зять генсека – Чурбанов. Кстати, во внешней торговле хозяйствовал вовсю сын, Юрий Брежнев, в черной металлургии – брат Яков и т. д. И так везде!

В органах КГБ, особенно во внешней разведке, собралось сынков отцов именитых видимо-невидимо!

Появились клановость и своеобразное соперничество между ними… Тех, кто критически оценивал обстановку и имел свое собственное мнение, под различными предлогами, подчас надуманными, увольняли с работы».

Потом кемеровский областной секретарь Бакатин был поставлен руководить комитетом госбезопасности, чтобы разломать и разгромить его полностью, предварительно сдав американцам святая святых любой спецслужбы, – схему слухового контроля кабинетов нового здания посольства США в Москве.

Именно эти исторические периоды страны проживал и за них переживал П. И. Ивашутин, болью своего чувствительного сердца воспринимая с одинаковой периодичностью повторяемые глупые эксперименты руководителей Советского Союза и новой России над государством с единым, трудно меняющимся народом.

Небезынтересно еще откровение одного из генералов ГРУ – Петра Спиридоновича Шмырева.

«В марте 1963 года начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов представил нам, офицерам и генералам ГРУ, генерал-полковника Петра Ивановича Ивашутина, которого некоторые из нас знали как первого заместителя Председателя КГБ. Он сразу же сказал, что никаких перестановок в кадровом составе делать не планирует, готов работать с теми, кто хорошо знает дело и умело выполняет свои служебные обязанности…

Новый начальник знакомился с делами и людьми основательно, всеми своими действиями показывая, что прибыл в ГРУ надолго. Основное внимание уделял разведке. С первых же дней деятельности генерал-полковника П. И. Ивашутина опытные военные разведчики отметили в его работе основные стратегические направления.

Первое – укрепление системы подготовки высококвалифицированных кадров военной разведки. В условиях

жесткого противоборства с контрразведками ведущих западных государств советская военная разведка могла добиться новых результатов в оперативной деятельности, только значительно повысив качество подготовки офицеров-разведчиков.

Второе – сохраняя традиционные формы ведения разведки, Ивашутин стал уделять значительное внимание внедрению в практику сбора и обработки разведывательных сведений новых достижений в области радиоэлектронной техники, которые появились в отечественных научно-исследовательских институтах или проводились за рубежом, о чем он, как бывший первый заместитель Председателя КГБ, хорошо был осведомлен.

Третье – успехи СССР в освоении космического пространства открывали перед разведкой новые неограниченные возможности оперативного сбора сведений о состоянии вооруженных сил иностранных государств и передислокации их частей, подразделений, а также кораблей военно-морских сил. Ивашутин безотлагательно решил воспользоваться этими возможностями.

Как человек, который понимал и принимал одну непреложную истину, высказанную некогда Конфуцием, – учитесь так, словно вы постоянно ощущаете нехватку своих знаний, и так, словно вы постоянно боитесь растерять свои знания. А еще он знал, что великое искусство научиться многому – это браться сразу за немногое.

Изучение системы военной разведки он начал с определения формулировки или понятия управления ГРУ в новых временных условиях, признавая аксиому, – кто не умеет управлять, тот всегда становится узурпатором. Он по жизни им никогда не был и, естественно, становиться таковым не хотел.

Как государственник, он понимал, что выработка и усвоение процесса управления военной разведкой страны тесно связаны с политикой и находятся в непосредственной зависимости от нее, поэтому размышлял неторопливо, но действовал решительно.

Теорию управления подразделениями ГРУ он относил исключительно к области военной науки, исследующей проблемы руководства вооруженными силами или их частью, – составными элементами которой являлись для него органы, пункты управления, автоматизированные системы и связи, закономерности, тенденции, принципы и методы работы.

Все это, прежде чем увязать в единую систему, надо было познать. А как говорится, познание начинается с удивления той новой огромной махиной, какой было для него Главное разведывательное управление Генштаба. Но приобретать познания еще недостаточно для человека, надо уметь отдавать их в рост. И Петр Иванович постепенно это делал, понимая, что

новые времена потребуют новых «песен». И эти песни стали все громче и громче заявлять о себе. Он их слышал.

Вскоре в ГРУ появилось новое управление космической разведки. Быстро проявлялись и другие новые направления, которые начальник ГРУ генерал Ивашутин стремился активизировать с целью своевременного добывания точных и полных сведений о состоянии вооруженных сил вероятного противника и планах их использования против Советского Союза.

Генерал-полковник П. И. Ивашутин обратил внимание на то, что возможности Главного разведывательного управления по добыванию сведений разведывательного характера ограничены силами, которые имелись в его распоряжении. В то же время сведения, которые добывались разведывательными подразделениями видов Вооруженных сил СССР, в оценке военно-политической обстановки учитывались не в полной мере.

Начальник ГРУ добился разрешения начальника Генерального штаба ВС СССР организовать силами экспертов ГРУ проверку деятельности разведок видов Вооруженных сил. Результаты проверки срочно доложили начальнику Генерального штаба. Решение по докладу было однозначным – начальники видов Вооруженных сил по своей оперативной деятельности обрели компетентного старшего начальника в лице генерал-полковника П. И. Ивашутина.

Учитывая устремления американской разведки приблизить к границам Советского Союза подразделения и посты радиоэлектронной разведки, генерал Ивашутин поддержал предложение о создании на Кубе специальной группы радиоэлектронной разведки, нацеленной на разведку стратегических ядерных сил США.

По просьбе Ивашутина министр обороны СССР Р. Я. Малиновский обратился с письмом по этому вопросу к министру вооруженных сил Кубы Раулю Кастро. Переговоры с кубинскими официальными лицами в Гаване вел советский военный атташе полковник Валентин Мещеряков, в последующем ставший генерал-полковником.

Они, как и ожидалось, завершились положительно. В ГРУ была сформирована первая группа радиоэлектронной разведки «Тростник», которая в ноябре 1963 года приступила к работе на Острове Свободы. Группу возглавил полковник В. Ф. Кудряшов…»

Прошло всего несколько лет, в Центр стали поступать интересные материалы. Поэтому результаты деятельности группы руководством Генштаба ВС СССР оценивались положительно. В 1977 году группу «Тростник» посетил генерал армии П. И. Ивашутин. Его сопровождали начальник информации

генерал-лейтенант Николай Федорович Червов, Петр Спиридонович Шмырев и другие офицеры – специалисты по радиоэлектронной разведке.

П. И. Ивашутин глубоко вник в структуру и оперативные возможности группы по наращиванию количества добываемых разведсведений и тут же принял нужное решение, обеспечивающее качественное улучшение работы группы. После инспекции на объекте советской военной разведки руководителя ГРУ приняли президент Кубы Фидель Кастро и министр национальной обороны Рауль Кастро. Они обсудили с ним перспективы сотрудничества двух дружественных государств в области разведки.

Через год, в 1978 году, группа радиоэлетронной разведки «Тростник» была награждена вымпелом министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть».

Надо признаться, что размещение сил радиоэлектронной разведки ГРУ на территории Кубы, несомненно, расширило возможности советской военной разведки по добыванию сведений о состоянии стратегических ядерных сил США, но эти возможности все-таки были в то время ограниченны…

Как их расширяли – это другой вопрос, о нем читатель сможет ознакомиться чуть ниже. К сожалению, у первого властителя России спецслужбы были на втором плане. Главное для него были баксы. Но этот позор будет потом.

* * *

Вернемся к началу «сватанья» Петра Ивановича в ГРУ.

На столе у первого заместителя председателя КГБ при СМ СССР Ивашутина затрещал телефон. Звонили из Административного отдела ЦК КПСС.

– Товарищ Ивашутин, завтра к 10.00 подъезжайте к нам в отдел. С вами хотят побеседовать, – голос в трубке был холодный, как остывшая из-за ремонта батарея в его кабинете.

– Есть, – по-военному ответил генерал-лейтенант и спокойно положил тяжелую гантель эбонитовой трубки на вилку телефонного аппарата.

Для него этот звонок не был столь неожиданным и пугающим, как это было в холодное лето 1953 года. Он знал, что не зря с ним говорил на эту тему министр обороны, да и он в разговоре с цековскими чиновниками заявлял, что не прочь «пойти служить в армию», поэтому был подготовлен, а потому спокоен, но предельно собран.

В ЦК, как и предполагал, предложили должность начальника Главного разведывательного управления Генштаба. Он дал согласие переехать на новое место службы и изменить чекистский профиль работы на военный, но, естественно, не строевой. Военная разведка по своим функциям напоминала работу Первого главного управления КГБ, – внешней политической разведки, с которой ему не раз приходилось соприкасаться в ходе руководства Комитетом. Эти подразделения разведки тогда входили в состав КГБ при СМ СССР.

Сборы были недолгими. От Лубянки до Арбата и Гоголевского бульвара рукой подать. Кабинет Ивашутину определили на третьем этаже старого здания Генштаба. Рядом с ним располагались оперативные управления. Управлению Информации ГРУ выделили место в другом помещении Генштаба. Это было богатое здание у Пречистенских ворот на Гоголевском бульваре, дом № 6. В то время оно было мало известно москвичам. Знали, что в нем размещаются какие-то объекты Министерства обороны СССР. На самом деле в 1963 году там располагались подразделения радиоэлектронных служб Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР.

Сегодня с ним знаком каждый москвич. У входа помимо надписи – «Российский фонд культуры» – висит табличка:

«Здание XIX века. Восстановлено фирмой «Лусине». 1994–1997 гг.».

Надо сказать, что эта усадьба известна с 1770-х годов. Потом на ее месте возник особняк почетного гражданина С. М. Третьякова, родного брата создателя Третьяковской галереи. С. М. Третьякова дважды избирали городским головой. Как и брат, он коллекционировал живопись, был активным членом Общества любителей художеств и Русского музыкального общества, а свою коллекцию завещал передать Москве.

Картинная галерея размещалась в парадных помещениях второго этажа этого особняка, основательно перестроенного в 1873–1875 годы в модном тогда русско-византийском стиле зятем Третьякова – А. С. Каминским.

При Третьякове здесь был один из притягательных салонов, который посещали Репин, Чайковский, Рубинштейн. В 1894 году хозяином особняка стал Рябушинский, признанный лидер либеральной буржуазии России. После октября 1917 года Рябушинский эмигрировал, а в доме разместились революционный трибунал и Верховный суд РСФСР. Позднее особняк находился в ведении Народного комиссариата по военным и морским делам, а затем продолжительное время его

занимали службы Министерства обороны СССР. В открытых источниках нигде не говорится, что там находилось ГРУ.

В 80—90-е годы прошлого века он постепенно дряхлел, старился, разрушался. Судьба его в одночасье решилась по известной поговорке: не было бы счастья, да несчастье помогло. В феврале 1994 года от особняка практически ничего не осталось, – грянул разрушительный пожар. Огненная стихия уничтожила красивую мраморную лестницу, инкрустированный паркет, чудесную лепнину и люстры. Полностью выгорел флигель. Тогда подозрительные пожары часто возникали по Москве, не прекратились они и сегодня. Поджигатели смелели, очевидно, у них была «крыша».

В Интернете автор нашел такие слова благодарности фирме «Лусине»:

«Особняк приобрел свой первоначальный вид, – еще одна морщинка исчезла с древнего лика нашего города. И сделали это мастера из «Лусине». Для многих из них Москва стала второй родиной – нельзя не любить город, которому отдаешь свою душу.

Остается добавить, что работу, за которую другие организации требовали огромные суммы, армянские реставраторы выполнили в два раза дешевле, чем предложили другие фирмы на тендер».

Что ж, дай бог, чтобы это была правда!

* * *

Петр Иванович, прежде чем прилететь и усесться в своем новом гнезде, решил узнать расположение своих подразделений. В один день он обошел всех их, ознакомился и с историческими справками на каждый объект. Он почти знал все подробности того, о чем говорилось выше. Когда Ивашутин распахнул парадные двери третьяковского «храма», в его глаза ворвалась белизна шикарной мраморной лестницы, разделяющей помещение как бы надвое на уровне полутораэтажной высоты.

«Да, – подумал Петр Иванович, – по сравнению с той аскетичной обстановкой, которая бытовала на Лубянке, здесь настоящий дворец. Как-то не привык я к такой роскоши, великолепию, пышности. Роскошь разоряет богатого и усугубляет нужду бедных. У Жан-Жака Руссо, кажется, есть слова, что роскошь может быть необходима для того, чтобы дать кусок хлеба нищим, но если бы не было роскоши, то не было бы и нищих».

Эти философствования он вспомнил так, для классовой оценки увиденного. Но потом, когда прошелся по кабинетам

сотрудников, обставленных стандартной мебелью, понял, здесь все то же, что и на Лубянке, – одни мебельные фабрики штамповали столы и стулья для госучреждений с одинаковыми номерными латунными бирками.

Осваивать азы военной разведки ему было не надо, он их освоил еще в СМЕРШе. Это было время больших перемен – зарождение ракетного щита Отчизны, космической разведки, упор на добывание информации радиотехническими средствами. В 1961 году прошла денежная реформа с деноминацией денег, которая приравняла 1 новый рубль к 10 старым.

В 1964 году произошли перемены и в политическом руководстве.

12 октября 1964 года восемь членов Президиума ЦК КПСС: Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов и Н. М. Шверник – договорились вызвать в Москву из Пицунды «очумевшего от власти безграмотного неудачника» Хрущева для предъявления ему политических и личных обвинений.

Их поддержали в этом кандидаты в члены Президиума ЦК КПСС: В. В. Гришин, Л. Н. Ефремов, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, Л. Ф. Ильичев, В. И. Поляков, Б. Н. Пономарев, А. П. Рудаков, В. Н. Титов и А. Н. Шелепин.

13 октября на новом заседании Президиума ЦК в присутствии прибывшего с курорта Никиты Хрущева Леонид Брежнев поставил вопрос о добровольной отставке главы правительства и руководителя партии. Хрущев стал активно сопротивляться, доказывая, что он все делал правильно. Пытался даже угрожать…

Однако уже 14 октября, поняв всю остроту обстановки и бесперспективность остаться у власти, он все-таки подписал текст заявления о своем уходе. В тот же день состоялся Пленум ЦК КПСС. Первым секретарем Компартии стал Л. И. Брежнев, а главой правительства – А. Н. Косыгин. На Пленуме было подтверждено правило, запрещающее соединение двух постов в одних руках. Получалось так, что «не суди, да не судим будешь». В 1955 году Хрущев снял Маленкова с поста председателя Совмина, присвоив эту должность себе.

Скоро, сразу же после Пленума ЦК КПСС на партактиве ГРУ Генштаба, где присутствовал Петр Иванович Ивашутин, зачитали закрытое постановление. В нем признавалось, что в результате ошибок и неправильных действий товарища Хрущева, нарушавшего принципы коллективного руководства, в Президиуме ЦК за последнее время создалась совершенно ненормальная обстановка, затрудняющая выполнение членами

Президиума ЦК ответственных обязанностей по руководству партией и страной.

Товарищ Хрущев, занимая посты Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета министров СССР и сосредоточив в своих руках большую власть, в ряде случаев стал выходить из-под контроля ЦК КПСС, перестал считаться с мнением членов Президиума ЦК КПСС и членов ЦК КПСС, решая важнейшие вопросы без должного коллективного обсуждения.

Проявляя нетерпимость и грубость к товарищам по Президиуму и ЦК, пренебрежительно относясь к их мнению, товарищ Хрущев допустил ряд крупных ошибок в практическом осуществлении линии, намеченной решениями 20-го, 21-го и 22-го съездов партии.

Пленум ЦК КПСС считает, что при наличии отрицательных личных качеств как работника, проявившихся в последнее время, преклонном возрасте и ухудшении здоровья товарищ Хрущев стал утрачивать доверие ЦК КПСС и неспособен исправить допущенные им серьезные ошибки.

Учитывая поданное товарищем Хрущевым заявление, Пленум Центрального Комитета КПСС постановляет:

1). Удовлетворить просьбу товарища Хрущева об освобождении его от обязанностей Первого секретаря, Члена Президиума ЦК и Председателя Совета министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья.

2). Признать нецелесообразным в дальнейшем объединять в одном лице обязанности Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета министров СССР.

Генералы и офицеры – члены компартии выслушали решение Пленума и одобрили его, единогласно проголосовав…

Петр Иванович был на стороне этих самых изменений, – личность Хрущева и появившийся теперь уже его культ личности многих коммунистов настраивали против зарвавшегося нового вождя. У Сталина был культ, как говорили, но была и личность, у Хрущева был тот же самый культ, но не было личности. Харизма грамотного, терпеливого и вдумчивого руководителя в нем отсутствовала. Военные же не забыли его волюнтаристскую реформу в армии, когда увольняли без пенсии даже таких офицеров, которым до 25 календарных оставалось несколько месяцев, а то и недель.

«Наверное, только дух и только Бог могут удержать человека от безнравственных деяний, – рассуждал Петр Иванович, – и то не всегда, в каждой человеческой душе живут созидатель и разрушитель, живут священное и порочное. Все зависит от того, чего у человека больше. У Хрущева в душе не было ни духа, ни

Бога».

* * *

Другой проблемой была экономика. Стали ощущаться перебои с хлебом. Страна вынуждена была закупать зерно за границей, хотя достаточных валютных запасов не имелось. Первый автор этих строк учился тогда на втором курсе Высшей школы КГБ при СМ СССР. Если раньше в столовой на столах стояла тарелка с бесплатным хлебом, то в начале 1964 года за хлеб стали платить, хотя качество его изменилось в худшую сторону. Хлебокомбинаты выпекали булки с примесями кукурузной муки. Из пожелтевших хлебных мякишей слушатели лепили разные фигурки. Такой хлеб быстро черствел, превращаясь без сушки в сухари.

Хрущеву проблему с продовольствием тоже поставили в вину.

Так закончился путь авантюриста в политике, строившего планы сначала перегнать США по производству мяса и молока, потом по промышленным показателям, а в 1980 году вступить в полосу развитого коммунизма.

После смерти Р. Я. Малиновского новым министром обороны Советского Союза стал Маршал Советского Союза Андрей Антонович Гречко, которого Ивашутин знал, когда тот командовал в 1953 году войсками Киевского военного округа.

Прошло немного времени, и чужак-особист оказался профессионалом высочайшего класса, причем не только в охоте за шпионами, но и как гуру нашей агентуры, глубоко проникающей в секреты враждебно настроенных к нам стран.

«Интуиция у него была удивительная, – рассказывал автору контр-адмирал Анатолий Римский. – Он видел перспективу. Так, некоторые операции, казалось бы, обещавшие гарантированный успех, он внезапно требовал свернуть, и, как выяснялось позже, всегда оказывался прав. Поглощенный всецело работой разведки, он быстро становился настоящим профессионалом ГРУ, а потому смог окружить себя высококлассными и преданными офицерами и генералами, тоже настоящими профессионалами. Надо отметить, что он сохранял высокую работоспособность до глубокой старости. И еще я бы отметил в нем суровый и здоровый скептицизм.

В отпуск ездил только в ведомственный санаторий – в Эшери, и то только на две недели. Всегда нам, молодым, говорил, говорил без пафоса и квасного патриотизма, – надо, пока силы есть, поработать на Отечество, а потом отдыхать будем. Чувство

исполненного долга на службе благотворно действует на здоровье».

И опять несколько слов о его здоровье и интуиции, высказанные бывшим начальником польской военной разведки Чеславом Кищаком:

«Он был среднего роста, крепкого спортивного телосложения, выносливый. Петр Иванович был значительно старше меня. Когда мы были вместе с женами в Омулеве на Мазурских озерах в Польше, то моя жена, которая могла бы быть его внучкой, не могла с ним конкурировать во время езды на велосипедах…

Голова у него работала отлично, как компьютер. Иногда удавалось перевести разговор на тему Афганистана, и он начинал оперировать фамилиями вождей племен, различиями между ними, кто на ком женат, чья дочь за какого вождя была выдана. И все сходилось. Я несколько раз это проверял. Был случай, когда спровоцированный Ярузельским Ивашутин начал сыпать тактико-техническими данными крылатых ракет. Я записал, а потом проверил. Опять все полностью сошлось. Он был сообразительным, способным, инициативным и очень уверенным в себе, хорошо знал себе цену. Когда ему сменили три звездочки генерал-полковника на одну большую, я поздравил его с этим повышением. Ивашутин же отреагировал своеобразно, сказав, что если бы он не перешел в контрразведку, то пошел бы гораздо дальше. Звание генерала армии, по всей вероятности, для него было недостаточным…»

А вот что сказал он Кищаку о вероятных берлинских событиях:

«…Однажды под влиянием какого-то заговора, а это уже было, на улицу выйдут бабы с детьми и начнут разбирать Берлинскую стену, ломать заграждения на Эльбе… Ты что, думаешь, мы выведем танковые дивизии и будем в этих женщин стрелять? Не те времена! Во время войны мир восторгался, когда мы убивали немцев, и чем больше, тем громче кричали «браво». Сейчас, если бы мы убили даже одного немца, весь мир бы выступил против нас. И так будет. Эта граница и стена будут уничтожены…»

Уже в начале девяностых, уйдя на пенсию, в одном из своих выступлений Петр Иванович, предупреждая «горячие головы» из ельцинской команды, намеревавшиеся заменить разведку личностными отношениями руководителей, подставляющих свои плечи для похлопывания президентов США, заметил:

«Скажу прямо, не та еще международная обстановка, чтобы допускать снижение возможностей советской разведки. На планете не только остаются, но и появляются новые «горячие

точки», которые при определенных условиях могут перерасти в глобальный конфликт».

Кто-то из журналистов об Ивашутине сказал очень образно, что его напряженная жизнь, продолжавшаяся около девяносто трех лет, похожа на высокую горную вершину, скрытую густыми облаками. Чем выше этот человек поднимался по ступеням своей необычной служебной карьеры, тем меньше становилось известно о нем и о его деятельности.

Все сказано точно и выверенно.

* * *

Шло, нет, скорее, бежало время за плодотворной работой Петра Ивановича. Расширялись задачи и функции ГРУ, увеличивалась численность личного состава военной разведки. Тесновато стало работать разведчикам в особняке Третьякова. Ивашутин не раз ставил перед руководством Генштаба вопрос о смене здания штаб-квартиры ГРУ.

Однажды, это было в один из дней лета конца шестидесятых, он докладывал один важный документ начальнику Генштаба маршалу Захарову М. В., знатоку ГРУ, дважды побывавшему в должности начальника Генштаба. Первый раз с 1960 по 1963 год, когда был уволен с должности Первым секретарем ЦК КПСС из-за спора с ним о концепции дальнейшего строительства армии. После отстранения Хрущева от власти и гибели в авиационной катастрофе в 1964 году начальника Генштаба маршала С. С. Бирюзова Матвея Васильевича Захарова вновь назначают руководить мозговым центром Вооруженных сил СССР. Так вот, когда Захаров прочел документ и расписался, начальник ГРУ обратился к нему с вопросом:

– Матвей Васильевич, я уже вам докладывал, тесновато нам стало жить и работать. А министр обороны нам нарезал столько новых задач, что надо думать о расширении. То, что придется нам искать дополнительные площади, – это однозначно, ну не строить же нам на Гоголевском бульваре разного рода пристройки. Это получатся голубятни. Там-то и места-то свободного нет. Да, хорошо, что мы рядом с Генштабом, но это ведь не главное. С учетом автотранспорта, новых линий связи и возможной в недалеком будущем компьютеризации проблема отпадет сама по себе, – четко излагал проблему начальник ГРУ.

– Петр Иванович, – он его так всегда называл при докладах в своем кабинете, – я прекрасно понимаю твои сложности. Но пойми и меня – страна после «хрущевской оттепели» никак не

может отойти – ее знобит, как при насморке.

«Донецкий шахтер» оставил завалы проблем, их надо разгребать. Да, гораздо легче увидеть проблему, чем найти ее решение, а с другой стороны, в народе так говорится, – вы не можете решить проблему, пока не признаете, что она у вас есть. И ты, и я эту проблему видим. Министрам – и прошлому Малиновскому и нынешнему Гречко – эту задачу я рисовал. И первый обещал, и этот обещает. Думаю, найдем выход. У меня на примете есть несколько вариантов, но пока тебе о них не скажу.

– Почему же, Матвей Васильевич? Вместе бы подумали, – улыбнулся Петр Иванович.

– А чтобы не сглазить! – ответил начальник Генштаба…

А через некоторое время созрело решение наверху, – руководству Главного разведывательного управления предоставлялось новое место по адресу Хорошевское шоссе дом № 76. Законченное панельное здание военного госпиталя – «стекляшка» – так ее назовут разведчики, передавалось для Петра Ивановича Ивашутина. Он съездил туда, обошел этажи и дал согласие на перемещение. Это по площадям было уже «что-то» по сравнению с домом № 6 на Гоголевском бульваре и другими помещениями, – синица в руках, а не журавль в небе. И надо же, рядом с Центральным аэродромом, с которого в тридцатые годы он поднимал в небо тяжелые бомбардировщики.

Потом Матвей Васильевич Захаров, узрев, что для ГРУ предложил строитель и квартирмейстер генерал А. Н. Комаровский, скажет:

– Петр Иванович, обманул меня Александр Николаевич со зданием для ГРУ. Обещал построить хоромы, а, в конце концов, подарил вам стекляшку. Коробка госпитальная – и только. Но все уже согласовано с министром и в ЦК. Ничего не смогу переделать.

– Матвей Захарович, это лучше, чем ничего, или того, что есть сейчас, – ответил начальник ГРУ.

На этом и порешили. Переезд начался с конца 60-х, а точнее с 1968 года.

Структура ГРУ

Главное разведывательное управление при Ивашутине стало уникальной организацией не только в нашей стране, но и в мире. В составе этого мощного ведомства в 70-е годы были такие подразделения, которые охватывали, казалось бы, все зарубежные объекты советской военной разведки.

В 70-е годы прошлого века ГРУ насчитывало в своем составе 16 управлений. Из них большинство были «номерными» – от 1 до 12, однако некоторые, как, например, управление персонала, не имели номеров. Они поясняли, что эти данные о структуре Главного разведывательного управления ими взяты из книги бежавшего в 1978 году в Англию бывшего капитана ГРУ В. Резуна (В. Суворова) – «Советская военная разведка», вышедшей в Лондоне в 1984 году.

Управления, непосредственно занимающиеся сбором и обработкой разведывательной информации, делились на направления, а вспомогательные управления – на отделы. Направления и отделы, в свою очередь, состояли из секций. В ГРУ также существовали направления и отделы, не входящие в состав управлений…

В зависимости от своей функции подразделения ГРУ делились на добывающие, обрабатывающие и вспомогательные. Добывающими назывались органы, занимающиеся непосредственно сбором разведывательной информации.

1-е управление ГРУ осуществляло агентурную разведку на территориях Западной Европы. В него входило пять направлений, каждое из которых занималось агентурной разведкой на территории нескольких стран;

2-е управление занималось агентурной разведкой в Северной и Южной Америке;

3-е управление вело агентурную разведку в странах Азии;

4-е управление – в Африке и на Ближнем Востоке.

Помимо этих четырех управлений существовали также четыре отдельные направления, не входившие в состав управлений и также подчинявшиеся первому заместителю начальника ГРУ.

Первое направление ГРУ вело агентурную разведку в Москве. Офицеры, служившие в этом направлении, занимались вербовкой агентуры среди иностранных военных атташе, членов военных, научных и других делегаций, бизнесменов и иных посещавших Москву иностранцев. Другой важной задачей 1-го направления было внедрение офицеров ГРУ в советские официальные учреждения, такие, как Министерство иностранных дел,

Академия наук, агентство «Аэрофлот» и т. д. Должности в этих учреждениях в дальнейшем использовались как легальное прикрытие во время разведывательной работы за границей.

2-е направление ГРУ осуществляло агентурную разведку в Берлине – Восточном и Западном.

3-е направление ГРУ вело агентурную разведку внутри национально-освободительных движений и террористических организаций.

4-е направление ГРУ занималось агентурной разведкой с территории Кубы, в первую очередь против США; в этом случае оно взаимодействовало с кубинской разведкой. Во многом дублировало деятельность 2-го управления ГРУ.

5-е управление ГРУ, или Управление оперативно-тактической разведки, также являлось «добывающим» и подчинялось первому заместителю начальника ГРУ. Однако специфика его деятельности состояла в том, что оно не занималось самостоятельной агентурной разведкой, а руководило работой разведывательных управлений штабов военных округов и флотов. В непосредственном подчинении 5-го управления находились разведывательные управления военных округов и разведка флота. Последней, в свою очередь, были подчинены четыре разведывательных управления флотов.

Следует отметить, что если разведывательные управления штабов военных округов подчинялись непосредственно Управлению оперативно-тактической разведки, то разведывательные управления штабов флотов – Северного, Тихоокеанского, Черноморского и Балтийского – были объединены в единую структуру, известную как разведка флота. Это было связано с тем, что если каждый военный округ имел строго определенную сферу ответственности, то корабли советских флотов действовали практически во всех точках Мирового океана, и каждое судно должно было постоянно иметь полную информацию относительно вероятного противника. Поэтому начальник разведки флота являлся заместителем начальника ГРУ и руководил четырьмя разведывательными управлениями военно-морских штабов, а также флотским космическим разведывательным управлением и информационной службой. Но в своей повседневной деятельности он подчинялся приказам 5-го управления ГРУ.

Кроме того, в составе ГРУ имелись еще два управления, занимающиеся сбором информации, – 6-е управление и Космическое разведывательное управление. Однако, поскольку они хотя и добывали и частично обрабатывали информацию, но не вели агентурную разведку, они не подчинялись первому

заместителю начальника ГРУ.

6-е управление ГРУ осуществляло электронную разведку. Его офицеры входили в состав резидентур в столицах иностранных государств и занимались перехватом и расшифровкой передач по правительственным и военным информсетям. Кроме того, в подчинении этого управления находились полки электронной разведки, дислоцированные на советской территории, а также службы электронной разведки военных округов и флотов.

В дополнение к 6-му управлению деятельность еще нескольких подразделений и служб ГРУ была связана с радиоразведкой. Так, командный пост ГРУ, осуществлявший круглосуточное наблюдение за появлением признаков готовящегося нападения на СССР, пользовался при этом и информацией, которая поступала в 6-е управление.

Управления информационного обеспечения выполняли работу по оценке сводок разведданных, поступавших из 6-го управления. Дешифровальная служба занималась криптоанализом перехваченных шифрованных сообщений. Она находилась в прямом подчинении начальника ГРУ и располагалась на Комсомольском проспекте в Москве. Главной задачей дешифровальной службы было чтение шифросообщений из тактических военных сетей связи.

Специальный вычислительный центр ГРУ обрабатывал поступающую информацию, которая добывалась средствами радиоразведки.

Центральный научно-исследовательский институт в Москве разрабатывал специализированное оборудование для ведения радиоразведки, за его производство и техническое обслуживание отвечало оперативно-техническое управление ГРУ.

Что касается Управления космической разведки ГРУ, то оно собирало разведывательные данные с помощью спутников.

Обрабатывающие органы ГРУ, которые иногда называли информационной службой, занимались обработкой и анализом поступавших материалов. Должность начальника информационной службы соответствовала званию генерал-полковника, а сам он являлся заместителем начальника ГРУ. В его подчинении находилось шесть информационных управлений, Институт информации, информационная служба флота и информационные службы разведывательных управлений штабов военных округов. Направления работы каждого из этих подразделений были следующими.

7-е управление состояло из шести отделов и изучало информацию по НАТО. Каждый отдел и каждая секция несли ответственность за исследование индивидуальных тенденций или

аспектов натовских действий.

8-е управление изучало данные по отдельным странам во всем мире, независимо от того, относилась ли эта страна к НАТО или нет. При этом особое внимание уделялось вопросам политической структуры данного государства, его вооруженных сил и экономики.

9-е управление исследовало военные технологии и было непосредственно связано с советским ВПК.

10-е управление анализировало информацию по военной экономике во всем мире, в том числе по торговле оружием, военному производству и технологическим достижениям разных стран, о производстве и запасах стратегических ресурсов.

11-е управление изучало стратегические концепции и стратегические ядерные силы всех тех стран, которые обладали таковыми или могут создать их в будущем. Это управление тщательно контролировало любые признаки повышенной активности в действиях стратегических ядерных сил в любом регионе земного шара.

О том, чем занималось 12-е управление, точные сведения отсутствуют.

Институт информации ГРУ функционировал независимо от управлений и подчинялся непосредственно начальнику службы информации. В отличие от перечисленных выше управлений, исследовавших секретные документы, полученные агентурным путем, радиоэлектронной и космической разведкой, институт изучал открытые источники информации: прессу, радио, телевидение.

Подразделения же ГРУ, которые непосредственно не занимались добыванием или обработкой разведывательных материалов, считались вспомогательными. К этим подразделениям относился политотдел, управление персонала, эксплуатационно-техническое управление, административное управление, управление коммуникаций, финансовый отдел, первый отдел, восьмой отдел, архивный отдел. Что касается последнего отдела – архивного, то в его помещениях хранились и хранятся миллионы учетных карточек нелегалов, офицеров ГРУ, тайных резидентов, сведения об успешных и неудачных вербовках иностранцев, досье государственных и военных деятелей разных стран и т. д.

Кроме того, в составе ГРУ имелось несколько НИИ и учебных заведений.

Однако фундамент ГРУ составляли разведотделы и разведуправления в армиях и военных округах, а также части и подразделения специального назначения, им подчиняющиеся.

Их структура в описываемый период была следующей.

В штабах военных округов и групп советских войск за границей занималось 2-е управление, состоящее из пяти отделов:

1-й отдел руководил работой разведотделов подчиненных округу армий и других подразделений;

2-й – занимался разведкой в полосе ответственности округа;

3-й – руководил деятельностью разведывательно-диверсионных подразделений округа;

4-й – занимался обработкой разведывательной информации;

5-й – вел радиоразведку.

Кроме того, в состав разведуправления штаба округа входило еще несколько вспомогательных подразделений.

Организация разведки в армейском звене была такой же, как и в округе, только вместо разведывательного управления в штабе армии существовал 2-й (разведывательный) отдел, который, в свою очередь, состоял из пяти групп…

Основной кузницей кадров советской военной разведки являлась Военно-дипломатическая академия (на жаргоне военных разведчиков – «консерватория»), которая располагалась в Москве на улице Народного Ополчения. Должность начальника академии соответствовала воинскому званию «генерал-полковник», по своему статусу он являлся заместителем начальника ГРУ.

Кандидаты на зачисление в академию отбирались в основном среди офицеров войскового звена, и перед тем как получить допуск к вступительным экзаменам, они на протяжении двух-трех лет проходили всестороннюю проверку на благонадежность и моральные качества.

Военно-дипломатическая академия имела в своем составе три номерных факультета:

1-й – специальный разведывательный факультет – готовил разведчиков для работы в легальных резидентурах;

2-й – военно-дипломатический – сотрудников военных атташатов;

3-й – офицеров оперативно-тактической разведки, распределяемых в штабы военных округов.

Военно-дипломатическая академия являлась не единственным учебным заведением, где готовились кадры для военной разведки. Помимо нее, ГРУ имело еще целый ряд учебных заведений:

– Курсы усовершенствования офицерского состава (КУОС);

– Высшие разведывательно-командные курсы усовершенствования командного состава (ВРК УКС);

– Факультеты в военных вузах и кафедры разведывательных дисциплин в различных военно-учебных заведениях (кафедра

разведки ВМФ в Военно-морской академии, разведывательные факультеты Академии Генерального штаба, Военной академии имени Фрунзе, специальный факультет Военной академии связи, Военный институт иностранных языков, Череповецкое высшее военное училище связи, специальный факультет Высшего военно-морского училища радиоэлектроники, факультет специального назначения Рязанского высшего воздушно-десантного училища, разведывательный факультет Киевского высшего военного командного училища, специальный факультет 2-го Харьковского высшего военного авиационно-технического училища, факультет спецразведки (с 1994 г.), факультет войсковой разведки Новосибирского высшего военного командного училища).

Интересно было найти сведения о штаб-квартирах военной разведки от Регистрационного отдела (управления), Разведывательного управления и Главного разведывательного управления. Они в разное время располагались по таким адресам:

– улица Пречистенка, дома 35, 37 и 39;
– улица Большая Лубянка, дом 12;
– Большой Знаменский переулок (улица Грицевец), дом 19;
– улица Старая Басманная (улица Карла Маркса), дом 17;
– Арбат (здание Генштаба) и Гоголевский бульвар, дом 6;
– Хорошевское шоссе, дом 76.

Структура, взятая из открытых источников, дана в книге для того, чтобы показать масштабность такой махины, как ГРУ, которой успешно управлял в течение четверти века П. И. Ивашутин. Авторам, как знавшим ГРУ не понаслышке, собранные предателем и его покровителями из СИС данные о структуре ГРУ почти сорокалетней давности нельзя считать достоверными. Резун – источник ненадежный по вполне понятным причинам. Его часто заносило на крутых поворотах информационного словоблудия, и все же зарубежные журналисты, когда рассказывают о структуре центрального аппарата советской военной разведки, используют именно эти данные.

Пусть верят, а нашим современным военным разведчикам приходится работать совсем в другой структуре, которой Резунам и Гордиевским, отрабатывающими за предательство Родины выплесками грязных, как правило, лживых инсинуаций, слава богу, не дано знать.

В кабинете Ивашутина

В 1974 году после длительной, почти шестилетней служебной командировки по линии военной контрразведки в Южной группе войск – Венгрии, и итогам московской комиссии одного из авторов этих строк Терещенко А. С. направили для прохождения дальнейшей службы в центральный аппарат 3-го Главного управления КГБ СССР.

В ВНР армейский чекист в должности оперуполномоченного, а затем старшего оперуполномоченного Особого отдела КГБ по Южной группе войск обслуживал полки 254-й мотострелковой дивизии.

Руководство Главка скорее доверило капитану, чем предложило попробовать себя на объектах Генерального штаба, в частности, Главного разведывательного управления. В оперативное обслуживание дали один из только что сформированных институтов ГРУ – Институт военно-технической информации, где, кстати, вскоре был разоблачен агент американской разведки, помощник военного атташе в Алжире майор А. Н. Филатов – агент Алекс.

После двухлетней работы в институте автору доверили более сложные объекты, непосредственно в «стекляшке». Так называли и называют до сих пор основное здание ГРУ.

В 1976 году он принял дела у майора Алексея Алексеевича Молякова, курировавшего все информационные управления ГРУ. Кстати, в последующие годы он вырос и стал руководителем военной контрразведки страны в звании генерал-полковника. Через несколько лет работы в Информации автор стал сначала заместителем, а потом и начальником подразделения, в ведении которого по линии военной контрразведки находился центральный аппарат ГРУ.

Это были годы, можно сказать, пиковой активности «холодной войны». С ошеломляющим упорством противник в лице США и стран блока НАТО в буквальном смысле прессовал страну, загоняя ее в угол соревнованиями в гонке вооружений. Активно работали спецслужбы этих стран в плане участившихся подходов к нашим людям за рубежом, организации подстав, в том числе, а может даже в первую очередь, к разведчикам. Сотрудники военной разведки испытали этот прессинг на себе ежедневно. Опасность попасть в расставленные противником капканы сопровождала каждого офицера ГРУ за рубежом. Поэтому руководство МО и КГБ были крайне заинтересованы обеспечить безопасную работу ГРУ Генштаба. Именно на каналах

возможного просачивания вражеской агентуры в подразделения военной разведки и работали армейские чекисты отделения, а затем отдела, в котором служил автор.

Оперативники понимали, что главная задача ЦРУ и других разведок Запада – проникновение в первую очередь в центральный аппарат ГРУ. Там находился основной котел, в котором варились основные агентурные секреты добывающих органов и имелись установочные данные на наших негласных помощников. Знать о них для любой спецслужбы мира – это обезопасить себя и выйти на «кротов», работающих на советскую военную разведку. Была и другая линия работы противника – склонить отдельных скомпрометировавших себя когда-то и чем-то сотрудников к бегству на Запад (Резун, Бохан и др.).

В этот период удалось разоблачить несколько агентов ЦРУ, осевших в среде сотрудников военной разведки. Большую помощь армейским чекистам в проведении «хирургических операций» оказывало и руководство ГРУ. В лице Петра Ивановича Ивашутина оперативники всегда находили поддержку.

Разоблачение таких агентов ЦРУ, как старшего лейтенанта Иванова, полковника Васильева, семейной агентурной пары – подполковника Сметанина и его жены, служащего Чернова и генерал-майора Полякова, вовсе не повлияло на авторитет военной разведки – разведка всегда на войне, а на войне есть потери. Но все равно руководитель ГРУ, как бы ни было горько, принял эти удары мужественно. Он понимал, что последствия от невскрытых «гнойников» куда опаснее в целом для здорового и работоспособного организма военной разведки, которую он возглавлял и нес персональную ответственность за чистоту ее рядов и боеготовность.

Но это было все потом.

А пока в середине 70-х приходилось с деликатной тонкостью осваивать сложнейшую и секретнейшую машину ГРУ, ее отдельные механизмы, читать наработки старших товарищей, участвовавших в разработке таких шпионов, как подполковник Попов и полковник Пеньковский. Возникла надобность определять, с учетом новых вызовов времени, уязвимые места в плане вероятного проникновения вражеской агентуры в среду военных разведчиков…

* * *

Помнятся до мельчайших подробностей первая встреча и короткая беседа автора с легендарным руководителем военной

разведки Петром Ивановичем Ивашутиным. А дело было так. Нашему руководству нужно было срочно доставить один документ для начальника ГРУ. Терещенко А. С., отправлявшемуся на объект, выделили машину «Волга» и поставили соответствующую задачу…

В приемной его встретил подтянутый и всегда улыбающийся офицер. Это был адъютант начальника ГРУ Игорь Попов, иногда его называли порученец, с которым автора еще раньше познакомил коллега по чекистскому ремеслу Александр Вдовин. Оказалось, они оба были фанатами футбольной команды «Спартак». Кабинет Ивашутина был занят. Веселость Игоря объяснялась очередной победой его команды на футбольном поле.

Через минут десять из кабинета Ивашутина вышел незнакомый генерал-полковник. Порученец тут же позвонил шефу и сразу же предложил пройти в кабинет. Несмотря на то, что автор был в гражданской одежде, он по-военному представился. Хозяином просторного кабинета был генерал армии. Человек невысокого роста, даже несколько кряжистый, широкоплечий, с большой залысиной и седыми волосами, аккуратно зачесанными назад, встал из-за стола и твердой походкой подошел к вошедшему оперативному работнику. Поздоровался:

– Проходите, товарищ капитан, и садитесь, – он указал на ближайший от его письменного стола стул.

«Интересно – генерал без живота, – подумал автор. – Видно, постоянно занимается спортом, хотя возраст и говорит за себя».

После этого Петр Иванович взял конверт, вскрыл его, внимательно прочитал документ, расписался и законвертовал письмо при помощи скотча.

– Новенький?! – спросил он. – Родом-то откуда будете?

– С Украины… в городе Сарны родился, что на Полесье, – отец там работал машинистом паровоза и до войны, и после войны.

– Почти земляки. Интересно, у меня отец ведь тоже был машинистом. А что касается ваших мест, то я бывал на Полесье не раз в пятидесятых. Знаю, что там творилось, не понаслышке. Шла война после войны с бандеровщиной, – с тонким прищуром уставших глаз, отчего они стали еще меньше, заметил хозяин кабинета.

– Какие объекты обслуживаете? – неожиданно спросил генерал армии.

– Информационные управления ГРУ… Информацию, товарищ генерал армии, – последовал ответ.

– Что я вам скажу как старый контрразведчик, – это один из

сложнейших объектов в нашей системе. Враг будет постоянно стремиться к этому сейфу секретов. И его вам придется защищать. Где до этого служили?

– С шестьдесят девятого по семьдесят четвертый год в особом отделе КГБ по Южной группе войск – в Венгрии.

– У генерала Галютина?

– Да!.. Так точно, товарищ генерал армии.

– Знаю и его, и Венгрию – красивая страна. Нравилась?

– Мне она тоже понравилась…

Эта встреча запомнилась тем, что молодой офицер впервые с близкого расстояния увидел живую легенду. Как говорится, полный генерал, да еще с такой героической биографией. До этого он много наслышался о деятельности Петра Ивановича Ивашутина. Чекист знал, что генерал в начале пятидесятых возглавлял МГБ Украины и был первым заместителем министра внутренних дел УССР. А в ГРУ пришел с должности первого заместителя председателя КГБ СССР.

Его тихий голос располагал к беседе. Сразу же воспринималась душой какая-то исходящая от него аура умиротворения, создавалось впечатление, что хозяин не накричит, не гаркнет, с чем приходилось не раз встречаться в армейских условиях. Появлялось у гостя отсутствие робости. Хотелось говорить и говорить с хозяином кабинета, так как он чем-то подкупал, располагал к себе, призывал к откровенности. Но эти глупые мысли скоро растаяли, – у генерала армии, судя по кипам бумаг на столе, было много, очень много работы.

Он встал, передал пакет и попрощался.

Несмотря на внешне кажущееся спокойствие, у оперативника горели щеки и стали пунцовыми уши.

– Что случилось? – засмеялся Игорь Попов, когда увидел вышедшего гостя из кабинета своего шефа. – Ты так напуган, весь красный. Мне не только казалось всегда, так оно и есть, – Петр Иванович очень спокойный человек.

– Если по правде, Игорь, человечность его поразила меня. Тремя вопросами он выяснил все о моей личности. А вообще с генералами армии вашему покорному слуге ни разу не приходилось встречаться.

– Ничего, чекисты в нашу епархию приходят надолго, так что будет время еще не раз встретиться с шефом, – адъютант загадочно улыбнулся…

И действительно, потом были запоминающиеся и встречи, и беседы, и даже его помощь.

Как можно забыть положительно вынесенное Петром Ивановичем Ивашутиным решение о предоставлении автору –

оперативному работнику – трехкомнатной квартиры на «Сходненской» или помощи в установлении домашнего телефона. До сих пор стоит в памяти совсем незамысловатая вязь его подписи на тех важных для жизни автора документах. Этот жест незабываем, потому что свидетельствовал, что военных контрразведчиков, обеспечивающих безопасность работы ГРУ, он считал тоже своими офицерами и заботился в одинаковой степени об их бытовых условиях.

Политотдел и руководство ГРУ нередко приглашали автора и других его коллег – армейских чекистов, на партактивы, конференции и некоторые служебные совещания, – не это ли свидетельство слаженности работы военных разведчиков и военных контрразведчиков, которой мы всегда дорожили.

Проколы разведчиков переживали как свои, потому что вросли в эту организацию и в полной мере отвечали за ее безопасность.

В то же время мы понимали, что разведка – это тонкая и сугубо тайная сфера деятельности, потому в обеспечении ее безопасности как бы шли рокадами, наблюдая за движущейся колонной со стороны, оберегая ее от расставленных противником мин в ходе проведения тотального шпионажа. Вот уж действительно, кто предупрежден, тот вооружен.

На одном из таких совещаний автору запомнились слова, сказанные Петром Ивановичем, которые до сих пор считаю афоризмом: «Без разведки армия слепа, а без контрразведки – беззащитна».

Думается, сказанная фраза, в первую очередь, касалась всего ГРУ и армейских чекистов, обслуживавших военную разведку. Потом он говорил о боевой готовности разведывательных подразделений и тоже сказал о ней так, что запомнилось до сих пор:

«Боевая готовность военной разведки всегда должна быть на ступень выше боевой готовности тех частей, которые она обеспечивает своей информацией. Что же касается причин отдельных преступлений в рядах военных разведчиков, я имею в виду предательство Резуна, то это результат существования недостатков в системе отбора кандидатов для учебы и последующей службы в разведке. В подборе надежных кандидатов кадровикам следует смелее использовать офицеров, имеющих опыт и положительно зарекомендовавших на службе в войсках в Союзе или за границей…

Как только мы стали повнимательней, так сразу же проявились контуры положительных примеров в подборе будущего разведки. Стали чаще отсекать людей случайных и

ненадежных…

Надо помнить, что разведка – это такая система, которая постоянно находится в бою, она круглосуточно воюет, а на войне потери неизбежны. Конечно, лучше, чтобы их вовсе не было…»

Он не гнул выю даже перед большим партийным начальством, наверное, он был воспитан на отцовских заповедях. Порой казалось, что в огромных джунглях Генерального штаба ВС СССР Петр Иванович возвышался мощным баобабом. С ним многие генералы и маршалы считались, обращались за советом. Но он не был тем шишкарем – паном, о котором говорил когда-то кинорежиссер Сергей Бондарчук – «у нас кто ближе к власти, тот и пан».

И еще запомнился один эпизод.

Это было на учениях в Белорусском военном округе. Их проводил Маршал Советского Союза В. Г. Куликов. Обстановку по учениям, подходя к огромной карте, докладывали войсковые генералы. Почти все они читали свои доклады по бумаге: рубежи расположения войск, населенные пункты, количество боевой техники, время наступательных и оборонительных операций, не отрываясь от бумаги. Очередь подошла Петру Ивановичу. Подойдя к карте, он повернулся к ней спиной и стал в течение получаса, как заученное стихотворение, перечислять элементы обстановки. Поворачивался к карте, только для того, чтобы длинной указкой точно ткнуть в нужное место. Потом снова по памяти перечислял массу сведений по очередному этапу учений.

Когда руководители военной контрразведки приезжали к Ивашутину с первичной информацией об аресте того или иного сотрудника ГРУ, уличенного в проведении шпионской деятельности, Петр Иванович мужественно воспринимал такие сведения. Он делал все от него зависящее, чтобы облегчить следственную работу через предоставление «нужных» материалов по выявленному отщепенцу – очередному «кроту-оборотню».

Помнится, когда на заключительной стадии дела оперативной разработки в отношении Полякова, проходившего службу в Индии в должности военного атташе, у оперативников появились конкретные уликовые материалы, говорящие о его явной причастности к шпионской деятельности, военными контрразведчиками совместно с начальником ГРУ была быстро разработана легенда по выводу подозреваемого из страны пребывания.

И шпион поверил в предложение «поучаствовать в совещании руководителей загранаппаратов». Такой ход не вызвал никаких подозрений у фигуранта разработки и лишил предателя маневра с возможностью побега за границу.

* * *

Обслуживая Информацию ГРУ, автору еще не раз приходилось бывать в кабинете генерала армии, и каждый раз, выходя оттуда, оперативный работник задавался вопросом, ну почему человеку, так много сделавшему для Отчизны, руководители Минобороны никак не могут или не хотят подготовить представление в инстанцию на маршальское звание. В то же время именно в те годы отмечался настоящий звездопад – маршальский бум. Многие генералы армии стали получать маршальские звания. Сегодня их мало кто помнит, промелькнули указы в газетах, покрасовались эти люди портретами в журналах и ушли в сторону забвения.

И вот в кулуарах ГРУ и КГБ, среди сотрудников этих ведомств, стал живо обсуждаться вопрос о полной достойности носить это высокое звание начальнику военной разведки СССР, которая не знает покоя ни ночью, ни днем, – бои на незримых фронтах не затихают ни на минуту.

Но кто-то же тормозил кадровый процесс! Знают сегодня и молчат об этом только те, кто это делал. Именно тогда офицеры ГРУ и особисты, обслуживавшие этот объект, стали величать Петра Ивановича Маршалом Военной разведки.

Доходило ли это до руководства Минобороны и Генштаба? Наверное, да!

Очевидно, в какой-то мере завидовали пророчеству, высказанному генералом армии Ивашутиным перед принятием решения о вводе «ограниченного контингента советских войск» на территорию Республики Афганистан. Он первый из военных тогда на заседании в Генштабе заметил о нежелательности такой операции, которая, по его словам, непременно «обернется для нас вторым Вьетнамом, как это произошло с американцами».

Это заговорил в нем божий дар предвиденья. Руководители главных управлений и замы начальника Генштаба, как и сам начальник Огарков, поддержали Ивашутина.

Несколько лет спустя после тех событий ему намекнули о возрасте, неспособности оценить время, умничанье, противопоставлении себя партийному ареопагу и прочее…

Но это были поступки трезвомыслящего генерала. Вот уж действительно, великие таланты навлекают на себя ненависть – так железо подвергается ржавчине. Одна посредственность не имеет врагов.

Он ушел на гражданку после полувекового срока службы Отечеству. Равнодушная природа человека даже не заметила его неожиданного исчезновения из своего кабинета в ГРУ. Но жизнь

продолжала свое бесконечное течение. Пришли новые люди, которые не шли ни в какое сравнение с огромным «баобабом» военной разведки.

Кто-то из великих сказал, что завистники и тупицы никогда не могут понять тех побуждений, по которым действуют выдающиеся умы, поэтому, как только они подметят несколько поверхностных противоречий, они тотчас хватаются за них. Ничто не может успокоить завистника, а потому у завистливых людей длинные руки. Завистник страдает комплексом чужой полноценности.

Свое мнение тогда перед вводом войск на территорию Афганистана высказал аксакал, гуру, мудрец. Если бы ему поверили, если бы к нему прислушались, а не к оторванным от жизни партократом – детям сторонников Мировой революции, сколько бы сохранила страна молодых жизней – солдат и офицеров и сберегла денег, так нужных тогда для народного хозяйства. А потеряли за десять лет безумства более 15 тысяч соотечественников, не говоря уже о вооружении.

Страна наряду с павшими сынами Отечества потеряла и авторитет. Но опухоль некомпетентности не из тех, что можно удалить с помощью скальпеля. Эта болезнь надолго и всерьез, если ее не лечить приобретаемыми навыками и наработками жизненного опыта. Высшая мудрость – знать самого себя. Генерал армии Ивашутин знал, что говорил. Ему подсказывала интуиция, рожденная огромными масштабами военной и политической практики.

Наша жизнь имеет смысл только в таких случаях или ситуациях, если человек борется за свою свободу высказывания того, что он считает важным, за свою правду, за счастье родных ему людей! И если он готов отдать за все это не чужую, а свою собственную жизнь. Такой человек, как Ивашутин, был готов на этот подвиг или Божий промысел. И в связи с этими мыслями захотелось повторить бессмертные, великие и вечные слова Гёте: «Лишь тот достоин жизни и свободы, Кто каждый день идет за них на бой!» Он каждый день шел в бой и успешно воевал на незримом фронте…

Стратегическая агентурная разведка

Большое, если не первостепенное, внимание П. И. Ивашутин уделял добывающим управлениям – агентурной разведке. Он, как никто другой, понимал, что только хорошо охраняемый вероятным противником материал, но добытый нашей агентурой, представляет несомненный интерес для обороноспособности и безопасности страны. И он делал все, чтобы эти управления были обеспечены лучшими кадрами.

Под стратегической разведкой понимается, прежде всего, вид стратегического обеспечения, организуемый и осуществляемый для добывания, сбора, изучения и оценки данных о военно-политической, военно-стратегической и военно-экономической обстановке в государстве – вероятном противнике на театрах войны и театрах военных действий, оценки его политики, взглядов на характер и способы ведения войны, состояния и перспектив развития военной техники и вооружений, состава, расположения группировок войск, состояния и возможностей вооруженных сил в целом, вероятных намерений и планов ведения войны и стратегических операций, а также оборудования театра военных действий (ТВД), военно-экономического и мобилизационного потенциалов.

В целом стратегическая разведка определяется военной доктриной государства, а планируется и организуется Генеральным штабом ВС и главными штабами видов ВС. Ведется в мирное и военное время силами стратегической агентурной разведки, соединениями и частями радио-, радиотехнической, радиолокационной и оптической разведки центрального подчинения.

По сферам действий она подразделяется на космическую, наземную, воздушную и морскую. Важнейшей задачей стратегической разведки в современных условиях является своевременное вскрытие подготовки противника к нападению, начала и масштабов стратегического развертывания ВС, непосредственной подготовки к применению ядерного оружия, начала ракетно-ядерного и воздушно-ракетного нападения. По этим вопросам данные стратегической разведки должны отличаться абсолютной достоверностью, обеспечивать принятие безошибочных военно-политических и стратегических решений.

Основу стратегической разведки в армиях ведущих государств составляют технические виды разведки, прежде всего, воздушная и космическая.

Именно такое определение стратегической разведки дал в 2004 году в своем словаре «Война и мир в терминах и определениях» доктор философских наук, нынешний вице-премьер Д. О. Рогозин. Однако о стратегической агентурной разведке, а тем более о нелегальном разведывательном аппарате, в словаре нет никаких пояснений.

Термин «нелегальная разведка» означает проведение разведывательной работы с «нелегальных позиций», то есть под глубоким прикрытием и без видимой связи с официальными загранпредставительствами своей страны. Ее девиз – «Без права на славу, во славу державы!».

Нелегал, глава или сотрудник нелегальной резидентуры обозначал советского разведчика, который работал в иностранном государстве под видом гражданина этого государства или какой-либо третьей страны. Работа таких разведчиков опасная, тонкая и наиболее продуктивная для той страны, под флагом которой они работают.

Дело в том, что агентурная работа любой разведки – это святая святых, тайна из тайн. Не случайно еще с давних времен мудрецы понятию «секрет» посвящали свои философские трактаты. В одной из арабских максим говорилось: чего не должен знать твой враг, не говори того и другу. Авиценна в своем четверостишье так сказал о тайне:

«Тайн хранить не умеет глупец и бахвал, Осторожность поистине выше похвал, Тайна – пленница, если ее бережешь ты, Ты у тайны в плену, лишь ее разболтал».

Известный нелегал, полковник И. И. Мукасей, успешно проработавший за рубежом вместе с женой Е. И. Мукасей более двух десятков лет и начинавший свою разведывательную деятельность в военной разведке, писал в недавно изданной книге «Зефир и Эльза – разведчики-нелегалы», что «…работа разведчика многогранна. Она представляет собой совокупность – науки, техники и искусства. В искусстве есть правила перевоплощения актера в роль, в которой он правдиво произносит текст и ведет себя как для него «новый» человек – по системе Станиславского – умеет верить, что он не Петров, а какой-то Отелло, скажем. И если он с этим не справляется, режиссер кричит ему – «не верю», и актер считает, что это неудача, и начинает работать над собой.

В книге К. С. Станиславского «Работа актера» есть глава «Как разгадать тайные мысли противника».

Если страна нас не знала, значит, мы ее не подвели!»

Поэтому разведчик, особенно разведчик-нелегал, – это человек-личность! Он, чтобы выжить и выстоять в ежеминутной борьбе с противником, должен обладать букетом высочайших моральных, физических и интеллектуальных качеств.

Однажды в разговоре источник – генерал-лейтенант ГРУ, не пожелавший называть свое имя в печати, заметил, что на одном оперативном совещании Петр Иванович, говоря о соблюдении режима секретности и ужесточении конспирации в службе, высказался такой фразой: тайна имеет свойство молодого вина, которое постоянно грозит взорвать бутылку. Что ж, сказано довольно-таки образно и правильно. Любая гласность губительна для разведки.

В последние годы существования СССР многие апологеты

горбачевско-ельцинского агитпропа типа Яковлевых и Волкогоновых требовали, уповая на демократические традиции цивилизованных стран, открыть архивы КГБ и ГРУ. Но, слава богу, нашлись мужи государственно мыслящие в этих ведомствах и не сделали «в святая святых» проходных дворов. Правда, говорят, что Волкогонов под крылом первого «гаранта конституции» основательно пощипал архивы. Печально, что часть умыкнутой им информации оказалась в США.

В той же кичащейся демократическими традициями Великобритании остаются засекреченными множество материалов, касающихся событий не только Второй, но и Первой мировой войн, а некоторые останутся за семью печатями вечно.

Так, когда в 1998 году английский публицист Гордон Брукс-Шеперд подготовил к публикации статью, подтверждающую факт планирования британской разведкой в 1918 году покушения на Ленина и Троцкого, глава Службы внешней разведки МИ-6 Дейвид Спеддинг потребовал запретить ему не только ссылаться на источники, но даже упоминать факт нахождения таких документов в архивах внешней разведки.

Но нет худа без добра. Да, «крах тоталитарной системы» обернулся для большинства из нас непредсказуемой трагедией. Хотя, скорее, наверное, предсказуемой, – уничтожение СССР ой как аукнулось. И все же в последнее время с появлением Интернета много полузакрытой, а иногда и рассекреченной секретной информации вылили архивы на свои сайты, чем писатели и журналисты с удовольствием пользуются. Конечно, много там и мусора.

Говоря о возможностях стратегической агентурной разведки, достаточно вспомнить ругаемую ее еще недавно разного рода борзописцами, чтобы утвердительно сказать, что разведка – это упреждение, предупреждение, глаза и уши армии.

Как известно, 18 декабря 1940 года Гитлер подписал знаменитую директиву № 21 – стратегический план войны с СССР, вошедший в историю как план «Барбаросса».

По плану фюрера «…германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии». Устанавливался срок завершения военных приготовлений – 15 мая 1941 года, и подчеркивалось что «решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны».

Но не прошло и десяти дней, как главные тезисы плана «Барбаросса» читал уже Сталин, но в отличие от Хрущева он не хвастался, что у него разведчики чуть ли не со спины читают

депеши американского президента. Сам план, конечно же, в руки советской разведки не попал.

Сегодня много написано о том, кто и как из закордонных разведчиков предупреждал Кремль о войне, поэтому нет смысла останавливаться на этих вопросах. Немного из истории. В годы Гражданской войны, когда фронты боевых действий стали более маневренными, а дислокация воинских частей постоянно менялась, было крайне затруднительно организовать систематическое и непрерывное изучение противника на определенном участке. Не раз случалось так, что только разведка приступала к созданию агентурного аппарата в тылу и прифронтовой полосе противника, как воинская часть, а вместе с ней и штаб перебрасывались на другой участок фронта, и вся работа превращалась в пыль. Как говорится, еще недавнее прошлое превращалось в ведро праха.

Но надо было выкручиваться из этого положения. И руководители разведки стали вербовать и использовать агентов-ходоков и отдельные резидентуры с подвижной агентурной сетью. Организация связи с агентами представляла еще большую болячку. Так, штаб 9-й армии рекомендовал резиденту:

«Если долго не возвращается агент, посланный с донесением, то посылай другого с таким же донесением… Ценные сведения направляй с двумя разными агентами».

Итак, агент-ходок являлся основной фигурой в агентурной разведке Красной Армии вплоть до 1919 года. Агенты-ходоки делились на две категории: внутренние и внешние.

Внутренние использовались только в расположении частей противника. Они получали задание пристроиться к какой-либо воинской части и, следуя вместе с ней, вести разведку. Если разведчик не был связан с определенным резидентом, то он поддерживал контакт или самолично доставляя сведения через линию фронта, или посылая их по почте на условный адрес в тылу противника. Из этого «почтового ящика» (от хозяина конспиративного адреса, по нынешней терминологии) корреспонденция извлекалась специально посланным агентом-ходоком…

Внешние ходоки использовались по двум направлениям: непосредственно для ведения разведки в выделенном районе и в качестве курьеров – агентов-связников – между разведывательным отделением и резидентом, а также между резидентом и его агентами.

Ходоков отправляли в тыл большими группами. Многие из них получали не только один и тот же район разведки, но одно и то же задание. Это делалось с простым расчетом: не дойдет один,

дойдет другой. Агенты перебрасывались через линию фронта как в одиночку, так и по несколько десятков человек, которые веером расходились по тылу противника, охватывая целые районы и области…

Однако военная разведка, основанная на подвижных агентурных сетях, не могла обеспечить командование регулярно поступающей и полной информацией о противнике. Сведения, добываемые агентами-ходоками, были отрывочными. Главными методами работы агентуры являлись наблюдение, осведомление и подслушивание. Разведчики изучали и печать противника, откуда также черпали необходимые сведения. Печать преимущественно изучалась на местах, так как своевременная доставка белогвардейской прессы через линию фронта была крайне затруднена, а порой просто невозможна. Впрочем, иногда удавалось добыть сведения чрезвычайной важности. Так, в июле 1919 года разведорганы Южного фронта сообщили в Регистрационное управление о том, что «ближайшей задачей Деникина является удар на Курск – Орел – Тулу».

Мало что изменилось с тех пор в принципах добывающих органов, только агенты-ходоки в современных условиях стали «агентами-летунами». Возросли их качественные характеристики и техническое оснащение в операциях по связи.

* * *

Ивашутин буквально опекал личный состав оперативных управлений – своеобразных «шахтеров информационного уголька». Он прекрасно понимал значение сталинского лозунга, только в новых условиях, – кадры решают все!

Так начальник политотдела ГРУ Генштаба генерал-лейтенант Г. И. Долин в статье, посвященной 90-летию патриарха военной разведки, «Ратный и гражданский подвиг во имя Отечества», писал:

«Особое внимание придавалось работе с офицерами добывающих органов: оперативных управлений и заграничных разведывательных аппаратов. Обязательно принимал и беседовал с вновь назначенными резидентами; всегда находил практические советы и пожелания.

Внимательно выслушивал во всех деталях прибывающих в отпуск: об общественно-политической ситуации в стране, работе, людях, нацеливал на решение новых задач.

Лично занимался руководящими кадрами. Знал плюсы и минусы каждого начальника управления, службы, научно-

исследовательского, научно-производственного института, командиров спецчастей, руководителей разведаппаратов…

Петр Иванович всегда остро реагировал на постановочные кадровые вопросы. Оберегал начальников оперативных управлений и руководителей загранаппаратов от необоснованных претензий к ним…

Он хорошо знал людей, поэтому при назначениях и перемещениях, награждениях и присвоениях воинских званий, особенно руководящим работникам Центра, а также всем категориям офицеров резидентур, советовался, но при этом всегда имел свое твердое мнение, никто не мог навязать ему неправильное решение».

Многие офицеры тогда говорили, что если Иван Серов в основном работал оперативными средствами в Европе, то Петр Ивашутин – на всем земном шаре. Новые вызовы времени требовали этого. Рушившаяся колониальная империя создавала массу независимых государств, которых стремились подчинить другие крупные капиталистические страны, видевшие в них свои национальные интересы.

Однако по-прежнему главным противником стратегической агентурной разведки ГРУ Генштаба считались США и их союзники, в первую очередь страны – члены НАТО. Как и прежде, одним из главных противников была Великобритания, активно ведущая агентурную работу против СССР. Интенсивная работа проводилась и по Скандинавии – странам Балтийского бассейна, в которых были сильны позиции ЦРУ США.

Колесо «холодной войны» набирало обороты, поэтому Ивашутин считал, что основная нагрузка в получении необходимых данных для руководства Генштаба ляжет на качественно подобранный кадровый аппарат стратегической разведки. Он понимал, что основу разведки составляют сбор и учет информации. А разведывательная информация – плод коллективного труда, а в каждом коллективе есть свои традиции, свой дух. В основе каждой доброй традиции лежит преемственность, а условием поддержания морального духа на высоком уровне является доверие. Но в понятие доверия он вкладывал когда-то прочитанные им мудрые слова о том, что верный способ заручиться общественным доверием – прибегать к нему как можно реже. Будьте вежливы со всеми, но близки с немногими; и пусть эти немногие хорошо постараются, прежде чем вы окажете им доверие. С руководящим составом оперативных управлений именно на этих принципах он и строил работу, считая, что недоверие обманывает нас чаще, чем доверие. В доверии, конечно, необходима осторожность, но далеко

необходимее, особенно в разведке, еще более быть осторожным в недоверии.

60—70-е годы теперь уже прошлого столетия характеризовались обостренными баталиями в ходе ведения шпионажа между США и СССР. Шло открытое и скрытное соревнование между двумя экономическими системами, начиная от покорения космоса и до выяснения степени опасности одной страны для другой и обратно.

Уместно здесь привести рассуждения известного руководителя германской разведки Вальтера Николаи, который говорил, что шпионаж – это война в мирное время, что разведке нельзя нанести удар разоружением, что интенсивный шпионаж должен предшествовать интенсивному вооружению для подготовки к войне.

Все эти слова не выдумка, а правда, выкристаллизированная многоопытным практиком борьбой на незримых фронтах.

Герои и антигерои военной разведки

На информацию о конкретных военных разведчиках и их агентуре за рубежом в Советском Союзе было наложено табу. Обычному исследователю лучше было не касаться этой щекотливой темы. Правда, издавались книги о нашей разведке, вышедшие за рубежом, одним издательством, – издательством «Прогресс». Они давались или продавались только избранным. Понятно, о ком идет речь. Потом стали писать приближенные к руководителям ПГУ и ГРУ. Сами работники практически не писали. И только в последние годы об этих проблемах стали говорить смелее. В первую очередь хотелось отметить шеститомную серию «Очерков истории российской внешней разведки» (СВР), «Энциклопедию секретных служб России», «Энциклопедию военной разведки России», «ГРУ. Уникальная энциклопедия», «Ликвидаторы КГБ», двухтомник «Империя ГРУ» и др.

Обеспечивая государственную безопасность для плодотворной работы военных разведчиков, сотрудники военной контрразведки в 70—80-е годы вытащили не одну «занозу» из здорового в целом организма ГРУ.

Стараниями наследников СМЕРШа, оперативных работников центрального аппарата 3-го Управления КГБ СССР, в вышеупомянутые годы были обезврежены такие агенты ЦРУ США, как майор Филатов, подполковник Сметанин с супругой, старший лейтенант Иванов, полковник Васильев, служащий Чернов, генерал-майор Поляков, полковник Баранов и др.

Разоблачение вышеперечисленной вражеской агентуры позволило военным разведчикам получить огромное удовлетворение от проделанной работы, но не успокаиваться. Кроме того, авторам хотелось бы напомнить и о судьбах некоторых военных разведчиков и их агентуре, в работе с которой снят гриф секретности и они, выйдя из тени оберегаемой тайны, обрели зримость. Поэтому хочется показать степень опасности предательства в разведке на конкретных примерах.

Надо сразу заметить, что в оказании помощи при проведении многих операций против нижеупомянутых антигероев прямо или косвенно участвовал и наш главный герой книги – начальник ГРУ генерал армии Петр Иванович Ивашутин.

Шаг в пустоту

Первой в этом списке героев хочется назвать женщину, нелегала ГРУ Марию Дмитриевну Доброву, действовавшую в США под псевдонимом Мэйси. В конце истории к ней имел отношение

и автор книги.

Как писал Дамаскин, она родилась в 1907 году и с юности проявила необычные способности к языкам. Легко овладела английским, французским языками и, получив музыкальное образование, стала выступать на профессиональной сцене.

Ей, как талантливой певице, прочили блестящее будущее. Брак с любимым человеком, рождение сына, казалось, ее ждет безоблачная и счастливая жизнь. Но все рухнуло в течение нескольких месяцев: заболевает и умирает муж, а вслед за ним и ребенок. От горя она теряет голос.

Вскоре начинается война в Испании. Мария рвется туда и добивается своего: в 1937–1938 годах она в качестве добровольца участвует в войне. Вернувшись, учится и работает переводчицей.

Но с началом Отечественной войны идет работать простой санитаркой в ленинградский госпиталь. Иногда тихонько поет, а вернее, сиплым голосом рассказывает раненым любимые песни. Знакомый режиссер, услышав об этом, кладет ее историю в основу фильма «Актриса».

Окончилась война. Мария возвратилась к любимому делу – языкам и несколько лет проработала референтом-переводчиком в посольстве СССР в Колумбии.

Вернувшись в Ленинград, защитила диссертацию на степень кандидата философских наук. Она была уже сорокачетырехлетней, когда ей предложили работу в военной разведке. В пользу этого говорили знание языков, опыт работы за рубежом, умение применяться и приноравливаться к любой обстановке. Мария дала согласие…

После окончания курсов она получила легенду, иностранный паспорт, новое имя – Глен Марреро Подцески и, естественно, псевдоним – Мэйси.

Вскоре американка Подцески, сменив несколько паспортов, через Вену добралась до Парижа. Там ей предстояло овладеть новой профессией. Она поступила в институт косметики Пьеторо и успешно закончила его. Получив диплом, вернулась в Москву, где завершила подготовку к работе в Соединенных Штатах.

В начале 1954 года в Нью-Йорке появилась гражданка США Глен Марреро Подцески, вдова, собирающаяся открыть на небольшие сбережения, оставшиеся после смерти мужа, косметический кабинет.

В июле того же года состоялась встреча с ее новым руководителем, резидентом Френсисом.

– В ближайшие два-три года оперативными делами не занимайтесь, – говорил он. – Ваша основная задача – прочная легализация в Нью-Йорке. Следует по свидетельству о рождении

получить настоящий американский заграничный паспорт и американский диплом косметолога, так как французский диплом здесь недействителен, хотя и может служить хорошей рекомендацией для обучения в США.

Изучите юридические, финансовые и налоговые условия открытия собственного бизнеса. Центр обеспечит оплату учебы. Ведите обычный светский образ жизни женщины, сохранившей деньги после смерти мужа. Чаще бывайте в престижных салонах красоты, где заводите знакомства с женами солидных деловых людей и политических деятелей, особенно с теми, кто впоследствии может стать вашими клиентами и представить интерес для нас. Но своим поведением вы не должны вызывать ни малейшего подозрения.

Мэйси добросовестно и умело выполнила все указания. В ноябре 1956 года Мэйси получила американский диплом и лицензию на открытие салона. Вскоре в одной из нью-йоркских газет, в трех номерах подряд, появилось рекламное объявление об открытии нового салона. Троекратное повторение означало, что у нее все в порядке и она приступила к работе.

Мэйси сама оказалась талантливым косметологом и не поскупилась на то, чтобы нанять двух-трех первоклассных специалисток. Салон, носивший название «Гленс Визитинг Бьюти Сервис», был оснащен дорогим оборудованием и соответствовал самым современным стандартам.

Место расположения, качество обслуживания, высокие цены и желательность рекомендаций для посетительниц сделали его посещение делом престижа и создали нечто вроде «женского клуба» для дам из нью-йоркского истеблишмента. Статную, женственную и всегда элегантную миссис Подцески они считали женщиной своего круга, достойной уважения и откровенности. Слушая разговоры клиенток, лично обслуживая какую-нибудь высокопоставленную леди или сидя с ней за чашечкой кофе, Мэйси получала интересную, иной раз очень важную информацию.

В одном из документов, оценивающих работу Мэйси, говорилось:

«…Источниками были жены политических деятелей, военных, журналистов и бизнесменов. Информация, получаемая Мэйси в женских разговорах во время обслуживания клиентов, часто подтверждала, а иногда и утверждала данные, добываемые по другим каналам военной разведки…»

Важной оказалась информация Мэйси о подготовке США к первому официальному визиту Н. С. Хрущева в 1959 году, в частности – о пределах уступок, на которые может идти

американская сторона в ходе переговоров. А также о тех требованиях, на которых она будет стоять до конца, невзирая на возможные конфликты.

Надо сказать, что вопросами охраны и безопасности этого визита советского лидера в США занимался непосредственно П. И. Ивашутин как первый заместитель председателя КГБ. Еще более ценной была ее информация, поступившая осенью 1962 года, в период кубинского кризиса, которая сыграла не последнюю роль в решении советского правительства убрать ракеты с Кубы.

Но еще до этого, в июне 1961 года, от Мэйси было получено, что ею интересуется налоговая инспекция Нью-Йорка. Это был тревожный сигнал, – ведь под видом налоговой инспекции вполне могло выступать ФБР. Мэйси просила разрешения срочно выехать на родину.

По указанию центра Френсис проверил положение разведчицы и установил, что особых оснований для беспокойства нет: Мэйси действительно проверялась налоговой инспекцией за то, что по незнанию законов допустила ошибку в уплате налогов за 1960 год. Мэйси успокоили и дали указание продолжать работу.

Френсис, закончив срок командировки, вернулся домой…

* * *

Мэйси попала в подчинение другой резидентуры, руководимой, как потом выяснилось, шпионом и изменником Дмитрием Поляковым. Над ней нависла угроза разоблачения и провала.

Американская контрразведка «обложила» Мэйси. Вскоре был задержан и выдворен из страны полковник Маслов, ее оперативный работник, обладавший дипломатическим иммунитетом, которому при задержании американцы показали фотографию его встречи с Мэйси. После этого Мэйси получила приказ немедленно покинуть страну. Это было в 1963 году. Мэйси выполнила приказ незамедлительно, направившись из Нью-Йорка через Чикаго в Канаду. О ее маршруте знал полковник Поляков. В Канаде она так и не появилась.

Поиски продолжались до 1967 года, но безуспешно.

Преследуя двойную задачу: замаскировать деятельность Полякова и посмертно дезавуировать Мэйси как разведчицу и как человека, ФБР пошло на несколько дезинформационных ходов.

В 1975 году в одной из нью-йоркских газет появилась заметка

о советской «шпионке-нелегале», работавшей в США в 50-х – в начале 60-х годов. Сообщалось, что американской контрразведке удалось перевербовать ее. Она якобы сотрудничала с ФБР около двух лет, но, не выдержав душевного напряжения, покончила с собой.

В 1979 году вышли в свет мемуары С. Салливана – бывшего заместителя директора ФБР. Вот что в них, в частности, говорилось:

«Мне памятно одно дело, связанное с агентом-женщиной, действовавшей в Нью-Йорке в начале 60-х годов. Ее прикрытием была работа косметологом. Сотрудники нью-йоркского отделения были убеждены в том, что она работает на русских, однако они не могли разоблачить ее, применяя традиционные методы. Нам удалось получить согласие Гувера, и я приказал сотрудникам в Нью-Йорке похитить ее из квартиры, где она проживала, и привезти на конспиративную виллу, расположенную в пригородном районе.

Сначала она утверждала, что является американской гражданкой и располагает документами, подтверждающими это. Официально заявила, что намерена обратиться с жалобой в полицию. Однако наши сотрудники не позволили ей покинуть виллу. Они находились при ней день и ночь: задавали вопросы, представляли ей доказательства ее виновности, вынуждали ее сделать признание. Наконец она убедилась, что сотрудники ФБР действительно располагают против нее серьезными уликами, во всем призналась и рассказала правду.

Она была подполковником ГРУ – советской военной разведки – и дала согласие работать у нас в качестве агента-двойника. Мы разрешили ей вернуться домой в Бруклин (Нью-Йорк).

В течение многих месяцев мы поддерживали с ней связь ежедневно. Однажды, когда один из наших агентов попытался связаться с ней по телефону, дома никого не оказалось. Ее не было и на работе. Тогда он позвонил мне.

«Единственное, что мы можем сделать, – сказал я, – это проникнуть в ее квартиру».

Я сразу же позвонил Гуверу, чтобы получить согласие на эту операцию. К моему удивлению, он моментально согласился. Наши сотрудники проникли в квартиру, обнаружили ее там, но она была уже мертва. Она оставила записку для агентов, написанную в простой и вежливой форме, в которой благодарила их за корректное отношение к ней и объясняла, что у нее не было больше сил играть роль агента-двойника; что она занимала высокое положение среди женщин – сотрудниц советской

разведки и гордилась этим. Она знала, что в том случае, если она вернется в Россию, не выдержит допроса, подобного тому, которому мы ее подвергли, и расскажет о своем сотрудничестве с нами.

«У меня нет иного выбора, и я его делаю», – писала она в записке, и почерк ее слабел с каждым словом. Ее записка оборвалась на полуслове, перо прочертило линию до конца листа бумаги, ручка лежала на полу.

Сотрудники ФБР обыскали ее квартиру и изъяли находившиеся там коды, фальшивые документы, в том числе и паспорт, большую сумму в валюте, которая была передана нами министерству финансов.

Затем один из моих сотрудников позвонил в полицию, назвавшись жителем этого дома, который якобы не видел ее уже несколько дней и начал «испытывать беспокойство». Полиция обнаружила ее тело, и так как оно никогда не было востребовано, ее похоронили на кладбище «Поттерс-филд».

Автор, принимавший участие в разоблачении «крота» в ГРУ Полякова, доросшего до генеральского звания, считает, что это была умышленная дезинформация спецслужбы. На следствии, а потом и на суде он многое рассказал по поводу этого предательства.

«Селливановское признание» было от начала и до конца элементарной ложью.

Во-первых, Доброва была не подполковник, а капитан.

Во-вторых, она успела сжечь шифры и коды.

В-третьих, – ее не могли арестовать в квартире, так как Марию нашли на проезжей части, выбросившейся из окна гостиницы…

* * *

А было так: отъезд Мэйси оказался настолько поспешным, что ни о каком солидном легендировании его не могло быть и речи. Единственное, что она успела сделать, – предупредила свою помощницу по салону, что направляется на «длинный уик-энд» в Атлантик-Сити. Намекнула, что у нее есть «друг», с которым она намерена провести несколько дней, и чтобы не волновались, если она немного задержится. Тщательно просмотрела все оставшиеся дома вещи, – нет ли каких-нибудь улик, сожгла свои заметки.

Вышла из дома, тщательно проверяясь. Все было спокойно. Машину оставила в гараже. На автобусе и метро добралась до вокзала, а оттуда на ночном экспрессе – до Чикаго. Она не знала,

что там, на перроне, ее уже ждут сотрудники наружного наблюдения.

На такси поехала в отель «Мэйфлауер» в центре города. Там, чтобы не «светиться», решила провести весь день, а вечером снова на поезде выехать в Канаду. В номере было душно: старая гостиница еще не была оборудована кондиционерами. Мария подняла фрамугу окна и выглянула вниз. С высоты двенадцатого этажа людишки казались ничтожными, а машины игрушечными.

Обед заказала в номер. Его принесли подозрительно быстро, буквально через несколько минут. В дверь постучали. Она на цыпочках – неслышно подошла к дверному проему и услышала перешептывание людей у лифта и приглушенные голоса на лестничной клетке. Потом снова постучали:

– Обед, миссис!

– Подождите, я еще не готова, – спокойно ответила Мария, а сама поняла: «Как же такое могло случиться? Это все – конец!» О чем она думала в последние секунды своей жизни?

– Откройте немедленно, это ФБР, – раздался зычный голос. – Будем ломать дверь!

«Почему эти идиоты так спешат? – рассуждала Мария. – Неужели думают, что при мне есть улики и я разжигаю костер посреди комнаты, чтобы освободиться от них?»

– Откройте! – еще громче заорал неизвестный, и его тяжелое тело бухнуло в дверь. Она затрещала.

Мария лихорадочно оглянулась по сторонам. Окно! Вот оно, решение! Одним прыжком подскочила к нему, влезла на подоконник, согнувшись, выбралась из-под фрамуги наружу. И в тот момент, когда дверь, поддавшись ударам, рухнула в комнату и вслед за ней ворвались люди, Мария, прижав обеими руками юбку к ногам, сделала шаг в пустоту.

Именно так поступила Мэйси – разведчица-нелегал ГРУ, мужественная, красивая не только внешностью, а главное – душой, женщина.

Когда на следствии Полякова спросили чисто по-человечески, не жалко ему было выданных агентов, в том числе и Мэйси, он пробубнил что-то невнятное и сразу же попросил чашечку кофе. На процессе, когда обвинитель перечислял злодеяния Полякова, автор на какое-то мгновение встретился с глазами шпиона, – он быстро их опустил. Наверное, увидел в глазах визави презрение – самую утонченную форму мести.

С предательством Полякова была сломана еще одна судьба.

В Лондоне военным разведчикам удалось завербовать писаря военно-морской базы США в Нью-Порте Корнелиуса Дрюммонда. Он передавал своему оперативнику секретную информацию по

американским средствам ПВО, за что получил в общей сложности около 50 тысяч долларов. В 1962 году в результате предательства Полякова его арестовали, судили и приговорили к пожизненному заключению.

Деньги без ума – дырявая сума

Интересная по событиям и концовке была работа сотрудников ГРУ с другим американцем, Джеком Э. Данлапом – сотрудником Агентства национальной безопасности (АНБ), занимающегося перехватом и дешифровкой всех без исключения радио– и прочих сообщений зарубежных стран.

Несомненной заслугой военных разведчиков была смелость веры в этого незаметного на первый взгляд американца для ФБР, но, как оказалось, с большими потенциальными возможностями для ГРУ. Это была иголка в стоге сена, которую портному принес случайный человек, но не случайным он оказался для мастера. Военным разведчикам, в конечном счете, сопутствовал успех, окрашенный удачей или везением, какая разница. Оперативники нашли курицу, несущую золотые яйца.

Штаб-квартира АНБ располагалась в Форт-Миде под Вашингтоном. Джек был участником войны в Корее. Зарекомендовал он там себя только с положительной стороны, а поэтому был отмечен командованием правительственными наградами – орденом «Пурпурное сердце» и медалью «Бронзовая звезда».

В 1958 году он становится шофером генерал-майора Гаррисона Б. Ковердейла, начальника мозгового центра АНБ – секретариата его штаба. В обязанности Данлапа входила доставка секретных документов в различные подразделения АНБ, благодаря чему он мог выезжать за пределы Форт-Мида, не проходя досмотра. Для него как бы существовала «зеленая линия».

Будучи женатым и имея семерых детей, Данлап был по природе большим жизнелюбом и постоянно нуждался в деньгах. Поэтому поздней весной 1960 года он пришел в советское посольство в Вашингтоне и предложил продать документы АНБ. Принявший Данлапа сотрудник ГРУ, работавший под дипломатическим прикрытием, сразу оценил открывшиеся перспективы и немедленно выплатил ему аванс, обговорив условия дальнейшей связи. Это был тот случай, когда удача, а не мудрость направляет человеческую жизнь, а с другой стороны, человек никогда не подвергается большему испытанию, чем в момент исключительной удачи. Ведь могла быть и подстава!

Сведения, поступающие от Данлапа, имели огромную оперативную ценность. Так, с его помощью были получены

разные наставления, математические модели и планы НИОКР по самым секретным шифровальным машинам Агентства.

Отправленные в Центр копии материалов от Данлапа получили высокую оценку в Информации ГРУ. Руководитель управления стратегической агентурной разведки всячески поощрял дальнейшую разработку агента и указывал на строжайшее соблюдение конспирации в работе с ним.

На следующий раз инициативник передал разведчику очень важные документы американской разведки – ЦРУ, касающиеся оценки численности, степени вооруженности и состава советских войск в странах Восточной Европы, и, прежде всего, в Группе советских войск в Германии (ГСВГ) – на территории ГДР.

Каждая встреча с агентом приносила для оперативника радость, – он ведь получал важные материалы, а не дезинформацию. Это был для разведчика момент истины, когда, прикасаясь к ней, он слышал исходящую из нее музыку ликования. Но в разведке, как и в самой жизни, человеческая радость бывает сильной и глубокой лишь тогда, когда человек не знает, когда она кончится, не знает будущего или не может определить рубежи встречи с ним – его наступления.

Летом 1960 года Данлап неожиданно разбогател, что являлось демаскирующим признаком. На полученные от ГРУ деньги он купил прекрасно оборудованную моторную крейсерскую яхту и… несколько дорогих автомобилей. И хотя его оклад в АНБ составлял всего 100 долларов в неделю, столь дорогие покупки, к счастью для разведчиков, никого из окружающих не удивили. Более того, одна из любовниц Данлапа знала, что он регулярно посещает какого-то то ли бухгалтера, то ли бизнесмена и возвращается от него с толстыми пачками банкнот.

Таким образом, создавалось впечатление, что этот человек совершенно пренебрегал вопросами личной безопасности. Жил, как говорится, одним днем, и его интерес, его внимание были сфокусированы на одну сторону жизненного существования – получение денег с неразумной их тратой в последующем.

Позднее было установлено, что всего Данлап получил от ГРУ более 60 тысяч долларов, что по тем временам составляло приличную сумму. Первые подозрения в отношении Данлапа возникли, скорее всего, в начале 1963 года, после того, как он из опасения, что по окончании срока службы его могут перевести в другое место, решил стать гражданским служащим.

Дело в том, что все гражданские работники, поступающие на службу в АНБ, проверялись на полиграфе – детекторе лжи. И вот во время проверки Данлап признался «в мелких хищениях и

фактах аморального поведения».

В результате в отношении его начато было расследование, которое установило, что его расходы не соответствуют доходам. Вот уж действительно, деньги без ума – дырявая сума. Поэтому в мае 1963 года он был переведен в службу суточного наряда Форт-Мида.

Понимая, что кольцо вокруг него сжимается, Данлап 14 июля 1963 года попытался покончить с собой при помощи снотворного. Но эта попытка оказалась неудачной.

20 июля он повторил попытку самоубийства при помощи револьвера, но вмешательство приятелей и на этот раз спасло ему жизнь. И лишь третья попытка удалась. 22 июля он подсоединил кусок резинового шланга к выхлопной трубе своей автомашины, второй конец просунул в щель правого переднего окна, завел мотор и отравился выхлопными газами. Через три дня его со всеми воинскими почестями похоронили на Арлингтонском кладбище, где через несколько месяцев, 25 ноября того же года, найдет упокоение тридцать пятый президент США Джон Кеннеди.

Вполне возможно, что о предательстве Данлапа так бы никто и не узнал, если бы через месяц после смерти его вдова не обнаружила в доме тайник с совершенно секретными документами, которые он не успел передать сотруднику ГРУ, поддерживавшему с ним связь. Она незамедлительно принесла их начальству по его месту работы. Началось расследование, установившее факт сотрудничества Данлапа с ГРУ.

Голый министр обороны

Разведка – особый мир. О том, какова в ней роль женщины, большинство наших граждан судили по сериалу «Семнадцать мгновений весны» с его радисткой Кэт в своем знаменитом берете. Но в действительности роль женщины в разведке чаще всего совершенно иная, и женские чары шли здесь в дело значительно чаще, чем умение выстукивать точки и тире на радиопередатчике. Об одной «медовой ловушке» в лондонском тумане повествует книга Е. Иванова и Г. Соколова «Голый шпион». Речь идет в завязке: офицер ГРУ Евгений Иванов – Кристина Киллер – министр обороны Великобритании Джон Профьюмо.

Это история тайной операции, исполнителем которой стал офицер ГРУ Е. М. Иванов в знаменитом «скандале века» и загадочном «русском следе». Запомнился он сослуживцам, – высокий, плечистый, стремительный, с копной вьющихся поседевших волос моряк в форме капитана 1-го ранга и умением заговорить любого. Обладал редким качеством – располагать к себе людей, но для разведчика оно не такое и редкое, скорее

профессиональное.

Евгений Михайлович Иванов родился в 1926 году в Пскове. Его отец был командиром в Красной Армии, а мать – дворянкой из рода Голенищевых-Кутузовых. Иванов, как и отец, связал свою жизнь с армией. После окончания в 1953 году Военно-дипломатической академии был направлен для работы в Норвегию и за 5 лет успел завербовать двух норвежских офицеров ВМФ. Они передавали ему ценную информацию по НАТО. Но прославился он не этими норвежскими вербовками, а в так называемом «скандале Профьюмо» в Англии, разразившемся в 1963 году. Впрочем, и в Норвегии у него складывались забавные ситуации, о чем он не без юмора поведал в своей вышедшей в 1992 году в Лондоне книге «Шпион в голом виде». Вот небольшой отрывок из нее:

«– Евгений Михайлович, а зачем вы ходите на курсы игры в бридж? Ну, я понимаю, когда нужно выучить язык или освоить вождение автомобиля. А в карты-то вам зачем учиться играть, да еще на государственные деньги?

Я никогда не забуду этот напрямик поставленный мне полунаивный вопрос молоденького стажера в советском посольстве в Норвегии, которого мне было поручено опекать. Парнишка был явно озадачен тем, как я усердно заучивал правила игры в бридж, готовясь к практическим занятиям на курсах. У бухгалтера посольства дотошный стажер узнал, сколько стоят эти занятия. Услышав сумму, превышающую его двухнедельный скромный оклад, стажер пришел в еще большее смятение. Юный Пинкертон усмотрел в этом моем расточительстве нечто вредительское, антигосударственное и хотел во что бы то ни стало вывести меня на чистую воду.

Тем бдительным и наивным по молодости лет пареньком был Володя Грушко, в середине 50-х гг. стажер в советском посольстве в Норвегии, а три десятилетия спустя первый заместитель председателя КГБ».

В начале 1960 года в Лондон руководство ГРУ направило нового военно-морского атташе капитана 1-го ранга К. Н. Сухоручкина. Помощниками у него стали И. Сакулькин и Е. Иванов, положительно зарекомендовавшие себя по работе соответственно в США и Норвегии. Они вместе под видом изучения страны, как туристы, приступили к визуальному сбору разведывательной информации. Они быстро установили местонахождение и состояние американских военных объектов в Лондондерри в Ирландии, а в Холли-Лох – Шотландия провели наблюдение за строительством базы американских подводных лодок. Посетили они и английские военно-морские базы в

Плимуте, Госпорте, Портсмуте, Портленде.

Как разведчики, они занимались и установлением личных контактов. Больше в этом деле повезло Евгению Иванову. В Лондоне он познакомился с доктором Стивеном Уордом, пользовавшимся известным авторитетом в английских политических и общественных кругах. Он был не только хорошим врачом, но и неплохим живописцем. Хорошо разбирался в политике. Как врач и художник, обладал широкими связями среди лондонского истеблишмента. Через него Иванов вышел на лорда Астора и Джона Профьюмо, министра обороны в правительстве Г. Макмиллана, и даже рассматривавшегося на пост премьер-министра. Однако у него, как у темпераментного выходца из горячей Италии, была одна слабость – женщины. На одной из вечеринок он познакомился с юной жрицей любви, 18-летней красавицей Кристин Киллер.

В лондонской резидентуре ГРУ знали, что она является любовницей доктора Уорда, так как он не раз появлялся с нею на представительских приемах в советском посольстве. Позднее военные разведчики установили и факт ее близких отношений с Профьюмо. Однажды один из отвергнутых ухажеров, наркоман, выходец из Америки, ночью открыл огонь из пистолета по окнам квартиры Киллер. Полиция задержала незадачливого влюбленного. В ходе разбирательства на поверхность всплыли имена Уорда, Профьюмо и, как ни странно, Иванова.

Во избежание скандала руководство ГРУ срочно приняло решение об отзыве Иванова в Москву. Но было уже поздно, – стараниями журналистов заурядная любовная интрижка министра обороны была раздута в шпионскую историю века – «скандал столетия» с «загадочным русским следом». В прессе сообщалось, что Киллер являлась любовницей не только Уорда и Профьюмо, но и Иванова и что последнему она рассказывала государственные секреты, которые узнавала в постели у министра обороны. Более того, в прессе появились утверждения, что во время одного из любовных свиданий Иванов якобы просил Киллер выведать у Профьюмо о намерениях Англии поставлять ядерное оружие ФРГ.

Расследованием дела Профьюмо занималась специальная парламентская комиссия во главе с лордом Деннингом. Завершила она работу выводом – скомпрометировавшая министра обороны связь не нанесла ни малейшего ущерба национальным интересам и безопасности Великобритании. Но Профьюмо пришлось все-таки уйти в отставку. Беда не обошла стороной и Уорда. Его обвинили в содержании борделя с девицами типа Киллер, которых он за определенную плату

поставлял богатым клиентам. В июле 1963 года против него начался судебный процесс. Не вынеся развернувшейся травли, Уорд покончил жизнь самоубийством.

* * *

Для журналистов эта история стала обрастать всякими «подробностями». Говорилось, что Иванов специально свел Профьюмо с Киллер для компрометации и последующей вербовки министра для сотрудничества о ГРУ. Но это была очередная глупость тех, кто слова оценивает деньгами. 25 июня 1963 года Евгений Михайлович Иванов в объяснительной записке на имя Петра Ивановича Ивашутина откровенно написал:

«…Знакомство с Уордом было установлено и поддерживалось до моего отъезда из Англии… с целью получения военно-политической информации и выхода на интересующих нас лиц. Кроме того, он организовал ряд встреч с осведомленными лицами из МИДа, парламента, руководства Консервативной партии и делового мира. С Киллер я познакомился на даче Уорда в присутствии П. Манна и ряда гостей. Однажды Уорд пригласил нас купаться в бассейн на территории поместья лорда Астора. Вскоре туда пришел Астор, президент Пакистана со своим верховным комиссаром в Лондоне и послом в Бонне, военный минстр Профьюмо и еще три-четыре человека, среди которых была и Киллер. Обратило на себя внимание открытое ухаживание, возня в бассейне и фотографирование Профьюмо Киллер (жены Профьюмо там не было, что не соответствует его заявлению в парламенте).

Я наблюдал за всем со стороны и ждал возможности поговорить с Профьюмо, что удалось после купания. На следующий день я доложил капитану 1-го ранга тов. Сухоручкину о беседе с Профьюмо…

Несколько позже я встретил Киллер у Уорда. Судя по ее туалету (что-то вроде ночной рубашки), они недавно встали с постели. До меня там уже был один партнер, и 5—10 минутами позже пришел политический корреспондент «Таймс» Линдсей. Мы играли в бридж. Киллер по просьбе Уорда приготовила нам кофе, а часам к десяти ушла.

Недели через две я опять встретил Киллер у Уорда, имея задание руководства организовать через него встречу с Кутом, Николсоном или кем-нибудь еще из числа осведомленных лиц для получения запрошенной Центром информации. Уорд предложил пойти в бар. В беседе он спросил, не организовать ли

встречу с Ллойдом или Кутом за бриджем против меня с ним, перебрал еще несколько имен и добавил, что мог бы устроить встречу с Профьюмо, который находится сейчас у него дома с Киллер. Было десять часов. Я заметил себе это, но не стал ничего уточнять и продолжил прежнюю беседу. Не помню, в этот вечер или позже Уорд высказал замечание, что у Профьюмо симпатичная жена, а он не прочь развлечься с другими.

На следующий день я доложил тов. Сухоручкину о перспективах организации нужных встреч и рассказал о Профьюмо – Киллер в следующей форме:

«Мы могли бы шантажировать военного министра, нам точно известна любовница, место и время их встреч. На всякий случай подготовить бы мой отъезд и явиться к Профьюмо с предложением дать те или иные данные, пригрозив еще о наличии фотографии».

Кроме того, я высказал мнение, что, может быть, следует сообщить о похождениях Профьюмо КГБ, который, возможно, собирает подобные данные на руководящих лиц…

Позже я встречал Киллер несколько раз в компании Уорда в его доме и на даче… В тех случаях, когда я присутствовал в одной с ней компании, бесед между нами не было. Обмен фразами, замечания в общих беседах, и не более. Был случай на даче, когда у нас с Уордом шел разговор на военную тему. К нам подошла Киллер и, услышав беседу, заявила: «Я могу спросить об этом Профьюмо, хотите?»

Долю секунды я подумал, что иметь около него толковую женщину-агента было бы недурно. По отношению к Киллер у меня никогда такой мысли не возникало. Личного общения у меня с ней не было. Я даже не знал, в какой части города она живет. Угощений, выходов в рестораны или клубы даже в компании в ее присутствии не было.

Обстановка в доме Уорда и на его даче в моем присутствии была достаточно здоровой. Там бывали молодые и пожилые пары. Одни из частых посетителей даже позже поженились. Даже такие, как Киллер, вели себя пристойно. Может быть, так подобает любовницам их класса. Этого же мнения придерживается моя жена, посещавшая дачу и встречавшая Уорда и его знакомых в городе. На ночь у Уорда я никогда ни с женой, ни без нее не останавливался».

* * *

Что же в остатке? В итоге от очередного «скандала века»

остался только тот факт, что любовными похождениями министра-консерватора воспользовались определенные политические круги Англии. Для Евгения Михайловича он обернулся полным крушением карьеры. Автору не раз приходилось встречаться с ним по службе, разговаривать на бытовые темы, делиться впечатлениями. Он был умница и оптимист.

После возвращения в СССР он стал «невыездным». В 1981 году вышел в отставку и до 1989 года работал в АП «Новости», после чего ушел на пенсию. Умер в 1994 году. За год до своей смерти в 1993 году в Москву приезжала Кристин Киллер. Они встретились в столице и сфотографировались на Красной площади. Спустя 30 лет Евгений Иванов и Кристин Киллер вспомнили бурную молодость. Намного больше его пережил Профьюмо. Новостные ленты Лондона в марте 2006 года напомнили, что в ночь на 10 марта в Великобритании в возрасте 91 года от сердечного приступа скончался Джон Профьюмо – бывший министр обороны королевства и главный герой печально известного «дела века».

По-человечески было жалко смелого и профессионально подготовленного военного разведчика Евгения Михайловича Иванова. Вот уж действительно – два величайших тирана на земле: случай и время!

Под псевдонимом Орел

В марте 2006 года в Швеции в возрасте 99 лет в стокгольмском доме престарелых умер один из ценных агентов ГРУ 50—60-х годов прошлого века в Скандинавии, бывший полковник шведского генерального штаба Стиг Эрик Веннерстрем. Не случайной была его кличка – Орел. Он родился в состоятельной семье, был мастером спорта по водным и горным лыжам, занимался фотографией, участвовал в автогонках, являлся отличным пилотом, был чемпионом Швеции по керлингу.

Он владел восемью иностранными языками, кроме родного, шведского – говорил на норвежском, датском, немецком, английском, финском, французском и русском языках. Его жена являлась дальней родственницей шведского короля Густава VIII Адольфа, что немало способствовало его карьере военного дипломата в Москве и Вашингтоне.

Согласно архивным данным шведской полиции, полковник ВВС Швеции Стиг Веннерстрем был завербован советской военной разведкой в 1948 году, на заре «холодной войны», когда он занимал должность военного атташе посольства Швеции в Москве. Работая в советской столице, он, как и многие другие молодые люди с Запада, проникся симпатией к русскому народу.

Под псевдонимом Орел он сотрудничал с ГРУ около 15 лет. Но активная работа с ним началась после того, как он стал работать в американской столице.

Передаваемая Орлом информация носила исключительно важное значение. Она касалась вооруженных сил США и стран НАТО. Так, он раздобыл материалы с тактико-техническими характеристиками ракеты «Хок». Во время Карибского кризиса Стиг постоянно сообщал сведения о поведении американских войск и приведении в состояние боевой готовности ВМС США, о выходе их в Атлантический океан с целью блокады Кубы.

В переданных им в СССР материалах содержались сведения о планах развития НАТО. В частности, о размещении подразделений и частей армии США на европейском континенте, разработках в области авиационной техники и плановых учениях.

Кроме того, по наводке Веннерстрема 13 июня 1952 года был сбит в районе острова Готланд советским истребителем МиГ-15 шведский самолет DC-3 с восемью членами экипажа, занимающийся по заданию американцев сбором разведданных. Пентагону было важно как можно больше узнать о советской ПВО в районе латвийского и эстонского побережий – именно через этот «балтийский коридор» в случае атомной войны должны были идти американские и британские бомбардировщики с атомными бомбами на Ленинград и Москву. На борту этого «ворона» находилось ультрасовременное американское радиоэлектронное оборудование шпионажа. Даже название самолета «Хугин» – одного из воронов бога Одина, сообщавших ему все новости мира, говорило об истинном предназначении самолета DC-3.

Стиг был смел и удачлив, однако при контактах со своими советскими друзьями военными разведчиками В. Никольским и Г. Барановским часто пренебрегал правилами конспирации. Он мог среди ночи позвонить советскому военному атташе в Стокгольме и попросить его о немедленной встрече или утром по пути на работу заехать за ним домой и отвезти в советское посольство.

На все замечания разведчиков он отвечал, что как начальнику секции Командной экспедиции министерства обороны Швеции, осуществлявшей контакты с иностранными военными атташе и выполнявшей функции военной разведки и контрразведки, ему нечего бояться. Кроме того, он успокаивал оперативников, что связи советского военного атташе контролируются им лично.

В 1961 году Веннерстрему исполнилось 55 лет, и по существующим законам он вышел на пенсию. Ему предложили две гражданские должности – консула в Испании и советника по вопросам разоружения в МИДе. Было бы рационально направить

его в Испанию, но в Москве рассудили иначе и потребовали, чтобы он продолжал работу в Швеции.

Однако в Центре не учитывали, что после увольнения из армии Веннерстрем уже не имел прежних возможностей, и продолжали ставить перед ним задачи военного характера. Теперь же требуемую информацию ему приходилось добывать окольными путями, что неизбежно должно было привлечь к нему внимание контрразведки. Кроме того, он уже не мог, как раньше, свободно посещать дипломатические приемы, что затрудняло контакты с ним…

Поэтому в Центре решили, что оператором Веннерстрема вместо военного атташе В. Никольского будет Г. Барановский, имевший более низкий дипломатический ранг. Но все эти предосторожности не спасли Веннерстрема от провала. И во многом здесь виновато руководство ГРУ. Перед увольнением из армии Веннерстрема пригласили в Финляндию на конспиративную встречу с заместителем начальника ГРУ генерал-лейтенантом П. Мелкишевым. Повод для встречи был пустяковый: московский начальник хотел поблагодарить агента за проделанную работу. А ведь это с таким же успехом мог сделать на месте, в Стокгольме, и Никольский.

Но главная ошибка заключалась в том, что для встречи с Веннерстремом Мелкишев воспользовался квартирой заместителя резидента КГБ в Хельсинки А. Голицына, который в декабре 1961 года бежал в США. Так шведская контрразведка получила первичный сигнал о советском «кроте» в министерстве обороны.

Второй сигнал о «кроте» поступил в Швецию из Англии. Дело в том, что всю разведывательную информацию о новых западных вооружениях ГРУ передавало тем, кто в ней больше всего был заинтересован – советскому ВПК. Поэтому поступавшие от Веннерстрема документы попадали и в Комитет по науке и технике, где с 1960 года работал небезызвестный О. Пеньковский. И когда в 1961 году он предложил свои услуги англичанам, они достаточно быстро установили, что данные о новейших образцах западного оружия поступают в СССР из Швеции.

Таким образом, кольцо вокруг Веннерстрема начало сжиматься. Дотошные бухгалтеры из контрразведки подсчитали, что за год расходы Веннерстрема превысили его доходы на 17 тысяч крон. (ГРУ выплачивало ему довольно скромную сумму – около 3000 крон в месяц, но его постоянные разъезды по Европе по заданию резидентуры требовали больших расходов.)

После этого в дом Веннерстрема в качестве домработницы была внедрена женщина, Карин Росен – агент шведской контрразведки СЭПО. В один из дней во время уборки она

обнаружила среди стройматериалов на чердаке его виллы шпионское снаряжение. Но полностью изобличить Веннерстрема в шпионаже контрразведка смогла только тогда, когда ее агенту удалось выкрасть из его дома фотопленку «Щит» с переснятыми им накануне секретными документами…

20 июня 1960 года Веннерстрема арестовали по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Улики, предъявленные ему, были неопровержимы, и ему ничего не оставалось делать, как признать свою вину. Назвал он и своих последних операторов – В. Никольского и Г. Барановского. Правительство Швеции немедленно объявило их персонами «нон грата», и на следующий день они на сухогрузе «Репнино» покинули Стокгольм.

Суд приговорил Веннерстрема за шпионаж к пожизненному заключению. В своем последнем слове Веннерстрем отрицал свою вину и заявил, что история рассудит, был ли он прав, борясь вместе с русскими за мир. В конце 1980-х годов Веннерстрема, достигшего весьма преклонного возраста, освободили, и он написал о своей работе на ГРУ мемуары.

Итак, ляпы Серова по работе с агентом Орел и их последствия приходилось расхлебывать уже команде Петра Ивановича Ивашутина.

Русские корни

Военная разведка СССР на протяжении всей своей недолгой истории большое внимание уделяла Франции. В мае 1945 года после безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии окончилась Вторая мировая война в Европе. Если среди рядовых солдат и офицеров стран-победительниц преобладали чувства доверия и благодарности друг к другу, то руководители государств Большой тройки – США, Франции и Великобритании – подобных чувств не испытывали. Больше того, спецслужбы этих стран стали постепенно с каждым месяцем и годом прессинговать наши вооруженные силы, стоящие гарнизонами в Европе. Нашим разведкам – политической (ПГУ) и военной (ГРУ) – пришлось отвечать «взаимностью». Активность ГРУ особенно возросла с началом «холодной войны». Об одной операции и пойдет речь в этом очерке.

В поле зрения наших военных разведчиков попался гражданин Франции некий Дмитрий Волохов, родившийся в семье русских эмигрантов. Это был образованный молодой человек. Он окончил Парижскую школу восточных языков, и работал во французском Институте ядерных исследований (ИЯИ). Широкий общекультурный кругозор, знание языков и докторская степень привлекли внимание наших оперативников. Докторскую диссертацию он защитил в ИЯИ.

После призыва в армию его направили в инженерный полк. Так как он знал русский язык, его привлекли к написанию обзора статей в советской прессе, посвященных выполнению пятилетних планов. Именно с этой целью командование направило его в Париж, где он обратился за помощью в подыскании необходимых материалов в советское информационное бюро при посольстве СССР во Франции.

Руководил этим своеобразным пресс-бюро А. Стриганов – сотрудник парижской резидентуры советской военной разведки. Для него эта должность была своеобразной «крышей». После на первый взгляд ненавязчивых вопросов сотрудник ГРУ уже мог записать в свой информационный кондуит такие ответы на вопросы – о цели визита Волохова, его происхождении, семейном положении, родственниках, местах учебы и службы и многом другом. Затем Стриганов предложил французу поработать переводчиком.

– А если я вам предложу дополнительный заработок? Работа для вас не обременительная, – улыбнулся советский дипломат.

– Какая?

– Переводчиком с французского на русский.

– А что за материалы?

– Пресса – статьи из газет и журналов, – успокоил его Стриганов.

– Согласен, но так, чтобы без всякой рекламности, – утвердительно закивал Дмитрий.

Недавно женившись, Волохов с радостью принял это предложение и продолжительное время выполнял для Стриганова переводы, получая за это приличные гонорары. Он справедливо считал, разделяя взгляд на них со своим земляком Оноре де Бальзаком, что деньги нужны даже для того, чтобы без них обходиться. Он верил, что именно русские корни принесли ему счастье подработок, что для семейного бюджета что-то стоит.

«Что ж, «прикорм» проходит нормально, – рассуждал Стриганов, – он не догадывается, что они его усыпляют. Он верит, что зарабатывает честно своим трудом. Это же не бешеные деньги, которые не кусают, а душат. Посмотрим, что будет дальше»

А дальше? Дальше Волохова перевели из инженерных частей в лабораторию радиационных измерений, что подтолкнуло Стриганова ускорить его вербовку, так как процесс изучения и так уже затянулся. Хотелось отметиться галочкой перед резидентом и Центром, – приобрел агента!

Однако как только военный разведчик стал ему задавать вопросы о его новой службе, тот испугался и немедленно прервал

все контакты с ним…

* * *

В 1960 году Волохов демобилизовался из армии и устроился на работу инженером-атомщиком в фирму, занимающуюся строительством завода по разделению изотопов в Пьерллат. Сотрудникам ГРУ жалко было терять такого кандидата, и они снова вышли на его след. Играя на религиозных и земляческих чувствах, другому сотруднику военной разведки Поройнякову удалось все же привлечь Волохова к негласному сотрудничеству. Результат был ошеломляющим. Только за четыре года работы в строительной фирме он передал советскому разведчику большое количество совершенно секретных документов, в том числе полный план завода в Пьерллат и так называемый предварительный проект «60». Он позволил советским специалистам-ядерщикам определить еще до установки оборудования количество обогащенного урана, которое предполагалось получать на заводе, а значит, и количество атомных бомб, которыми могли бы располагать французы.

Кроме того, с помощью полученного от своего оперативника специального фотоаппарата «Контакс Д» Дмитрий переснимал технические карточки из библиотеки Скале и Комиссариата по ядерной энергии. Полученные материалы он передавал сотрудникам ГРУ при помощи тайников, расположенных в разных местах Парижа и его пригородах.

В таком режиме он работал на ГРУ 12 лет. Но случилось то, что случилось. В одной из бесед со своим оператором – помощником военного атташе посольства СССР во Франции, полковником ГРУ Юрием Рылевым Дмитрий Волохов признался, что его тесть Жан П. работает во французском посольстве в Белграде шифровальщиком. У разведчика созрел авантюрный план – а не попробовать ли завербовать француза-секретоносителя. Он просит написать своего агента рекомендательное письмо родственнику, что Дмитрий и сделал, не предвидя тех тяжелых последствий, к каким привела эта грубейшая ошибка Рылева.

30 августа 1971 года Юрий Рылев появляется у дома Жана П. После передачи ему рекомендательного письма от зятя – Дмитрия Волохова, который просил принять своего друга, француз доверчиво допустил его в дом. После нескольких банальных фраз о кончающемся лете Рылев неожиданно приступил к делу.

– Я приехал в Белград не как турист, меня больше интересуют коды, использующиеся посольством Франции с МИДом, – заговорщически проговорил советский офицер.

Наступила небольшая пауза.

– Ах ты, гнида, ты считаешь, что меня можно купить? Вон отсюда, вон из моего дома! – орал в ярости хозяин.

Несолоно хлебавши, Рылев возвратился в Париж, молясь всем святым, чтобы дело на этом закончилось.

На следующий день Жан проинформировал МИД своей страны. Провокация ему показалась столь чудовищной, что он подумал как об очередной его проверке на безопасность. Поэтому он рассказал все, в том числе и о рекомендательном письме своего зятя. Служба безопасности МИДа сразу же поставила в известность контрразведку страны. 8 сентября 1971 года 39-летнего инженера-атомщика Дмитрия Волохова задерживают.

3 мая 1973 года Суд государственной безопасности Франции вынес вердикт. За измену Родине в форме шпионажа на СССР подсудимого приговорили к 10 годам лишения свободы.

Спешка и глупость офицера-разведчика привели к таким трагическим последствиям. Подвели его русские корни агента. Вот уж нарочно не придумаешь!

Враг бурам – друг СССР

Великобритания с ее доминионами была одним из главных объектов внимания ГРУ в начале шестидесятых. Наиболее ценным агентурным приобретением советской военной разведки можно считать коммодора – капитана 1-го ранга ВМФ ЮАР Дитера Герхарда. Он родился в 1936 году в семье небогатого немецкого архитектора, эмигрировавшего из Германии в ЮАР в годы Великой депрессии. Но несмотря на эмиграцию, отец не скрывал своих профашистских симпатий. Органы безопасности следили за людьми такой политической ориентации. Как только началась война, а ЮАР выступила на стороне антигитлеровской коалиции, Герхарда интернировали.

Его сын Дитер, самолюбивый и тщеславный юноша, в пику на демарш местных властей против родителя, выразил свой протест своеобразно – взял и украл автомобиль. Полиция сразу же завела на него уголовное дело. Но отец через свои связи сумел добиться, чтобы чадо не попало в тюрьму. Сын был призван на военную службу. Он попал в престижный род войск – военно-морские силы страны.

Личная жизнь у него сложилась тоже удачно. Он женился на богатой англичанке Джанет Коггин, получив в качестве свадебного подарка 5 тысяч фунтов и три легковые автомашины марки «Роллс-Ройс» в полное распоряжение.

Но внутренне он не мог забыть унижений молодости, когда его как сына эмигранта не приняли в сословное общество. Как говорил Дрюон, когда проходит время любовных утех, только удовлетворенное тщеславие способно дать человеку радость или, по крайней мере, развлечь его. Просто безбедное существование не удовлетворяло его самолюбие. Расовые предрассудки постоянно впрыскивали адреналин в кровь. И вот возникло желание «показать этим бурам, на что он способен». А затем ненависть к системе апартеида подтолкнула Герхарда установить связь с советской разведкой лишь бы хоть как-то насолить южноафриканцам.

Свой первый шаг в этом направлении он сделал в 1962 году. Находясь в командировке в Лондоне, он явился в советское посольство и попросил связать его с военным атташе…

Именно с этого времени в списках ГРУ появился новый агент под псевдонимом Феликс. Вербовка считалась удачной, так как Герхард был не только молодым перспективным офицером ВМФ, но и вращался в самых высоких военных и правительственных кругах ЮАР. Так, среди его друзей числились будущий премьер-министр Питер Бота и командующий ВМФ Бирманн. Поэтому профессиональной подготовке своего негласного помощника в ГРУ уделяли самое серьезное внимание. За все время работы на советскую военную разведку он пять раз приезжал в Москву, где проходил курсы переподготовки, а связь с ним, как с ценным агентом, поддерживалась только путем непосредственных контактов в нейтральных странах.

Диапазон собираемой им информации был достаточно широк и глубок. Агентурные материалы касались объектов НАТО, планирования учений и перевооружения блока, британских морских вооружений, включая ракетные. Он собрал все тактико-технические характеристики французской ракетной системы «Экзосет» и многое другое.

Но неожиданно в семейной жизни Герхарда произошел крутой поворот. Во время рождественских каникул 1968 года Дитер познакомился в Швейцарии с 27-летней Рут Йор, работавшей секретаршей известного швейцарского адвоката.

Как говорится, змея меняет кожу, природа – вид, мужчина – убеждения и любовниц, женщина – туалеты и любовников, но каждый в конце концов остается самим собой.

Через год она стала его второй женой, а еще через год он… признался:

– Рут, я давно хотел тебе сказать, что у меня есть вторая работа.

– Какая? – естественно, поинтересовалась супруга.

– Я помогаю советской разведке… Работаю на нее.

– ???

– Что ты на это скажешь?

– Что я могу сказать, – нравится такая работа, продолжай, а я-то при чем?

Итак, Рут восприняла его признание совершенно спокойно и не стала задаваться вопросами о правильности его выбора. Но со временем она стала выполнять роль связной, передавая собранные мужем материалы его руководителю из числа сотрудников советского посольства в Швейцарии. Она часто ездила на родину, навещая родную мать, поэтому все было естественно и объяснимо. Как и Герхард, Рут Йор дважды приезжала в советскую столицу, где специалисты ГРУ обучали ее необходимым навыкам для приема и дешифровки сообщений из Центра. Она тоже была завербована и проходила в ГРУ под кличкой Лина.

Шло время – ценность Феликса для ГРУ чрезвычайно возросла после того, как Дитер Герхард получил звание коммодора и был назначен заместителем начальника военно-морской базы Саймонстаун по материально-техническому обеспечению. У него в подчинении теперь находилось около трех тысяч человек – рядовых матросов, офицеров и вольнонаемных. Он также по нарезанным ему служебным обязанностям отвечал за строительство и боеспособность всего военно-морского флота ЮАР.

Благодаря этой высокой должности Феликс получил неограниченный доступ ко всем секретам этой самой большой базы электронного слежения в Южном полушарии. Расположенная на стыке пригородов Кейптауна, Констанции и Муизенберга, она была оснащена самым современным западным оборудованием, в основном американским и японским. Аппаратура электронного слежения позволяла следить за кораблями и самолетами во всей Южной Атлантике, улавливать и расшифровывать сигналы с советских кораблей, находящихся в районе Владивостока.

Феликс и Лина, – как рассказал Петр Иванович Ивашутин накануне своего 90-летия писателю Владимиру Лота, – скорее всего, никогда бы не попали в поле зрения контрразведки. Связь с Линой поддерживал разведчик-нелегал ГРУ полковник Виталий Васильевич Шлыков. Опытный разведчик, он хорошо знал свое дело. Но разведка – это балансирование на острие ножа. Неудача может произойти в любое время. В разведке самое опасное оружие – предательство. Предательство, может, кому и нравится, предатели же ненавистны всем. Здесь это оружие тоже сработало.

Так случилось и с Дитером Герхардом. Американская контрразведка установила, что он является советским агентом.

Сначала в январе 1983 года арестовали Герхарда, а затем и его жену Рут – Лину – арестовали по обвинению в шпионаже в пользу СССР.

В ГРУ такого провала не ожидали. Обстановка еще более обострилась и усугубилась, когда стало известно, что в Швейцарии арестован разведчик-нелегал полковник Виталий Шлыков.

ГРУ предприняло меры, чтобы добиться освобождения своего офицера. Тем не менее около двадцати месяцев Шлыкову пришлось провести в швейцарской тюрьме.

После освобождения из тюрьмы он вылетел в Прагу, где его встретили коллеги по специальной службе. Шлыков прибыл в Москву. В центральном аппарате ГРУ к нему отнеслись доброжелательно. Его никто ни в чем не обвинял. Все, кто был в курсе дела, понимали, что провал произошел не по его вине. Однажды Виталия Васильевича Шлыкова пригласили в кабинет начальника ГРУ. Ивашутин вручил разведчику заслуженный им орден, поблагодарил за многолетнюю и успешную работу и предложил новую должность…

Причиной их провала стало предательство высокопоставленного сотрудника управления научно-технической разведки ПГУ КГБ В. Ветрова, который по своему служебному положению имел доступ к информации, получаемой от агента ГРУ Феликса.

Суд над Герхардом и его женой состоялся в августе 1983 года и продолжался четыре с половиной месяца. 31 декабря 1983 года был вынесен приговор, Дитера Герхарда приговорили к пожизненному тюремному заключению, а Рут Герхард – к 10 годам.

В конце концов Рут Герхард досрочно освободили. Она поселилась у матери в Швейцарии. За Герхарда неожиданно похлопотал Борис Ельцин. Он обратился к де Клерку с просьбой об его освобождении. 27 августа 1992 года Дитер Герхард вышел на свободу.

Так была провалена ценная агентурная пара ГРУ совсем не по вине военных разведчиков.

Агент ГРУ – Стиг Берглинг

Известным агентом ГРУ в семидесятые годы был швед Стиг Берглинг. Родился он в 1937 году. По характеру являлся авантюристом и безрассудным искателем приключений. Сначала служил начальником криминальной полиции, потом с 1968 по 1979 год офицером ООН на Ближнем Востоке, а затем, несмотря

на возражения со стороны коллег, его приняли на службу в шведскую полицию безопасности – СЕПО. На этой должности он выполнял функции офицера связи со штабом обороны.

В 1976 году, когда Берглинг еще находился на Ближнем Востоке, его завербовали сотрудники советской военной разведки. Вербовку они провели с учетом его определенных черт характера, граничащих с безрассудством, – тщеславия, постоянно испытуемой жажды приключений и любви к шикарной жизни. Как говорится, можно человека излечить от безрассудства, но нельзя исправить кривой ум. Именно он толкает человека туда, где глупость – образец, там разум – безумие.

С тех пор как Стиг почувствовал, что у него появятся большие деньги и он сможет наслаждаться жизнью, он начал охотно делиться с советскими товарищами информацией. А ему было что рассказать, поскольку и в СЕПО, и в штабе обороны Берглинг имел доступ к совершенно секретным, особой важности документам.

Например, в 1977 году он сообщил, что советский военный атташе Г. Федосов собирается попросить на Западе политическое убежище. В результате Федосова отозвали в Москву, но наказания, как ни странно, он не понес. Вероятно, руководство ГРУ посчитало, что Берглинг несколько преувеличивает, желая обезопасить себя лично от возможного провала.

Но с Берглингом судьба обошлась так же, как он поступил с Федосовым. Как говорится в народе: ябедника на том свете за язык вешают; делай не ложью, и все выйдет по-божью. Не вышло по-божьи, – шведского агента ГРУ выдал сотрудник ПГУ КГБ О. Гордиевский, ставший изменником и бежавший в Англию. В 1977 году предателю стало известно, что ГРУ удалось завербовать агента в СЕПО, о чем он незамедлительно поставил в известность своих хозяев из СИС. Англичане немедленно проинформировали об этом Государственное управление полиции Швеции, и его начальник К. Персон сразу же вылетел в Лондон, чтобы лично допросить советского информатора. Гордиевский рассказал Персону все, что знал по поводу этой вербовки. В результате шведская контрразведка вышла на Берглинга и взяла его в активную оперативную разработку. И уже в марте 1979 года, когда были собраны все необходимые доказательства его причастности к агентуре советской разведки, Берглинга арестовали.

В декабре 1979 года состоялся суд, признавший его виновным в работе на СССР и по статье о шпионаже приговоривший его к пожизненному тюремному заключению.

Как государственного преступника первоначально его

держали в строгой изоляции от других заключенных. За примерное поведение и строгое выполнение обязанностей заключенного со временем его режим пребывания в тюрьме был ослаблен.

Ему даже разрешили заключить брак со шведской гражданкой Элизабет Сандберг и взять ее фамилию и новое имя – Эжен. Дважды – в 1985 и 1987 годах – Берглинг подавал прошения о помиловании, но всякий раз они отклонялись под давлением СЕПО. По всей вероятности, именно тогда у него созрел дерзкий план побега. Он посчитал эту идею осуществимой и философски подкрепил себя размышлением, что идея – единственный поток мыслей, который движет человеком и миром. Почему бы не воспользоваться этим потоком?!

В ночь на 6 октября 1987 года во время встречи с Элизабет в ее загородном доме в местечке Ринкебю под Стокгольмом Берглинг обманул охрану и вместе с женой бежал. На двух автомобилях они прибыли в порт Гриссленханн, а оттуда на пароме отправились в Финляндию, в Турку, где вступили в контакт с сотрудниками ГРУ, работавшими под «крышей» советского генерального консульства. Беглецов немедленно переправили в посольство СССР в Хельсинки. Там они находились до 10 октября, пока шла подготовка к их нелегальной переброске в Москву. Через советско-финскую границу их перевезли в район Выборга, причем сам Берглинг ехал в багажнике автомобиля. И опять появилась мистика – Гордиевского англичане также вывезли из СССР в багажнике автомобиля.

А в это время в Швеции контрразведка и полиция стояли, как говорится, «на ушах». Розыск был объявлен по всем странам Скандинавии. Арендованный Элизабет автомобиль был вскоре обнаружен в окрестностях финской столицы.

В Москве Берглинг прошел подготовку для выполнения новых заданий для военной разведки. В качестве тренировки он совершил поездку в Венгрию. Посетил ее столицу Будапешт, откуда вернулся в 1989 году.

В 1990 году он и его жена с паспортами на имя английских подданных Рональда Чарльза Абая и Сильвии Тин Абай были переброшены в Ливан, где выполняли задание ГРУ.

Однако неожиданно для всех в августе 1994 года Берглинг добровольно вернулся в Швецию и был вновь помещен в камеру тюрьмы «Халл» для отбывания пожизненного заключения. Причины, толкнувшие его на этот шаг, до сих пор неизвестны. Его жена Элизабет тоже вернулась вместе с ним. В отношении ее сразу после побега начали предварительное следствие за содействие побегу. За это ей грозило наказание в виде двух лет

лишения свободы. Но срок давности такого состава преступления в Швеции 5 лет, и поэтому дело против Элизабет Сандберг прекратили 1 октября 1992 года. Впрочем, в это время она уже была тяжело больна и в 1994 году умерла от рака.

Оказавшись в тюрьме, Берглинг снова начал подавать прошения о помиловании, мотивируя их, в частности, тем, что государства, в пользу которого он шпионил, уже нет на картах мира. Кроме того, у него начала развиваться болезнь Паркинсона. А летом 1996 года его сосед по госпитальной камере, молодой двадцатидвухлетний заключенный, нанес ему два удара в голову острым концом вилки. В связи с этим в июле 1996 года правительство Швеции решило заменить Берглингу пожизненное заключение 23 годами тюрьмы.

В декабре 1996 года Совет по освобождению уголовных заключенных принял решение о досрочном освобождении Берглинга, которое состоялось 17 июля 1997 года.

Воровство ракеты

Как известно, вчерашние союзники по антигитлеровской коалиции сразу же после победы во Второй мировой войне объявили Советскому Союзу «холодную войну». Цель – политическая дискредитация страны, втягивание ее в гонку вооружений, путем всяких эмбарго на приобретение новых технологий добиваясь ликвидации любыми путями государства как такового.

Одним из иностранцев, жителем ФРГ, заинтересовавших советских военных разведчиков, был Манфред Раммингер. Этот немец родился в 1930 году в аристократической семье. Получив архитектурное образование, он работал на руководящих и ответственных должностях в крупных строительных компаниях.

В 1960 году, используя накопленный капитал и обширные связи в деловых кругах западноевропейских стран, основал собственную инженерно-строительную фирму «Манфред Раммингер и К°». Но в середине шестидесятых у его фирмы резко сократилось число заказов. Однако Раммингер считал, что уныние, хандра, меланхолия – это нравственная смерть. Больше того, такое состояние – это грех для нормального человека, это все равно что выпустить вожжи от лошади, которая несет тебя под гору, и продолжать хлестать кнутом. Он хотел держать вожжи своего дела. Кроме того, была и ментальная причина – Раммингер, отпрыск древнего аристократического рода, привыкший жить на широкую ногу, решил поправить свои дела, предложив неофициальные услуги советским внешнеторговым организациям.

В конце августа он вызвал к себе в кабинет подчиненного,

одного из инженеров фирмы, Йозефа Линовски, которому доверял.

– Йозеф, ты знаешь наше положение, надо искать выход из тупика, – с горящими азартом глазами проговорил шеф. – Советы сегодня на голодном пайке, что, если мы обратимся к ним?

– Что ж, это выход! – услужливо заметил Линовски.

– Да, но выходить на них здесь опасно. Ты ведь сам знаешь, какие глаза наблюдают за советскими представительствами у нас в Германии.

– Конечно, надо искать этот контакт на стороне. Подальше от этих всевидящих глаз, – осклабился Йозеф.

– Правильно рассуждаешь. Вот и бери ноги в руки…

– ???

– Сейчас поймешь, – надо смотаться в Рим и переговорить с советскими специалистами. О чем, я думаю, ты в курсе дела…

26 августа 1966 года Йозеф Линовски был уже в Италии. Он тут же посетил советское посольство в Риме. Принимавшему его сотруднику ГРУ, работавшему под дипломатической «крышей», заявил, что фирма Раммингера, обладая обширными и прочными связями в деловых кругах западных стран, может гарантировать поставку в СССР образцов любых промышленных изделий и новейших технологий, включая и те, что подпадают под запрет КОКОМ.

На это Линовски получил ответ, что посольство такими делами не занимается, но его предложения будут направлены в Москву.

В Центре, получив из Рима сообщение о Раммингере, немедленно организовали установочные и проверочные мероприятия. В результате было решено установить с Раммингером личный контакт, пригласив его для этой цели в Москву. В римскую резидентуру ГРУ, как писал А. Жемчугов в очерке «Ракетоносец» – «Совершенно секретно» в № 11, 1998 год – отправили телеграмму, где, в частности, говорилось:

«Ряд внешнеторговых объединений МВТ (министерства внешней торговли. – *Авт* .)… хотели бы в спокойной обстановке обсудить с владельцем фирмы все детали по практической реализации предложений…

Исходя из этого, руководство МВТ приглашает Манфреда Раммингера в Москву на деловые переговоры. В качестве легального предлога… может быть использован Международный аукцион породистых верховых лошадей, проведение которого запланировано на 1–3 апреля с.г. Помните, что… Линовски не должен получить ни малейшего намека на то, что он имеет дело с представителями советской разведки».

Раммингер в конце марта прилетел в Москву, где с ним встретились сотрудники ГРУ. А после того, как он предложил доставить в Москву американскую ракету, стоявшую на вооружении в бундесвере, было решено проверить его в деле. Как говорится, доверяй и проверяй!

Раммингер вернулся в ФРГ, а через некоторое время от него пришло сообщение, что он собирается приобрести новейшую сверхсекретную американскую ракету «Сайдуиндер». На приглашение приехать в Москву для «консультации со специалистами» он не ответил, а 11 ноября прилетел в Москву, имея в багаже два ящика, где находилась… разобранная ракета. Удивило то, как ему без таможенного досмотра удалось погрузить эти ящики на самолет.

Как оказалось, ракету он и Линовски при помощи летчика ВВС ФРГ Вольфа-Дитриха Кноппе просто украли со склада военно-воздушной базы в Нейбурге. Для того чтобы иметь представление о том, как произошла эта кража, есть смысл прочитать отчет Раммингера, отрывок из которого приводится ниже:

«Поздно вечером 23 октября в густом тумане подкатили гидравлический подъемник почти вплотную к забору аэродрома. С его помощью я перенес на территорию аэродрома Линовски и Кноппе, потом переправил тележку на резиновом ходу. Ну а там Линовски пустил в ход свои инструменты. Проделав дыру в заборе, они проникли в запретную зону. Кноппе сумел отключить систему сигнализации, Линовски открыл дверь склада. Вынесли ракету на руках за пределы зоны и вернулись, чтобы закрыть двери склада и включить сигнализацию. Потом, погрузив ракету на тележку, подкатили ее к забору, за которым я дожидался их. В два приема – сначала тележка с ракетой, за ней Кноппе с Линовски – все было сделано. Кноппе и Линовски отогнали подъемник с тележкой на пустующую строительную площадку, примерно в километре от аэродрома. Там погрузили ракету в заранее арендованный грузовик. Кноппе отправился в свое офицерское общежитие. Линовски на грузовике, я на своей машине взяли курс на Крефельд».

«Авантюризм и хитрость – образ мыслей очень ограниченных людей, – говорил Кант, – и очень отличаются от ума, на который по внешности походят».

В Москве Раммингера похвалили и в то же время попытались убедить в необходимости отказаться от подобной самоуверенности, граничащей с авантюризмом. Сотрудник ГРУ ему сказал, что можно быть хитрее другого, но нельзя быть хитрее всех. С критикой в свой адрес он согласился и, получив

вознаграждение – 92 тысячи марок и 8500 долларов, вернулся в ФРГ.

Но следовать советам кураторов из ГРУ о том, что жадность и неосмотрительность – корень всех зол, он явно не собирался.

В марте 1968 года Раммингер прислал в Москву подробное техническое описание новейшей модели аэронавигационной платформы, разработанной западногерманской фирмой «Флюггерстверк» и американской «Телдикс». А 8 мая в газете «Дер тагесшпигель» появилась сенсационная статья под заголовком «Украденные приборы», в которой говорилось:

«Спустя несколько часов после официального окончания VII немецкой аэронавигационной выставки в Ганновере-Лангенхагене неизвестные воры похитили из выставочного зала два навигационных прибора новейшей конструкции стоимостью 60 тысяч марок… инерционную платформу «ТНП-601» размером с пишущую машинку и приводной индикатор с комплектующими деталями».

В Москву Раммингер прилетел 13 июля, привезя в личном багаже похищенную платформу. Ему вновь порекомендовали не пускаться в авантюры, выплатили вознаграждение и договорились о встрече в сентябре 1968 года. Однако встреча не состоялась, так как Раммингера, Линовски и Кноппе арестовали по подозрению в краже ракеты «Сайдуиндер».

Суд, состоявшийся в сентябре 1970 года, признал обвиняемых виновными в государственной измене, шпионаже и краже и приговорил Раммингера и Линовски к четырем годам, а Кноппе – к трем годам и трем месяцам тюремного заключения.

Выйдя на свободу, Раммингер в августе 1976 года вновь попытался установить контакты с ГРУ, предложив достать 10 блоков памяти бортового компьютера истребителя «МРСА», но ему ответили, что советская сторона может иметь с ним лишь официальные отношения. Он вынужден был согласиться и высказал пожелание продолжить официальное коммерческое сотрудничество.

Однако в июне 1977 года он был убит в бельгийском городе Антверпене неизвестными. Следствие пришло к выводу, что он приобщился к наркобизнесу и пал жертвой наркомафии.

Понятно, что люди, считающие деньги способными все сделать, сами способны все сделать за деньги. Корыстолюбие отнимает у людей самые заветные чувства – любовь к отечеству, любовь к семье, любовь к добродетели и чистоте.

Но в любой разведке и такие типы используются – такова жизнь за шторой открытого бытия…

Бригадный генерал

В 1962 году военный атташе при посольстве СССР в Швейцарии полковник В. К. Денисенко отметился довольно ценным оперативным приобретением. Он завербовал… командующего войсками ПВО бригадного генерала швейцарской армии Жана-Луи Жанмера, который числился в ГРУ под псевдонимом Мур.

Он длительное время передавал ценную информацию, относящуюся к оборонной политике Швейцарии, планам проведения мобилизационных мероприятий, системе раннего оповещения ПВО под кодовым названием «Флорида».

О переданных советской военной разведке секретных сведениях по системе ПВО американцы узнали после предательства бывшего сотрудника ГРУ, агента американской разведки Николая Чернова. Работая в фотолаборатории ГРУ, он педантично переснимал все попадающие к нему документы, на которых значились выходные данные и номера. Используя эти сведения, контрразведка могла просто вычислить передававшего их агента. Результаты многолетней работы Чернова попали к его новым хозяевам в 1972 году, и таким образом американцы узнали о существовании советского агента в Швейцарии, передающего Москве данные о «Флориде».

Разразился скандал. На одном из заседаний комитета по международной торговле и коммерции США предложили квалифицировать Швейцарию как страну восточного блока и прекратить ей передачу новейших технологий.

Получив эту политическую пощечину, швейцарская контрразведка тут же начала активный поиск советского «крота», внедрившегося в вооруженные силы.

В 1975 году бригадный генерал Жанмер был арестован. В ходе проведения обыска в сейфе генерала нашли дорогие подарки, врученные ему советским офицером, – золотой браслет для жены Мари-Луиз, запонки из золота, а также другие доказательства его работы на советскую военную разведку.

Следствие по этому дело велось почти два года. Наконец военный трибунал в Лозанне в 1977 году вынес вердикт – Жан-Луи Жанмер виновен в выдаче государственной тайны и приговорил его к 18 годам тюремного заключения.

Уши разведки

С давних времен известно стремление обороняющейся стороны как можно раньше и на возможно большей дальности обнаружить противника, выявить его намерения и силы. Сначала оно было присуще боевым действиям сухопутных армий и морских сил, а затем, с появлением авиации, распространилось и на действия в воздушной сфере.

Радиоразведку в шутку профессионалы называли ушами разведки. Но в каждой шутке есть доля истины. Как говорится, ум – это хлеб, который насыщает; шутка – это специя, вызывающая аппетит. А Шекспир еще тоньше подметил: шутки часто оказываются пророческими.

Данные радиоразведок действительно становились пророческими для действия армии по разведанным целям. Радиоразведка как одно из средств обеспечения действий вооруженных сил в России, как ни странно, зародилась не в сухопутных войсках, а на военно-морском флоте во время Русско-японской войны 1904–1905 годов. Приказ командующего Тихоокеанской эскадрой вице-адмирала С. О. Макарова № 27 от 7 марта по старому стилю 1904 года считается датой рождения радиоразведки.

ПРИКАЗ № 27

7 марта 1904 года. Секретно

Рейд Порт-Артур .

Принять к руководству следующее:

1. Беспроволочный телеграф обнаруживает присутствие. А поэтому теперь же поставить телеграфирование это под контроль и не допускать никаких отправительных депеш или отдельных знаков без разрешения командира, а в эскадре – флагмана.

Допускается на рейдах, в спокойное время, поверка с 8 до 8.30 утра.

2. Приемная часть телеграфа должна быть все время замкнута так, чтобы можно было следить за депешами, и если будет чувствоваться неприятельская депеша, то тотчас же доложить командиру и определить по возможности, заслоняя приемный провод, приблизительно направление на неприятеля и доложить об этом.

3. При определении направления можно пользоваться, поворачивая свое судно и заслоняя своим рангоутом приемный провод, причем по отчетливости можно судить иногда о направлении на неприятеля. Минным офицерам предлагается произвести в этом направлении всякие опыты.

4. Неприятельские телеграммы следует все записывать, и затем командир должен принять меры, чтобы распознать вызов старшего, ответный знак, а если можно, то и смысл депеши.

Для способных молодых офицеров тут целая интересная область.

Для руководства прилагается японская телеграфная азбука.

Вице-адмирал Макаров.

Этот приказ вице-адмирала стал по существу первым документом, определяющим начало практического ведения радиоразведки, хотя организационно она оформилась в Русской армии во время Первой мировой войны 1914–1918 годов. Велась она по трем направлениям, или линиям:

– Генерального штаба;

– штаба Верховного Главнокомандующего;

– морского Генерального штаба.

Но еще зимой 1911–1912 гг. штабом Балтийского флота было организовано наблюдение за работой корабельных и береговых германских радиостанций с привлечением кораблей, зимующих в Либаве – порту императора Александра Третьего. Нужно отметить, что результаты наблюдения представлялись в штаб флота ежемесячно.

В июне 1912 года флагманским радиотелеграфным офицером И. И. Ренгартеном была выдвинута идея проведения специального разведывательного похода в районы подготовки германского флота для сбора сведений об организации радиосвязи и технических характеристиках радиосредств германских кораблей. Для решения этой задачи был выбран крейсер «Богатырь», причем специально для него по проекту И. И. Ренгартена был разработан и изготовлен широкодиапазонный разведывательный приемник, который в целях секретности предполагалось установить отдельно от остальной радиоаппаратуры в кормовой рубке крейсера.

Много чего интересного тогда добыли радиоразведчики…

К 1916 году в сухопутных войсках было сформировано около 50 подразделений, занимающихся вопросами радиоразведки из расчета по четыре на каждый из пяти фронтов и по две на каждую из четырнадцати армий.

Примером первой боевой удачи, возникшей при помощи результатов радиоразведки, может служить такой эпизод. В августе 1914 года радиоразведчики Балтийского флота определили местонахождение севшего на мель немецкого крейсера «Магдебург». Запеленговав точное место ЧП, подойдя, русские корабли в упор расстреляли вражеский корабль. Корабль был уничтожен.

В целом можно сказать, что возможности радиоразведки в то время серьезно ограничивались как такими факторами, как малочисленность личного состава и недостаток технических средств, так и незначительным масштабом применения радиосвязи в управлении войсками.

В 1918 году в состав уже упоминаемого Регистрационного управления – центрального органа военной разведки – было включено специальное подразделение. Оно называлось Приемно-контрольная радиостанция, размещенная в Серпухове.

С началом Гражданской войны потребовалось формирование подвижных приемно-информационных и пеленгаторных радиостанций для фронтовой радиоразведки. К концу 1919 года было уже более тридцати таких подразделений. А спустя год их количество возросло почти до девяноста.

После окончания Гражданской войны ведение радиоразведки практически прекратилось и начало восстанавливаться только лишь с 1929–1930 годов. Для руководства радиоразведкой и централизованной обработки сведений в составе Разведывательного управления (РУ) Красной Армии в 1930 году вводится секция радиоразведки. Скоро она превратилась в ходе реорганизации в отдел. Первым руководителем секции и отдела стал бригадный инженер Я. А. Файбуш – ведущий теоретик радиоразведки тех лет.

В 1931 году руководство Красной Армии пришло к заключению, что надо вывести подразделения радиоразведки из батальонов связи. Началось постепенное выделение радиоразведки в самостоятельный вид, создавались отдельные радиопеленгаторные роты, а к 1935 году они превращались уже в отдельные радиодивизионы особого назначения.

Большую работу провели советские специалисты радиоразведки в республиканской Испании во время гражданской войны. Вот эти герои, ставшие в войну командирами частей и офицерами центрального аппарата военной разведки: В. В. Мухин, В. В. Плошай, В. Ф. Ефремов, Е. М. Коссовский, В. М. Маркович, В. К. Модебадзе, Л. С. Сазыкин, И. И. Уханов и многие другие.

О важности радиоразведки говорят такие цифры. В 1938 году доля данных радиоразведки в общем количестве всех добытых разведывательных сведений о вооруженных силах Японии составляла 30–35 %. Кроме того, радиоразведка давала около 70 % данных о перемещении войск из Японии в Китай и Маньчжурию и их дислокации в зоне боевых действий.

С особым напряжением велась военная разведка в периоды обострения международного положения: в связи с боевыми

действиями на Китайской Восточной железной дороге (КВЖД), во время конфликтов в районе озера Хасан в 1938-м и реки Халхин-Гол в 1939 годах. Дальневосточные части радиоразведки качественно обеспечивали действия 1-й Отдельной Краснознаменной армии по разгрому войск милитаристской Японии.

Хорошо зарекомендовали себя подразделения радиоразведки в составе войск Ленинградского военного округа во время советско-финской войны и участия войск Белорусского и Киевского военных округов в походах за освобождение Западной Белоруссии, Западной Украины и Бессарабии.

К началу войны в 1940 году в центральном аппарате РУ Генштаба ВС СССР уже функционировал отдел радиоразведки, возглавляемый высоким профессионалом своего дела А. А. Тюменевым. На этом посту он оставался всю войну.

Ценные сведения о готовящемся нападении Германии на Советский Союз были получены радиоразведкой Закавказского военного округа. 18 мая 1941 года она перехватила сообщение английского резидента из Турции в Лондон о том, что, по имеющимся у него достоверным данным, немцы начнут военные действия против СССР в июне, а точнее – 15 июня 1941 года.

18 июня наша центральная разведывательная радиостанция перехватила важную японскую радиограмму следующего содержания:

«Из Берлина в Токио. Начальнику Генерального штаба. Срочная.

В Восточной Пруссии отмечена концентрация от 120 до 130 немецких дивизий».

19 июня другая разведывательная радиостанция перехватила радиограмму немецкой разведки, из которой следовало, что нападение немецко-фашистских войск начнется 22 июня 1941 года.

Во время службы в военной контрразведке автору этих строк по службе не раз приходилось встречаться в 70—80-х годах с прекрасным человеком, высоким профессионалом, начальником 6-го управления ГРУ генерал-лейтенантом Петром Спиридоновичем Шмыревым. В одной из бесед он рассказал, что первым серьезным экзаменом для радиоразведки стало ее участие в битве под Москвой. Именно заслуга радиоразведки была в том, что она совместно с другими видами разведки вскрыла создание немцами ударных группировок для наступления на Москву в самые тяжелые дни октября 1941 года.

Вот что писал по этому поводу бывший начальник разведки Западного фронта генерал-майор Т. Ф. Корнеев:

«К 23 сентября 1941 года разведка фронта точно установила, что противник готовится к наступлению. Он создал для этого крупную группировку войск перед Западным и Резервным фронтами. Главную роль в обнаружении наступательных группировок выполнила радиоразведка Западного фронта.

К тому времени значительно более эффективными стали авиационная и другие виды разведки, но первенство во вскрытии оперативных и тактических резервов противника принадлежит радиоразведке».

Что ж, высокая оценка работы радиоразведки!

Когда захлебнулась стратегия немцев взять Москву в октябре 1941 года, командование Западного фронта нуждалось в информации о сроках возобновления гитлеровского наступления на столицу.

Как писал бывший начальник штаба фронта Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский, именно подразделениями радиоразведки удалось установить точное время наступления врага, причем за двое суток до его времени «Ч». Своевременно предупрежденное, наше командование приняло соответствующие меры и практически сорвало «зимний блицкриг» фашистов.

Другим примером успешных упреждающих действий специалистов радиоразведки является их работа на Ленинградском фронте. Когда выход немцев на ближайшие подступы к Северной столице лишил средства наших ПВО возможности своевременно предупреждать истребительную авиацию, зенитную артиллерию и население города о подходе вражеских бомбардировщиков, стараниями радиоинженера К. И. Дроздова была решена эта проблема. Так как немецкие летчики работали в УКВ-диапазоне, срочно было налажено производство «укавешных» радиоприемников, позволявших теперь знать о взлете вражеских бомбардировщиков в масштабе реального времени, что позволяло «достойно» подготовиться к встрече воздушных пиратов.

Радиопеленгаторная техника совершенствовалась, как говорится, не по дням, а по часам, – заставляло и подгоняло тревожное время. Полковник П. И. Гнутиков вспоминал, как под Харьковом летом 1942 года его «слухач» радиопеленгатора буквально выследил всего лишь раз вышедшего вражеского радиста 17-й танковой дивизии в строгом режиме радиомолчания. Командование же считало, что гитлеровское соединение находится на другом участке. Это позволило срочно усилить танкоопасное направление нашими противотанковыми средствами.

В Сталинградской эпопее радиоразведка помогла нашему

командованию вскрыть выход итальянских и румынских частей к Дону, постоянно освещала положение в гитлеровской армии, перехватывала открытые, подчас панические донесения немцев, обнаружила сосредоточение в районе Котельниково 57-го танкового корпуса врага. Это позволило провести удачный маневр 2-й армии Р. Я. Малиновского и нанести по вражеской группировке разгромный удар.

В боях под Сталинградом родилась служба радиопомех. Успехи ее на влияние боевых действий были таковы, что заставили ГКО срочно принять решение о создании отдела радиоразведки РУ Генштаба. Его возглавил заместитель начальника отдела М. И. Рогаткин, о котором, как о фанате своего дела, автору много рассказывал генерал-лейтенант П. С. Шмырев. Он его хорошо знал, так как до конца 60-х годов тот служил в центральном аппарате ГРУ. Стал генералом и даже лауреатом Ленинской премии.

В конце 1942-го – начале 1943 года были сформированы три, а позднее еще один радиодивизион спецназа (радиопомех). Свое боевое крещение эти подразделения получили во время боев и сражений на Курской дуге. При помощи их была установлена большая группировка немцев – целая полевая армия в районе Орла.

В самый кульминационный момент Курской битвы радиодивизион, которым командовал П. Т. Костин, добыл важные данные об изменении направления главного танкового удара немцев с Обояни на Прохоровку.

Впоследствии упоминаемый радиодивизион ОСНАЗ был награжден орденами Красного Знамени и Богдана Хмельницкого. После войны его командир стал генерал-лейтенантом, лауреатом Ленинской премии, организатором одного из важнейших направлений военной разведки. Авторам довелось некоторое время служить и общаться с этим прославленным сотрудником военной радиоразведки.

После окончания войны сфера деятельности радиоразведки значительно увеличилась – ее начали вести не только с суши, но также с моря и воздуха. В бытность начальника ГРУ М. Захарова радиодивизионы ОСНАЗ объединили в более крупные структуры. А при следующем руководителе – С. Штеменко в ГРУ стали активнее проводить научно-исследовательские работы по поиску путей доступа к источникам, пользующимся УКВ– и СВЧ-диапазонами.

Кроме того, при нем в ГРУ появилась служба разведки ядерных взрывов под руководством узкого специалиста А. Устименко. К сожалению, инициативы Штеменко были вскоре

погашены: волюнтарист Никита Хрущев связал деятельность боевого генерала с мифически тесными контактами последнего с его личными врагами – Абакумовым, Берией и Сталиным.

В 1954 году было создано отделение спецнаблюдения 2-го отдела ГРУ, на базе радиодивизионов ОСНАЗ формируются подчиненные ему радиотехнические отряды.

В мае 1955 года отдел радиоразведки ГРУ реорганизован в 6-е управление ГРУ. Однако наиболее полно радиоразведка стала использоваться с начала 60-х годов, когда начальником ГРУ был назначен генерал-полковник П. И. Ивашутин. Он понимал и правильно оценивал важность этого направления военной разведки.

Еще одним любимым техническим детищем Петра Ивановича было создание в Главном разведывательном управлении автоматизированной системы военной разведки с условным наименованием «Дозор». Она была внедрена в ГРУ после специального Постановления ЦК КПСС и находилась в связи с этим под постоянным контролем министра обороны СССР Д. Ф. Устинова.

В один из приездов в ГРУ маршал дал высокую оценку специальному математическому и информационному обеспечению системы. Как же радостно тогда светились глаза у Петра Ивановича. Он был доволен, он радовался за своих «головастых» подчиненных.

При его непосредственном участии были реализованы крупные комплексные программы развития перспективных направлений радиоразведки – наземной, морской, воздушной и космической. Среди тех, кто руководил этими работами, можно назвать П. Костина, В. Кострюкова, Е. Колокова, П. Шмырева и других офицеров и генералов военной разведки.

До распада СССР отряды ОСНАЗ подчинялись 1-му отделу радиоразведки 6-го управления ГРУ. Этот отдел руководил так называемыми подразделениями ОСНАЗ, входившими в военные округа и группы советских войск в Венгрии, ГДР, Польше и Чехословакии.

Под руководством отдела радиоразведки ОСНАЗ выполнял функции перехвата сообщений из коммуникационных сетей зарубежных стран – объектов радиоразведывательного наблюдения со стороны ГРУ.

Ивашутин, как уже отмечалось выше, много времени уделял дальнейшему развитию и оснащению новыми техническими средствами 6-го управления ГРУ, которое в тот период структурно в полной мере отвечало вызовам времени и военно-политической обстановки.

По данным Интернета (материалы Анина – Сырнова от 16.7.2000 года), 6-е управление включало в себя четыре отдела:

1-й отдел. Он занимался перехватом и дешифрованием шифрованных сообщений из каналов связи иностранных государств;

2-й отдел радиотехнической разведки. Предметом его интереса были радио-, телеметрические и другие электронные сигналы, излучаемые аппаратурой управления, обнаружения и слежения военного назначения;

3-й отдел технического обеспечения. Занимался обслуживанием станций перехвата, оборудование которых размещалось в зданиях советских посольств, консульств и торговых представительств по всему миру, а также отдельно расположенных станций перехвата на Кубе и в Монголии;

4-й отдел слежения. Он круглосуточно отслеживал всю информацию, которую добывало 6-е управление средствами радиоразведки. Основной задачей отдела было слежение за военной ситуацией в мире и особенно за существенными изменениями в вооруженных силах США.

В период работы автора в ГРУ руководителем 6-го управления был уже упоминаемый генерал-лейтенант Петр Спиридонович Шмырев – мэтр советской радиоразведки. Это был профессионал высочайшего класса, добрый и отзывчивый человек, с одной стороны, а с другой, твердый и требовательный командир, всегда жизнерадостный и полный оптимизма, красивый внешностью мужчина, которого приятно было слушать, когда он говорил о делах давно минувших и при решении каких-то современных оперативных вопросов.

Ивашутин и Шмырев со своими подчиненными постоянно искали новые направления в расширении возможностей использования технических средств для сбора сведений разведывательного характера. Они прекрасно понимали, что в условиях фактической торговой блокады Советского Союза США и другие страны, особенно блока НАТО, будут делать все возможное, чтобы к нам не попадали новые технологии. Поэтому, как рассказывал автору генерал Шмырев, когда осенью 1967 года северокорейские друзья проинформировали нас, что их пограничники задержали нарушителя границы – американский разведывательный корабль «Пуэбло», мы отправили в КНДР группу специалистов в области радиоэлектронных средств. Они детально обследовали корабль и особенно его «радиоэлектронную разведывательную начинку». Разобрали все, как говорится, до последнего винтика. Подготовили докладную записку с оценкой обнаруженной шпионской аппаратуры и

конкретными предложениями дальнейшего нашего развития в этой области.

П. И. Ивашутин доложил документ министру обороны и начальнику Генштаба. Он высказал идею создания в СССР подобных разведывательных кораблей, в первую очередь, для Черноморского и Тихоокеанского флотов. После этого дело закрутилось – уже к концу 1969 года первый разведывательный корабль Черноморского флота «Крым» вышел в боевой поход. В 1971 году были построены корабли радиоэлектронной разведки – «Кавказ», «Приморье» и «Забайкалье», «Юрий Гагарин».

Именно экипажи советских разведывательных кораблей смогли зафиксировать результаты проведенных американцами над Тихим океаном испытаний ракеты-перехватчика, созданной в рамках так называемой рейгановской программы «Стратегическая оборонная инициатива» («Программа звездных войн»). Эта операция замышлялась американцами как дезинформация советского военного командования с целью втянуть СССР в новый бесперспективный и дорогостоящий виток гонки вооружений.

Маэстро радиоразведки

Петр Спиридонович Шмырев был пионером радиоэлектронной разведки.

Как говорится, у талантливых людей всегда всего положительного много. Как высокого специалиста его уважал Петр Иванович Ивашутин. Разве не показатель, что на обед в столовую в группе замов с начальником ГРУ часто шел и его тезка – «второй Петр», генерал-лейтенант Шмырев, который не являлся освобожденным заместителем. Это пусть малый штрих, но он говорил об уровне уважения начальником своего подчиненного.

Автору не раз приходилось информировать генерала по щекотливым вопросам или проблемам, выявленным в ходе организации контрразведывательной деятельности в подчиненных ему подразделениях. Он умел всегда до конца выслушать оперативного работника и решить вопрос, как говорится, быстро и по существу. С ним было легко и интересно общаться.

Родился Петр Спиридонович 10 февраля 1919 года в Петрограде. После окончания средней школы в 1937 году он сдает документы и поступает в Военную электротехническую академию связи имени С. М. Буденного на инженерный радиотехнический факультет. Кстати, это был первый набор для подготовки инженеров для радиоразведывательных частей особого назначения (ОСНАЗ).

Пламя невиданной войны уже гуляло на просторах нашей

Родины, когда 11 июля 1941 года Петр Спиридонович и его товарищи получили дипломы об окончании академии. А 17 июля приказом наркома обороны воентехник 1-го ранга Шмырев был зачислен в распоряжение Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. До конца своей службы он не изменил военной радиоразведке, прослужив в ней более 50 лет. Большую и теплую статью о Петре Спиридоновиче Шмыреве к его 90-летнему юбилею написал и опубликовал в газете «Независимое военное обозрение» «мэтр радиоэлектронной разведки» И. Л. Бурнусов, – полковник в отставке, заместитель председателя президиума Совета ветеранов военной разведки.

О первых днях войны генерал вспоминал:

«Вечером 21 июля 1941 года скорый поезд Ленинград – Москва увозил нас, выпускников Военной электротехнической академии, в Москву, навстречу Великой Отечественной войне, которая катилась стальным, все пожирающим валом по западным областям нашей Родины…

В Москву прибыли поздно вечером 22 июля… в аккурат под первый налет немецкой авиации на столицу. Ночь провели под землей на станции метро «Комсомольская», а утром отправились к своему новому начальству, которое тогда размещалось на улице Карла Маркса, дом 17…

Короткое знакомство начальника отдела персонально с каждым из нас, и снова в путь, в учебный центр, в ближайшее Подмосковье. Это был лагерь в прямом смысле слова, с летними домиками и палатками… Воздушные тревоги объявлялись почти каждую ночь. Немцы бомбили Москву, но на лагерь при мне бомбы не падали…

Тренировались в приеме на слух, изучали общевойсковые дисциплины… В середине августа 1941 года нам объявили, что в Ленинграде имеются три вакантные должности помощников командиров радиодивизионов ОСНАЗ по технической части. Свое желание поехать туда высказали несколько человек. Предпочтение отдали трем ленинградцам: Игорю Алексеевичу Бутченко (впоследствии полковник, старший преподаватель военной академии), Борису Николаевичу Дубовичу (впоследствии генерал-лейтенант, начальник одного из управлений ГРУ Генштаба) и мне. Нас перевели на самоподготовку, во время которой мы в основном тренировались в развертывании и свертывании специальной техники, особенно КВ-радиопеленгаторов. Полученные навыки в дальнейшем весьма пригодились, особенно когда приходилось это делать в экстремальных ситуациях, да еще и ночью…

Бутченко, Дубович и я 30 сентября 1941 года вылетели в

Ленинград с Центрального аэродрома. Летели военно-транспортным самолетом Ли-2. Ладожское озеро перелетели под слоем сплошных облаков на предельно малой высоте. Приземлились на аэродроме «Смольный» на северо-восточной окраине Ленинграда. В разведотделе нас встретил весьма энергичный, подвижный и, по всему видно, требовательный подполковник И. М. Миронов. С этой встречи началась наша служба на Ленинградском фронте. Дубович был назначен в 472-й, Бутченко в 345-й, а я в 623-й радиодивизион ОСНАЗ».

Весь период блокады П. С. Шмырев в составе 623-го радиодивизиона ОСНАЗ находился в Ленинграде и его пригородах, принимая активное участие в организации радиоразведки на всех этапах битвы за Ленинград, а затем на Карельском перешейке. Его часть в том числе и стараниями Шмырева считалась на хорошем счету у командования. Вот некоторые боевые отзывы.

Разведотдел 7-й армии от 6 июля 1944 года:

«Группа радиоразведчиков 623-го отдельного радиодивизиона на Свирском направлении за время работы и особенно в период начала наступательных операций дала много ценного материала о противнике. Личный состав группы с большой ответственностью отнесся к выполнению поставленных задач…»

Штаб 21-й армии Ленинградского фронта за период с июня по сентябрь 1944 года:

«623-й отдельный радиодивизион в период всей операции на Карельском перешейке обеспечивал ценными данными штаб армии и в значительной степени помог вскрыть группировку финнов в ходе наступления. Данными дивизиона как в ходе наступления, так и в момент жесткой обороны финнов вскрывалась группировка, перегруппировка, а также места расположения штабов противника. Одновременно с этим по данным радиоперехвата своевременно предупреждались наземные войска нашей армии о предстоящих вылетах авиации противника. По результатам хорошей работы дивизиона приказом командующего армии из числа личного состава дивизиона награждены правительственными наградами шесть человек».

Из наградного листа на инженера-капитана П. С. Шмырева от 16 апреля 1944 года:

«При непосредственном участии П. С. Шмырева созданы ряд схем и конструкций, которые в значительной степени улучшили условия выполнения заданий командования фронта. Шмырев возглавил рационализаторскую работу в дивизионе, в результате чего многие образцы табельной аппаратуры модернизированы и в

эксплуатации показали хорошие результаты. Много и успешно работает над аппаратурой, обеспечивающей непрерывность связи и управления в синхронной пеленгации. При непосредственном участии Шмырева восстановлен ряд образцов трофейной спецаппаратуры и создан аппарат собственной конструкции, на котором добыто большое количество ценных данных о противнике в период наступательных операций. В 1941 году в районе Московская Дубровка Шмырев имел ранение при выполнении служебного задания. За хорошие показатели в работе неоднократно имел благодарности от командования дивизиона и начальника РО штаба Ленинградского фронта. Достоин награждения орденом Красной Звезды».

В сентябре 1944 года инженер-капитан П. С. Шмырев был назначен в 97-й радиодивизион 1-ой отдельной радиобригады ОСНАЗ Ставки Верховного главнокомандующего. До 9 мая 1945 года дивизион выполнял задачи по разведке военно-воздушных и сухопутных сил противника на южном направлении советско-германского фронта на территории Румынии, Чехословакии, Венгрии и Югославии, действуя в составе сил радиоразведки 2-го Украинского фронта.

Именно в этот период было зафиксировано более 30 тысяч самолето-вылетов боевой и транспортной авиации противника, вскрыта дислокация 30 крупных войсковых штабов сухопутных войск.

Большой опыт радиоразведка получила в ходе Сталинградской операции. Именно здесь она заявила о себе как о новом важном виде военной разведки, полностью выявив группировку немцев. В ходе наступательных сражений на Курской дуге и в стратегической операции «Багратион» в Белоруссии радиоразведка своевременно вскрывала особенности обороны противника и заранее предупреждала наше командование о вылетах самолетов противника, что помогало перегруппироваться и спасти немало нашей боевой техники и личного состава.

В октябре 1954 года Петр Спиридонович получил назначение в центральный аппарат ГРУ, в котором он прослужил три десятка лет. Не раз ему приходилось бывать в «горячих точках». В Афганистан он выезжал несколько раз, где оказывал практическую помощь нашим радиоразведчикам в контроле радиосетей душманов и других противников 40-й армии.

О важности радиоразведки говорит тот факт, что из центра радиоперехвата ГРУ в Лурдесе (Куба), который обслуживали более тысячи специалистов, поступало около 70 % всей разведывательной информации по США.

После событий 1991 года из-за трудностей, переживаемых

российским бюджетом в результате кризиса 1998 года, и слабых темпов экономического развития в последующие годы, 17 октября 2001 года на закрытом совещании в Министерстве обороны РФ В. В. Путин сообщил присутствующим военным о закрытии военной базы в Лурдесе. Позже была ликвидирована военная база в Камране (Вьетнам). Сегодня другое время, другое государство, другие технологии, но вектор развития радиоразведки, выставленный Петром Ивановичем Ивашутиным, думается, выдерживается современными специалистами этого вида разведки.

В эфире – Луиза и Иоганн

Об одном из талантливых операторов радиоразведки в годы войны, накануне 60-летия разгрома немцев на Курской дуге, рассказал в прессе ветеран ГРУ, полковник в отставке И. Л. Бурнусов. Речь шла об Александре Алексеевиче Зиничеве, ставшем со временем доктором технических наук.

Александр Зиничев воевал под Курском и проходил службу в одном из радиодивизионов, который дислоцировался в районе Ржевского выступа. Обороняла этот район 9-я немецкая армия. Работать оператору приходилось в сложных условиях. Вспоминая те дни, сам А. А. Зиничев рассказывал:

«Весь эфир до отказа был забит интернациональной смесью радиосигналов. Рядом с аккуратным немцем торчал разухабистый итальянец, которому ничего не стоило пустить какую-нибудь шуточку открытым текстом своему напарнику. А между ними, словно пытаясь растолкать соседей локтями, вылезал со своей тарабарщиной венгр. На западном же направлении эфир продолжал оставаться относительно спокойным. Лишь изредка нарушала его покой радиостанция опергруппы штаба 9-й германской армии».

Сержант Зиничев научился по почерку отличать одного из радистов узла связи штаба 9-й армии. Этот радист в буквах «Q» и «Z» чуть-чуть затягивал второе тире. Поэтому звуки, передававшие эти буквы, звучали более мелодично. Зиничев уловил эту особенность почерка радиста и назвал его Иоганном. Через некоторое время сержант выявил особенности почерка второго радиста из штаба 9-й армии и присвоил ему псевдоним Луиза. При прослушивании этого радиста Зиничеву невольно виделось тонкое кружево без единого лишнего узелка. Даже символ конца сеанса связи он передавал в полном соответствии с правилами радиообмена как «Sk».

Позже Зиничеву удалось выявить «особые приметы» и в почерке третьего немецкого радиста. В середине февраля 1943 года радиосеть 9-й армии активизировала свою работу в эфире. К

тому времени командование вермахта, опасавшееся, что на Ржевско-Вяземском выступе может повториться операция по окружению немецких войск, как это произошло под Сталинградом, отвело 9-ю армию на рубеж обороны Спас-Деменск – Духовщина. Радиостанции штаба, разместившегося на новом рубеже обороны, оказались более мощными по сравнению с прежними.

Зиничев определил их пеленги и внимательно прослушивал. Позывные радистов 9-й армии звучали уверенно и четко. Однако, как установил Зиничев, в эфир выходили не те радисты, которые прежде работали на узле связи этой армии. Иоганн и Луиза исчезли. Зиничев вновь и вновь прослушивал эфир, пытаясь понять, куда же делись его «подопечные» немцы и что же на самом деле произошло с 9-й армией противника.

Однажды после очередной работы в эфире Зиничев пришел к выводу, что радиограммы, передававшиеся от имени штаба 9-й армии, никто не принимает. Кроме того, он заметил, что при сбоях, происходивших во время работы в эфире радистами 9-й армии, принимавшая их сторона не просила повторить те части радиограмм, которые терялись в эфире из-за радиопомех. Несмотря на явные сбои, в эфире звучали сообщения об успешном приеме очередного послания и завершении сеанса связи.

Объяснить такое отношение к содержанию радиосообщений можно было только тем, что оно никого не интересовало. Для участников этих радиосеансов, пришел к выводу Зиничев, было важно другое – демонстрировать в эфире интенсивный радиообмен, который однозначно свидетельствовал о присутствии немецкой 9-й армии на этом участке фронта.

Зиничев подумал о том, что противник целенаправленно стремится убедить советскую радиоразведку в том, что изменений в дислокации армии не произошло и не происходит. Это была хорошо продуманная и неоднократно подтвержденная в эфире дезинформация. Сержант сделал вывод: 9-я армия скрытно переброшена в другое место, и доложил о своих выводах командиру радиодивизиона…

Продолжая наблюдать за эфиром, он через несколько дней выявил работу новой радиостанции противника. Она находилась на значительном удалении. Прослушивая ее, он узнал почерк радиста Иоганна. В последующие дни Зиничев установил радиопеленг своего старого знакомого оператора из узла связи 9-й армии. Она находилась на другом участке фронта, в районе Курской дуги. Донесение Зиничева заинтересовало командующего фронтом. Сержант был вызван в штаб. Он рассказал генералу про Иоганна и Луизу. Командующий

усомнился в доводах сержанта и спросил:

– Вы действительно научились различать немецких радистов по «почерку»?

– В общем-то, научился, товарищ генерал, – ответил Зиничев.

– Сейчас мы это проверим, – сказал начальник штаба фронта.

Зиничев был подвергнут необычному экзамену. Проверка состояла из двух этапов. Первый – ознакомительный. На этом этапе сержант получил возможность прослушать работу в эфире нескольких радистов штаба фронта. Второй этап был самым сложным. Зиничев должен был определить условный номер радиста, работавшего на ключе. Экзамен проходил в присутствии генерала и офицеров штаба фронта. И вот сержант приступил к работе. Она продолжалась не более двадцати минут. За это время по приказанию генерала несколько радистов отстучали на передатчике свои короткие послания. Каждому радисту был присвоен определенный номер, соответствовавший какому-то условному немецкому соединению.

Начался второй этап испытания. Радисты в ином, никому не известном порядке, стали снова выходить в эфир. Александр каждый раз правильно определял условный номер работавшего радиста.

Генерал был удивлен и удовлетворен результатами проведенного по его приказу эксперимента. Через несколько дней Александра перевели в радиодивизион в районе Курска. Сержант должен был установить расположение 9-й немецкой армии. Перед отъездом к новому месту службы старшина дивизиона приказал Зиничеву подготовить перечень деталей, которые необходимо было получить на складе для замены на пеленгаторе. Зиничев составил этот список, включив в него необходимые ему для работы и замены детали. Просьба показалась старшине неубедительной и малозначительной.

– И шо, с этой вот ерундою до генерала мне идти, шоб подписал? Пиши – новую автомашину, новый пеленгатор, а дальше уже по твоему усмотрению, – говорил украинец-старшина.

К удивлению сержанта, все, что было в его заявке, ему немедленно выдали, и он отправился поближе к предполагаемому месту размещения 9-й немецкой армии. Дальнейшие наблюдения сержанта за Иоганном и Луизой позволили точно установить новое место дислокации штаба германского объединения. За переброской 9-й армии наблюдали не только Зиничев, но и операторы 347-го радиодивизиона Брянского и 394-го радиодивизиона Центрального фронтов.

Таких воинов, как сержант Зиничев, в подразделениях радиоразведки было немало, но его конкретный эпизод лег на

скрижали истории битвы на Курской дуге. Благодаря заранее установленному месту новой дислокации фашистской армии, были приняты дополнительные меры. В ходе боевых действий она понесла такие потери, что практически перестала существовать.

Глаза разведки

4 октября 1957 года человечество праздновало свою первую победу над земным тяготением – гравитацией. В этот день отечественная ракета достигла первой космической скорости и вывела на орбиту вокруг Земли первый в мире искусственный спутник. Так было положено начало космической эры в истории человечества. И совершили этот подвиг впервые отечественные специалисты.

С самого начала освоения космоса задачи обороны страны всегда были на первом плане, поэтому праздник День космических войск отмечают у нас в стране 4 октября – именно в день запуска в СССР первого искусственного спутника Земли.

В майском правительственном постановлении 1959 года разработчикам и конструкторам ставилась оборонная задача – создание спутника для фоторазведки. По инициативе ГРУ на заре космической эры, в декабре того же года вышло еще одно постановление, предусматривающее раздельную разработку спутников для решения задач фото– и радиоразведки, навигации и метеорологии.

Еще до запуска первого спутника ученые предполагали использовать космическое пространство в военных целях. Уже в начале шестидесятых годов появились первые орбитальные космические аппараты, предназначенные для использования их в разведывательных целях. Планировалось размещение на орбите оружия для уничтожения целей на Земле. В восьмидесятых годах был план по созданию орбитальной станции, которая являлась бы базой для космических кораблей, готовых нанести ядерный удар в любой точке земного шара. Естественно, этому плану не суждено было сбыться в связи с тем, что Советский Союз перестал существовать, и финансирование космической программы резко сократилось. Причина развала СССР – не тема исследования этой работы.

К 2001 году более половины группировки российских спутников, находящихся на орбите, работали за пределами гарантированного ресурса. Был исчерпан ресурс и у большинства наземных объектов подготовки, запуска и управления космическими аппаратами. А если обратиться к сухой статистике цифр, то именно на период становления Космических войск из числа эксплуатируемых космических аппаратов более 70 % функционировали за пределами гарантийных сроков активного существования, 30 % – с ограничениями по целевому использованию. Количественный состав орбитальной российской

группировки постоянно уменьшается. В 1998 году впервые за многие годы США осуществили большее количество запусков космических аппаратов в сравнении с РФ. По данным статей наших специалистов, опубликованных в Интернете, в 2004 году, исходя из сведений Центра анализа стратегий и технологий, российская орбитальная группировка насчитывала 65 военных космических объектов, однако «среди них нет спутников-разведчиков, которые могли бы осуществлять слежение за объектом, находящимся за границей». К 2005 году на орбите оставался один спутник радиотехнической разведки против 12 американских, наблюдающих за территорией России. Последний спутник оптической разведки, находившийся в составе орбитальной группировки Министерства обороны России, был взорван на орбите в ноябре 2006 года.

Будем надеяться на «кризис», когда к нему можно пристыковать пословицу – «не было бы счастья, но несчастье помогло».

Космические средства разведки, да и сама система космической разведки, по существу с первых дней ее появления являлась и является по сей день глазами ГРУ Генштаба ВС СССР, а сейчас – ВС РФ. Сегодня космическая разведка входит как одна из составляющих основных задач Космических войск.

Космические войска созданы 1 июня 2001 года на базе сил и средств Ракетных войск стратегического назначения и войск Ракетно-космической обороны. Созданы во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 24 марта 2001 года и решения Совета Безопасности Российской Федерации от 6 февраля того же года. Командующим был назначен генерал-полковник Анатолий Перминовов.

Официально же праздник был утвержден в 2002 году Указом Президента Российской Федерации от 10 декабря 1995 года № 1239 «Об установлении Дня ракетных войск стратегического назначения и Дня военно-космических сил».

Итак, 4 октября в День Космических войск мы признаем заслуги ветеранов Вооруженных сил, принимавших непосредственное участие в подготовке и запуске первого искусственного спутника Земли.

Появление этих войск связано, во-первых, с возрастанием роли космических средств в системе военной и национальной безопасности России, а во-вторых, для сведения к минимуму угроз, возникших в связи с выходом США из Договора противоракетной обороны (ПРО).

Российские технические средства контроля, к которым относятся космические средства разведки, обеспечивают

заблаговременное получение данных о подготовке вооруженных сил иностранных государств к нападению.

Кроме того, космические войска обеспечивают космической информацией федеральные органы исполнительной власти РФ, привлекаются для запуска космических аппаратов по гражданской Федеральной космической программе, коммерческим программам и программам международного сотрудничества. При этом большинство космических систем и комплексов, а также элементов наземной инфраструктуры, разрабатываются и эксплуатируются Космическими войсками и Российским авиационно-космическим агентством совместно как средства двойного назначения.

Космические войска России включают в себя:

– силы космической разведки и связи,

– войска ракетно-космической обороны,

– специальные войска,

– части и подразделения тыла.

Организационно Космические войска состоят из объединений, соединений и частей запуска и управления космических аппаратов, а также из отдельной армии ракетно-космической обороны, в состав которой входят три дивизии:

– предупреждения о ракетном нападении,

– противоракетной обороны,

– контроля космического пространства.

В состав Космических войск также входят 14 отдельных радиотехнических узлов ракетно-космической обороны. Управление космическими войсками обеспечивает главный центр испытаний и управления космическими аппаратами с 11 отдельными командно-измерительными пунктами.

Космические войска РФ участвуют в проведении и обеспечении запусков и управлении полетом всех типов ракет-носителей и космических аппаратов. Решают широкий спектр задач в интересах видов и родов войск Вооруженных сил, государственных силовых структур, социально-экономического и научного развития страны, международного сотрудничества.

По мнению специалистов, в настоящее время количественный состав военных спутников стабилизирован на минимально необходимом уровне. Этого, конечно, недостаточно. И наращивание потенциала военного космоса будет продолжаться. В первую очередь будут меняться качественные характеристики космических аппаратов, которые не должны уступать зарубежным образцам.

Сегодняшняя стратегия развития военно-космической деятельности предусматривает, в первую очередь, создание

перспективных космических систем и комплексов связи, навигации, геодезии, картографии и метеорологии. На ближайшие годы руководством страны поставлена задача морального обновления всех ключевых элементов орбитальной группировки. И тогда от поддержания необходимого минимума можно будет перейти к наращиванию использования космических систем в более эффективных боевых действиях войск.

Космические войска – это войска будущего, как и его компонента – космическая разведка. Война в Ираке показала, что космические системы и комплексы являются важнейшей составной частью технической базы, создающей информационное преимущество. Космические системы добывают и передают информацию, необходимую для наведения высокоточного оружия.

Активная космическая деятельность является важным свидетельством экономической и научно-технической мощи государства, и, в то же время, она выступает непременным условием его развития в современных условиях.

Сегодня каждый самолет, каждый корабль, совершающий международные рейсы, должен быть в обязательном порядке оснащен приемником спутниковых навигационных сигналов. Глобальных спутниковых систем навигации всего две: американская – НАВСТАР и российская – ГЛОНАСС. Это огромный рынок космических услуг. Поэтому проблеме развития отечественной космической навигации уделяется особое внимание на высшем государственном уровне. В настоящее время разработана и успешно реализуется соответствующая Федеральная целевая программа.

В настоящее время удалось остановить тенденцию снижения количества орбитальной группировки и создать предпосылки к прорыву в ее развитии на ближайшие годы. На данный момент, судя по публикациям в прессе, Космические войска начинают летные испытания спутников, созданных уже в последнее время.

Существующая же сейчас российская орбитальная военная группировка предназначена для решения следующих задач:

– своевременное выявление признаков подготовки и начала военных действий;

– предупреждение о ракетно-ядерном нападении;

– обеспечение непрерывной, устойчивой связи и боевого управления в интересах высшего военно-политического руководства страны, стратегических ядерных сил, объединений, соединений и частей видов вооруженных сил и родов войск;

– навигационное, гидрометеорологическое, картографическое, топогеодезическое и частотно-временное

обеспечение войск.

Наращивание орбитальной группировки вновь началось в 2006 году запуском спутников серии «Дон» и «Кобальт-М». Съемка на этих аппаратах производится на фотопленку, которая доставляется на землю в спускаемых капсулах. По данным газеты «Коммерсант», на смену аппаратам оптической разведки в скором времени придут новые разведывательные спутники «Персона», передающие отснятое изображение по радиоканалу.

На службы ГРУ работали и работают следующие виды разведывательных спутников:

– видовой разведки (оптико-электронной и радиолокационной разведки);

– радиоэлектронного контроля (радио– и радиотехнической разведки);

– военные спутники связи («Космосы» различных модификаций, «Глобусы» и «Радуги»).

Для запуска ракет-носителей используются три космодрома, два из которых находятся на территории РФ – Плесецк и Свободный, а космодром Байконур арендуется у Республики Казахстан.

Большинство стартовых и технических комплексов работает за пределами гарантийных ресурсов, многие объекты нуждаются в проведении технического обслуживания и ремонтно-восстановительных работ. Например, из 13 пусковых установок космодромов Плесецк и Байконур 85 % не имеют технического ресурса и используются по разным допускам.

Эта нерадостная картина возникла, конечно же, не на пустом месте. Развал единого Большого Государства, каким был Советский Союз, с отрывом огромного количества смежников, участвовавших в космических программах, существенно ударил по боеспособности космической разведки.

У России катастрофически стало не хватать денег. Так, на 1999 год по сравнению к 1991 году уровень выделяемых средств на проведение НИОКР упал в 60 раз, а на закупку серийных изделий – в 30 раз.

В таких условиях без привлечения дополнительных источников финансирования проведение военно-космической деятельности даже в минимально необходимых объемах практически нереально. Поэтому со стороны РВСН были предприняты интенсивные усилия по поиску таких источников. В основном это поступления от запусков коммерческих космических аппаратов. В 1998–1999 годах по коммерческим программам было запущено 30 космических аппаратов. Большая часть полученных РВСН средств была направлена на поддержание

инфраструктуры космодромов и полигонов Министерства обороны РФ.

Это было время, когда американские стратеги не скрывали, что приоритет в области военного использования космического пространства должен быть отдан системам получения информации. Для фоторазведки они разработали спутники-шпионы «Мидас», а для радиоразведки – «Самос».

По линии агентурной стратегической разведки руководство ГРУ в то время получило объективные данные, – Пентагон недоволен качеством снимков и сроком работы самих спутников. Поэтому руководство Разведывательного управления министерства обороны США (РУМО) потребовало от фирм-проектировщиц создания нового поколения фотоаппаратуры, пленки и спутников с более высоким качественным порогом.

Главным разработчиком фотоаппаратуры для советских будущих разведчиков на земле и в космосе был определен Красногорский оптико-механический завод. Конструкторы и инженеры этого предприятия обладали большим опытом по созданию аппаратуры для аэрофотосъемки.

После гибели космического аппарата «Зенит-2» в 1961 году начались испытания «Зенита-4» в 1964 году.

Однажды, это было в начале шестидесятых, в период раннего освоения Ивашутиным новой должности в ГРУ, в кабинет к нему разработчики привезли некоторые детали образцов фотоаппаратуры и документацию к ней. Петр Иванович со своими спецами осмотрел «выставку», а потом довольно профессионально высказался:

«Дорогие товарищи, наши требования одни – фотоаппаратура должна работать, как часы, а по резкости, скорее, как глаз. Надо, чтобы фотоаппараты были установлены в спускаемый аппарат, иллюминатор которого гарантировал бы герметичность без искажения кадра. Следует полностью автоматизировать процесс съемки и протяжки пленки, обеспечить сохранность ее в специальной кассете при спуске на Землю и посадке с ударной перегрузкой до двадцати единиц. Подумайте, как лучше справиться с температурными рогатками, а также о большей оперативности передачи снимков на Землю. А лучше было бы в режиме реального времени».

После этих слов гости переглянулись. Они посчитали, что с ними говорит специалист на понятном профессиональном языке.

– Он что, инженер? – спросил один из конструкторов сопровождавшего группу старшего офицера.

– Наверное, очень любит технику, а потому так глубоко вник в то, над чем вы работаете…

– Действительно мы сегодня бьемся над одной из самых трудных проблем – поддержания постоянной температуры для оптики фотоаппаратов. От незначительной разницы температур на стеклах иллюминаторов изменяется их кривизна. Для длиннофокусного объектива фотоаппарата это приводит к искажению изображения снимаемого предмета или объекта, – продолжил конструктор.

– Разве не приятно беседовать с таким заказчиком? – усмехнулся офицер.

– Нет, наоборот, с таким человеком можно быстрее определиться, – последовал ответ инженера.

Как писал по этому поводу Ю. Омельченко – доктор военных наук, профессор Военной академии воздушно-космической обороны, первый космический фотоаппарат с необходимыми параметрами под названием «Фтор» был выпущен на Красногорском заводе. Эти аппараты потом совершенствовались и доводились до высоких характеристик. Их должным образом оценила космическая разведка ГРУ.

По командам с Земли предусматривались управление набором светофильтров, экспозицией, выбор координат начала и конца съемки и числа кадров. Закладывалась детальная программа управления фотопроцессом.

Предусматривался и вариант оперативной фоторазведки, – возможность получать информацию в процессе полета, не ожидая возвращения на Землю спускаемого аппарата, его поисков, извлечения, доставки и проявления пленки. Сказывался фактор времени – реальная обстановка быстро старела. Этого нельзя было допустить, особенно в боевой обстановке. На этот случай был разработан специальный фототелевизионный комплекс «Байкал».

Фотопленка непосредственно после съемки тут же на «борту» поступала в проявочное устройство. После проявки, закрепления и сушки кадр за кадром протягивались перед видеокамерой и по телевизионному каналу «Калина» передавались на Землю. Это сложное устройство разрабатывалось НИИ-380 в Ленинграде…

Первый пилотируемый корабль «Восток» и первый погибший космический разведчик «Зенит-2» были уже оснащены телевизионной аппаратурой и радиолинией радиопередач с «борта».

Нужно сказать, что «Байкал», занимавший большой объем в спускаемом аппарате, испытывали на полигоне и сразу, шутя, переименовали в БПК – «банно-прачечный комбинат». И тому были веские основания. При первых же испытаниях из него потекли растворы и пошел пар. Вообще его подготовка к полету

доставляла массу хлопот, вызывала упреки и остроты в адрес молодых разработчиков.

Работы по созданию системы управления «Зенита-4» закончились в 1964 году в ОКБ-1 – головном разработчике космических разведчиков, которых опекал сам С. П. Королев. Это было время восхода советских космических технологий, которые составляют гордость нашего народа. А вообще это было время **личностей** …

Небезынтересны воспоминания ученого о степени участия высшего военно-политического руководства в проблеме освоения космического пространства и положения военных:

«…В самый напряженный период подготовки к пуску «Зенита-2» к нам на полигон поступило сообщение о предстоящем смотре ракетно-космических достижений самим министром обороны Маршалом Советского Союза Родионом Яковлевичем Малиновским. В 1956–1957 годах он был Главнокомандующим Сухопутными войсками. В военных кругах говорили, что он не честолюбив и отнюдь не стремится стать министром обороны ядерной сверхдержавы. Тем не менее, в конце 1957 года по инициативе Хрущева его кандидатура была утверждена на этот высокий пост. Пришло время Малиновскому осваивать ракетно-космическую технику.

Осенью 1961 года по полигону пронесся слух, что Малиновский будет сопровождать Никиту Сергеевича, но вскоре выяснилось, что Хрущев не приедет. В связи с высочайшим визитом почти все офицеры и солдаты были сняты с испытательных работ и брошены на аврал по наведению чистоты и порядка. Я в тот период отвечал за сроки и качество подготовки «Зенита» и пытался протестовать против отвлечения людей, высказав свое возмущение председателю Госкомиссии Керимову и начальнику 1-го управления полигона полковнику Кириллову.

Керимов, улыбаясь, ответил, что командованию полигона «своя рубашка ближе» и его все равно не послушают. Кириллов не упустил случая прочесть мне нравоучение:

«Вы, штатские, своих министров уважаете, но не боитесь. Обидит один, – пойдете работать к другому на еще более выгодных условиях. У ваших министров власть над людьми в основном моральная. У нас, военных, совсем другое дело. В армии власть министра обороны проявляется в чистом и неприкрытом виде. За грязь на дороге и непорядок в казарме – выгонит без всякого согласования и даже с выселением из военного городка. Мы можем не уважать начальство, презирать его, но бояться просто обязаны».

Эти слова нелишне напомнить тем, кто считал и считает

воинскую службу и жизнь после смерти Сталина в «хрущевскую оттепель» кардинально измененной.

Современные космические разведчики, и наши, и американские, могут разглядеть Землю с разрешающей способностью, позволяющей регулировать уличное движение. «Американские ястребы» в разгар «холодной войны», отстаивая тезис о необходимости господства в космосе, похвалялись, что новейшие космические разведчики США уже позволяют определить число и величину звезд на погонах наших офицеров.

Самое революционное в технике космической разведки последних лет – это возможность передачи цветного изображения в реальном масштабе времени.

* * *

Великие достижения современной видеотехники ныне используются для контроля за самолетами, находящимися на палубе авианосца, перемещением танков во время локальных военных конфликтов и положением тяжелых крышек шахтных пусковых установок стратегических ракет.

Зная истинное положение дел в российских научных организациях, создавших поистине чудо-технику, позволяющую увидеть любой уголок земного шара, уже упоминавшийся профессор Юрий Омельченко писал: «Я со страхом подумал, неужели все это проглотит криминальный хаос российских реформ?»

На общем собрании Российской академии наук 29 октября 1996 года один из академиков поднялся на трибуну и зачитал проект обращения к президенту и правительству России.

И он процитировал только два абзаца этого обращения:

«Необходимо четко понимать, что в XXI веке реальной независимостью будут обладать лишь государства, создающие и использующие собственные высокие технологии на основе мощной фундаментальной и прикладной науки.

Если сейчас политика в отношении науки не будет изменена, то суд истории будет однозначен и категоричен – эта политика будет заклеймена как преступная».

Как бы в подтверждение этого мрачного прогноза в 1996 году пресса сообщила, что «…28 сентября над южной частью Тихого океана сгорел в атмосфере российский разведывательный спутник «Космос-2320». Он сгорел, отслужив свой срок. У России больше не осталось ни одного спутника оптико-электронной разведки. Между тем это единственное средство контроля за

соблюдением договоренностей о стратегических вооружениях…

Этот спутник был разработан в самарском ЦСКБ «Прогресс». Разрешающая способность аппаратуры – несколько десятков сантиметров… Изображение получается в цифровом виде… Из-за финансовых сложностей Россия была вынуждена с лета этого года приступить к бесконтрольной продаже ЦРУ своих фотопленок из архивов Главного разведывательного управления…»

Ветераны космической разведки, читая подобные сообщения, вправе зарыдать, как плакали некоторые офицеры РВСН, когда резали наши мощные «Тополи» в угоду американской стороны и с одобрения «немца № 1» Горбачева. К подобному разоружению России приложил руку и Ельцин. До сих пор не можем наладить пуски «Булавы».

Говорят, нет денег в стране. Но половина триллиона долларов, вырученных за нефть и газ, думается, совсем не отдыхали на банковских полках Америки, – они вовсю работали и работают на мощь США.

Мы строим сегодня для немногих дорогие квартиры в мегаполисах, роскошные дачи и виллы. Обзавелись огромным парком иномарок, переводим миллиарды долларов за границу на преобретение на всякий случай там недвижимости и оплату за «достойное образование» своих чад, забыв об отечественной промышленности, сельской земле, армии и ее достойном вооружении. Ворье и вранье среди чиновничества стало национальным бедствием. Коррупция съедает чуть ли не половину бюджета страны. Об этом большинство людей России смело и все чаще говорят пока только на кухнях. Но есть пределы. Начинания президента на первый взгляд все правильные, но это ведь только слова обещаний, а подвижек как не было, так и нет. Создается впечатление, что идет сплошным фронтом саботаж, усиливающий экономическую нестабильность страны.

Космическая разведка ГРУ Генштаба сегодня тоже в положении нищенки – она ведь срез общества. Неудачи в запусках спутников и ракет уже повторяются с опасным постоянством. А, как известно, без разведки армия слепа…

Хочется верить, что лучшее впереди!

Петр Иванович Ивашутин очень переживал до последнего своего вздоха за свое детище – космическую разведку. Буквально горевал, когда по скороспелому рескрипту из Кремля были закрыты объекты с уникальными разведывательными возможностями на Кубе. То, что натворили «младореформаторы» со страной, армией и большинством народа, он этого бы, так думается, не пережил, служа в армии начальником ГРУ.

Электронику – в жизнь!

В 60-х годах спецслужбы западных стран для повышения эффективности своей работы стали активно внедрять счетно-решающую и электронную технику в практическую деятельность своих подразделений для обработки все возрастающего потока информации и решения ряда задач как оперативного, так и информационного характера.

Руководство ГРУ, и в первую очередь офицеры и генералы, занимающиеся этими проблемами, стали «просвещать» многих консерваторов военной разведки. Удивительно то, что Петр Иванович, выросший в условиях карточного накопления информации и механического ее поиска, быстро сориентировался, поняв все преимущества электронных средств накопления, систематизации и быстрого получения необходимой информации.

Зарождение проекта «автоматического анализа» начиналось с конца 50-х и начала 60-х годов через заказы на наших предприятиях и поиск за рубежом электронно-счетных машин.

Руководство ГРУ с целью начала оснащения служб подобной техникой приобрело два комплекта счетно-решающих «агрегатов» французской фирмы «Буль». Для эксплуатации купленных машин и решения ряда задач по обработке информации на этой технике, в интересах ГРУ было создано отдельное подразделение. Называлось оно – Направление автоматизации и совершенствования информационных процессов.

Вся техника «Булей» размещалась на первом этаже здания, где находились управления Информации по ул. Грицевец (ныне Большой Знаменский переулок).

Первым его начальником был полковник Перминов С. Н. – участник Великой Отечественной войны, закончивший сразу же после ее окончания Военную академию им. Фрунзе. Это был образованный, смелый и решительный офицер. Любил и умел любое начатое дело доводить до конца. О его подвигах в составе разведывательно-диверсионных групп в годы войны можно встретить в мемуарах бывшего министра обороны СССР Маршала Советского Союза А. Гречко.

Руководство ГРУ и начальник Информации военной разведки генерал-лейтенант Кореневский Н. А., курировавший это подразделение, поставили перед личным составом направления задачу по освоению техники и использованию ее для обработки информационных потоков в интересах оперативных подразделений.

Надо отметить, что уже тогда бумажный вал грозил

расстроить любое подобное ведомство. С каждым годом на письменных столах начальников росли горы документов, – «бумажные Эвересты». Вот тогда и стали думать об «умных машинах», способных разгрести белые стопки информационного жанра.

Забавный случай описал журналист-международник В. Александров, работавший в начале шестидесятых в Информации МИДа. Как-то ему поручили заполучить подпись у генерала. Прибыв в ГРУ и встретившись с Кореневским Николаем Александровичем, он передал ему бумагу.

Генерал по роду службы был общевойсковым военачальником. Каким образом он попал в круг профессиональных разведчиков и руководил ими – загадка, теперь уже не имеющая объяснения. Огромного роста, крепкого телосложения, он всем своим видом олицетворял несокрушимую мощь наших доблестных Вооруженных сил.

Кореневский сел за стол, заваленный бумагами:

– Ну-ка, что там у тебя, едрена мать… вон какую гору бумаг написали. На кой хрен мне это все читать надо? А тут что за лопуховина? Нельзя что ли, трах-тара-тах, одним русским обойтись? Зачем это гаженое иностранное слово написано?

– Можно, конечно, русским обойтись, – отвечаю, – но слово основной смысл передает, «interdiction» – означает «заграждение».

Генерал засомневался. Читать записку не стал. В слово уперся взглядом.

– Вот что! Я знаю только два языка – русский и матерный, а здесь на каком-то другом написано. Я так подписывать не могу. На хрена мне это надо?

Подписал только после консультаций с тремя авторитетными генералами-разведчиками, знающими иностранный язык…

Комплекс счетно-перфорационной техники французской фирмы состоял из перфораторов, сортировки, дешифратора и табулятора. Носителем информации являлась перфокарта. Никакой сопроводительной документации к машинам, инструкции или учебного материала не было, что в значительной степени осложняло процесс освоения новой, невиданной тогда техники. И все же наши офицеры-умельцы разобрались в хитросплетениях «заморской покупки», установили, наладили и заставили работать ее на «советскую власть».

Одной из приоритетных задач была выбрана проблема по учету оценок на добытую оперативными подразделениями информацию и образцы «ворожей» техники. Учет оценок производился офицерами оперативных управлений и Информации в рабочих тетрадях и отнимал ежемесячно до

недели рабочего времени для выверки данных и составления справок руководству ГРУ.

К разработке задачи по учету оценок приступили все офицеры направления. Задаче было присвоено наименование «Статистика». Решение ее позволило освободить большое количество офицеров как оперативных управлений, так и управлений Информации от рутинной работы по сбору оценок, их подсчету и написанию отчетов и справок, высвободить время для творческой работы.

Второй задачей, которую офицеры направления взяли для автоматизации, была задача по сбору и обработке информации по вооруженным силам вероятных противников и выпуск «Боевого листка».

На базе разработанных задач и полученного опыта в план работы направления был включен пункт о проработке вопроса по сбору и анализу состояния и группировкам войск НАТО и других военно-политических блоков вероятных противников.

Такой задаче был присвоен код – «Дозор».

Разработка задачи велась на базе системы «Зеркало», созданной силами радиотехнической разведки – 6-го управления ГРУ. Тогда во всех Вооруженных силах СССР подобного задания не было…

На всю эту титаническую работу «поспевать за веком» положительно повлияли взгляды «Петра Великого» – Петра Ивановича Ивашутина, сумевшего «подняться над веком» и почувствовать его пульс и новые тенденции.

В настоящее время, по материалам Интернета, система наблюдения со спутников строится так: по заданиям Центра космической разведки ГРУ ракетные войска стратегического назначения осуществляют запуски спутников-ретрансляторов «Гейзер», передающих с геостационарной орбиты разведывательную информацию, которая затем анализируется и обрабатывается системой «Дозор» в штаб-квартире ГРУ.

Такие спутники-труженики оптико-электронной разведки, как «Кобальт», «Орлец», «Арсенал», «Неман», «Енисей», «Прогресс» и другие, несли и несут нужную службу Родине.

С 1978 года существовала система морской космической разведки и целеуказания «Легенда». В ее состав входили спутники радиолокационной и радиотехнической разведки.

Прошло чуть больше чем полстолетия с начала борьбы с «нагромождением бумаг на столах» начальников, а как изменилось лицо военной разведки России. Сегодня новые вызовы времени требуют пересмотра того, чем мы довольствовались вчера. И вот уже Дмитрий Литовкин в

«Известиях», ссылаясь на заявление руководителя ведомства, говорит о новом реформировании одной из самых закрытых и влиятельных спецслужб мира.

– Реформа ГРУ назрела давно, – сообщил «Известиям» один из ветеранов ведомства. – Нужно менять структуру, оптимизировать численность личного состава.

Решение о реформировании ГРУ было принято после августовского грузино-осетинского конфликта. Тогда Москва выиграла силовое противостояние, однако «разбор полетов» показал существенные недостатки в действиях управления, которое, и об этом говорят многие эксперты, несвоевременно и не в полной мере информировало министра обороны о возможности конфликта.

Итак, военную разведку ждет серьезная реформа…

Спецназ ГРУ

На протяжении всей службы в военной разведке Петр Иванович Ивашутин уделял пристальное внимание подразделениям и частям специального назначения, понимая их важность, остроту и актуальность в современных условиях. Они его тревожили до последних дней нахождения на посту руководителя ГРУ. Нет, он не был их родоначальником, но при нем они обрели второе дыхание, существенно обновились, а с учетом качества практически родились заново.

История возникновения спецназовских подразделений и частей восходит к началу пятидесятых годов прошлого века. Этот процесс разбит на несколько периодов. Период зарождения относится к 24 октября 1950 года, когда директивой военного министра СССР № ОРГ/2/395832 Маршала Советского Союза А. М. Василевского и начальника Генерального штаба генерал-полковника С. М. Штеменко были созданы 46 рот специального назначения. Комплектовались они в общевойсковых и механизированных армиях, а также в военных округах, не имеющих армейских объединений под руководством Главного разведывательного управления Генштаба.

Но на заре их появления немало было и драматических моментов, когда непрофессионализм властей, особенно из числа партноменклатуры, пытался вставлять палки в колеса спецназовского обновления. Как известно, середина пятидесятых – это были годы накала «холодной войны», готовой перерасти в «горячую». Каждый год, а иногда и по несколько раз в месяц, руководство США готовило планы ядерного уничтожения СССР. Некоторые вражьи козни попадали в поле зрения разведок КГБ и ГРУ. Поэтому вопросы противодействия ядерным силам США и их союзникам часто обсуждались на различных партийно-правительственных уровнях.

О них знал и, как правило, одобрял эти начинания Генштаба главный хозяин страны – Никита Сергеевич Хрущев. Даже в связи с этим породил кучу мемов – «мы вас закопаем», «мы вам покажем кузькину мать», «догоним и перегоним вас, янки», «наш спецназ – это мощь» и прочее. И вот случилось то, что случилось.

Как известно, на октябрьском 1957 года Пленуме ЦК КПСС Георгия Константиновича Жукова обвинили в бонапартизме, нескромности, стремлении к неограниченной власти и прочее. Однако среди выдвигаемых упреков были и обвинения, касающиеся деятельности ГРУ и, в частности, подразделений СПЕЦНАЗ. Так, «серый кардинал» от политики М. А. Суслов,

подыгрывая Никите Хрущеву в борьбе с набиравшим быстрыми темпами политический капитал Жуковым, в своем докладе заметил:

«Еще об одном факте хочу рассказать вам, о факте, показывающем, как товарищ Жуков игнорирует Центральный Комитет. Недавно Президиум ЦК узнал, что товарищ Жуков без ведома ЦК принял решение организовать школу диверсантов в две с лишним тысяч слушателей. В эту школу предполагалось брать людей со средним образованием, окончивших военную службу. Срок обучения в ней 6–7 лет (???), тогда как в военных академиях составляет 3–4 года. Школа ставилась в особые условия: кроме полного государственного содержания, слушателям школы рядовым солдатам должны были платить стипендии в размере 700 рублей, а сержантам – 1000 рублей ежемесячно.

Товарищ Жуков даже не счел нужным информировать ЦК об этой школе. Об ее организации должны были знать только три человека: Жуков, Штеменко и генерал Мамсуров, который был назначен начальником этой школы. Но генерал Мамсуров, как коммунист, счел своим долгом информировать ЦК об этом незаконном действии министра…»

Цитируется по тексту.

Слушавшие докладчика члены Центрального Комитета, собравшиеся на Пленуме, поняли, откуда дует ветер. Все ждали, что скажет Сам. И вот Никита Хрущев, весь красный, с побагровевшими от переполнявших его чувств ушами, коротенькими шажками взбежал на трибуну и произнес:

«Относительно школы диверсантов. На последнем заседании Президиума ЦК мы спрашивали товарища Жукова об этой школе. Товарищ Малиновский и другие объяснили, что в военных округах разведывательные роты и сейчас существуют, а Центральную разведывательную школу начали организовывать дополнительно и, главное, без ведома ЦК партии. Надо сказать, что об организации этой школы знали только Жуков и Штеменко. Думаю, что не случайно Жуков опять возвратил Штеменко в разведывательное управление. Очевидно, Штеменко ему нужен был для темных дел. Ведь известно, что Штеменко был информатором у Берии, об этом многие знают и за это его сняли с работы начальника управления…

Возникает вопрос: если у Жукова родилась идея организовать такую школу, то почему в ЦК не скажешь? Мы бы обсудили и помогли это лучше сделать. Но он решил: нет. Мы это сами сделаем: я – Жуков, Штеменко и Мамсуров. А Мамсуров оказался не Жуковым и не Штеменко, а настоящим членом партии, он

пришел в ЦК и сказал: не понимаю, в чем дело, получаю такое важное задание и без утверждения в ЦК. Непонятно, говорит он, почему об этом назначении должен знать только один министр обороны. Вы знаете что-нибудь об этой школе? Мы ему говорим: мы тоже первый раз от вас слышим. Можете себе представить, какое это производит впечатление на человека.

Неизвестно, зачем нужно было собирать этих диверсантов без ведома ЦК. Разве это мыслимое дело? И это делает министр обороны с его характером. Ведь у Берии тоже была диверсионная группа, и, перед тем, как его арестовали, Берия вызвал группу своих головорезов. Они были в Москве, и если бы его не разоблачили, то неизвестно, чьи головы полетели бы.

Товарищ Жуков, ты скажешь, что это больное воображение. Да, у меня такое воображение».

Чего тут больше – лукавства, подлости, страха, – пусть оценит сам читатель.

Одна из последних подобных стычек Малиновского в угоду Хрущева с начальником Особого отдела КГБ при СМ СССР по Краснознаменному Балтийскому флоту генерал-майором Н. К. Мозговым, раскритиковавшим скороспелые действия военного руководства по уничтожению надводных и подводных кораблей, описана в одной из книг автора «СМЕРШ в бою» в главе «Оперативник в Политбюро».

Принципиальный генерал-чекист не побоялся больших звезд и вызванный на заседание Политбюро, доказал непродуманность действий министра обороны СССР Малиновского, главкома ВМФ Горшкова и командующего КБФ Орла. Он выиграл битву – боеготовность Балтфлота нарушена не была.

Первый заместитель председателя КГБ генерал-лейтенант П. И. Ивашутин позвонил Н. К. Мозгову в номер гостиницы «Минск» и поздравил подчиненного с убедительной победой.

«Член Политбюро Козлов и наш председатель Шелепин довольны вашим докладом, – резюмировал Петр Иванович. – Они заслуженно получили хорошую затрещину за свое верхоглядство, слепые действия и угодничество. Николай Кириллович, так держать, – правда всегда пробьется!»

Но вернемся к шельмованию Жукова.

В результате решения Пленума ЦК КПСС Г. К. Жукова освободили с поста министра обороны. Надо отметить, что это судилище произошло в отсутствие самого обвиняемого. Хитрый и трусливый Хрущев для этого направил Жукова в октябре 1957 года с официальным визитом в Югославию. А Штеменко, который сумел предупредить Жукова о грозящей ему опасности, сняли с должности начальника ГРУ и назначили с понижением

заместителем командующего войсками второразрядного Приволжского военного округа с понижением в звании до генерал-лейтенанта.

Генерал армии Штеменко С. М. (1907–1976) был интересной, многоплановой личностью. С середины войны он представитель Ставки. Генерал буквально мотался по фронтам, оказывая помощь командующим.

В ноябре 1943 года генерал Штеменко, начальник Оперативного управления Генштаба, сопровождал Верховного Главнокомандующего на Тегеранскую конференцию для встречи Сталина с Рузвельтом и Черчиллем.

В 1948–1952 годы возглавлял Генштаб Вооруженных сил СССР. Являлся дважды начальником ГРУ – с 1946 по 1948 и 1956 по 1957 год. Первый раз с руководства военной разведки был снят Сталиным, второй раз – его антиподом Хрущевым. И все из-за элементарной зависти, мести и шептунов в ходе подковерной борьбы.

Генерал армии В. Н. Лобов, бывший начальник штаба ОВС стран-участниц Варшавского договора и начальник Генштаба ВС СССР так высказался о личности Штеменко:

«Когда я читаю о послевоенном прохождении службы генералом Штеменко, шапку перед ним снять хочется! Сколько он пережил!..

Он переменил где-то двенадцать должностей и еще больше мест службы. То он зам начальника Генштаба, то зам Главкома Сухопутных войск, то зам командующего округом, то в Закавказье его бросают, то оттуда опять в Генштаб…

Думаю, от каждого такого переезда у него на сердце рубец был…»

Многие иностранные военные историки его называли самым выдающимся советским геополитиком. Пьер де Вильмарест говорил о нем, что он был великороссом и экспансионистом по убеждению, – сторонником Великого Континентального Проекта. При Сталине генерал создавал через ГРУ могущественную и разветвленную сеть евразийского влияния СССР на Афганистан, Китай, Индию и другие страны. В те годы граница с Афганистаном была самая спокойная в этом регионе.

Основной причиной, послужившей толчком для создания подразделений специального назначения, явилось появление на вооружении стран – участниц блока НАТО мобильных средств ядерного нападения. СПЕЦНАЗ являлся и является основным и наиболее эффективным средством борьбы с ними. Подготовить таких специалистов нужно было и время, и средства, и глубочайшая тайна.

Какие же этапы становления прошли войска специального назначения?

Первый этап – 1950–1960 гг. Создание отдельных рот и отдельных батальонов СПЕЦНАЗ.

Второй этап – 1961–1979 гг. Создание бригад СПЕЦНАЗ и учебных заведений.

Третий этап – 1979–1989 гг. Участие подразделений и частей СПЕЦНАЗ в событиях в Афганистане.

Четвертый этап – 1989–1994 гг. Развал СССР и его последствия.

Пятый этап – 1994–1998 гг. Первая чеченская война и осознание ее последствий.

Шестой этап – 1998 год – до настоящего времени. Действия в Дагестане и Вторая чеченская война.

В задачи личного состава подразделений и частей СПЕЦНАЗ входило ведение разведки и уничтожение при необходимости мобильных средств ядерного нападения вероятного противника. Ведение разведки сосредоточения войск противника в его глубоком тылу. Проведение диверсий, а также организация партизанского движения в тылу противника. На начальном этапе задачей СПЕЦНАЗа ГРУ являлось уничтожение видных военных и политических деятелей, однако впоследствии эта задача была изъята из руководящих документов, регламентирующих деятельность этих частей.

* * *

Вопрос о вводе ограниченного контингента советских войск в Афганистан обсуждался 17 декабря 1979 года на совещании у начальника Генерального штаба маршала Николая Васильевича Огаркова и в присутствии всех его заместителей. Для оценки сложившейся ситуации, как всегда в подобных случаях, первому высказаться дали представителю разведки. Петр Иванович встал и смело, безо всяких колебаний заявил, что если мы ввяжемся в афганскую авантюру прямым вмешательством во внутренние дела этой страны, то она, эта проблема, потянет за собой целый шлейф других проблем – политических, экономических, военных и даже социальных. Таким образом, мы можем создать там ситуацию, подобно той, в которой оказались американцы во Вьетнаме. Кроме того, не надо забывать результаты истории «покорения» англичанами этой горной, со средневековым укладом и религиозным фанатизмом страны.

Петр Иванович так глубоко и всесторонне осветил ситуацию,

что все заместители начальника Генштаба поддержали оценку им назревающей военно-политической обстановки между СССР и Афганистаном. Но мнение начальника военной разведки, к великому сожалению, не было учтено ни в Министерстве обороны страны, ни в Политбюро ЦК КПСС в ходе принятия окончательного решения.

А что касается окончательного решения о вводе советских войск в Афганистан и таким образом создания «русского Вьетнама», его приняла «дружная четверка» членов Политбюро ЦК КПСС: Л. Брежнев, Ю. Андропов, А. Громыко и Д. Устинов.

Политическое руководство Советского Союза, как отмечал писатель Иван Лота, было уверено в необходимости поддержки Апрельской революции, которая произошла в Афганистане 27 апреля 1978 года. В ходе этой революции реакционный режим М. Дауда пал, в Кабуле к власти пришло правительство Н. М. Тараки, которое провозгласило образование Демократической Республики Афганистан.

Но, как известно, большие события в малых странах не происходят без ведома и вмешательства великих держав. Действия правительства Тараки вызвали резко отрицательную реакцию со стороны местной оппозиции, которая подпитывалась духовно и деньгами со стороны Пакистана и США, через свою агентуру влияния. Правительство Тараки, таким образом, оказалось в опасности. Поэтому Политбюро ЦК КПСС и приняло решение, предусматривавшее ввод советских войск в Афганистан с целью стабилизации внутриполитической обстановки в этой стране. Делалось это по просьбе афганского правительства. Видимо, здесь кроется причина, почему политическое руководство СССР не прислушалось к мнению советской военной разведки.

Войска 40-й армии, усиленные авиацией, вошли в Афганистан в последних числах декабря 1979 – начале 1980 года.

Генерал армии П. И. Ивашутин первый раз посетил Кабул 14 февраля 1980 года. После этого он бывал в этой стране более десяти раз. Цели его поездок были различны, но главное в них было то, что они носили оперативный характер и были направлены на поиск путей повышения эффективности действий военной разведки в этой стране. Так как от военных разведчиков во многом зависели безопасность контингента советских войск и их успехи в борьбе с моджахедами.

Пребывание ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистане затянулось, как планировали, не на год и не на два, а на целое десятилетие. Во время «визитов» в ДРА начальник военной разведки стремился найти, увидеть, ощутить

вероятные пути прекращения военного конфликта в этой стране, народ которой никогда не признавал иностранного вмешательства в свои дела.

Сделать это было непросто ни новым руководством страны, ни войсками другой страны. Объединить племена, проживавшие в Афганистане, одной якобы социалистической идеей и направить их к достижению единой цели было невозможно. Если верить тому, что Восток – дело тонкое, то Афганистан – еще и темное. Там воюющие между собою тейпы, глубокие традиции, кровная месть, процветающая наркоторговля – сплошное Средневековье. А мы пытались навязать чуждый им марксизм-ленинизм, с которым и сам Советский Союз не справился.

Ивашутин, приезжая в командировки сюда, все больше и больше утверждался в правоте своих старых и новых умозаключений: чем быстрее советские войска будут выведены из Афганистана, тем лучше будет для Советского Союза. Он тратил огромные деньги на содержание своих войск за границей и оказание безвозмездной экономической помощи Афганистану.

Советская военная разведка действовала в этой горной стране активно и результативно. Ивашутин, получивший богатый опыт организации разведки и контрразведки в годы Великой Отечественной войны, в новых условиях использовал эти знания, дополняя их современными техническими средствами, которые военная разведка получила под его руководством.

ГРУ удалось создать на территории Афганистана такую систему военной разведки, которая надежно контролировала обстановку в стране и своевременно добывала сведения о любых передвижениях крупных сил и мелких групп оппозиции. Это были моджахеды и всякого рода наемники и агенты из Пакистана и США. Оценивая деятельность П. И. Ивашутина в этот период, начальник Генерального штаба маршал С. Ф. Ахромеев в октябре 1986 года писал:

«Генерал армии П. И. Ивашутин, как начальник ГРУ, хорошо подготовлен в оперативно-стратегическом отношении. Правильно и глубоко оценивает военно-политическую обстановку в мире, военные приготовления США и блока НАТО и делает правильные выводы из этого для организации военной разведки.

Аппарат ГРУ, подчиненные разведорганы, части и учреждения подготовлены для выполнения задач, стоящих в мирное и военное время…»

А вот мнение другого заместителя министра обороны СССР, генерала армии В. М. Шабанова. Побывавший в Афганистане как-то после беседы с П. И. Ивашутиным он заметил генерал-лейтенанту П. С. Шмыреву:

«Ваш начальник работает, как бульдозер, переворачивая проблемы одну за другой. Трудно представить другого человека на его месте здесь. Он буквально корнями врос в обстановку – знает до тонкости все проблемы этой страны, осведомлен чуть ли не по каждому аулу…»

Понимая, что защита завоеваний Апрельской революции является делом самих афганцев, генерал П. И. Ивашутин всячески стремился способствовать укреплению афганской армии. Он установил дружеские отношения с начальником разведки вооруженных сил ДРА генералом Халилем. Начальник ГРУ не только оказывал афганцам помощь советами, но и добивался передачи им необходимой техники и вооружений…

Но всему приходит конец, жизнь является таковой, какова она есть. А была она уже невыносима. Поэтому на заседании Политбюро ЦК КПСС 24 января 1989 года было принято решение, озвученное постановлением «О мероприятиях в связи с предстоящим выводом советских войск из Афганистана».

В феврале 1989 года после десятилетнего пребывания в Афганистане советские войска покинули эту страну. Покидали ее и военные разведчики. Тогда, говорили многие люди, армия выиграла войну, проиграли политики.

На одном из концертов, посвященных воинам-интернационалистам, автору запали слова песни, отражавшие события того вывода:

По дорогам крутым, сквозь пургу и туман,
Быстро мчатся «Зилы», надрывая кардан,
«Акаэм» на ремне, передернут затвор,
Не отстать от своих, так молись на мотор…

В боях в Афганистане погибло за 10 лет более пятнадцати тысяч солдат и офицеров Советской Армии, в том числе восемьсот спецназовцев. Более двухсот тысяч военнослужащих, участвовавших в той войне, были награждены орденами и медалями. Семьдесят три из них стали Героями Советского Союза. В их числе и семь нижеперечисленных спецназовцев:

– полковник Колесник В. В.,
– капитан Горошенко Я. П.,
– старший лейтенант Онищук О. П. (посмертно),
– лейтенант Кузнецов Н. А. (посмертно),
– сержант Исламов Ю. В. (посмертно),

– рядовой Арсенов В. Н. (посмертно),

– рядовой Миролюбов Ю. Н.

Одним из спецназовцев, отмеченных Родиной высоким званием Героя Советского Союза, был, как уже упоминалось, полковник, ставший впоследствии генерал-майором, Колесник Василий Васильевич, с которым довелось встречаться и автору этих строк. Скромный, немногословный, с цепким взглядом глаз вприщур, солидно подготовленный – вот что мною вынесено от непродолжительных встреч и общения с ним.

Родился он 13 декабря 1935 года в станице Славянской Краснодарского края в крестьянской семье – отец был агрономом, а мать учительницей в сельской школе. В 1939 году отца – агронома-рисовода направляют на работу в Украину. Здесь семью застала война. Отец с матерью ушли в партизанский отряд и сражались с немцами. Но 7 ноября 1941 года в ходе карательной операции родителей задержали гитлеровцы и тут же на глазах у шестилетнего Василия расстреляли.

Сиротские годы привели его в 1945 году в Суворовское училище города Орджоникидзе (ныне Владикавказ).

В 1956 году он окончил общевойсковое командное училище и был направлен в отдельную роту СПЕЦНАЗ 25-й армии.

В 1957 году роту перевели в Северную группу войск в Польскую Народную Республику (ПНР). В 1960 году Василий назначается командиром разведывательной роты. С 1963 по 1966 год учится на разведывательном факультете Военной академии им. М. В. Фрунзе, а после ее окончания направляется для прохождения дальнейшей службы в Дальневосточный военный округ в город Уссурийск на должность начальника оперативно-разведывательного отделения отдельного батальона СПЕЦНАЗ. В 1971 году он уже начальник штаба отдельной бригады СПЕЦНАЗ Средне-Азиатского военного округа в городе Чирчик Ташкентской области. В 1975 году становится командиром этой бригады, а потом через два года, в 1977 году, отзывается в Москву – в центральный аппарат на должность старшего офицера 5-го Управления ГРУ.

Однажды, это было 19 мая 1979 года, когда он работал в кабинете, раздался звонок. Василий Васильевич взял трубку и услышал знакомый тихий голос Петра Ивановича Ивашутина:

– Василий Васильевич, зайдите, есть разговор.

– Есть, – по-военному громко от неожиданности получения звонка такого уровня ответил полковник Колесник.

– Разрешите? – открыл дверь кабинета Ивашутина полковник.

– А чего «разрешите», если я вас пригласил? Заходите и располагайтесь, – быстро проговорил начальник ГРУ, встал из-за

стола и поздоровался.

Усадив вошедшего за приставной стол, прошел снова к своему столу, полистал рабочую тетрадь и проговорил:

– Василий Васильевич, вам необходимо из войск Туркестанского и Средне-Азиатского военных округов отобрать солдат, сержантов и офицеров трех национальностей: таджиков, узбеков и туркменов и сформировать отдельный батальон СПЕЦНАЗа к первому июня семьдесят девятого года на базе 15-й бригады СПЕЦНАЗ Туркестанского военного округа и убыть в Афганистан. Место сосредоточения батальона на территории Советского Союза город Н. В дальнейшем получите дополнительные вводные на месте… Какие будут вопросы?

– Здесь у меня нет вопросов, а если возникнут там, то там и придется решать, – грамотно ответил полковник.

– Ну, что же, пожелаю вам удачи.

– Спасибо, товарищ генерал армии…

Задание было выполнено. В городе Н. стоял и учился сформированный В. В. Колесником батальон СПЕЦНАЗ. В начале ноября 1979 года он убыл в город Баграм, Афганистан.

20 декабря 1979 года Колесника вызвал к себе в кабинет главный военный советник СССР в Афганистане генерал-полковник С. К. Магомедов и попросил продумать план захвата дворца Амина.

Штурм дворца был успешно осуществлен 27 декабря 1979 года в 19.00 в течение 15 минут. За успешное выполнение спецзадания весь личный состав, принимавший участие в операции, был награжден правительственными наградами – орденами и медалями, а командиру батальона была вручена Золотая Звезда Героя Советского Союза.

В 1980 году Василий Васильевич поступил в Академию Генерального штаба, а после окончания ее в 1982 году был назначен начальником направления спецразведки ГРУ. В 1988 году получил звание генерал-майора, а через четыре года в 1992 году по возрасту был уволен из рядов Вооруженных сил.

Сын Михаил 1967 года рождения окончил Рязанское воздушно-десантное военное училище и служил в отдельной бригаде СПЕЦНАЗ ГРУ. В январе 1995 года был командованием направлен в Чечню для участия в боевых действиях, где 19 января и погиб.

Это был удар для Василия Васильевича, погиб единственный сын, осталось две дочери – Наталья и Ольга. Вот уж действительно, только смерть превращает жизнь человека в судьбу. У каждого воина, в конце концов, есть свое Ватерлоо, но уходить так рано по воле политиканов обидно вдвойне, хотя и на

войне.
Никто из политиков не ответил за эту бойню, где воевали в основном простые ребята рабоче-крестьянской крови. Политическая элита и с ней «лучший министр обороны всех времен» Павел Грачев своих сыновей оберегали для большой и важной работы – прихватизации государственного имущества. Им некогда, да и незачем было защищать Родину, потерявшую на Северном Кавказе неизвестно сколько тысяч своих сыновей. Известна только одна цифра – из республики Ичкерия было изгнано более 500 тысяч лиц славянского происхождения. Они стали беженцами или бомжами. Кто за это ответит? Молчали прикормленные властью газеты, журналы и телевидение.

30 октября 2002 года В. В. Колесник скоропостижно скончался.

Публицист поневоле

Талантливые люди всегда многогранны, они многое умеют и на многое способны. Сороковые-роковые, естественно, повлияли на развитие личности будущего генерала. Как говорится, несчастье имеет свойство вызывать таланты, которые в счастливейших обстоятельствах оставались бы спящими. А еще – талант работает, гений творит. Он же и работал, и творил. О еще одной грани таланта хочется высказаться – это о способности писать. Он редко, но метко откликался на просьбы газетно-журнальных редакторов написать статью, приуроченную к какой-то исторической дате, к которой имел отношение и сам автор.

Примером может послужить его солидная работа «Стратегия и тактика вероломства», опубликованная к 50-летию начала Великой Отечественной войны в «Военно-историческом журнале» № 6 за 1991 год, последний год существования единой страны – Советского Союза.

По существу это была отповедь тем, кто пытался переписать историю.

Он писал, что для восстановления истины нужно вспомнить время, которое влияло на складывающуюся ситуацию в Европе накануне и в начале Великой Отечественной войны.

На формирование военно-политической обстановки на европейском континенте в то время, которая в конечном итоге привела к войне, решающее влияние оказывали агрессивность фашистской Германии и соглашательская политика Англии и Франции.

С приходом Гитлера к власти английское и французское правительства пошли на большие уступки Германии в ревизии Версальского мирного договора 1919 года.

Уже в июле 1933 года в Риме был подписан Пакт четырех (Пакт согласия и сотрудничества) представителями Англии, Франции, Германии и Италии в целях создания общего антисоветского блока. Документ не был ратифицирован из-за острых противоречий, возникших между его участниками. Однако он положил начало политике умиротворения фашистских агрессоров.

Планы Гитлера были гораздо шире, чем намерение вернуть территории, отнятые у Германии после Первой мировой войны. О притязаниях Германии на мировое господство Гитлер прямо заявил на секретном совещании в мае 1939 года. Достижение этой цели предусматривалось осуществить в три этапа: на первом планировалось установление господства Германии над всеми

странами Восточной Европы, на втором – военный разгром и оккупация стран Западной Европы, на третьем (после укрепления тылов и создания мощной военно-промышленной базы) – военный поход против Советского Союза, руководители которого, по словам Гитлера, знают, что «и до них в один прекрасный день дойдет очередь».

Свои гегемонистские устремления Гитлер цинично подтвердил 11 августа 1939 года в беседе, которая состоялась в его резиденции Берхоф (Южная Бавария), с верховным комиссаром Лиги Наций в «вольном городе» Данциге К. Буркхардтом:

«Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад так глуп и слеп, что не может этого понять, я буду вынужден договориться с русскими. Затем я ударю по Западу и после его поражения объединенными силами обращусь против Советского Союза. Мне нужна Украина…»

Из этой же беседы следует, что Гитлер знал, что Советский Союз не готовится к войне против Германии. Он сказал:

«Русские не имеют наступательной силы и не будут таскать каштаны из огня для других. Страна не расправляется со своими офицерами, ежели она намерена вести войну».

Правительства ведущих западноевропейских держав, и прежде всего Англии и Франции, были осведомлены о планах и намерениях гитлеровского руководства Германии и делали все возможное, чтобы использовать их в своих интересах. Они доброжелательно относились к стремлению Гитлера приобрести «жизненное пространство» за счет экспансии в восточном направлении. С откровенным цинизмом их концепция была сформулирована американским послом в Париже Буллитом.

«Вполне отвечало бы желаниям демократических государств, – говорил Буллит, – если бы на востоке произошло военное столкновение между германским рейхом и Россией…»

В это время английская дипломатия дала понять Гитлеру, что правительство Англии «весьма симпатизирует» стремлениям Гитлера к «переменам» в Европе на благо Германии.

Более того, западные державы способствовали милитаризации германской экономики и, по существу, проводили политику поощрения фашистского агрессора, надеясь направить его агрессию против СССР. Отсюда та сговорчивость, с какой правительства Англии и Франции восприняли вторжение немецких войск в Австрию и включение этой страны в состав рейха. Отсюда и появление Мюнхенского соглашения о разделе Чехословакии, подписанное 29 ноября 1938 года премьер-министром Англии Чемберленом, премьер-министром Франции

Даладье, фашистскими диктаторами Гитлером и Муссолини.

Советский Союз в период подготовки Мюнхенского диктата заявил о своей решимости оказать Чехословакии вооруженную помощь для отпора германской агрессии, выполнить обязательства по советско-чехословацкому пакту 1935 года.

Для этого в СССР были осуществлены и соответствующие подготовительные военные мероприятия. Однако правительство Бенеша – Годжи под влиянием Англии предпочло капитулировать.

В марте 1939 года гитлеровцы захватили и расчленили всю Чехословакию. Единственной страной, которая отказалась признать захват Германией Чехословакии, был Советский Союз.

Мюнхенское соглашение изменило стратегическое равновесие в Европе в пользу Германии за счет вывода из строя 35 хорошо вооруженных чехословацких дивизий, захвата ею военных предприятий и военного снаряжения Чехословакии. Только в тяжелой артиллерии Германия сразу удвоила свои ресурсы.

С учетом англо-французской позиции по чехословацкому вопросу, Гитлер решил, что западные страны открыли перед ним «зеленую улицу», позволяя двигаться на восток.

Очередной жертвой германской агрессии стала Польша. Германские войска в период с 1 сентября по 5 октября 1939 года нанесли поражение польским вооруженным силам и оккупировали Польшу.

Английское правительство в марте 1939 года заявило, что оно окажет Польше в случае нападения на нее Германии «всю поддержку, которая в его силах». В дальнейшем англо-польский союз был оформлен в виде соглашения о взаимной помощи и секретного протокола, подписанного в Лондоне 25 августа. Аналогичное соглашение между Францией и Польшей было подписано 4 сентября 1939 года.

В действительности гарантии Польше были преднамеренным обманом, провоцировали нападение гитлеровцев на Польшу, служили целям тех реакционных кругов западных держав, которые стремились таким путем вывести немецкие войска на рубежи советских границ, столкнуть Германию с СССР.

22 августа 1939 года, за девять дней до нападения на Польшу, Гитлер на одном из совещаний заявил своим генералам:

«В действительности Англия поддерживать Польшу не собирается».

Когда началась война против Польши, Англия и Франция хотя и объявили войну Германии, однако никакой реальной помощи в борьбе с германской агрессией не оказали. По существу

Англия и Франция предали Польшу.

«Единственная возможность избежать войны, – как указывает английский историк Б. Лиддел Гарт в своем труде «Вторая мировая война», – заключалась в том, чтобы заручиться поддержкой России, единственной державы, которая могла оказать Польше непосредственную помощь, и таким образом сдержать Гитлера. Однако, несмотря на всю остроту положения, действия правительства Англии были вялыми и неискренними. Чемберлен питал чувства глубокой неприязни к Советской России, а Галифакс – религиозную антипатию. Кроме того, они оба в равной мере недооценивали мощь России и переоценивали силы Польши. Если они и признавали желательность заключения оборонительного соглашения с Россией, то хотели заключить его на своих условиях и никак не могли понять, что своими преждевременными гарантиями Польше они поставили себя в такое положение, когда им самим следовало бы добиваться соглашения с Россией и на ее условиях».

Англо-франко-советские переговоры проходили в Москве с апреля по август 1939 года. В ходе переговоров Советский Союз стремился к достижению соглашения о совместном отпоре германской агрессии и в качестве одного из главных элементов становления системы противодействия агрессору настаивал на предоставлении английской и французской сторонами договорных гарантий соседним с ним государствам. И в первую очередь Прибалтийским на случай так называемой косвенной агрессии Германии против СССР через эти государства. Это было тем более важно для нашей стороны, так как Германия, не имея общих границ с СССР, могла совершить нападение на него лишь через территорию соседних государств.

Столкнувшись с упорным нежеланием Англии и Франции предоставить гарантии Прибалтийским государствам, Советское правительство решило до конца выяснить истинные намерения западных держав, изменив свою позицию.

16 июня 1939 года Советский Союз выдвинул предложение о заключении простого трехстороннего договора, направленного только против прямой агрессии. Однако англо-французская сторона не пошла на заключение и такого договора.

Позиция, занятая английским правительством в отношении как политических, так и дальнейших военных переговоров, полностью отвечала его основной внешнеполитической концепции, заключавшейся в умиротворении Германии и достижении договоренности с ней по всем основным аспектам англо-германских отношений. Об этом свидетельствуют проходившие в конце июля 1939 года тайные англо-германские

переговоры в Лондоне на основе предложенной Англией глобальной программы разрешения англо-немецких противоречий. Последняя предусматривала заключение пакта о ненападении и невмешательстве в дела друг друга, ограничение вооружений на море, суше и в воздухе и возвращение Германии колоний.

Было предложено также содействовать экономике и финансам Германии и признать Восточную и Юго-Восточную Европу сферой интересов Германии. Речь шла и о разделе мировых экономических рынков, таких как Китай, Британская империя, Советский Союз.

Переговоры же с СССР, как свидетельствуют протоколы заседаний внешнеполитического комитета английского правительства, нужны были Великобритании прежде всего для того, чтобы, привязав к себе Советский Союз, помешать, как говорил Галифакс, возможному урегулированию германо-советских отношений, не допустить, чтобы Советский Союз остался в стороне от возможного англо-германского конфликта, не беря при этом на себя обязательства, которые могли бы вовлечь западные державы в войну на стороне СССР против Германии.

Обо всем этом необходимо вспомнить потому, что сегодня в представлении многих людей, особенно молодых, «обработанных» средствами массовой информации, Запад 1939 года приобрел ореол «нравственной» силы, якобы противостоявшей фашистской агрессии.

Однако истина состоит в том, что двурушническая, предательская политика тогдашних правителей Англии, Франции и других западных стран дорого обошлась народам Европы. Эта политика сделала возможным то, что Гитлер уже в 1939 году фактически достиг своей ближайшей политической и стратегической цели.

Таким образом, Советскому правительству уже к началу августа 1939 года стало совершенно ясно, что рассчитывать на серьезную договоренность с Англией и Францией не приходится. А в это время германо-польские отношения достигли крайнего напряжения, вооруженный конфликт мог вспыхнуть в любой момент. И не было никакой гарантии тому, что немецко-фашистские войска, разгромив Польшу, не выйдут на нашу границу, проходившую вблизи Киева и Минска, и не нападут на Советский Союз.

В этой обстановке Советское правительство вынуждено было принять предложение Германии о заключении Пакта о ненападении, который был подписан 23 августа 1939 года в

Москве. А 23 сентября того же года с Германией был заключен Договор о дружбе и границе.

Подписав эти документы, Советское правительство сорвало планы западных держав, рассчитывавших на столкновение СССР и Германии в крайне невыгодных для Советского Союза условиях, предотвратило образование единого фронта империалистических государств против СССР. Советский Союз получил возможность в течение почти двух лет продолжать подготовку к отпору агрессору. Стало возможным оказание помощи народам Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины, насильственно отторгнутых от Советской России в годы Гражданской войны, в борьбе за восстановление Советской власти и воссоединение с СССР. Исключалась оккупация немецкими войсками Прибалтийских государств.

Выведя из войны Польшу, Германия начала подготовку к войне с англо-французской коалицией. Еще в ходе Польской кампании (27 сентября 1939 года) на совещании главнокомандующих видами вооруженных сил и их начальников штабов Гитлер приказал незамедлительно готовить наступление на западе.

Разгром Франции и по крайней мере нейтрализация Англии рассматривались гитлеровским руководством как важнейшая предпосылка для развязывания войны против Советского Союза.

В соответствии с указанием Гитлера в спешном порядке значительная часть сил перебрасывалась из восточных районов Германии и Польши на запад для создания ударных группировок. К маю 1940 года немцы сосредоточили на западе 130 дивизий. На востоке, в Восточной Пруссии и Польше, были оставлены 27 дивизий и 6 кавалерийских полков.

Какова же была позиция Англии и Франции в тот период?

Уяснив несостоятельность своих расчетов на то, что фашистская Германия, разгромив Польшу, продолжит наступление на восток, Англия и Франция при поддержке США вновь ухватились за идею совместного с Германией объединенного военного похода против СССР. Намечалось на севере использовать финско-советские противоречия и под предлогом помощи Финляндии направить на ее территорию англо-французский экспедиционный корпус, нанести удар по Ленинграду и Мурманску, а на юге уничтожить советские нефтяные промыслы на Кавказе, осуществить сухопутные операции против СССР с территории Ирана и вторгнуться военно-морскими силами в Черное море. В это же время по замыслу Лондона и Парижа Германия должна была нанести удар по центральным районам СССР. Делалась также ставка на

втягивание Японии в войну против СССР, с тем чтобы вынудить Советский Союз воевать на два фронта.

Гитлеровское руководство рассматривало англо-французские приготовления агрессии против СССР как фактор, отвлекающий внимание союзников от предстоящего наступления немецких войск на западе. Оно всячески поддерживало надежды правительства Англии и Франции на совместный с Германией дележ советской территории.

Однако последовавшие вскоре катастрофические для англо-французской коалиции события в Западной Европе похоронили планы объединенного похода империалистических держав против Советского Союза.

Военные приготовления и демонстративно враждебные действия Англии и Франции по отношению к СССР нанесли западным странам огромный ущерб, они отвлекли внимание английского и французского правительств от главной опасности – готовящегося мощного удара фашистских войск, ослабили оборону союзников.

Фашистская Германия использовала стратегическую паузу (восемь месяцев после Польской кампании), образовавшуюся ввиду пассивности Франции и Англии, в вооруженной борьбе на европейском континенте («странная война») для усиления своего военного потенциала и развертывания вооруженных сил на западе.

Войска фашистской Германии в апреле – июне 1940 года, захватив Данию и Норвегию, овладели важнейшим плацдармом в Северной Европе. В боях в течение мая – июня 1940 года немецко-фашистские вооруженные силы нанесли поражение армиям англо-французского союза. Разгром Франции – основного союзника Англии в Европе, а также Бельгии и Голландии означал развал антигерманской коалиции европейских государств. Западные страны оказались неспособными противостоять фашистской агрессии, несмотря на то что их экономические возможности превышали экономический потенциал Германии. Союзники имели превосходство в численности вооруженных сил и, за исключением авиации, в количестве вооруженных сил. Однако недальновидная политика и порочная стратегия англо-французских правящих кругов обрекли коалицию западных союзников на поражение.

После завершения военной кампании на западе фашистская Германия перенацелила главные усилия на подготовку к войне против СССР.

Война против СССР, в отличие от подготовки кампании против Польши, Франции и Балканских государств, готовилась

гитлеровским командованием с особой тщательностью и в течение более длительного времени. Разработка детального плана войны на востоке началась в конце июля 1940 года, а 18 декабря того же года Гитлер подписал директиву на развертывание военных действий против СССР, которая получила порядковый номер 21 и условное наименование – вариант «Барбаросса».

План «Барбаросса» ставил решительные цели в войне с Советским Союзом, носившие ярко выраженный классовый характер. В его основе лежала идея ведения войны на уничтожение с неограниченным применением самых жестких методов вооруженного насилия.

Война против СССР согласно плану «Барбаросса» намечалась как скоротечная кампания, конечной цели которой – разгрома Советских Вооруженных сил и уничтожения Советского Союза – предполагалось достичь уже осенью 1941 года.

В соответствии с этим планом в июле 1940 года началось стратегическое сосредоточение и оперативное развертывание вооруженных сил фашистской Германии на востоке. К тому времени в их составе насчитывалось 156 дивизий. 120 из них находилось в Западной Европе, 15 – в Польше, у западных границ СССР. Остальные располагались в Германии и Чехословакии (13 дивизий), несли оккупационную службу в Норвегии (7 дивизий) и Дании (1 дивизия). Без учета трофейного оружия вооруженные силы Германии имели свыше 3 тыс. танков и штурмовых орудий, около 33 тыс. орудий и минометов, свыше 4 тыс. боевых самолетов. По численности, технической оснащенности, боевому опыту вооруженные силы Германии превосходили любую из армий капиталистических стран.

Однако гитлеровское руководство считало, что для войны против СССР необходимо осуществить дополнительные крупные мероприятия по мобилизационному развертыванию вооруженных сил, прежде всего сухопутных войск, по наращиванию военно-технического потенциала.

С этой целью руководство фашистской Германии предпринимало энергичные меры по укреплению и расширению военно-политического и экономического союза со своими основными союзниками – Италией и Японией, вовлечению в агрессивный блок новых стран, и прежде всего тех европейских государств, которые граничат с СССР или расположены вблизи его.

27 сентября 1940 года был подписан пакт трех держав – Германии, Японии и Италии – о политическом и военно-экономическом союзе (Тройственный пакт) сроком на 10 лет. С

присоединением к Тройственному пакту еще ряда государств Европы к середине 1941 года возникла мощная агрессивная военная коалиция. Для активного участия в агрессии против СССР Германия привлекла Финляндию, Румынию, Венгрию, ей оказывали помощь реакционные правительства Болгарии, а также марионеточных государств Словакии и Хорватии. С фашистской Германией сотрудничали Испания, вишистская Франция, Португалия и Турция.

Германия интенсивно использовала экономические и людские ресурсы захваченных и оккупированных европейских стран и территорий: Австрии, Чехословакии, Польши, Дании, Норвегии, Люксембурга, Голландии, Бельгии, Франции, Югославии, Греции. Ее интересам, по существу, была подчинена экономика и нейтральных стран Европы.

Короче говоря, на реализацию плана «Барбаросса» фашистская Германия фактически поставила ресурсы почти всех европейских стран, как своих прямых союзников, так и оккупированных, зависимых и нейтральных стран, население которых превышало 300 млн человек.

За счет ресурсов указанных европейских стран возможности военной экономики Германии увеличились более чем в 2 раза – по производству электроэнергии, чугуна, стали, автомобилей, почти в 2 раза – по добыче каменного угля и выплавке алюминия, в 3,2 раза – по добыче медной руды. В десятки раз возросли ресурсы по нефти и бокситам. Германия могла распоряжаться продовольственными ресурсами оккупированных и независимых стран, в два-три раза превышавшими германские.

Оккупированная Европа, кроме того, служила для фашистской Германии важным источником рабочей силы. В марте 1941 года численность насильственно вывезенных из оккупированных стран для принудительного труда иностранных рабочих достигла 3,1 млн человек, что составило почти девять процентов всей рабочей силы Германии.

Антисоветский агрессивный блок, возглавляемый фашистской Германией, располагал мощной военно-экономической базой. Почти все страны этого блока имели заранее отмобилизованное военное производство, обладали достаточными сырьевыми и людскими ресурсами, а также современными транспортными средствами. Подобная экономическая мощь никогда ранее не привлекалась для обеспечения войны.

Вооруженные силы фашистской Германии к моменту нападения на СССР представляли самую мощную военную группировку, когда-либо создававшуюся крупными державами

мира. Они имели в своем составе 214 дивизий (в том числе 35 танковых и моторизованных) и 7 бригад, более 10 тыс. самолетов, значительное количество новейших надводных кораблей и подводных лодок. Под ружьем находилось свыше 8 млн человек.

Как известно, фашистская Германия и ее союзники 22 июня 1941 года осуществили нападение на Советский Союз, вероломно нарушив Пакт о ненападении, заключенный между Германией и СССР 23 августа 1939 года.

Реакционные круги западных стран дождались нападения Германии на Советский Союз, но к тому времени их собственное существование зависело от способности Советского Союза выстоять и победить.

О назревании военной опасности для Советского Союза поступали достоверные данные по разведывательным каналам Наркомата обороны, НКВД и НКИД начиная с 1938 года. Они касались наращивания военного и экономического потенциала Германии, стратегического сосредоточения и оперативного развертывания войск гитлеровской коалиции у западной советской границы, создания ударных группировок, направлений их действий. Основное содержание плана «Барбаросса» было известно через 11 дней после утверждения его Гитлером. За период с 27 декабря 1940 года по 22 июня 1941 года было получено более десятка сообщений от надежных источников о возможных сроках нападения фашистской Германии на СССР, в которых указывались и такие даты, как середина июня, 15–20 июня, 22–25 июня и 3–4 часа 22 июня 1941 года.

Характерную оценку всей деятельности, всей массы разведывательных данных о военных приготовлениях Германии и возможных сроках ее агрессии дал один из самых надежных и осведомленных зарубежных источников НКВД, патриот-интернационалист:

«Никогда ни одно государство в истории войн не знало благодаря своей разведке столько о планах врага и его силах, сколько Россия. Почему же Сталин так мало делает, видя, как перетирается нить, на которой висит дамоклов меч?»

Однако руководство страны, военное главнокомандование, располагая данными даже о сроках нападения, своевременно не приняли надлежащих мер по отпору агрессору. О причинах, по которым это произошло, говорить еще раз нет нужды…

Сегодня на волне очернительства истории Советского Союза в некоторых наших средствах массовой информации подвергаются резкой критике заключенные в 1939 году с Германией Пакт о ненападении и Договор о дружбе и границе, за то, что СССР поделил с Германией Восточную Европу. И совершенно

замалчивается тот факт, что еще в 1937–1939 гг. Англия и Франция поделили с фашистской Германией Европу в целом, давая Гитлеру ясно понять, что они не будут ему мешать в Восточной Европе.

Сближение СССР и Германии в то время ныне оценивается нашими псевдодемократами как аморальная акция со стороны Советского Союза. А разве стремление западных демократий руками Гитлера уничтожить Советский Союз было моральным?

Нередко в нашей печати можно встретить отождествление Гитлера и Сталина в подходе к заключению пакта и договора как одинаково агрессивных. Такое отождествление является по меньшей мере несправедливым. Гитлер, заключая с СССР Пакт о ненападении, уже назначил день и отдал приказ о подготовке к нападению на Польшу, то есть этим пактом он развязывал себе руки для агрессии. Сталин же преследовал цель если не отвести, то хотя бы отодвинуть нависшую над страной военную угрозу. В этом принципиальное отличие их позиций.

В целом же поспешное осуждение некоторыми нашими теоретиками пакта и договора 1939 года с Германией, без должного анализа реальной военно-политической обстановки того времени и учета истории государства Российского, не прибавило авторитета СССР, но зато инициировало и ускорило события в прибалтийских республиках и других регионах страны.

Наша не всегда объективная критика внешней политики Советского правительства в предвоенный период умело используется различными националистами, экстремистами и сепаратистами в своих корыстных интересах, а также широко эксплуатируется определенными кругами на Западе для разжигания недоверия к Советскому Союзу.

Отмечая этот трагический юбилей – 50-летие со дня начала Великой Отечественной войны, мы не должны забывать, что как исторический опыт, так и нынешняя действительность свидетельствуют, что империалистические истоки агрессии и войн не исчезли, «позиция силы» остается краеугольным камнем во внешней и внутренней политике ведущих капиталистических государств, прежде всего США. Гарантий необратимости позитивных перемен на международной арене пока нет.

С учетом этого укрепление обороны страны, обеспечение мирной жизни советского народа остается важнейшей государственной задачей. Кто скажет, что эти слова патриарха разведки не актуальны сегодня? Он умом аналитика сделал там, где надо, исторический срез и вычленил все болевые точки прошедшей эпохи, выстроив вехи безопасности нового государства – Российской Федерации.

* * *

Правда, сегодня набирают силу те, кто хотел бы испохабить прошлое, все то, что было на «большой войне минувшей…». Поднять на поверхность информационного подиума предательство, обгадить солдат Красной Армии, упрекнуть офицеров в безграмотности, а верховное командование в бездушии. Но изнанку войны не дано знать таким борзописцам. Владимир Бушин в статье «Стервятник» (газета «Завтра» № 11, 2011 г.) назвал имя такого скороспелого знатока войны – говорящей головы НТВ Алексея Пивоварова, не отличающего понятия ППШ от ППЖ.

«С задачей оглашения представленных ему текстов, т. е. функцией говорящей головы черноголовый Пивоваров справляется. Но эта скучная работа не для него. Как обнаружилось, его истинное призвание совсем в другом. Вероятно, по наводке то ли Радзинского или Радзиховского, то ли Сванидзе или Млечина этот их, возможно, русский прихвостень набрасывается на трагические страницы Великой Отечественной войны и, смакуя наши ошибки, неудачи, жертвы, уснащая действительно скорбные факты своим невежественным враньем, устраивает посредством кино пиршество мародера на груде тлеющих костей. И не абы когда, а непременно к славному празднику советской истории – ко Дню Красной Армии.

Так было два года тому назад. Тогда его фильм о боях за Ржев оскорбил и возмутил покойного Владимира Карпова, Юрия Бондарева, генерала армии Гареева, которых он без их ведома жульнически сунул в свое варево, вырвав какие-то отдельные их слова.

Возмутил и множество других известных и неизвестных фронтовиков, и тех, кто даже не служил в армии. Разве тут в службе дело! Один ленинградец, как сообщило в те дни «Эхо Москвы», сказал даже так:

«Посадить его за этот фильм на двадцать лет – мало, расстрелять – слишком почетно, а вот повесить, как Власова, – в самый раз».

Понимаю, сказано в сердцах. Никто такой карой не завершит его земное существование. Грех пусть носит при себе. Но вот новое «вытворение плодовитого режиссера» – телефильм о трагических днях 2-й ударной армии: «Вторая ударная. Преданная армия Власова». И опять фальшак – история показана не о всем боевом пути армии, а о неудачной, трагической Любанской операции, начатой 13 января 1942 года.

Дальше Бушин пишет:

«Да, это была трагическая неудача, каких в начале войны у нас было немало. А с конца 1942 года еще больше неудач, еще более трагических было у немцев, что и привело к известному финалу. Но наши победы не интересуют всех этих Пивоваровых и Живоглотовых, они парализуют их, лишают речи. А ведь 2-я ударная армия проделала большой боевой путь и завершила его в составе Второго Белорусского фронта участием в победной Берлинской операции…»

Писать об этом – много не заработаешь. Жареные факты, сплошные фальшаки, грязное белье, ковыряние в болезненных ранах на теле, еще больше, – в душах и сердцах живых ветеранов приятнее таким скороспелым «режиссерам». И вот уже Власов – любимчик Сталина. Глупости все это. Бог «вытворителю» разных пасквилей судья!

Говоря о предательстве генерала Власова, Юлий Квицинский, человек известный, образованный, дипломат, прошедший путь в МИДе от переводчика до первого заместителя министра иностранных дел СССР, автор книги «Иуды», описал одну интересную встречу. Это было после войны. Во время одной из встреч битый гитлеровский разведчик генерал-майор Гелен в беседе с представителем ЦРУ США господином Плезантсом попытался объективно охарактеризовать историю прошедшей битвы. Он бахвалился, что США не проиграли за свою историю еще ни одной войны. Он говорил, что если потребуется, то янки выиграют войну против коммунистической России.

– Не выиграете, – повторил Гелен. – Ваша главная ошибка в том, что вы верите в возможность военного решения этой проблемы. Русских можно победить только их собственными руками. Они должны сами разгромить себя, разорить страну и принять чужеземное господство. Повторяю: сами, по своей воле! Такое у них иногда бывало. И мы были близки к этому. Очень близки. Но Гитлер все испортил…

Цэрэушник с возрастающим вниманием вдруг спросил:

– Про что вы говорите?..

– Власов и его движение, – ответил Гелен. – Неужели забыли?

– Но он же повешен, а его люди сидят в лагерях или отправлены в Сибирь на поселение… Они выброшены из общества, они ничего уже больше не могут.

– Ну, так, значит, нужен новый Власов, новые власовцы, система действий по их выращиванию и воспитанию, привлечению на свою сторону. Они могут понадобиться уже завтра. Запомните, без помощи самих русских нам их не победить! – Гелен устало откинулся на спинку стула. – А для того, чтобы они обезумели и начали помогать нам, нужно состояние,

которое они называют «смутой». Это когда у них все вверх дном, а они сами себе больше не верят. Тогда их можно брать голыми руками… Платить за это будете?

– Будем, – заверил Плезантс.

Будучи послом СССР в ФРГ, Юлий Александрович Квицинский хорошо знал этот материал.

И нас взяли голыми руками в 1991 году при двух зомбированных Западом президентах.

Из источников, близких к Петру Ивановичу Ивашутину последние месяцы его жизни, он, потерявший зрение, живо интересовался событиями в стране и, когда он был ознакомлен с отдельными выдержками из книги Юлия Квицинского «Иуды», был полностью солидарен с автором в его оценке предательства Власова.

Думается, доживи до времени пивоваровской быстро сварганенной дешевой телевизионной стряпни, Ивашутин бы тоже обиделся и стал на сторону Владимира Карпова, Юрия Бондарева, Махмуда Гареева и тысяч других участников минувшей Великой Отечественной войны, которая была для них реальной, а не бутафорской.

Это же предательство, это пляска на костях павших, это новая власовщина, которой пытаются отравить молодое поколение. Но оно не сдается. Манежная площадь показала, за кем будущее униженной страны, – за молодыми.

Адъютант его превосходительства

Генерал-полковник Петр Иванович Ивашутин, переходя из КГБ в ГРУ, именно в этот промежуток времени ему было присвоено это звание, как человек вполне трезвомыслящий и венчанный долгом, опытом и честью, решил отказаться от привычной кадровой практики и чиновничьих стереотипов. Он проигнорировал порочную практику многих руководителей и начальников – приезд на новую должность с многочисленной свитой наиболее преданных сотрудников. Он отказался от живущей, к сожалению, до сих пор практики глубокого перетряхивания кадров, срочных перестроек и реформ, потому что знал – всякие революции и контрреволюции добра людям не приносят. На такой годами складывающийся коллектив, а не только во время короткого правления генерала Ивана Серова, нельзя действовать наскоком кавалерийской атаки. И зачем воевать с системой, надо ее по мере усвоения перестраивать под вызовы времени.

Только поэтому после назначения в ГРУ он взял с собой трех человек – в качестве начальника секретариата майора Лукашова и двух Игорей, как он считал, необходимых ему толковых мужиков. На должность помощника он взял подполковника Игоря Михайловича Чистякова, а адъютантом, которого всегда называли порученцем, – лейтенанта Игоря Александровича Попова. Вот с этой «артиллерией» он пришел, чтобы завоевать военную разведку. И завоевал, она ему доверилась, разрешив руководить собой без малого четверть века.

О порученце Игоре Попове, которого сослуживцы постарше величали просто – Игорек, у автора остались от общения с ним самые приятные воспоминания – корректен, вежлив, обязателен. Для человека его профессии, а вернее, должности, этих качеств достаточно, чтобы обрисовать офицера, который был на месте.

Чтобы не восстанавливать из памяти картины былого и давние рассказы Александра Вдовина о его друге-фанате по «Спартаку» Игоре Попове, автор обратился к более свежим интернетовским материалам. Так, накануне 86-й годовщины со дня образования военной разведки Игорь Попов дал интервью бывшему армейскому журналисту Николаю Пороскову. Он изложил все перипетии своей служебной карьеры и некоторые малоизвестные моменты совместной службы со своим шефом – генералом армии, Героем Советского Союза Петром Ивановичем Ивашутиным.

– Игорь Александрович, как судьба свела вас с Ивашутиным?

– До самой службы в армии я работал диспетчером на автобазе Комитета госбезопасности, что на Пушкинской улице. После службы в 1955 году вернулся туда же. Но уже не рядовым, а офицером: те, кто имел среднее образование, могли заочно сдавать экзамены за военное училище. Я, прослужив два года, сдал за артиллерийское, получил звание младшего лейтенанта и был уволен в запас. Все чекистские руководители пользовались автотранспортом нашей базы. Однажды начальник отдела кадров 5-го управления КГБ, которое «смотрело» за средствами массовой информации и диссидентами, полковник Константин Петрович Качаев, предложил мне работу дежурного секретаря у начальника управления генерала Ивана Иосифовича Бетина. Я согласился и был аттестован уже как сотрудник комитета. В 1958 году генерал-лейтенанта Петра Ивашутина, в то время начальника управления КГБ по Ленинграду и области, назначили заместителем председателя Комитета. Тот же Качаев порекомендовал меня к нему дежурным секретарем. Это было для меня повышением. Так и познакомились. У Ивашутина был еще порученец – подполковник Игорь Михайлович Чистяков, он вместе с Петром Ивановичем приехал из Ленинграда. Этой «тройкой» мы и работали.

– Председателем КГБ тогда ведь был Владимир Семичастный. Вы с ним не встречались?

– Как-то его секретарь Женька Курнавин звонит мне: «Игорек, шеф просит тебя зайти к нему в кабинет. Там и Ивашутин». Зашел, представился.

Семичастный и говорит:

«Мне Петр Иванович сказал, что ты футболист. Какие перспективы у нашей команды?»

Он имел в виду «Динамо», которое тогда было кагэбэшной командой. Предупрежденный секретарем Семичастного, я взял с собой таблицы с графиками и результатами футбольных матчей и обрисовал положение динамовцев. Я признался Семичастному, что болею за «Спартак», чем очень удивил председателя КГБ. У меня ведь все друзья были спартаковцы – Юра Фалин, Леха Корнеев, Толя Крутиков. В свое время я играл за завод «Красный пролетарий», добрался до первого разряда. Впоследствии один из игроков «Красного пролетария» (фамилию не помню) перешел в «Спартак». С тех пор я дружу с этой командой. Перед поездкой на матч спартаковцы собирались в автобусе напротив Малого театра. И мне с Лубянки было недалеко. Однажды пришел в форме. Спартаковский тренер Никита Павлович Симонян был крайне удивлен: «Игорек, так ты динамовец! Подслушиваешь наши разговоры!» Долго убеждал, что я преданный болельщик его

команды. После матча мы по пути из Лужников выходили на Кутузовском, где я тогда жил, брали выпивку… Симонян вслед кричал: «Чтобы завтра все были трезвыми!»

– Что входило в ваши обязанности как адъютанта Ивашутина?

– Предварительно записывал на прием к генералу, докладывал ему, а он уже решал, кого и когда примет. Просились в основном начальники управлений, кадровики. Однажды в приемную зашел Василий Сталин. Это было как раз перед его ссылкой в Казань. Он был в кителе без погон и с сияющими золотом пуговицами с изображением Иосифа Сталина. Таких пуговиц я ни до, ни после ни у кого не видел. Мне даже показалось, что они действительно золотые. Пропуск Василию я не заказывал. Его, видимо, привез кто-то из руководства. Выглядел Василий Сталин крайне уставшим, удрученным, хотя был трезв, что тогда с ним случалось редко.

– А когда пришли в Главное разведывательное управление?

– Это я помню точно – 18 марта 1963 года. Тогда за измену Родине полковника Олега Пеньковского с должности начальника ГРУ убрали генерала армии Ивана Серова. Петра Ивановича однажды вызвали в Центральный Комитет партии. Приезжает он оттуда и говорит: «Игорь (он всегда называл меня так), у тебя военная форма есть?» – «Да, – говорю, – есть». – «Готовь форму, мы идем в армию».

Как потом стало известно, Ивашутина назначили в ГРУ по рекомендации министра обороны Родиона Малиновского, который знал его по совместной службе в Великую Отечественную войну.

– Что в ГРУ говорили о Пеньковском?

– Тогда все было закрыто. Знали, что Пеньковский – предатель, и все. В ГРУ мы все трое в один день получили очередные звания: Ивашутин – генерал-полковника, Чистяков – полковника, я – старшего лейтенанта.

Петр Иванович тогда в шутку заметил: «Теперь мы сравнялись – у всех по три звездочки». А я ему в ответ: «Хорошо бы еще оклады уравнять…»

– То есть и вы могли шутить в его адрес?

– Да, он относился к подобному терпимо. Вообще он к людям относился по-человечески. Каждый год 18 марта поздравлял меня с днем рождения. И всякий раз спрашивал: «Сколько лет мы уже в ГРУ?» Хотя, конечно, помнил и сам, – память у него была отменной. Он помнил фамилии главарей банд бандеровцев, которых ловил, помнил главарей банд афганских моджахедов, даты командировок на войну до дня ее окончания включительно.

В 2000 году, уже на пенсии, в телефонном разговоре вставил:

«А помнишь, как вы с генералом Сечкиным выпили наш коньяк?»

А история такая. В феврале 1972 года мы возвращались из командировки в Монголию – Ивашутин, генералы Шмырев Петр Спиридонович, Сечкин Константин Ефимович и я, майор. Во время посадки в Омске Шмырев, дрожа от холода, захотел коньячку для «сугрева» и попросил меня убедить в необходимости этой процедуры «батю», то есть Ивашутина. Я пошел на хитрость и говорю: «Петр Иванович, с нами летит знакомый врач, он рекомендовал для профилактики выпить немножко коньяку, поскольку в Москве еще холоднее». Уловка удалась.

– Обвели вокруг пальца главного военного разведчика?!

– Выходит, так. В депутатском зале я разлил коньяк по фужерам и пригласил генералов. А тут объявили посадку. Петр Иванович по совету Сечкина велел отказаться от коньяка. Со Шмыревым мы пошли «отказываться» и все выпили. В самолете Ивашутин это понял. Я никогда не слышал, чтобы он, самым грубым словом которого было презрительное «деятель», так ругался на Сечкина за то, что послушался его и сразу пошел на посадку.

– Но Ивашутин же был трезвенником…

– Петр Иванович действительно не пил вообще, но раз доктор порекомендовал, он бы граммов пятьдесят выпил. Он следил за своим здоровьем – занимался физкультурой, делал зарядку. Однажды на пляже в нашем управленческом санатории в Эшерах, Абхазия, я увидел необыкновенно крепкого человека и говорю жене Тае:

«Смотри, какой атлет, какая мускулатура!» – «Да это же Петр Иванович!» – узнала жена.

Кстати, и этот санаторий, и это здание ГРУ пробил Ивашутин. До этого управление размещалось в тесном двухэтажном здании на Гоголевском бульваре…

– Я слышал, что он как депутат Верховного Совета много сделал для Северной Осетии…

– С тогдашним министром гражданской авиации Бугаевым они были друзья и построили аэродром в Беслане. С помощью Ивашутина было сооружено множество жилых домов в городах Садоне и Алагире, возвели стадион, завезли племенных коров из Тулы. Он «пробивал» для республики новые автобусы, личные автомобили. О проделанной работе, как тогда говорили, Петр Иванович всегда докладывал аксакалам. И в конце добавлял:

«Скажу также по секрету…»

Аксакалы, знавшие его как главного военного разведчика,

были крайне довольны, хотя ничего секретного он, конечно, не говорил. Осетины принимали его с широким размахом, однажды даже перегородили горную речушку бульдозером, чтобы Петр Иванович мог руками поймать форель. В таких житейских эпизодах он был наивным. Потом, поняв уловку, сказал: «Ловил рыбу на удочку, ловил сеткой, а на бульдозер не ловил ни разу».

Во время застолий он выливал рюмку в рот, а потом незаметно выплевывал…

– А кто бывал в приемной генерала Ивашутина?

– Он был, наверное, единственным начальником Главного разведывательного управления, к которому считали долгом прийти на прием послы СССР в разных странах мира – во время отпуска или по окончании командировки. Начальники управлений ГРУ, которые курировали те или иные страны, под большим секретом давали мне для передачи Петру Ивановичу списки наших сотрудников, работавших там под «крышей» посольства, торгпредства, «Аэрофлота», радио и телевидения, «Автоэкспорта» и так далее, чтобы знать, о ком вести речь.

Помню, приходили послы – в Соединенных Штатах Добрынин, в Германии Семенов, приходила Зоя Миронова – представитель нашего МИДа в Швейцарии. Потом наши ребята, приезжая из-за рубежа, говорили с восхищением:

«Ты знаешь, Игорек, как в лучшую сторону изменилось к нам отношение посла!»

Когда пришел к руководству ГРУ преемник Ивашутина – Михайлов, послы перестали ездить. Говорят, что кто-то из них попытался действовать в прежней манере, но ему в аудиенции отказали. С этого и пошло. И если раньше дипломаты говорили: «Ребята, вы такие же молодцы, как и ваш начальник», то потом слово молодцы поменяли на «му…ки». Все это отразилось на работе сотрудников ГРУ за рубежом.

– Как проходили эти встречи с послами?

– Начальник отдела обеспечения Николай Кириллович Сухоруков обеспечивал визиты послов полным набором спиртных напитков, в то время дефицитных. У Петра Ивановича была бутылка из-под коньяка с чаем и из-под водки «Посольская» с водой. Он просил официантку: «Ты мне моего налей».

– В какие командировки вы летали с Ивашутиным?

– В Афганистан с 1980 по 1984 год было десять командировок. Естественно, летали на Кубу. Последний раз в 1977 году. Военным атташе там был Гиви Орджоникидзе, сын знаменитого наркома. Туда Ивашутина сопровождал генерал Шмырев – начальник радиоэлектронной разведки, то есть хозяин радиоэлектронного центра в Лурдесе. Кубинцы на базе встречали

его плакатом на испанском – «Добро пожаловать, камераде Ивашутин!» Эта публичность Петру Ивановичу не нравилась.

Однажды в знаменитом баре «Тропикана», где даже при социализме танцевали полуголые девицы, перед началом представления объявили:

«Дамы и господа! Сегодня у нас в гостях представители американской торговой фирмы (далее следовало название) и группа офицеров советской военной разведки!»

Скорее всего, сказал об этом Оливейрос, глава отдела протокола кубинского МИДа. Петр Иванович воспринял это нормально, к друзьям же приехали. Еще в Северную Корею летали, в ГДР. Однажды шеф говорит мне:

«Собирайся, едем в Прагу».

Я думал, в ресторан. Спрашиваю, прием, что ли, какой-то? «Какой прием, войска уже вошли в Прагу!»

Жили там в нашем посольстве, но недолго. Петр Иванович встречался с сотрудниками ГРУ, работавшими под разными «крышами». Меня на такие беседы не допускали.

– То есть вы не были допущены к секретам разведки?

– Конечно, нет. Да и не стремился к этому. В ГРУ два человека в одном кабинете сидят, но один не знает, чем занимается другой.

– А в какие капиталистические страны генерал брал вас с собой? Ведь резидентуры ГРУ, об этом сам Петр Иванович говорил, были почти в сотне стран мира.

– А он туда и не ездил. Во всяком случае мне об этом неизвестно.

– Предатель Резун-Суворов возил в Швейцарию посылки начальника ГРУ? Как складывались отношения с конкурентами из Первого главного управления КГБ, ныне Службы внешней разведки?

– С Владимиром Крючковым они общались тепло, дружески. Возможно, помня о том, что оба выходцы из одной организации. Я это наблюдал во время их совместной поездки в Баку. Там поставили памятник Рихарду Зорге, поскольку он имел какое-то отношение к Азербайджану. Открывать памятник глава республики Гейдар Алиев, в прошлом генерал КГБ, пригласил Крючкова и Ивашутина. Принимали на самом высоком уровне, – холодильники в номерах были забиты спиртным и всякой диковинной по тем временам снедью. Памятник получился страшенный: двухметровая каменная стена на постаменте, а из серого камня проступают чьи-то глаза и нос. Подразумевалось, что это Зорге наблюдает за врагами. Петру Ивановичу памятник не понравился.

Крючков приезжал и в ГРУ, подарил Петру Ивановичу на день рождения шашку. Вообще чаще ему дарили холодное оружие – сабли, шашки, кортики, ножи, кинжалы. Возможно, помня о его пристрастии к охоте и рыбалке.

– Как он реагировал на предательство?

– Я не знаю, что и как он переживал внутри себя, но наружу ничего не выпускал в этих случаях.

– Но известных перебежчиков вы встречали в приемной?

– Резун-Суворов приходил. Дело в том, что дочь Петра Ивановича Ирина была замужем за дипломатом и работала в Женеве, где под «крышей» советского представительства в ООН в это же время трудился и будущий «писатель» Виктор Суворов. Так вот, Резун возил Ирине Петровне посылки от отца. В них был стандартный набор – черный хлеб, селедка, колбаса, бутылочка водки и так далее.

Резун приходил в приемную и скороговоркой, услужливо и даже заискивающе говорил:

«Игоречек, я все передам, конечно, передам, все сделаю…»

Раза два или три он возил эти посылки. Петр Иванович с ним не общался. Потом, когда в 1978 году Резун сбежал в Англию, Петр Иванович говорил возмущенно: «Этот деятель мало что сбежал, так он еще и книжку написал, где все переврал». Я ему говорю: «Петр Иванович, Резуну надо спасибо сказать, что он в этой книге не написал, как возил посылки дочке начальника ГРУ в Швейцарию». – «Вообще-то правильно», – заметил Ивашутин.

– То есть Резун проявил здесь некое чувство такта?

– Да, он, конечно, паразит, а вот на тебе… Возможно, не разболтал из уважения к Петру Ивановичу.

– А с другим известным предателем – генералом Дмитрием Поляковым не встречались?

– Да вот его подарок на стене висит. (Игорь Александрович подводит меня к двум висящим на стене полуметровым фигуркам английских колониальных солдат в Индии, мастерски вырезанным из дерева дорогой породы.) Видимо, он вез подарок Петру Ивановичу, но тот был в отъезде. «Ладно, – говорит мне, – вот тебе подарок». Когда обнаружилось, что Поляков предатель (без малого 25 лет работал на американцев и дослужился до резидента ГРУ в Индии), я подарок снял и собирался сжечь. Думал, вдруг там какой-нибудь «жучок» установлен. Простучал фигурки, осмотрел – все чисто. Жена говорит:

«Как-то жалко выбрасывать, они тут прижились». Так и оставили. А мне все оставшееся время казалось, что спрятанный в недрах колониальных солдат радиомикрофон передает наш разговор неведомому шпионскому центру.

– Как увольняли Ивашутина?

– Пришло новое руководство страны, после прилета Руста на Красную площадь началась частая смена министров обороны, да и Петру Ивановичу уже было много лет – он 1909 года рождения. В конце лета 1987 года Петр Иванович приехал из ЦК подавленным, расстроенным. Спросил меня в очередной раз:

«Сколько мы уже здесь?» Получалось – почти двадцать пять лет. «Нас увольняют», – грустно сказал он.

После ухода из ГРУ у него резко ухудшилось зрение. Операцию делал Святослав Федоров, но сделал неудачно. Жена Ивашутина, Мария Алексеевна, умерла на полгода раньше мужа. Он сказал мне тогда:

«Самое страшное, что я не видел ее в гробу и не мог с ней попрощаться». В помощники ему выделили прапорщика, но он редко прибегал к его услугам.

– Машина, дача у него были?

– Единственная личная машина, которая у него была, это «Волга ГАЗ-21». Купленная еще в пятидесятые годы. Дача – развалюшка. Хрущевских времен, которую он выкупил, продав подаренные ружья и шубы жены и дочери. Неподалеку стоит трехэтажный особняк одного из последователей Петра Ивановича. Времена меняются…

– Большие начальники часто воспринимают адъютантов как прислугу и относятся соответственно, доходят до оскорблений…

– С Петром Ивановичем связана вся моя жизнь. Ни об одном дне совместной с ним службы я не жалею.

Эти слова искренние, потому что за время совместной службы в ГРУ автору этих строк ни разу не попадала информация о проявленном недовольстве службой со стороны скорее не «адъютанта его превосходительства», а честного и порядочного порученца с человеческим лицом. То, что говорится в книге о Петре Ивановиче – это сфокусированные обобщения откровений Игоря Александровича Попова.

* * *

Совсем недавно автор беседовал с давним знакомым и сослуживцем по Южной группе войск, ставшим потом первым заместителем начальника тыла ВС СССР, генерал-полковником в отставке В. И. Литвиновым. Его подчиненный, Владимир Егорович Бычков, доктор технических наук, подарил ему свою книгу «На благо технического прогресса». В ней он очень тепло отзывается о родном брате Петра Ивановича Ивашутина –

полковнике в отставке Евгении Ивановиче Ивашутине – начальнике научно-технического комитета Центрального управления топлива и горючего МО СССР.

Охарактеризовал его как спокойного, скромного и молчаливого человека, никогда не делавшего даже полунамека по поводу существования высокопоставленного в армейской номенклатуре родного брата.

Как специалиста Е. И. Ивашутина высоко ценило руководство, не догадываясь, что брат был в высоких замах и в КГБ, и Генштабе ВС СССР.

Первое и последнее интервью

К 100-летию генерала армии Петра Ивашутина газета «Завтра» опубликовала в № 38 (826) 2009 года статью бывшего корреспондента газеты «Красная Звезда» Николая Пороскова под названием «Патриарх разведки».

В ней он, в частности, писал, что П. И. Ивашутин руководил Главным разведывательным управлением (ГРУ) Генштаба ВС СССР почти четверть века. В мире всего две фигуры, столь долго возглавлявшие мощные спецслужбы: Эдгар Гувер директорствовал в Федеральном бюро расследований США почти полвека. Именно при Ивашутине ГРУ приобрело те черты, мощь и разноликость, какими обладает оно сегодня. Основы, заложенные Петром Ивановичем, оказались столь прочными, что никакие «реформы» не смогли, в отличие от поделенного и растащенного на части КГБ, поколебать структуру военной разведки. Главное разведывательное управление сегодня – единственная в мире спецслужба, сочетающая в себе все мыслимые виды разведки, в том числе войсковую, больше известную как спецназ ГРУ.

Несколько дней назад, накануне Дня военного разведчика, который празднуют 5 ноября, на Троекуровском кладбище открыли памятник на могиле Петра Ивановича Ивашутина, Героя Советского Союза, генерала армии. Собрались на кладбище узким кругом, только свои – руководство ГРУ, ветераны, родственники Петра Ивановича и бессменный его адъютант на протяжении четверти века Игорь Попов. Из журналистов был только ваш покорный слуга, много писавший об организации во время работы в «Красной Звезде». Снимал на телекамеру один оператор, но тоже управленческий.

Под треск автоматных залпов почетного караула сползло покрывало, и на белом камне проступил бронзовый лик патриарха разведки, напоминающий глубоко задумавшегося добродушного тролля. Сказал слово тогдашний начальник ГРУ генерал армии Валентин Корабельников, его предшественник генерал-полковник Федор Ладыгин, сын Ивашутина Юрий Петрович, контр-адмирал. Положили на холодный камень гвоздики и пошли в поминальный зал выпить, не чокаясь, за человека, рядом с которым трудно поставить кого-либо во всей долгой, противоречивой истории «Аквариума».

А десять лет назад, накануне 90-летия Ивашутина, я, тогда журналист «Красной Звезды», в сопровождении двух сотрудников ГРУ поехал на дачу Петра Ивановича в подмосковных Раздорах. Дача оказалась панельным одноэтажным домиком, весьма

скромным, построенным еще в хрущевские годы. Была она государственной, а после развала Советского Союза чиновники поставили условие: или выкупай, или съезжай. Затребовали, как рассказывал мне Петр Иванович, 200 тысяч рублей, а на сберкнижке у него было лишь 9… Еле собрал. Потом на ремонты потратил деньги.

Он постоянно жил на даче с женой Марией Алексеевной, иногда вызывая из управления машину, чтобы при необходимости поехать в столицу. Он тогда еще числился советником начальника ГРУ, имел в «Аквариуме» кабинет, но зарплату получать отказался, поскольку советы давал главным образом по телефону. В госпиталь его сопровождал выделяемый на этот случай прапорщик.

Петр Иванович, как сам сказал, никогда не давал интервью. С писателями встречался по поводу издания книг: с Василием Ардаматским («Этот обязательно тему выклянчит, дам ему тему, он и пишет»), с Юлианом Семеновым, Вадимом Кожевниковым, автором романа «Щит и меч», с Колесниковым, автором книги о Зорге («Это наш домашний писатель»), а с журналистами для интервью – нет, не встречался.

Так что я был первым и последним.

К тому времени Петр Иванович уже практически ослеп, ничего не видел, поругивал офтальмолога Федорова за неудачную операцию. Говоря не спеша, он подолгу, в деталях описывал какой-нибудь эпизод. Рассказывал, что до перехода в ГРУ вся работа в КГБ лежала на нем как на заместителе председателя Комитета. Приходили и уходили, как он выразился, «комсомольцы» (Шелепин, Семичастный), люди, политически, может быть, и зрелые, но мало что понимающие в контрразведке.

Ивашутину приходилось разъезжать с Хрущевым по миру, обеспечивая его безопасность. Словом, устал. Об этом и сказал в административных органах ЦК. А тут как раз разразился скандал с предателем полковником Олегом Пеньковским, работавшим на англичан и американцев. После этого ГРУ подверглось серьезной проверке ЦК. От занимаемых должностей освободили тогдашнего начальника ГРУ Ивана Серова, припомнив и прежние дела с выселением народов. Убрали его первого заместителя А. Рогова, а также начальника управления кадров И. Смоликова.

Ивашутин пришел в военную разведку, когда началось бурное соревнование Вооруженных сил СССР и США. Всего Петр Иванович насчитал тогда 17 витков гонки вооружений. Хельсинкские соглашения заставили вести военное соперничество более скрытно. Военную разведку все время подгоняли, ставя все новые и новые задачи. В частности, руководство страны

требовало, чтобы его хотя бы за полтора часа известили о решении американцев на пуск межконтинентальных баллистических ракет (МБР).

На это время приходится рост численности загранаппаратов военной разведки, то есть резидентур, а также их количества.

Едва запустили первый спутник, разведка приспособила его под свои цели. Через «Стрелу-2» установили двустороннюю связь с «точками» по всему миру. ГРУ раньше американцев освоило космическую фотосъемку. На первых снимках запечатлевали территорию в квадрат со стороной 40 километров, потом спецы придумали сканирующий аппарат и сразу дошли до 140 километров. Правда, американцы переводили информацию в цифры и передавали на землю по радио, мы же сбрасывали контейнеры. Потом догнали янки.

Развединформация шла министру обороны в виде докладной записки. Однажды Гречко показал записку Брежневу, тому понравилось, распорядился присылать и ему. Так шло больше двадцати лет. Если записку по каким-то причинам задерживали в Минобороны, тут же следовал звонок от Константина Черненко, в то время начальника секретариата.

Ивашутин очень хорошо отзывался о министре обороны Андрее Гречко. При нем построили санаторий в Эшерах в Абхазии, нынешнее здание «Аквариума» на Хорошевке. Тут, наверное, надо остановиться и напомнить, откуда у здания ГРУ появилось это несколько странное название. Его дал известный перебежчик, бывший капитан военной разведки Владимир Резун, ставший писателем Виктором Суворовым. На этот образ Резуна подвигло, видимо, то обстоятельство, что девятиэтажное, в форме буквы «П», здание отличается обилием стекла.

Едва упоминают «Аквариум», читавшему одноименную книжку о военной разведке вспоминается ее «зачин». Это душераздирающая сцена сожжения в печи на территории «Аквариума» полковника ГРУ, уличенного в предательстве. Во время подготовки интервью с начальником ГРУ Евгением Тимохиным, пришедшим в разведку из войск ПВО страны, я не мог не спросить генерал-полковника, что в этой сцене правда, а что выдумка. Евгений Леонидович подвел меня к окну своего кабинета и указал на единственную возвышающуюся над территорией трубу. Потом вызвал офицера и приказал ему сопроводить меня к этому «крематорию».

Оказалось, печь предназначена для сожжения документов с грифом. Жерло печи было настолько узким, что никакой самый стройный полковник, тем более привязанный к носилкам, как пишет Резун, не пролез бы в него. Так на моих глазах растаял

один из многочисленных мифов, которые, возможно, в силу закрытости ГРУ окружают эту организацию.

Должен сказать, что вот уже лет пятнадцать, как с днем рождения первым (и в обязательном порядке) меня поздравляет не кто иной, как Владимир Борисович Резун. Инициатива нашего заочного знакомства исходила от него, он посчитал, что в интервью с руководством ГРУ, в своих материалах на тему военной разведки я не погрешил против истины и даже создал его книгам рекламу. Позднее он выслал мне из Бристоля, где живет, книгу с надписью:

«Моему честному противнику. Такого противника я встретил только один раз. Даже жаль, что мы уже не противники. Желаю Вам счастья. Враг народа В. Суворов».

На книжке – оттиск «фамильного» клише с изображением танка, внизу, латиницей, имя и фамилия владельца, на соседней странице – золотистая наклейка с почтовым адресом автора.

Кстати, «Аквариум» расположен рядом с аэродромом, с которого молодой краснвоенлет Ивашутин совершил не один полет и где чуть не разбился на ТБ-3. Нынче Ходынку перестроили. Изменились и «аквариумные» постройки. Перед посещением ГРУ тогдашним президентом Владимиром Путиным впервые за всю историю организации на здании выложили золотыми буквами ее название. Однако золотые буквы продержались только сутки, а затем были безжалостно сбиты. Традиции.

* * *

Но вернемся к Ивашутину. В юности он трудился слесарем, рабочим-путейцем, окончил школу военных летчиков и пять лет летал инструктором, поступил на командный факультет Военно-воздушной академии им. Жуковского, откуда его и призвали в органы госбезопасности. И в звании капитана он стал начальником особого отдела корпуса, участвовал в финской войне, в годы Великой Отечественной войны был начальником особых отделов и управлений контрразведки «Смерш» нескольких фронтов.

В 1945 году он имел самое непосредственное отношение к устранению от власти румынского короля Михая.

С 1951 года Ивашутин – в центральном аппарате МВД-КГБ. История вершилась в том числе и здесь. В том числе история войны афганской.

– Никаких рекомендаций по Афганистану мы не давали, –

рассказывал Петр Иванович, – а только очень скромно информировали. Приезжал к нам Тараки – писатель, очень мягкий человек, в ЦК его принимал Пономарев. Кто надоумил Тараки снять Амина с должности военного министра, неясно. Начальник Генштаба Огарков собрал своих заместителей и спросил: «Нужно ли вводить войска в Афганистан?» Начали, как всегда, с разведки, с меня. Я сказал, что мы можем получить то, что американцы во Вьетнаме. Все девять замов и начальник ГлавПУРа были против. Но наше мнение игнорировали.

В Афгане по рекомендации Ивашутина создали такую разведку, «какую мир не видывал». В группу входили оперативные работники из стратегической разведки, знающие языки и умеющие вербовать агентов из местного населения, и офицеры из Ташкентской бригады спецназа с рацией и боевыми средствами. О душманских караванах, их составе знали через четверть часа после начала движения.

Военная разведка работала оперативно и в других регионах. О том, что турки решили направить свои корабли к Кипру, сообщили руководству Минобороны за сутки. А Генштаб промедлил. ГРУ знало, что американцы, пытаясь ввести нас в непроизводительные расходы, блефовали со «звездными войнами», но наверху не послушали. О положении в «горячих точках» планеты Петру Ивановичу приходилось докладывать на заседаниях Политбюро. Партийная верхушка была неизменно вежливой, колких вопросов не задавала, данным разведки верила.

– Я докладывал только то, что проверено, о непроверенном молчал, – рассказывал патриарх военной разведки. – Никакого соперничества между ПГУ и ГРУ не было. По решению ЦК каждые три месяца проводили общее совещание по военно-политическим вопросам то у них, то у нас, строго соблюдая очередность. Они не лезли в наши армейские дела, мы не интересовались, чем они собираются заниматься. У них политическая информация, а нам еще нужно было образцы оружия и военной техники добывать.

В разговоре не обошли и тему предательства. Одно из самых громких дел – дело генерал-майора Дмитрия Полякова. В 1962 году, находясь в командировке в США, он предложил свои услуги ФБР, выдав двух наших нелегалов. У Ивашутина, по его словам, с первой встречи было интуитивное недоверие к этому человеку. Начальник управления кадров Изотов, бывший работник ЦК, взял Полякова к себе в отдел подбора гражданских лиц. Ивашутин приказал перевести Полякова в войсковую разведку, где нет агентуры и, следовательно, выдавать некого. А во время одной из командировок начальника ГРУ Полякова откомандировали в Индию военным атташе. Приказ подписал заместитель

Ивашутина Мещеряков. В Индии Полякова практически и раскрыли. Четверть века работал на американцев. Всего за время Ивашутина было девять случаев предательства, семерых раскрыли дома, а двое остались «там».

Он рассказывал, насколько это позволено, как вытаскивали из тюрем в странах пребывания наших провалившихся разведчиков. В скольких государствах в лучшие годы были резидентуры ГРУ, как поддерживали революционные движения и через разведку передавали им большие суммы денег, как готовили документы, по которым в Москву приезжали лидеры этих движений, чтобы пройти обучение…

Рассказал, как вывезли американское 105-мм орудие…

По мнению Петра Ивановича, нынешним разведчикам за границей работать несравненно труднее. А в России «не осталось порядочного завода или фабрики, где не было бы американского представительства».

– Сегодня, – говорил тогда Ивашутин, – я поставил бы разведке новую задачу: выявлять среди лиц, посылаемых в Россию, разведчиков, чтобы помочь контрразведке вытаскивать их отсюда…

К концу нашей почти четырехчасовой беседы Мария Алексеевна принесла к чаю торт. Некогда всемогущий человек, которого знали и побаивались во всех разведках мира, потянулся за сладким и неожиданно для собравшихся попал пальцами в торт. Он тут же сконфузился. И мне до рези в глазах стало жаль старика.

– Если считаешь разведку профессией для получения заработной платы, не нужно к ней и близко подходить, – говорил новичкам Петр Иванович. – Разведку надо любить.

Примером для подражания и великим разведчиком Петр Иванович считал англичанина Лоуренса.

Я с интересом расшифровывал диктофонную запись, готовясь к сенсации, однако оригинал интервью долго согласовывался в ГРУ, после чего мне было сообщено решение, облеченное в уже привычный термин – «Преждевременно». Такое случалось не раз. Я понимаю специфику организации, искренне уважаю людей, в ней работающих, со многими из которых у меня дружеские отношения, и потому, подосадовав, убрал кассеты в «долгий ящик»…

Узнав о кончине Петра Ивановича, вернулся к записи, обходя «деликатные» моменты.

Сегодня великими называют артистов, спортсменов и даже бизнесменов. Но вот ушел из жизни великий разведчик, столько сделавший для страны, ушел незаметно, так и не получив от

массмедиа этого заслуженного им титула.

Восстановим же справедливость.

Статья интересна многими «живыми» подробностями о последних месяцах жизни рыцаря СМЕРШа и Маршала военной разведки, прошедшего за свою долгую жизнь такие испытания на человеческую прочность, которые свидетельствовали – человек состоялся и душой не покривил.

На скрижалях памяти

Говорят, что память людей – это незаметный след той борозды, которую каждый из нас оставляет на лоне бесконечности. Ушел человек из жизни, и началась для него дорога в бесконечность. Но остаются его дела, которые за него говорят: славят его или укоряют. По странности психологии человека имена сеятелей добра постепенно исчезают из его памяти, но имена великих злодеев остаются навсегда.

Авторам захотелось изменить эту психологию в книге и вспомнить все то доброе, которое оставил этот человек нам, живущим на нашей земле. Мертвые живы, пока есть живые, чтобы о них вспоминать.

В этой книге неоднократно упоминалось имя Сталина – для одних читателей положительный герой в настоящем понимании этого слова, для других – злодей, разбирайтесь сами в силу вашего мировоззрения, интеллекта, знаний. Но мы приведем воспоминания начальника тыла Красной Армии в 1941–1945 гг. генерала армии А. В. Хрулева о стиле работы И. В. Сталина. На этом фоне рассказы об Ивашутине П. И. будут, на наш взгляд, уместны.

Из неопубликованного интервью.

– Не могли бы вы, Андрей Васильевич, подробнее охарактеризовать Ставку Верховного Главнокомандования и Государственный Комитет Обороны, на заседаниях которых вам приходилось бывать?

– Государственный Комитет Обороны – это кабинет Сталина. Что служило аппаратом ГКО? Особый сектор ЦК партии, аппарат Совета Народных Комиссаров и аппараты всех наркоматов. Это был аппарат ГКО. А что такое Ставка? Это был Сталин, члены Ставки, Генштаб, точнее, его начальник или помощник начальника Генштаба по оперативным делам и весь наркомат обороны. Это и была Ставка. Никакого специального секретариата при Ставке и ГКО не существовало.

Вызывает Сталин командующего войсками какого-либо фронта и говорит:

– Мы хотим дать вам директиву провести такую-то операцию. Что вам для этого надо?

Тот отвечает:

– Разрешите мне посоветоваться с фронтом, узнать, что там делается.

– Идите к ВЧ.

Вся связь, которая была у Сталина, это ВЧ – один телефон, но

полностью подчиненный ему. По первому же слову Сталина все выключалось, и его связывали с тем, с кем он хотел переговорить.

Никаких радиостанций, телеграфных станций не было. Телеграф был у наркомата связи, в Генеральном штабе, где имелись и радиостанции.

Сталин все на себя стягивал. Сам никуда не ходил. Приезжал, допустим, в четыре часа дня к себе в кабинет в Кремль и начинал вызывать. У него был список, кого надо пригласить. Раз он приехал, то сразу все члены ГКО вызывались к нему. Заранее никого не собирал. Он приезжал – и тогда Поскребышев начинал обзванивать тех, кто был нужен в данный момент.

Вы, может быть, представляете себе так: вот Сталин открывает заседание, предлагает повестку дня, начинают эту повестку обсуждать? Ничего подобного. Некоторые вопросы он сам ставил, некоторые вопросы у него возникали в процессе обсуждения, и он сразу же вызывал: это Хрулева касается, давайте сюда Хрулева; это касается такого-то, давайте его сюда и так далее. И все давал задания. Кроме того, все члены ГКО имели в своем ведении определенные участки работы. Так, Молотов ведал танками, Микоян – интендантским снабжением, снабжением горючим, вопросами ленд-лиза, иногда выполнял отдельные поручения по доставке снарядов на фронт. Маленков занимался авиацией, Берия – боеприпасами и вооружением. Каждый приходил со своими вопросами и говорил: прошу принять такое-то решение по такому-то вопросу.

И в Ставке, и в ГКО никакого бюрократизма не было. Это были исключительно оперативные органы. Руководство концентрировалось в руках Сталина, обсуждались наиболее важные оперативные вопросы, которые заранее готовились соответствующими членами Ставки или ГКО.

В течение дня принимались десятки решений. Причем не было так, чтобы ГКО заседал только по средам или по пятницам, заседания проходили каждый день и в любое время после приезда Сталина. Жизнь во всем государственном и военном аппарате была напряженная, все находились на своих служебных местах. Никто не приказывал, что должно быть именно так, но так сложилось.

Стоило А. А. Новикову, командующему ВВС, отдать приказ, в котором была такая преамбула: работать в те же часы, как Сталин, и Верховный отреагировал: мало ли, что я так работаю.

Сталин начинал и кончал работать в разные дни по-разному. Он мог один день прийти в четыре часа дня, а на следующий в восемь часов вечера; мог кончить работу и в четыре, и в семь часов утра.

У меня в доме на улице Горького была кремлевская вертушка. Среди ночи Сталин звонит. Беру трубку:

– Вы почему не спите?

Я отвечаю:

– Позвольте, вы звоните, значит, вы считаете, что я не должен спать.

Все было организовано так, чтобы любой работник мог быть быстро оповещен о тех или иных заданиях.

Не велось никаких стенограмм, никаких протоколов, не было никаких технических работников. Правда, позднее Сталин дал указание управделами СНК Я. Е. Чадаеву кое-что записывать и стал приглашать его на заседания.

Сталин подписывал документы, часто не читая, но это до тех пор, пока вы себя не скомпрометировали. Все было построено на доверии. Стоило Сталину только убедиться, что данный человек – мошенник, что он обманул, ловчит, судьба такого работника тут же решалась.

Что касается меня, то проявлявшимся ко мне доверием в ряде случаев пользовались другие, особенно старался Берия, он, например, сотни тысяч валенок записывал на счет военного ведомства. Если бы об этом знал Сталин, то он разорвал бы такой документ и Берия больше ни одного документа не подписал бы у него.

Я давал Сталину тысячи документов на подпись, но, готовя эти документы, за каждой буквой следил. У Маленкова, у Берии есть какой-то вес, а какой же у меня вес? Со мной можно было легко справиться.

О стиле работы в Ставке и ГКО дают представление такие эпизоды.

Если меня не вызывали, но было важное дело, я приезжал, заходил к Сталину в кабинет. И если шло какое-то заседание, то садился в ожидании подходящего момента. Меня ни разу не выгоняли. Да и никого не выгоняли.

Когда возникала какая-то пауза, я говорил Сталину:

– У меня есть один вопрос.

– Сидите.

Это означало, что данный вопрос будет рассматриваться.

А вспомнить о Петре Ивановиче Ивашутине есть и что, и есть кому. Так предоставим же им слово.

Писатель Владимир Лота:

«Ни одному из начальников ГРУ не довелось прослужить в должности руководителя отечественной военной разведки около четверти века. И ни одному из них не суждено было внести такой весомый вклад в развитие отечественной военной разведки.

Генерала армии П. И. Ивашутина до сих пор вспоминают в ГРУ и уважительно называют только по имени и отчеству.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 ноября 1974 года генералу армии Петру Ивановичу Ивашутину был вручен маршальский знак отличия «Маршальская звезда».

Петр Иванович не стал Маршалом Советского Союза, но он стал Маршалом советской военной разведки. По труду и честь в коллективе.

Петр Иванович добросовестно служил в Вооруженных силах нашей страны более пятидесяти лет. За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, и успешную деятельность по укреплению Вооруженных сил СССР в послевоенный период, генералу армии П. И. Ивашутину 21 февраля 1982 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

5 ноября 1998 года на торжественном собрании в ГРУ министр обороны РФ Маршал Российской Федерации И. Д. Сергеев вручил П. И. Ивашутину знак «За службу в военной разведке» за № 001.

4 сентября 2009 года в Главном разведывательном управлении состоялся митинг, в ходе которого открыта мемориальная доска. На ней изображен барельеф П. И. Ивашутина и сделана лаконичная надпись:

«В этом здании работал с марта 1963 по июль 1987 года Герой Советского Союза генерал армии Ивашутин Петр Иванович».

Тот, кто работал в Главном разведывательном управлении в годы, когда военной разведкой руководил П. И. Ивашутин, никогда не забудет это время.

Тот, кто пришел в военную разведку в начале XXI века и не имел возможности работать под руководством генерала армии Ивашутина, останавливаясь у этой мемориальной доски, несомненно, заинтересуется судьбой этого человека, чье имя уже вписано золотыми буквами не только в историю российской военной разведки, но и в военную историю России.

Аура Героя Советского Союза генерала армии П. И. Ивашутина и память о нем обладают удивительной силой. Изучая его жизнь, знакомясь с некоторыми результатами его многолетней деятельности, встречаясь с его соратниками, я постоянно вспоминал нашу встречу на его даче летом 1999 года, его милую супругу Марию Алексеевну, угощавшую нас незамысловатым тортом. Она напомнила мне мою мать, донскую казачку, которую тоже звали Марией.

Занимаясь сбором материала и его осмыслением, я неоднократно ловил себя на мысли, что Петр Иванович Ивашутин продолжает бескорыстно и самоотверженно служить нашему Отечеству.

Память о генерале Ивашутине, с одной стороны, воодушевляет силой достойного примера служения Отечеству, с другой – заставляет самокритично оценивать результаты своей деятельности и думать о том, все ли мы правильно делаем для укрепления безопасности нашей России…»

С особой теплотой отзывались о нем полководцы Великой Отечественной войны маршалы Советского Союза Федор Иванович Толбухин и Константин Константинович Рокоссовский, с которыми он вместе бил фашистов, только тайным оружием.

Генерал-лейтенант Диденко В. С.:

«Я думаю, что лучшего руководителя для ГРУ не было и скоро не будет. Он был на месте. Ему доверяли и министр, и правительство, и ЦК. Недоступный ум, оригинальный склад понятий, неисчерпаемый запас индивидуальности. Несмотря на сильные порывы, самый высокий уровень нормальности при разрешении различных важных государственных вопросов и умение владеть собой.

Даже в технических вопросах он дока. Не раз приходилось мне с инженерной подготовкой убеждаться в этой правоте.

На первый взгляд неразговорчивый, но на деле доступный, беспокойный, решительный, тактичный, с потрясающим самообладанием в критические минуты. Он был настоящим генератором идей. Не переносил бездельников и имитаторов. Тех, кого уважал, всячески оберегал от пакостей завистников. На похвалу не скупился. Виновным сотрудникам мозги прочищал строго индивидуально, не вынося сор из избы. Его компетентность всегда была подавляющей. Я не раз был свидетелем, особенно в вопросах вооружения и боевой техники, где он был не силен, однако чужие аргументы и правоту оппонентов принимал безоговорочно. Свои ошибки признавал, не боясь «потерять лицо».

Генерал-полковник Ладыгин Ф. И.:

«Герой Советского Союза генерал армии П. И. Ивашутин создал уникальную систему военной разведки, которая располагает всеми ныне известными способами, методами, силами, средствами добывания сведений, необходимых для гарантированного обеспечения безопасности страны. Эта система неоднократно доказывала свою высокую боевую готовность и надежность…

Отечественная военная разведка оказалась столь

жизнестойкой, что смогла не только выдержать все удары, обрушившиеся на нашу страну в результате развала Советского Союза, но и успешно решать задачи в интересах безопасности Российской Федерации и российского народа как в переломные 90-е годы прошлого столетия, так и в начале нового века с его новыми вызовами и угрозами для России».

Полковник Миронкин Е. Н.:

«Наш шеф – это глыба, это толстовский человечище, это мотор разведки. Он неустрашимый в начинаниях, а потому в нем чувствовалось отсутствие колебания в принятых решениях.

Веселость нрава, ровность темперамента, заботливость о подчиненных, сердечность, сострадательность, отзывчивость, простота с окружающими разного уровня и положения, отсутствие высокомерия. Понимание и оценка людей по достоинству.

И закалку он, конечно, получил на войне – в СМЕРШе, который вчистую переиграл и хваленый Абвер, и всякие там центры и школы РСХА.

На нем лежала вся тяжесть редко когда замеченной и оцениваемой черновой работы добывающих подразделений: анализ и прогноз, уточнение данных, их проверка и перепроверка, выработка практических рекомендаций и мер реагирования, определение текущих и перспективных целей операций, постановка задач по вербовкам агентуры и прочее.

Великий труженик, он сам определил себе фантастическую норму работоспособности – по 10–12 и более часов в сутки. Для него не существовало мелочей или второстепенных задач. Зная все тонкости разведывательной работы, он считал своим долгом делиться ими на совещаниях, щедро раздавая идеи единомышленникам».

Генерал-майор Мозгов Н. К. (контрразведчик):

«Знаю Петра Ивановича давно. Для меня он эталон ревностного отношения к службе. В нем было равномерное развитие жесткости, беспощадности и милосердия к врагу. Он верил в себя, но склонен руководствоваться разумными советами других. Любил неожиданности, быстроту, натиск. Был дальновидным, смелым, строгим руководителем, часто предлагал рискованные, но оправданные операции с трезвой заботою о безопасности того или иного мероприятия. Решителен в достижении цели для общего блага – государства, контрразведки, разведки. Поразительная быстрота мышления. Уверенность в действиях, когда он следовал внутренним побуждениям, не сомневаясь в том, что казалось сомнительным другим. Добродушие, сердечность, довольство всем, что имеет.

Скромность, высокий уровень нравственной планки, властность, но без властолюбия…

Он нашел себя и в контрразведке, и в разведке. Профессиональное кредо его было четкое – кто предупрежден, тот вооружен. Поддержка меня Ивашутиным, когда я сражался, отстаивая свои убеждения на заседании в Политбюро с такими зубрами, как Малиновский и Горшков, большого стоила. Он первым меня поздравил с победой над чиновничьим чванством и глупостью. Буду ему вечно благодарен».

Генерал-полковник Павлов А. Г.:

«…Объективно рассматривая работу военной разведки в тот период, когда ее возглавлял генерал армии П. И. Ивашутин, можно по праву назвать этот период в истории военной разведки «эпохой Ивашутина» в ГРУ…

Он отличался естественностью в обращении с людьми, большим интеллектом, обширностью замыслов и стремлений, а также постоянным ощущением неудовлетворенности.

Предан делу до самозабвения. Предельно рассудителен…»

Контр-адмирал Римский А. А.:

«Что касается деятельности П. И. Ивашутина – то это находка для ГРУ.

Его именно так оценивало руководство Министерства обороны и правительство.

Величественность и гордость одновременно с простотой и доступностью и снисходительностью.

Умение самому себя утешить и запастись энергией. Умеренная фантазия, которая всегда воплощалась в реальные формы. Многое невозможное для других всегда воплощалось в жизнь и было возможно для его неустрашимой энергии.

Петр Иванович был гармоничной личностью, ярким человеком. В нем сочетались ум, ясновидение, талант руководителя и глубокие знания разведработы. Всегда работал с упоением.

За деловитость и знание предмета разговора его уважали. Когда приходилось ему докладывать по какому-то информационному вопросу, создавалось впечатление, что и он к нему готовился. Ему невозможно было запудрить мозги – все равно он вывел бы собеседника на чистую воду.

Исполнительскую дисциплину, организационно-управленческую деятельность возглавляемого им ведомства организовал так, что оно работало, как часы. Всегда держал планку постановки и исполнения задач не «от достигнутого», а «от требуемого». Он имел потрясающее видение стратегической перспективы, к которой готовил весь свой разведывательный

аппарат.

Что касается Сталина, то, на мой взгляд, Ивашутин считал его одной из сильнейших и спорных личностей XX века, жизнь которого овеяна множеством реальных событий и мифов, теорий и трактовок. Кем он был на самом деле? Отцом советского народа? Диктатором? Молохом? Или тем, кто спас свою страну?

Думаю, Петр Иванович сказал бы – масштабной личностью и спасителем Отечества от германского нацизма! Оценкой всей остальной его деятельности пусть занимаются историки, только честно!»

Генерал-полковник Михайлов Г. А.:

«…В кабинете начальника ГРУ часто бывали советские послы из разных стран. Частыми посетителями начальника военной разведки были крупные советские ученые и ведущие конструкторы ракетной, ядерной и космической техники…

О встрече с П. И. Ивашутиным просил даже начальник военной разведки комитета начальников штабов США генерал Вильсон, бывший проездом в Москве. Встреча состоялась в управлении внешних сношений Министерства обороны на Гоголевском бульваре. После нее Вильсон весьма высоко отозвался о своем собеседнике…»

Полковник Сыромятников Б. А. (контрразведчик):

«Он обладал высокой культурой обращения с людьми…

Для стиля работы Петра Ивановича было характерно уважительное обращение не только с начальниками, но и с рядовыми оперативниками. Мне лично не раз приходилось с ним общаться. В отношениях с подчиненными был ровен, не использовал разносов и окриков…

Отличался высокой справедливостью, истинной мудростью, стремлением к высокому духовному развитию. У него была богатая душа и глубокое патриотическое чувство, которое никогда не выпячивалось.

До конца своих дней Петр Иванович был патриотом своей страны, отдавал горячее сердце и темперамент любимому делу разведки, где с холодным сердцем, а тем более с грязными руками работать нельзя…

Люди – творцы своей судьбы, и они же творят историю! Свою интересную жизнь генерал армии Ивашутин положил на алтарь отечественной истории…»

Генерал-лейтенант Бабаянц Ю. А.:

«…При всей своей загруженности массой проблем и решаемых задач П. И. Ивашутин глубоко вникал в работу по руководству агентурой, знал псевдонимы наиболее ценных агентов и сферу их занятости…

Он хорошо знал разведывательный процесс».

Лауреат Ленинской премии, заслуженный деятель науки Российской Федерации вице-адмирал Кострюков В. Ф.:

«…Генерал армии П. И. Ивашутин, ставя задачу комплексной автоматизации органов военной разведки, прежде всего делал упор на решение проблемы оперативного слежения за военно-политической обстановкой в мире и управления силами и средствами разведки в масштабе времени, близкому к реальному. Эта проблема была решена.

Мне особенно запомнилось его напутствие:

«Берегите программистов. Это золотой фонд автоматизации, и ни в коем случае не допускайте сокращения их численности…»

Генерал-майор Иванов Л. Г. (контрразведчик):

«…Это был замечательный человек – умный, профессионально подготовленный, сдержанный, мужественный… После войны мне посчастливилось работать вместе с ним в Германии, а потом в центральном аппарате в Москве. Мы поддерживали самые теплые отношения до его последних дней. Встречаясь, вспоминали войну и говорили только о Керчи. Память о той трагедии тяжким грузом осела в наших душах навсегда. То, что нам выдалось увидеть и пережить, не пожелаю другим».

Генерал-лейтенант Коноваленко И. Г.:

«…Генерал армии Ивашутин был человеком скромным. При поездках в войска или на учения Петр Иванович никогда не беспокоился о своем размещении и не требовал ничего лишнего для себя. Питание, транспорт у него были такими же, как и у всех генералов и офицеров.

Главком Группы советских войск в Германии генерал армии В. А. Беликов как-то сказал мне с улыбкой:

– Что у тебя за начальник? Не ест, не пьет? На «Чайке» не хочет ездить…»

Генерал-лейтенант Долин Г. И.:

«…Неизгладимой строкой в его биографию вошли знаковые события, даже такие, как волнения рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода в 1962 году. Петр Иванович выезжал в Новочеркасск в составе правительственной комиссии во главе с Анастасом Микояном.

Ивашутин предлагал иные, более гуманные меры воздействия на зачинщиков и организаторов беспорядков. Однако наверху отдали предпочтение жестокой расправе с бунтовщиками…

Отличался откровенностью, честностью, последовательностью, гордостью, непоколебимостью и деликатностью…»

Лауреат Государственной премии, генерал-лейтенант

Шмырев П. С.:

«27 октября 1999 года нам обоим вручали в Кремле государственную награду – орден «За заслуги перед Отечеством». Петр Иванович был награжден орденом третьей степени, а я четвертой.

Сопровождал Петра Ивановича, потерявшего зрение, его верный помощник И. А. Попов. Когда назвали фамилию Ивашутина, Игорь Попов взял под руку Петра Ивановича и подвел его к президенту России Б. Н. Ельцину.

– Это его сын? – спросила меня рядом сидевшая дама.

– Нет, – ответил я. – Это его адъютант.

– Молодец, – с теплотой в голосе заключила моя соседка…

Зимой 2001 года мы проводили в последний путь верную спутницу жизни Петра Ивановича – его супругу.

– Тут и меня похороните, – сказал он мне в тот скорбный день.

Через год, 4 июля 2002 года, его не стало.

Мы сделали так, как он просил…»

Эпилог

Великие люди, делая великие дела, не считают себя великими. К таким людям вполне можно отнести генерала армии Петра Ивановича Ивашутина, жизненный подвиг которого заключался в том, что, даже живя в пространстве широких соблазнов, где легко можно сделаться злодеем, он оставался Человеком.

Оставаться на плаву при всех тех сюзеренах, которые тебе не очень нравились из-за глупостей в поступках, – удел людей, считавших служение Родине доминантой. Не мы выбираем время, а время нас.

Он был из тех руководителей, которые рассуждали и действовали примерно так: мне не нужны такие соратники, которые на моей стороне, когда я не прав, и открыто завидуют мне, когда я прав.

И чем выше он поднимался по ступеням своей необычной служебной карьеры, тем меньше становилось известно о нем как о военном контрразведчике СМЕРШ фронтового масштаба, а затем и руководителе ГРУ.

Он обладал большим общекультурным и профессиональным кругозором, способностью к организации любого процесса, умением управлять и направлять личный состав на решение поставленных задач. На это способны лишь люди с критическим умом.

Петр Иванович требовал от подчиненных решительного и ясного отношения к делу, не любил полумер и двусмысленности.

Почти пятьдесят лет службы, поделенных пополам на работу в ГБ и ГРУ, дают представление о масштабах его личности, об опыте и знаниях механизма государственного устройства, системы государственной безопасности и армейского информационного обеспечения. В нем жили большое государственное дарование, чувство собственного достоинства и высокий умственный потенциал.

И вот при этом кладезе ума, с его заслугами перед Родиной, жил в его облике довольно-таки скромный, с отсутствием низкопоклонства человек. Это можно проследить по его бытовой устроенности. Генеральская дача располагалась в подмосковных Раздорах, которую ему пришлось на старости лет, после развала СССР и ельцинского безвременья, выкупать у государства на деньги, собираемые от продажи вещей.

Этот жизненный зигзаг он так пояснил:

«Дача у меня была государственная. Но в 1992 году

чиновники поставили условие: или выкупай, или съезжай…

Затребовали двести тысяч рублей. На сберкнижке у меня было всего лишь девять тысяч. Пришлось продать ружья, которые сам покупал и которые мне дарили. Добавил к ним шубу жены и дочери. Еле собрал необходимую сумму.

Потом на ремонт потратил кучу денег…»

В характере у него были такие важные для военачальника черты, как готовность жертвовать собой, взять на себя ответственность и самую трудную роль, доказать правдивость дела и привести его в исполнение.

А вот как обрисовал дачу писатель и журналист Владимир Лота, посетивший вместе с адъютантом генерала Игорем Поповым накануне 90-летнего юбилея Петра Ивановича Ивашутина.

– Она произвела на нас особое впечатление. Поразили не роскошь, а спартанская скромность одноэтажного сооружения и ее внутренняя обстановка. Собранная из бетонных панелей «хрущевского» производства, дача напоминала стандартный домик любого пионерского лагеря. Под крышей такого сооружения обычно располагалась охрана или управление лагеря с его бухгалтерией. Вокруг домика была проложена асфальтовая дорожка шириной сантиметров шестьдесят.

Вокруг – газон и немного деревьев.

Бессменный адъютант генерала армии подполковник Игорь Попов пояснил:

– Петр Иванович гуляет по этой дорожке…

На пороге дачи нас встретила жена генерала Мария Алексеевна. Она пригласила нас в дом. Игорь Попов открыл дверь и первым вошел в маленькую прихожую. В прихожей на небольшом столике, который разместился в дальнем углу, стояли цветы. Мы тоже привезли букет цветов, который и вручили Марии Алексеевне.

В комнате для приема гостей стояли обычный стол персон на десять, сервант и еще какая-то невыразительная мебель, которая, несомненно, имела функциональное предназначение, но не бросалась в глаза и не запоминалась.

Поразило то, что в этой достаточно просторной комнате не было письменного стола, на котором, как ожидалось, должны были лежать книги, свежие газеты, какие-то тетради или блокноты для записей. Генерал сконфуженно пояснил:

– Одна беда – читать и писать не могу. Совсем ослеп.

Это признание не было похоже на жалобу. Скорее всего, это откровение пожилого человека, которому через месяц должно было исполниться 90 лет, могло быть сигналом к тому, что

длительной беседы не получится. Но это было ошибочное предположение.

Генерал армии Ивашутин, несмотря на возраст и недуг, рассказывал нам о себе, своей семье и своей работе… около четырех часов. Работоспособность у генерала была поразительной…

Ивашутин так трактовал понятие потерь в разведке, имея в виду последствия всякого рода «кротов». Он говорил, что разведка – это система, которая воюет постоянно, а на войне потери неизбежны.

Сегодня военным разведчикам работать за границей стало значительно трудней. Он считал, что в горбачевско-ельцинской России не осталось ни одного завода и фабрики, где бы не было американцев или иных иностранных представителей.

– Сегодня я бы поставил разведке задачу выделять среди лиц, прибывающих на работу в Россию, разведчиков, чтобы помочь контрразведке вытаскивать их отсюда.

Предложение генерала прозвучало неожиданно. В его душе, которая не могла равнодушно относиться к развалу и разгрому Советского Союза, видимо, всплыли воспоминания о его деятельности в Комитете госбезопасности, когда он сам проводил операции по выявлению и нейтрализации иностранных разведчиков и агентов, оказавшихся на территории СССР.

Возможно, в его душе всегда существовало два начала. Первое – любовь к профессии контрразведчика. Эта любовь была первой и поэтому, несомненно, наиболее сильной. Второе начало – чувство долга перед Отечеством, которое поручило ему в 1963 году работу на должности начальника военной разведки.

Эти любовь и долг каким-то чудесным образом переплелись в его душе. Скорее всего, они и были источником его душевной силы, которая позволяла ему долгие годы работать без устали, принципиально отстаивать свою точку зрения, добиваться внедрения в деятельность военной разведки новых достижений науки, содействовать продвижению по службе достойных офицеров, многие из которых впоследствии стали талантливыми руководителям армейской разведки.

Ивашутин никогда не считал побед военной разведки или ее поражений. Он жил в мире, в котором все динамично изменялось и развивалось.

Из своего кабинета в здании на Ходынском поле он видел весь мир, чувствовал пульс планеты, предвидел возникновение военных конфликтов, обоснованно и убедительно докладывал руководству СССР возможные варианты развития ситуации в арабско-израильском конфликте, в военных событиях в

Мозамбике, Анголе и во Вьетнаме.

История «холодной войны» – это история неудержимой и неограниченной гонки вооружений, дипломатических демаршей и военного противостояния с боестолкновениями, региональных войн и редких встреч лидеров двух сверхдержав – США и СССР, в ходе которых делались попытки удержать мир от развязывания третьей мировой войны.

Все это описано в книгах, только нет истории противоборства разведок двух социально-политических систем, которые тоже принимали активное участие в тех событиях.

Он мыслил стратегически, считая, что невидимый фронт охватывает весь земной шар. Поэтому он делал многое, если не все, к объединению сил разведывательных служб стран – участниц Варшавского договора. Одной из форм взаимодействий были общие ежегодные совещания, где вырабатывалась стратегия и тактика борьбы с разведками блока НАТО, и в первую очередь с ЦРУ США.

В этих совещаниях принимали участие начальники военных разведок вооруженных сил Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Советского Союза и Чехословакии. На совещаниях при обсуждении протокольных и информационных вопросов присутствовали делегации разведывательных управлений вооруженных сил Кубы и Румынии.

Оценивая отношения П. И. Ивашутина с начальниками разведывательных управлений вооруженных сил стран – участниц Варшавского договора, генерал-майор Боровинский писал:

«С начальниками разведуправлений он не только решал служебные вопросы, но и поддерживал с ними дружественные отношения…

Еще одной важной особенностью этих совещаний было то, что на них всегда присутствовали министры обороны тех стран, в столицах которых собирались начальники военных разведок. Министры обороны встречались с генералом Ивашутиным и использовали эти встречи для получения информации закрытого характера по военным и военно-политическим вопросам. На встречах с министрами обороны утверждались планы сотрудничества и взаимодействия военной разведки той или иной страны с Главным разведывательным управлением Генштаба ВС СССР.

Однажды после очередного совещания начальников военных разведок, которое проходило в Софии, министр обороны Болгарии генерал Джуров попросил генерала армии Ивашутина сделать обзорный доклад о положении в вооруженных силах НАТО для всех своих заместителей. Доклад начальника ГРУ

продолжался более полутора часов. Петр Иванович выступал без каких-либо записей и конспектов. Его познания о вооруженных силах стран НАТО и их возможностях произвели на всех присутствовавших неизгладимое впечатление…

Петр Иванович тяжело переживал развал единого Отечества – СССР – и умом и сердцем. А еще он понимал, что государственный магнетизм появляется только у сильной и обеспеченной страны, в которой людям живется по-людски – без полюсов: нищеты и барства. К такой стране потянутся с дружбой и союзами любые соседи. Для этого новой России нужно, чтобы она крепла и возрождалась, набирала международный авторитет, не показывая экономические мускулы, хотя и демонстрируя их делами в поднятии таких проблем, которые не по силам другим.

Он многим помогал и словом, и делом – сослуживцам и знакомым, не думая о какой-то выгоде себе. Он в первую очередь оказывал помощь стране в борьбе с противником на незримых фронтах, в рядах военной контрразведки и разведки.

Определяясь с его местом на Небе, мне вспомнилась одна притча. Жил небогатый врач, леча бескорыстно бедных. Однажды он спас богача, который впоследствии озолотил его. Врач, ни копейки не потратив на себя, построил на это золото больницу для неимущих, тем самым при жизни заслужив благословение многих людей. Когда врач умер и его душа попала в Чистилище, Бог сказал, что не может принять его в Рай.

«Но почему, – возмутился несчастный, – я же всю жизнь помогал другим?»

– Но ты уже получил воздаяние за добро – славу, известность, и каждый, кому ты помог, молится за тебя.

И тут перед Богом появилась душа бездомной собаки.

– Господи, – сказала собака, – этот человек вылечил и накормил меня, когда я умирала, и ни одна живая душа не знала об этом. Он сделал это бескорыстно…

А поскольку этот человек не сделал ни одного плохого поступка в жизни, то слова собаки были той последней каплей, которая перевесила чашу весов. И Бог ему открыл двери к свету.

Думаю, что он там, но в отличие от врача, он не просился туда.

На вопрос, как и когда возродится Россия, Петр Иванович отвечал:

– Такое осуществимо тогда, когда заработает во всю мощь наше производство, поднимутся наука и культура, именно тогда никто не посмеет указывать России на ее место в мире. Она сама будет определять его и сможет достойно ответить любому супостату. Я больше чем уверен, что Россия обречена в XXI веке

стать мощной державой. И это не зависит ни от своего, ни от чужого мнения, зависит только от нас и нашего руководства. Только производство с применением новейших технологий, а не ставка на газ и нефть способны двинуть страну к процветанию и уважению.

В этом весь Петр Иванович Ивашутин – герой СМЕРШа и ГРУ!

Герой Советского Союза!